

В НОМЕРЕ:

ГЛОБАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

- 7 *Глобальная память: культура исторической ответственности в XXI веке*
- 11 С.Е. ЭРЛИХ *Глобальная память информационного общества: этика, идентичность, нарратив*
- 33 К.А. ПАХАЛЮК *Глобальная культура памяти: в поисках телеологической перспективы*

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

- 49 В.А. КОРЕНЯКО *Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука*
- 72 А.А. РЫБАЛКА *Черная Гроза над Приекулье (О возможном источнике одной из рукописей А.И. Сулакадзева)*

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

- 94 В.В. ВЕДЕРНИКОВ *Город Королёв, или Россия за границами России (От редактора)*
- 100 В.Н. МАСЛОВ *Советская академическая наука и формирование исторической памяти при переименовании населенных пунктов Калининградской области*
- 108 В.И. ВЛАСОВ *Восстановление образов прошлого в контексте сохранения исторического наследия. К 70-летию города Черняховска (Калининградская область)*
- 123 И.В. БЕЛИНЦЕВА *Архитектура Восточной Пруссии в Калининградской области: проблемы осмысления и сохранения*

ПАМЯТЬ ОБ ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

- 145 В.В. ДАМЬЕ *Испанская революция 1936 г.: Архивные документы против мифов историков*

ИСТОРИЯ В СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ

- 152 М.Н. КОПИЦА *Учебники на новый лад: XVIII в. в зеркале ФГОС*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Мир

163 А.С. СТЫКАЛИН

Рец.: Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы / Редколл.: С. Карнер, Е.И. Пивовар, Н.Г. Томилина, А.О. Чубарьян. М.: РОССПЭН, 2015. 952 с.

Российская империя

172

Обсуждение книги Б.Н. Миронова «Российская империя: от традиции к модерну»: в 3 т. СПб.: Дм. Булачин, 2014–2015. 896+912+992 с., 383 табл., 539 ил.

201 М.В. МЕДОВАРОВ

Переосмысливая Великие реформы Александра II в глобальном контексте. Рец.: Христофоров И.А. Крымская война и Великие реформы Александра II в российской истории. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 197 с.

207 А.В. СТЕПАНОВА,
Ю.Г. СТЕПАНОВ

«Открытая книга бытия». Рец.: Суд над цареубийцами. Дело 1 марта 1881 года / Под ред. В.В. Разбегаева. Т. I: Заседания Особого Присутствия Правительствующего Сената 26–29 марта 1881 года. Стенографический отчет. Первое критическое издание. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2014. (Историко-революционный архив). Вып. 2. Т. I. 306 с. Суд над цареубийцами. Дело 1 марта 1881 года / Под ред. В.В. Разбегаева. Т. II: Показания и прочие документы подсудимых. Показания свидетелей. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2014. (Историко-революционный архив). Вып. 2. Т. II. 302 с.

СССР

Обсуждение книги Л.Г. Прайсмана

215 В.М. РЫНКОВ, А.Ю. СУСЛОВ

Рец.: Прайсман Л.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2015. 536 с.

227 Л.Г. ПРАЙСМАН

Ответ оппонентам

233 В.М. РЫНКОВ

Письмо в редакцию

234 В.А. СОЛОНАРЬ

Рец.: Fitzpatrick Sh. On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton: Princeton University Press, 2015. xi, 384 pp.

245 С.Е. ЭРЛИХ

«Кривое горе» в панораме «глобальной памяти». Рец.: Эткин А. Кривое горе: Память о непогребенных / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.: ил. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). ISBN 978-5-4448-0508-4 ISSN 1815-7912

ОСТОРОЖНО, ХАЛТУРА!

- 255 **А.И. РУПАСОВ** *«Гжибовскому удалось создать впечатление некой релаксации...» Рец.: Урбаньска И. Вацлав Гжибовски. Посол Польши в СССР (1936–1939). Tomii: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2013. 236 s.*
- 262 **Т.И. ПАШКОВА, М.Б. РАСУЛОВА** *Письмо в редакцию*
- 264 **В.В. ВЕДЕРНИКОВ** *Чрез звуки лиры и трубы. Субъективные заметки об Общероссийском историческом собрании*

КОНФЕРЕНЦИИ

- 272 *В.Н. Барышников: «Диалог возможен, если мы хотим друг друга услышать»*
- 277 **А.В. КОРОЛЕВ** *Конференция «Искусство и власть»*
- 283 **Ч.Д. ЧОТАЕВА** *Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии». 20–21 мая 2016 г., Бишкек, Кыргызстан*
- 291 **К.А. ТАРАСОВ** *Международный colloquium «Эпоха войн и революций (1914–1922 гг.)»*

АРХИВНОЕ ДЕЛО

- 295 *Исследователь в архиве: новые правила*
- 295 *А.В. Галиничев: «К архивам применим закон “О защите прав потребителей”»*
- 301 *Д.С. Пославский: «Отклик от профессионального исторического общества был бы очень полезен»*

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

- 316 **М.В. СОКОЛОВСКАЯ** *Взятие баррикады*

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 332 *С.В. Мироненко: «Пусть те, кто подвергают меня критике за “антипатриотичный поступок” публикации архивных документов, задумаются над тем, что такое настоящий патриотизм»*
- 337 *З.И. Перегудова: «Сталин не бы агентом охранки. Ленин не приказывал расстрелять царскую семью»*
- 347 *Сведения об авторах*
- 350 *About the authors*

IN THE ISSUE:

GLOBAL MEMORY

- 7 *Global Memory: the historical culture of responsibility in the 21st century*
- 11 **S.E. EHRlich** *The Global Memory of the information society: ethics, identity, narrative*
- 33 **K.A. PAHKALIUK** *The Global Memory Culture in searching of teleological perspectives*
-

NATIONAL MEMORY

- 49 **V.A. KORENYAKO** *Ethno-nationalism, quasihistoriography and academic science*
- 72 **A.A. RYBALKA** *Black Storm over Priekule (a possible source of one of the manuscripts of A.I. Sulakadzev)*
-

REGIONAL MEMORY

- 94 **V.V. VEDERNIKOV** *The city Korolev, or Russia outside Russia (From the editor)*
- 100 **V.N. MASLOV** *Soviet academic science and the formation of historical memory – renaming of settlements in the Kaliningrad region*
- 108 **V.I. VLASSOV** *Restoration of images of the past in the context of preservation of historical heritage. To the 70th anniversary of the city of Chernyakhovsk (Kaliningrad region)*
- 123 **I.V. BELINTSEVA** *Architecture of East Prussia in Kaliningrad region: problems of comprehension and retention*
-

THE MEMORY OF THE SPANISH REVOLUTION

- 145 **V.V. DAMIER** *Spanish revolution 1936: archival documents against the myths of historians*
-

HISTORY IN CONTEMPORARY SCHOOL TEXTBOOKS

- 152 **M.N. KOPITSA** *Textbooks in a new style: 18th century in the mirror of the FSES*

REVIEWS**The world**

- 163 **A.S. STYKALIN** *Rev.: Konec epohi. SSSR i revoljucii v stranah Vostochnoi Evropy v 1989-1991. Dokumenty / Red.: S. Karner, E.I. Pivoovar, N.G. Tomilina, A.O Chubar'yan. M., ROSSPEN, 2015. 952 p.*

Russia

- 172 *Book discussion of B. N. Mironov, "Rossiiskaya imperiya: ot tradicii k modernu": 3 v. SPb.: Dm. Bulanin, 2014-2015. 896+912+992 p. 383 tabl. 539 ill.*
- 201 **M.V. MEDOVAROV** *Rethinking the Great reforms of Alexander II in a global context. Rev. : Hristoforov I.A. Krymskaya voina i velikie reformy Aleksandra II v rossiiskoi istorii. M.: NIUVShE, 2016. 197 p.*
- 207 **A.V. STEPANOVA, YU.G. STEPANOV** *"Open book of Existence". Rev.: Sud nad careubiicami.- Rev.: Sud nad careubiicami. Delo 1 marta 1881 goda / Pod red. V.V. Razbegaeva. T. I: Zasedaniya Osobogo Pristutstviya Pravitel'stvyushego Senata 26-29 marta 1881 goda. Stenograficheskii otchet. Pervoe kriticheskoe izdanie. SPb.: Izd-vo im. N.I. Novikova, 2014. (Istoriko-revoljucionnyi arhiv). Vyp. 2. T.I. 306 s. Sud nad careubiicami. Delo 1 marta 1881 goda / Pod red. V.V. Razbegaeva. T. II: Pokazaniya i prochie dokumenty podsudimyh. Pokazaniya svidetelei. SPb.: Izd-vo im. N.I. Novikova, 2014. (Istoriko-revoljucionnyi arhiv). Vyp. 2. T. II. 302 s.*

USSR

Book discussion of L.G. Praisman

- 215 **V.M. RYNKOV, A.YU. SUSLOV** *Rec.: Praisman L.G. Tretii put' v Grazhdanskoi voine. Demokraticeskaya revoljuciya 1918 goda na Volge. SPb.: Izd-vo im. N.I. Novikova, 2015. 536 s.*
- 227 **L.G. PRAISMAN** *The answer to the opponents*
- 233 **V.M. RYNKOV** *Letter to the editors*
- 234 **V.A. SOLONAR'** *Rev.: Sheila Fitzpatrick, On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics (Princeton: Princeton University Press, 2015) xi, 384 p.*
- 245 **S.E. EHRlich** *"Crooked sorrow" in the panorama of the "global memory". Rev.: Ethkind A. Krivoe gore: Pamyat' o nepogrebennyh / Avtoriz. per. s angl. V. Makarova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 328 s.: il. (Biblioteka zhurnala «Neprikosnovennyi zapas»)*

ATTENTION: TRASH!

- 255 **A.I. RUPASOV** *“Grzybowski managed to create the impression of some kind of relaxation...”. Rev.: Urbanska I. Vaclav Gzhibowski. Posol Pol’shi v SSSR (1936-1939). Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2013. 236 p.*
- 262 **T.I. PASHKOVA, M. B. RASULOVA** *Letter to the editor*
- 264 **V.V. VEDERNIKOV** *“Through the sounds of lyre and trumpet”*
-

CONFERENCES

- 272 *V. N. Baryshnikov: “Dialogue is possible if we want to hear each other” (International scientific conference “75 years of the Great Patriotic War: on the brink of disaster”)*
- 277 **A.V. KOROLEV** *Conference “Art and Power”*
- 283 **CH.D. CHOTAIEVA** *International scientific conference “Rethinking the 1916 rebellion in Central Asia” on May, 20-21, 2016, Bishkek, Kyrgyzstan*
- 291 **K.A. TARASOV** *International Colloquium “The Epoch of Wars and Revolutions (1914–1922)”*
-

ARCHIVES

- 295 *Researcher in the archive: the new rules*
- 295 *A.V. Galinichev: The law “On protection of consumer rights” applies to the archives*
- 301 *D.S. Poslawski: “The Response of professional historical society would be very useful”*
-

MUSEOLOGY

- 316 **M.V. SOKOLOVSKY** *The taken barricades*
-

HISTORIAN’S TIME

- 332 *S.V. Mironenko: “May those who criticized me for an antipatriotic act by publishing archival documents, reflect on what real patriotism is”*
- 337 *Z.I. Peregudova: “Stalin was not an agent of the Okhranka. Lenin did not order to shoot the Tsar family”*
- 347 *About the authors*

ГЛОБАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ: КУЛЬТУРА ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В XXI ВЕКЕ

Гуманитарная исследовательская программа

Среди различных видов исторической памяти, характерных для современных обществ, всё более заметную роль играет глобальная память¹. Речь идет об особой разновидности культурной памяти (Ассман 2004), разделяемой всеми людьми вне зависимости от их социальной, этнической, национальной принадлежности и связанных с ней коллективных представлений о прошлом. В предельном своем воплощении глобальная память предполагает формирование солидарного взгляда на историю как историю всего человечества, не являющуюся суммой национальных нарративов памяти.

Глобальная память как феномен массового сознания и как исследовательский конструкт возникает под влиянием процессов глобализации, которые не следует путать

с идеологией глобализма (глобального капитализма). Напротив, изучение тенденций глобальной памяти предполагает последовательную критику идеологических сил, стремящихся перехватить повестку дня, выдвигаемую новым типом мемориальной культуры, или подменить ее, подчинив узким политическим или экономическим интересам. При этом глобальная память как социальная практика и как оптика исследования предполагает отчетливую этическую перспективу рассмотрения событий прошлого, примат общечеловеческих ценностей (прав человека) и неагрессивного сознания (Молчанов 2004).

Становясь предметом анализа, глобальная память противопоставляется прежде всего национальной памяти как инструменту формирования коллективных идентичностей, возникшему в эпоху конструирования наций, доминировавшему в течение XIX–XX вв. и остающемуся чрезвычайно востребованным

© «Историческая экспертиза», 2016.

¹ Впервые вопрос о «глобальной памяти» был поставлен в кн.: (Memory in a Global Age 2010).

сегодня, легитимируя войны и другие виды политического насилия. Глобальная память подразумевает выход за пределы оппозиций «свой–чужие», «друзья–враги», на которых основывается современный дискурс «национальных интересов».

При этом пространство глобальной памяти организуется не по принципу монологического нарратива, склонного «забывать» неудобные факты (например государственные преступления) и противоречия, а по принципу открытого диалога, включающего в себя как дискуссию, так и возможность консенсуса.

Национальная память предписывает индивидам гордиться славными деяниями предков, прежде всего их борьбой с «историческими врагами». Для описания подвигов предков в зависимости от исторических обстоятельств используются два конфликтных нарратива: героев-победителей и мучеников-побежденных (так называемый виктимный национализм).

В противовес этому глобальная память строится как процесс обсуждения исторической ответственности людей и групп, что подразумевает сложную общественную полемику о критериях этической оценки событий прошлого. Поэтому дискурс глобальной памяти часто напоминает коммуникативную ситуацию судебного разбирательства. Как правило, это также дискурс покаяния, стыда и вины.

Вот почему тема преступлений против человечества, которые на-

циональная память во многих случаях пытается либо скрыть, либо оправдать, становится ядром современной глобальной памяти. В этом отношении она является памятью стыда и ответственности за *все* преступления против человечества, независимо от того, *кто* и *против кого* их совершил.

Разумеется, глобальная память этим не исчерпывается. У нее есть свои герои и мученики – борцы за права человека, защитники угнетенных, а также, что очень важно, гении человечества, внесшие неоценимый вклад в мировую культуру. Но во взаимодействии с национальной памятью память глобальная – это прежде всего память исторической ответственности.

Яркий пример воздействия глобальной памяти на национальную – всемирная память о Холокосте. Первые два десятилетия после окончания Второй мировой войны в Германии старались не вспоминать о массовом уничтожении евреев и цыган. Ситуация начала меняться лишь в конце 1960-х – начале 1970-х гг. во многом благодаря *международной «молодежной революции»*, противопоставившей универсальные ценности мира и любви мещанской индифферентности и милитаризму родительской культуры. Проекция этих идей в прошлое превратила трагедию европейского еврейства и цыган в «глобальную икону» – символ безжалостного попрания прав человека. Первое послевоенное поколение немцев приняло на себя ответственность за преступления отцов и дедов. Постепенно эта ответственность распространилась

на большинство западноевропейских стран — соучастниц Холокоста (Assmann 2010). Лозунг «Никогда больше!» к началу 1990-х стал определяющим для идентичности многих граждан западных государств.

Отчасти действие глобальной памяти можно видеть на примере двойственности отношения российской власти к памяти об эпохе сталинизма. С одной стороны, отсылки к победе над германским нацизмом сегодня стали ядром государственной пропаганды, всячески блокируются попытки пересмотра советского мифа о войне, иницируются запретительные мемориальные законы и т. д. С другой стороны, поддерживаются инициативы по увековечению жертв сталинских репрессий, в 2015 в Москве открылся оборудованный по последнему слову техники Музей ГУЛАГа и т. д.

Параллельно можно наблюдать и примеры воздействия национальной памяти на глобальную. Так, идеологи исторической политики ряда восточноевропейских стран отрицают Холокост как главное преступление европейской истории XX в. Взамен в качестве главных жертв они предлагают свои народы, страдавшие от двух тоталитарных режимов — нацистского и советского. При этом замалчиваются массовые убийства, в первую очередь евреев и цыган, совершенные жителями многих стран Восточной Европы в годы Второй мировой войны (Миллер 2016).

Таким образом, изучение границ между национальной и глобальной

памятью, как и процессов конкуренции между ними, важно не только для более точной обрисовки нового предмета исследования, но и для уяснения политических и этических смыслов исторических событий.

Уточнение круга проблем и аналитических процедур изучения глобальной памяти — дело ближайшего будущего и должно стать предметом проекта, инициатором которого выступает редакционная коллегия журнала «Историческая экспертиза».

Кроме того, в рамках проекта предполагается решение практических задач по «продвижению» ценностей и установок глобальной памяти в публичном пространстве. Объединив усилия, академические исследователи, журналисты, деятели культуры разных стран могут превратить глобальную память в важный инструмент формирования коллективной идентичности, основанной на исторической ответственности и этике прав человека.

Для решения этой задачи предлагается создать интернациональный комитет «Глобальная память», состоящий не только из представителей академического сообщества, но и тех, кто обладает инструментами воздействия на массовое сознание — журналистов, деятелей искусства и литературы. Важным шагом может стать международная конференция, где будут определены задачи и направления деятельности Комитета. Среди возможных направлений можно выделить:

- Создание основанного на документах сводного списка преступлений против человечества XX в.;
- Изучение национальных и международных аспектов памяти об этих преступлениях;
- Исследование культуры исторической ответственности, всё чаще находящей выражение в публичных извинениях политических и общественных деятелей за преступления прошлого;
- Выработка рекомендаций по трансляции этики глобальной памяти в общественное сознание и внедрение концепта исторической ответственности в политическую культуру XXI в.

Материалы по этим темам планируется опубликовать в журнале «Историческая экспертиза» (издательство «Нестор-История»). В перспективе возможно также издание сборников материалов о глобальной памяти на английском языке.

К участию в проекте приглашаются индивидуальные и корпоративные участники.

Редакционная коллегия журнала «Историческая экспертиза»:

Владимир Ведерников
(Санкт-Петербург)

Елена Качанова
(Санкт-Петербург)

Анатолий Корчинский (Москва)

Юрий Троицкий (Москва)

Сергей Эрлих (Санкт-Петербург)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассман 2004 — *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

Миллер 2016 — *Миллер А.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Гефтер*. 2016. 29 апреля. URL: <http://gefter.ru/archive/18391> (дата обращения 21.09.2016).

Молчанов 2004 — *Молчанов В.* Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. М.: Модест Колеров; Три квадрата, 2004.

Assman 2010 — *Assmann A.* The Holocaust — a Global Memory? Extensions and Limits of a New Memory Community // *Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories* / A. Assmann, S. Conrad (eds.). Palgrave Macmillan, 2010. P. 97–117.

Memory in a Global Age 2010 — *Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories* / A. Assmann, S. Conrad (eds.). Palgrave Macmillan, 2010.

REFERENCES

Assmann A. The Holocaust — a Global Memory? Extensions and Limits of a New Memory Community. *Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories*. A. Assmann, S. Conrad (eds.). Palgrave Macmillan, 2010. P. 97–117.

Assmann A. *Kul'turnaia pamiat': Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti*. M., 2004.

Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories. A. Assmann, S. Conrad (eds.). Palgrave Macmillan, 2010.

Miller A. Politika pamiati v postkommunisticheskoj Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuiu kul'turu pamiati. *Gefter*. 2016. 29 apreliia. URL: <http://gefter.ru/archive/18391> (date of access 21.09.2016).

Molchanov V. *Razlichenie i opyt: fenomenologiya neagressivnogo soznaniia*. M.: Modest Kolerov; Tri kvadrata, 2004.

С.Е. Эрлих

ГЛОБАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ЭТИКА, ИДЕНТИЧНОСТЬ, НАРРАТИВ

Ключевые слова: семейная память, национальная память, глобальная память, идентичность, этика, нарратив.

Память тесно связана с идентичностью и этикой. Все три явления воплощаются в нарративе. Каждая форма памяти опирается на «свой» нарратив. «Догосударственной» семейной памяти соответствует волшебная сказка, «государственной» национальной памяти – героический миф, «постгосударственной» глобальной памяти – миф самопожертвования. Господствующая ныне национальная память не соответствует реалиям глобальной информационной цивилизации, которой тесно в государственных границах. Национальная память, чреватая внутри- и внешне-политическими конфликтами, в эпоху ядерного оружия должна быть отеснена на обочину общественного сознания. Глобальная память не имеет ничего общего с глобальным капитализмом, который представляет безнадежную попытку приспособить реалии информационной цивилизации к правилам индустриального общества. Глобальная память основана на правах человека. Для нее нет «чужих». Все люди «свои». Она является эффективным инструментом решения политических, экологических, демографических и прочих насущных проблем нашего времени.

Понятие «глобальная память» применяется к феноменам, выходящим за рамки «частных» форм коллективной памяти, прежде всего памяти национальной. Ян Ассман считает, что глобальная память зарождается в ходе взаимодействия первых цивилизаций Востока (Assmann 2010a). Но термин, обозначающий это явление, появился недавно. Изначально он использовался для обозначения одного из элементов архитектуры компьютера. Самое раннее из обнаруженных упоминаний компьютер-

ной глобальной памяти относится к 1977 г. (Belzer, Holzman, Kent 1977: 319). Гуманитарная наука заимствовала этот термин два десятилетия спустя. Первое мимолетное упоминание относится к 1996 (Gourgouris 1996: 10). По данным сервиса Google books, с начала XXI в. использование термина «глобальная память» в исследованиях памяти идет по нарастающей: 2001–2005: упоминается в трех книгах, 2006–2010: 11, 2011–2015: 25. В 2010 «глобальная память» впервые появляется в заголовке статьи (Assmann

2010b). В 2016 — книги (*Gensburger* 2016).

Исследования глобальной памяти только начинаются. Теория, терминология и методология не разработаны. Поскольку это явление в большей мере принадлежит будущему, чем прошлому, то исследование неминуемо сопряжено с конструированием. Наша деятельность приобретает прикладное значение. Теория становится инструментом практики. Память — это одна из редких областей, где труд историка способен обрести общественное звучание без потери достоинства на потребу власть и деньги имущим. Наша корпорация получает шанс выйти из гетто, которое почему-то именуется башней из слоновой кости, и встать в ряд с другими гуманитарными дисциплинами, оказывающими экспертное воздействие на общество. Ощущение, что твое многолетнее погружение в пыль веков больше не является аналогом безобидных хобби вроде собирания марок или спичечных коробков, а помогает приблизить мир к достойному будущему, окрыляет. Видимо, в этом и состоит счастье профессиональной реализации.

В данной работе предпринята попытка представить будущие состояния коллективной памяти как результат исторического развития ее древних и современных форм. Мой «историко-футуристический» подход — лишь одна из многих возможностей понимания этого феномена. Для выработки согласованного образа будущего его основные «оп-

© Эрлих С.Е., 2016.

ции» должны быть сформулированы и подвергнуты обсуждению. Если статья вызовет дискуссию, буду считать свою задачу выполненной.

ИСТОРИЯ ПАМЯТИ. ТРИ НАРРАТИВА КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В истории сменяются три преобладающих вида деятельности: присвоение продуктов природы (охота, рыболовство, собирательство), аграрное и промышленное производство, производство информации. Переход к каждому новому этапу сопровождается расширением образа «мы», т. е. образованием новой формы идентичности. Современники осознают свою общность через общее прошлое. Память — фундамент идентичности.

Определяющая роль прошлого в структуре идентичности делает историков главными экспертами по исследованию и конструированию ушедших, действующих и возникающих форм коллективной памяти. Многие коллеги уловили дух времени информационной революции. Память становится ведущим направлением исследований.

Их результаты опровергают расхожую точку зрения, согласно которой применение концепта «память» сводится к дилетантизму и манипуляции. За курьезными представлениями неисториков об истории кроется борьба моральных норм отмирающей, господствующей и нарождающейся форм идентичности. Нарратив памяти — это этическая доктрина. Этика, идентичность, нарратив — базовые понятия коллективной памяти.

Память — явление историческое. Каждое из трех сменяющихся обществ — присваивающее, производящее, информационное — характеризуется господствующим нарративом, который задает этические нормы для своих «мы». Присваивающему обществу присуща волшебная сказка. Производящему — героический миф. О нарративе памяти информационного общества мы можем рассуждать только предположительно, основываясь на опыте предшествующих эпох.

Волшебная сказка формулирует этические стратегии первых людей, основными занятиями которых были охота, рыболовство и собирательство. Герой вступает в смертный бой с противником, чтобы завоевать добычу и вернуться домой. Готовность к самопожертвованию и стремление принести в жертву противника выступают средствами достижения цели — возвращения с добычей. Вальтер Буркерт заметил, что порядок ходов этого «квеста» — самопожертвование, жертвоприношение, добыча — совпадает с поведением крысы, выбирающейся из норы на поиски пищи (Burkert 1996: 58–63). Волшебная сказка является переводом биологической программы мелкого хищника на язык культуры. На основе «крысиной» этики может возникнуть только компактное «мы» родственников и свойственников. Посредством этой архаичной программы поведения строится идентичность не только «ячейки общества», но и многих антиобщественных формирований. Не случайно мафия значит «семья». Эгоистичная идентичность малой группы определяет малую — не далее родоначаль-

ника — глубину памяти. Сегодня она обычно составляет три поколения. Поскольку добычи много не бывает, отношения между близкородственными коллективами древности носили характер перманентной войны всех против всех. Первые орудия труда одновременно использовались как оружие. Древнее человечество не раз стояло на грани самоуничтожения. Современные бандитские войны также ведутся согласно этике волшебной сказки.

Спасением из рая «первобытного коммунизма» стало появление государства, запретившего негосударственное насилие. Для создания многолюдных интеграций, в рамках которых становится возможным сельскохозяйственное и, позже, промышленное производство, понадобилось создать новый нарратив памяти — героический миф. Это модификация волшебной сказки, у которой отсечен эгоистичный мотив возвращения с добычей. Этическая революция героического мифа состояла в том, что самопожертвование осталось средством, а жертвоприношение врага превратилось в цель. Жажда добычи объявлена недостойной воина. Герой сражается за «отечество», что на древнерусском юридическом языке означало собственность царя-батюшки. Вопреки известной, отнюдь не волшебной, сказке мужику достаются «вершки» патриотических чувств. «Корешки» добычи уходят генералу Топтыгину. Эта манипуляция верхов сознанием низов позволила расширить рамки «мы» и канализировать насилие на борьбу с внешними и внутренними врагами правителя, а в модерную эпоху — народа.

Государственные формы памяти, в отличие от памяти семейной, уходят вглубь веков. Родоначальник заменяется основателем государственности. Под влиянием демократических веяний Нового времени на смену персоне основателя приходит коллективный предок — «праэтнос». Конструкторы героической державной памяти стремятся удревнить этнические истоки. Советский академик-археолог Борис Рыбаков не только усматривал начала славян в скифах-пахарях, но и со страниц школьного учебника внушал эту не подкрепленную источниками версию. На фоне дилетантских концепций о «праславянах» — этрусках, атлантах, ариях, гипербореях и т. д., фантазия Рыбакова выглядит образцом академизма. В одержимости меряться древностью возникают нетривиальные решения. Академик-математик Анатолий Фоменко доказал русский приоритет в созидании древнейшей цивилизации, отменив всю историю Древнего мира. Шумера, Египта, Греции, Рима и т. д. не было. Была только Древняя Русь. Данные раскопок и письменных источников — результат фальсификаций монахов, агентов средневековых геополитических противников. Подобные построения не являются русской спецификой. Таков безразличный к тому, «как оно было на самом деле», тип мышления носителей памяти и идентичности, основанных на героическом мифе.

Если продолжить сокращать формулу волшебной сказки и удалить из героического мифа мотив жертвоприношения врага, то останется самопожертвование. В европейской культуре влиятельны два тек-

ста, основанных на принесении себя в жертву — истории Прометея и Христа. Своими подвигами они спасают, соответственно, не греков и не евреев, а всех людей. Оплаченная дорогой ценой заявка на образ мира, в котором теряет смысл деление на эллина и иудея, была преждевременной. Она уже третье тысячелетие вдохновляет конструкторов будущего. Не важно, что многие из них подзабыли имена провозвестников идеи единого человечества. Авторство — второстепенный атрибут производства информации.

Миф самопожертвования не тождествен готовности жертвовать жизнью. За сходными действиями часто стоят противоположные цели. Бандит, идущий под пули, пытается захватить добычу, т. е. следует этике волшебной сказки. Солдат, поднимающийся в атаку, и террорист, взрывающий себя в толпе, стремятся осуществить жертвоприношение врага, т. е. действуют по лекалам героического мифа. Миф самопожертвования исключает мотивы добычи и жертвоприношения врага. Его мотив — любовь, цель — благо других, ставших своими. Поэтому смерть — предельная, но не единственная форма самопожертвования. В обыденной жизни достаточно мирных проявлений альтруизма — пожертвовать другим свое внимание, труд, время, деньги и т. д.

Последовательное сокращение числа звеньев в этических нарративах позволяет расположить их по вертикали наподобие так называемой пирамиды Маслоу. Между двумя построениями существует не только

формальное, но и смысловое сходство. Этическая цепочка волшебной сказки: самопожертвование, жертвоприношение, добыча — направлена на удовлетворение материальных потребностей. Героический миф: самопожертвование, жертвоприношение — может быть соотнесен с потребностью в безопасности. Миф самопожертвования сходен с венчающей пирамидой Маслоу потребностью в самореализации.

Три этических нарратива издавна сосуществуют, господствуя по очереди. В догосударственном мире присваивающего хозяйства доминировала эгоистическая этика волшебной сказки. В государственную эпоху производящего хозяйства преобладает этика героического мифа. Она сочетает альтруизм — готовность жертвовать собой (вначале ради государя, в модерную эпоху ради народа), с групповым эгоизмом «своего» государства. Эта двойственность заметна в поведении современных демократий. От стран с менее развитым народоправством их отличает сравнительно гуманное отношение к согражданам. Во внешней политике демократии ведут себя столь же цинично, в полном соответствии с правом сильного, как и «гибридные» и откровенно авторитарные режимы. Альтруистическая этика мифа самопожертвования считает «своими» всё человечество. Поэтому она носит постгосударственный характер. Сможет ли миф самопожертвования стать нарративом памяти и основной идентичности возникающего на наших глазах информационного общества?

ГЛОБАЛЬНАЯ ПРИРОДА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Переход к информационному обществу является самой радикальной трансформацией в истории. В результате неолитической и промышленной революций возрастала производительность труда. Революционные переходы количества в качество позволяли освободить от добывания хлеба насущного лишь немногих. Подавляющее большинство было вынуждено тратить основную часть времени на производство материальных благ в качестве либо биологического двигателя ручных орудий, либо периферийной нервной системы машины. Современное развитие техники позволяет доверить трудовую рутину автоматическим устройствам и освободить людей для творчества.

Горний мир творцов не будет походить на мир дольний тружеников и их эксплуататоров. Исчезнут объемные предпосылки одержимости материальным потреблением. Время, освободившееся от делания денег, то самое «свободное время», будет значительно превосходить время несвободное, затрачиваемое на добычу пропитания. У производства информации есть особенность, переворачивающая нынешний общественный баланс материальных и духовных потребностей. Между материальным и духовным производством существует принципиальное различие, которое гениально сформулировано в следующем афоризме: «Если у вас и у меня есть по одному яблоку, и мы с вами ими обменяемся, то у каждого из нас останется по одному яблоку.

Если у вас и у меня есть по одной идее, и мы с вами ими обменяемся, то у каждого из нас станет по две идеи»². Идеи, в отличие от материальных продуктов, неотчуждаемы. По своей природе они не могут быть собственностью либо одного лица, либо сколь угодно многочисленной группы. Идеи должны стать достоянием человечества, т. е. «глобальной собственностью», отменяющей традиционный институт собственности.

Пока это не так. Вчерашние формы общественной жизни с их приматом материального интереса продолжают прогибать под себя изменчивый мир духовных ценностей. Глобальное информационное общество встречает сопротивление со стороны так называемого глобального капитализма, который является безнадёжной попыткой приспособить отношения индустриального мира к новым реалиям.

Молодое вино прорывает ветхие мехи. Архаичный копирайт всё чаще отвергается производителями идей. Ученые сумели наладить эффективный обмен публикациями без посредничества рынка³. Это первый шаг к становлению информа-

ционного общества, глобальной цивилизации, которая не может быть западной или восточной, христианской или исламской, китайской или русской. Всеобщая (глобальная) природа идей сформирует по своему образу и подобию весь комплекс отношений между людьми. Прежде всего, информационная революция через созидание глобального «мы», которому не противостоят человеческие «другие», произведет гегелевское «снятие» частных по своей природе феноменов цивилизации, государства и собственности.

Экспансия глобального «мы» протекает не только в пространстве, но и во времени. Можно спорить, кого новая идентичность изберет коллективным Адамом — кроманьонцев или, скажем, австралопитеков? По этому поводу можно иронизировать, что глобальная память — это ремейк федоровского воскрешения отцов. Но мне — не хочется.

Мы видим, что идентичность: «Несть Иудей, ни Еллин: несть раб, ни свободь: несть мужеский пол, ни женский», — порождаемая мифом самопожертвования, совпадает с глобальным «мы» информационного общества. Можно указать и на сходные этические установки. «Нерелевантность» конкуренции за материальный ресурс в мире, заменяющем труд на творчество, создает предпосылки для искоренения ненависти и привития любви к ближнему. Сближения идентичности и этики формирующейся на наших глазах эпохи с альтруистическим нарративом самопожертвования дают основания предположить, что истории Прометея и Христа

² «If you have an apple and I have an apple and we exchange these apples then you and I will still each have one apple. But if you have an idea and I have an idea and we exchange these ideas, then each of us will have two ideas». Безосновательно приписывается Бернарду Шоу (см.: <http://quoteinvestigator.com/2011/12/13/swap-ideas/> (дата обращения 21.09.2016)).

³ Яркий пример — крупнейший в мире сайт научных публикаций с бесплатным доступом ко всем материалам <https://www.academia.edu/> (дата обращения 21.09.2016).

могут стать архетипом глобальной памяти.

Это утверждение шокирует наивностью. Разве можно всерьез говорить об альтруистических отношениях между людьми, когда нарастают социальное напряжение, ксенофобия, религиозный фанатизм, терроризм, обостряются экологические и демографические проблемы? Постараюсь показать, что самопожертвование как этическая основа глобального общества – не маниловщина, а реалистичный проект. Для этого стоит рассмотреть взаимодействие трех названных нарративов памяти и идентичности.

ПОДПОЛЬЕ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

Государство загоняет в подполье крысиную этику волшебной сказки: «Стали жить-поживать, да добра наживать». Государственные мужи сознают разрушительный характер эгоистичной идентичности, присущей семье, роду, клану. Как только клановое мышление (непотизм, кумовство и т. д.) начинает преобладать среди чиновников, государство приходит в упадок.

С появлением примитивных форм государственности официальная память занималась исключительно героическими царями, геройством верных царских слуг и (преимущественно с эпохи модерна) подвигами народных героев. Пропаганда героического мифа мало затрагивала общественные низы, продолжавшие следовать сказочным заветам. Даже после устранения массовой неграмотности этика жертвы на ал-

тарь государственной победы была усвоена далеко не всеми. Борис Слуцкий, пошедший добровольцем на фронт, писал, что крестьяне в солдатских шинелях думали исключительно «про избы, про жен, про лошат» (Слуцкий 2013). Они были далеки от патриотических чувств, вдохновлявших интеллигенцию. Помыслы народных масс связаны не с победой, а с выживанием и с добычей.

Безмолвствующему большинству государство слова не давало. Это позволяло власти и ее оппонентам «вчитывать» в народную немоту свои излюбленные смыслы. Поклонение народу – субъекту национального государства и носителю высшей истины стало религией эпохи модерна. Любое критическое замечание в адрес нового божества расценивается как кощунство.

Бойня двух мировых войн дискредитировала государственно-политический дискурс традиционной историографии. История начала рассматриваться с точки зрения низов и меньшинств. Возник жанр так называемой «устной истории». С непривычки великий немой вещал навязанным государством языком героического мифа. Пафос другого добровольца Великой Отечественной войны, писателя Виктора Астафьева был направлен против манипуляций коллективной памятью: «Те, кто врет о войне прошлой, приближают войну будущую. Ничего грязнее, жестче, кровавее, натуралистичнее прошедшей войны на свете не было. Надо не героическую войну показывать, а пугать, ведь война отвратительна» (цит.

по: Швецова 2010: 395). Главное правило «устного» историка войны состоит в том, чтобы сбить ветерана с воспроизведения заезженной пластинки официоза. Если это удастся, то обнаруживается так называемая «окопная правда» с ее главным мотивом — выживанием. Эта противоположность героическому мифу основана на волшебной сказке. В данном случае выживание тождественно добыче. Исследователь памяти резюмирует: «Выживание — главная <...> ценность для рассказчиков» устной истории (Прусс 2005: 213, 214, 216).

Уже говорилось, что волшебная сказка — это перевод биологической программы мелкого хищника. Но животные предки человека питались преимущественно растительной пищей. Тот же Вальтер Буркерт описал наследственную программу травоядных, следы которой отложились в нарративе, столь же древнем как волшебная сказка: Антилопы мирно пасутся в африканской саванне. Рядом отдыхают львы. Проголодавшиеся цари зверей бросаются в погоню за улетывающим бифштексом. Антилопы бегут до тех пор, пока львы не настигнут неловкую жертву. Стадо тут же останавливается и начинает преспокойно пастись. Жертва принесена. Можно насладиться добычей. В данном случае — временем переваривания львиной пищи, отведенным природой на безопасное пощипывание травки (Burkert 1996: 81).

В нарративе, воспроизводящем данную программу поведения, исчезает мотив самопожертвования. Остает-

ся добыча, полученная ценой чужой жизни. Афористичная формулировка травоядной этики принадлежит сталинским эзикам: «Умри ты сегодня, а я — завтра». Парии ГУЛАГа акцентировали жертвенное средство выживания. Современный чиновный фольклор сосредоточен на заветной цели добычи за чужой счет: «Чтобы у нас всё было, и нам за это ничего не было». Ольга Седакова назвала этот нарратив «антисказкой» (Седакова 2015).

Государство манипулирует двумя разновидностями догосударственной идентичности. Когда нужно мобилизовать массы на войну, оно «именует себя родиной», подменяя волшебную сказку героическим мифом. Во внутренней политике власть эксплуатирует овечий нарратив «антисказки», не переставая льстить «народу-богоносцу».

Если «государственники» манипулируют «сказочниками», то носители нарратива самопожертвования на практике доказывают, что человек человеку не крыса и не овца. Вспомним тысячи молодых людей, которые в конце XIX — начале XX в. бросали города и отправлялись лечить и учить русских крестьян. Добрый пример не так заразителен, как дурной. Тем не менее, он производит действие. Многие знания о стяжательских нарративах «низов» — крысиной волшебной сказке и овечьей «антисказке» — это не повод их презирать. Высоколобые, которые снисходительно относятся к, говоря их языком, «ширнармасам», сами заслуживают презрения. Сострадание «маленькому человеку» сделало великую русскую лите-

ратуру достоянием человечества. Задача жертвенного слоя, который наследует лучшим традициям русской интеллигенции, — сделать всё, чтобы как можно больше представителей народа стали людьми.

ДОМИНИРОВАНИЕ ГЕРОИЧЕСКОГО МИФА

Все государственные формы памяти базируются на героическом мифе. В древности и в средние века субъектом мифа чаще всего была правящая династия. В новое время в центр нарратива помещается его величество народ, т. е. нация.

Национальная память синтезирует этничность и политику. Поскольку все государства полиэтничны, национальная рамка памяти, в отличие от домодерных династических нарративов, чревата внутренними этническими конфликтами (*Mann* 2005: 2). Прямо утверждается или негласно подразумевается, что этническое большинство с незапамятных времен творило «свою» национальную государственность. «Другие» если не мешали (вспомним татар Золотой орды в русской национальной памяти), то играли вспомогательную роль в многовековом процессе творения. Построение национального нарратива, способного поддерживать гражданский мир, затруднено. Память этнического большинства то и дело вступает в конфликты с памятью меньшинств. В советских учебниках говорилось о «прогрессивном значении» взятия Казани, покорения Кавказа, «присоединения» Средней Азии, «добровольного вхождения» прибалтийских рес-

публик и т. д. В советской памяти великодержавный шовинизм умерялся интернациональной идеологией. В странах, придерживавшихся в середине XX в. концепции «чистой», так называемой «этнической нации», попытки претворить идеи на практике привели к чудовищным актам геноцида. Даже в «гражданских нациях» память провоцирует конфликты между этническими группами. Так, в решительно отвергающих этнократию США существуют жалобы на засилье так называемых WASP (White Anglo-Saxon Protestant), а также «исторически обусловленные» этнические трения по поводу геноцида индейцев, рабства чернокожих, интернирования граждан японского происхождения и т. д.

Внешнеполитический дискурс национальной памяти является еще более «конфликтотенным» (Конфликтотенный потенциал... 2015). Конструирование национальной идентичности стартовало с конца XVIII в., когда война и прочие виды насилия считались легитимными средствами защиты групповых интересов. Устранить эти «родимые пятна прошлого» из рамки национальной памяти непросто. Во многих случаях национальному «мы» и сегодня противопоставляются не просто «другие», но «враги». В поединке с врагом «всё дозволено». Даже массовым убийствам безоружных людей, объявленных «врагами нации», находится оправдание. О таких позорных случаях национальная память предпочитает забыть. В основу идентичности кладется гордость славными деяниями предков, прежде всего их

борьбой с «историческими врагами». Для описания давних подвигов потомки, в зависимости от исторических обстоятельств, используют две взаимосвязанных разновидности героического мифа: героев-победителей и мучеников-побежденных (так называемый виктимный национализм). Мужество побежденных, встречающих пытки и казни с гордо поднятой головой, служит залогом грядущих национальных побед.

Национальная память проецирует в будущее «примеры» героев-мучеников, готовых убивать «врагов» ради национальных интересов. Такой подход присущ и самым демократическим странам. В американских учебниках решение Трумэна подвергнуть атомной бомбардировке Хиросиму и Нагасаки до сих пор оправдывается необходимостью спасти жизни «наших солдат» (см. Crawford 2003). Политики, воспитанные на этом примере национальной гордости, не останавливаются перед применением оружия, когда усматривают угрозу американским интересам в любой точке земного шара. Сходные уроки преподаются и в других странах. Во время российско-украинского «гибридного» противостояния кремлевская пропаганда взяла на вооружение нарратив Великой Отечественной войны против германского нацизма, украинская — взывала к памяти ОУН и УПА. Национальные нарративы прививают готовность к применению насилия. Они то и дело конвертируют конфликтную память во внешнеполитические конфликты. После Хиросимы можно и нужно писать стихи о любви, но воспи-

тывать свою нацию на примерах ненависти к чужакам — значит ставить весь мир под угрозу уничтожения.

Если отбросить риторические фигуры, то обнаружится, что национальная память недалеко ушла от архаичных принципов, именуемых «готтентотской моралью»: «Если мы забрали корову — это хорошо. Если корову забрали у нас — это плохо». Помню, как на кафедре военной подготовки полковник советской армии с опытом Афганистана заявлял нам — студентам-историкам: «Россия никогда не вела захватнических войн». Он говорил это совершенно искренне, поскольку по принципу «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим» — устроена любая национальная память. Полковники и генералы всех армий мира считают, что их собственная миролюбивая страна ни в чем не виновата. Все беды от захватнических поползновений соседей и геополитических противников. Национальная идентичность, основанная на групповом, т. е. частном, интересе, становится одним из главных препятствий для утверждения ценностей посткапиталистического глобализма информационного общества.

ЗАРОЖДЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Глобальная память формирует «мы», которое включает всех людей. Ему не противостоят человеческие «другие». Новая идентичность не может образоваться из суммы национальных или иных групповых нарративов. С общечеловеческой точки зрения частные пристрастия

и групповой эгоизм этносов, конфессий, классов и т. д. теряют значение. В глобальной идентичности на первый план выходят не групповые, а персональные свойства. Человек становится реальной мерой всех вещей информационного общества. Главным преступлением считается попрание человеческого достоинства. Права человека оказываются основной оптикой восприятия прошлого, настоящего и будущего.

В точке глобализма память «выходит из себя» и начинает превращаться в историю (Хальбвакс 2007: 20). Противопоставление истории и памяти является ключом к различению глобальной идентичности от других форм. Память — это представления о прошлом, обусловленные интересами разных общественных групп. Отсюда конфликтность, пристрастность и презрение к фактам. История — это не ангажированный групповыми интересами взгляд на прошлое, взгляд, в котором любая несправедливость воспринимается как личное оскорбление, любые жертвы считаются нашими, любое преступление против лиц и групп расценивается как преступление против человечества. Этика истории основана на правах человека, которые в свою очередь происходят из прометеевой жалости к людям и из христианской любви к ближнему.

Альтруизм неотъемлем от глобальной идентичности. Подобно памяти он действует не только в пространстве, но и во времени. В отличие от памяти связывает нас не с прошлыми, а с будущими

поколениями. Тем самым отвергается темпоральный эгоизм групповых форм идентичности: «На наш век хватит», «После нас хоть потоп» и т. д. Едва ли можно устранить глобальные угрозы, пребывая в рамках национальной памяти. Эгоизм национальных субъектов в совокупном международном действии вынуждает вспомнить притчу о соседях, которые для совместного праздника наполняли бочку вином. Когда каждый налил в нее по ведру, выяснилось, что бочка содержит чистейшую колодезную воду. Этика самоограничения ради будущих поколений создает практику бережного отношения к трудно восполняемым природным ресурсам: флоре, фауне, минералам, воде, воздуху. Экологическая, демографическая, ядерная и прочие катастрофы могут быть предотвращены через альтруистическое сознание глобальной идентичности.

Во взаимодействии глобальной памяти и альтруизма осуществляется взаимопереход «пространства опыта» и «горизонта ожиданий» (Р. Козеллек). Альтруизмом движет глобальная память о будущем. Сердцевина глобальной памяти — альтруизм прошлого. Высшая форма альтруизма — самопожертвование, является оптимальным нарративом для переживания глобальной идентичности. Его нельзя считать произвольной конструкцией прекраснодушных мечтателей. Это результат долгого пути нашего вида от звериной этики волшебной сказки к действительно человеческому состоянию. Альтруизм/самопожертвование — это та самая «осознанная необходимость», т. е.

свобода по Энгельсу или самореализация по Маслоу.

Ярким свидетельством того, что этика альтруизма действительно овладевает массами, является волонтерское движение. Оно начинается в XIX в. Со временем его размах постоянно растет. К примеру, в современной Великобритании волонтерами по разным оценкам являются от 20 до 40 % населения (*Rochester, Paine, Howlett, Zimmeck* 2010: 38).

Среди многочисленных направлений волонтерства важное место занимают международные программы обучения и лечения. Молодежь из развитых стран помогает людям по всему миру. Возникают аналогии с хождением в народ русской интеллигенции далекого прошлого. Новое «народничество» перешагнуло национальные рамки и приобрело глобальный характер. Для современных альтруистов всё человечество является собственным народом. Это важная предпосылка формирования глобальной идентичности. Сообщество волонтеров является пресловутой «движущей силой» информационного общества. Пока оно является «вещью в себе». Формирование у волонтеров адекватного самосознания — одна из важнейших задач конструкторов и промоутеров глобальной памяти.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГЛОБАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

При переходе к информационному обществу — одни и те же люди могут вглядываться в прошлое и с на-

циональной, и с глобальной точек зрения. Глобальная идентичность, основанная на этике прав человека, конфликтует с идентичностью национальной, в основе которой лежит упомянутая «готтентотская мораль». Взаимодействие отмирающей и нарождающейся идентичностей причудливо переплетается в коллективной памяти и порой приводит к «когнитивному диссонансу» в умах самых образованных людей.

Идентичность глобального «мы», укорененная в памяти о происхождении от палеолитических предков, делает всю мировую историю «нашей». Героико-мученический нарратив — праведная борьба «своих» со злокозненными «другими» — неприемлем в глобальном контексте, где «враги» отсутствуют. Ограниченное «мы» противопоставляет всегдашнее миролюбие и справедливость действий «своих» неизбывной вине «других». Эгоизм и безответственность — отличают международный сегмент национальной памяти. Глобальная память, тождественная всемирной истории, в отношениях с национальной памятью, основанной на гордости «своими» и обвинении «чужих», исходит из противоположных этических принципов — стыда и принятия ответственности.

Глобальная память стыдом не исчерпывается. У нее есть свои мученики — борцы за права человека, а также, это очень важно, «культурные герои» — истинные гении всех времен и народов. Восхищение ими формирует оптимистичный настрой носителей глобальной идентичности.

Но во взаимодействии с национальной памятью память глобальная — это прежде всего память исторической ответственности.

Идентичность современного человечества в значительной мере базируется на памяти о Второй мировой войне. Важнейшие феномены глобальной памяти сформировались вокруг предпосылок, хода и следствий этого трагического события.

А. Холокост. Самый яркий пример воздействия глобальной памяти на национальную представляет память о Холокосте. Двадцать лет после Второй мировой войны в Германии старались не вспоминать о массовом уничтожении людей «неправильного» этнического происхождения. Перемены пришли вместе с международной «молодежной революцией» конца 1960-х — начала 1970-х, которая противопоставила войне и ненависти ценности мира и любви. Проекция этих идей в прошлое превратила трагедию прежде всего европейского еврейства и цыган в «глобальную икону» — символ безжалостного попрания прав человека. Первое послевоенное поколение немцев приняло на себя ответственность за преступления отцов и дедов. Постепенно эта ответственность распространилась на большинство западноевропейских стран — соучастников Холокоста (*Assmann 2010b*). Лозунг: «Никогда больше!» — к началу 1990-х вошел в идентичность многих граждан западных государств.

Б. ГУЛАГ. Глобальная память воздействует и на общества, далекие от демократических стандартов.

Трудно предположить, что выходец из спецслужб Путин является убежденным противником пресловутого «культы личности». Было бы логичным, если бы в ситуации нарастающего, в том числе и под влиянием прокремлевских СМИ, «народного сталинизма» президент-популист подыграл настроениям «электората». Тем не менее даже в разгар противостояния США и их союзникам по поводу «покоренья Крыма», когда отсылки к победе над германским нацизмом стали ядром правительственной пропаганды, Путин воздерживается от упоминания «генералиссимуса Победы». В 2015 в Москве открылся трехэтажный Музей ГУЛАГа. Проведен конкурс на проект памятника жертвам политических репрессий, открытие Сахаровский центр и «Мемориал» объявлены «иностранными агентами». В то же время они получают президентские гранты. Такое поведение Путина объясняется давлением глобальной памяти. Он понимает, что, восславив Сталина, навсегда останется изгоем мировой политики. Соблазн повысить внутреннюю популярность укрошается страхом окончательно утратить внешнюю легитимность. Это давление благотворно влияет на национальную память. В частности, в «историко-культурный стандарт» школьных учебников включены упоминания «жесточайших массовых репрессий» и «лагерных вышек ГУЛАГа» (*Историко-культурный стандарт 2013*).

В. «Жертвы двух тоталитарных режимов». Агенты национальной памяти также воздействуют на глобальную память. Идеологи «исторической

политики» ряда восточноевропейских стран отрицают Холокост как главное преступление европейской истории XX в. Главными жертвами они предлагают признать свои народы, страдавшие от двух тоталитарных режимов — нацистского и советского. Замалчиваются массовые убийства, в первую очередь евреев, совершенные жителями многих стран Восточной Европы в годы Второй мировой войны (Миллер 2016). Манипулируя риторикой страданий, причиненных другими, национально ангажированные «мнемотехнологи» извращают этику глобальной памяти, основанную на принятии на себя исторической ответственности за все преступления против человечества.

Стараниями политиков восточноевропейских государств день 23 августа — дата подписания в 1939 г. советско-германского договора о ненападении был семьдесят лет спустя объявлен Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма. «Оговорка», согласно которой сталинизм, видимо, как главное зло, выдвинут на первое место, представляет любопытный психоаналитический материал по поводу вытесненных желаний авторов документа (Declaration of the European Parliament... 2008). Благоприятствует ли взаимопониманию между народами день поминовения, когда «отмечается память евреев, которые были уничтожены нацистами и одновременно латышских эсэсовцев, которые их сожгли, а потом отчаянно боролись с советской властью и стали ее жертвами» (Российский историк... 2016)? Растворение нацистских палачей среди жертв

сталинизма направлено на подрыв глобальной памяти о Холокосте.

Авторы Европейского дня памяти подспудно сводят причины Второй мировой войны и, следовательно, вызванные ей преступления против человечества исключительно к сговору Гитлера и Сталина. Такой подход снимает с политиков Великобритании и Франции ответственность за первые акты гитлеровской агрессии — аншлюс Австрии (март-апрель 1938), аннексию Судетской области и других чехословацких территорий (октябрь 1938), оккупацию Чехословакии (март 1939), аннексию Мемельского края (март 1939). Без далеко не молчаливого согласия держав-победительниц в Первой мировой войне крах Версальской системы не был бы неизбежен.

Европейский день памяти также подразумевает забвение преступных деяний ряда восточноевропейских государств того периода, когда Польша и Венгрия в 1938–1939 расчленили Чехословакию вместе с нацистами, Литва в 1939 с подачи Гитлера и Сталина «застенчиво» делила Польшу, Венгрия и Болгария в 1940 вместе с СССР аннексировали части румынской территории.

24 декабря 1989 Съезд народных депутатов СССР принял постановление, в котором осудил секретные договоренности, подписанные в дополнение к советско-германскому договору о ненападении 1939 г. Роль этого события в формировании глобального нравственного климата не оценена по достоинству. Покаяние одной из держав-победительниц Второй мировой войны указывает

мировому сообществу путь преодоления конфликтных нарративов. Этот многообещающий прорыв — пример победы человеческого над звериным. Он доказывает, что и другие национальные памяти могут быть поставлены под контроль глобальной идентичности путем принятия исторической ответственности за деяния предков. Отступление современной российской памяти с глобальных позиций, занятых ею в 1989, свидетельствует, сколь тернист путь преодоления национальной ограниченности. Неверно считать, что обострение группового эгоизма в современном сознании не оставило камня на камне от мемориального акта советского парламента. Российская Федерация является правопреемницей СССР. Государственная Дума РФ не отменяла это постановление. Следовательно, оно сохраняет юридическую силу.

Создание глобальной памяти о Второй мировой войне, когда ее предпосылки, ход и последствия будут всесторонне рассмотрены с точки зрения прав человека, позволит изменить мировой моральный климат. Примеру Съезда народных депутатов СССР должны в первую очередь последовать наши союзники по антигитлеровской коалиции. Им тоже есть в чем каяться. Советско-германский договор 1939 не мог состояться без Мюнхена 1938. Дрезден и Хиросима — две других незаживающих раны глобальной памяти.

Могут возразить, что нельзя приравнивать договор демократий с нацистами к договору Сталина с Гитлером. Демократии не выторговывали себе новых территорий, они

только соглашались, что нацистская Германия заберет часть Чехословакии. Не будем спорить, тяжесть чьего преступления была больше. Согласимся, что договоры, которые были заключены в 1938 в Мюнхене и в 1939 в Москве, были преступными. Достаточно перевести их тексты на язык уголовного права. В первом случае двое дают разрешение третьему ограбить его соседа. При этом один из разрешающих ранее обещал ограбленному, что будет защищать его от грабителей. Во втором — двое договариваются одних соседей только ограбить, других — ограбить и убить. Можно ли квалифицировать оба «кейса» как преступления? Любой суд присяжных ответит — да. Почему тогда суд истории должен выносить оправдательный приговор тем, кто дал разрешение на грабеж, обернувшийся в реальности убийством? Сталин, Даладьё и Чемберлен должны быть осуждены по разным моральным статьям. Это различие не отменяет факта, что все трое — преступники.

Национальные памяти Великобритании и США до сих пор оправдывают осуществленные в самом конце войны бомбардировки германских и японских городов, в которых практически не было военных объектов: Дрездена, Вюрцбурга, Хиросимы, Нагасаки и др. Итогом этих акций устрашения стали огромные потери среди мирного населения. Необходимость лишить жизни детей, женщин и стариков обычно объясняется тем, что немцы и японцы «начали первыми». Некоторые договариваются до того, что это была месть за Ковентри и Перл-Харбор. Люди, остающиеся

на эгоистической точке зрения национальной памяти, забывают, что с давних пор предпринимались попытки «цивилизовать» войну. Одним из главных принципов «войны по правилам» была обязанность воюющих сторон щадить мирное население. Тот факт, что германские нацисты и японские милитаристы вели войну без правил, войну на уничтожение, никак не оправдывает ответное безжалостное отношение к мирному населению со стороны западных демократий.

Чтобы подобное не могло повториться в будущем, мы должны осудить все преступления против гуманности, совершенные в прошлом. С точки зрения человечества не важно, каковы были национальные интересы для принятия тех решений. Сегодня важно заявить, что позволять агрессору захватывать другие страны и тем более самим убивать безоружных людей — это преступления, которым нет оправдания. Достанет ли у современных демократий мужества и мудрости подчинить национальную память глобальной этике прав человека?

Нежелание ведущих держав Запада, провозглашающих приоритет прав человека, признавать свои исторические преступления против человечества разлагает не только их собственный, но и мировой моральный климат. Избирательная память, сфокусированная исключительно на преступлениях германских нацистов и советских коммунистов, не без оснований воспринимается как продолжение политики историческими средствами.

Мелкие политические животные равняются на тех, кто «равнее других». Достаточно вспомнить, как в 2014–2015 в период виртуального «Грексита» — финансового давления Евросоюза и его главного «донора» Германии на Грецию, в греческих СМИ была развернута кампания по поводу исторического долга немцев за нацистскую оккупацию. Пепел Катыни — сталинского преступления, осужденного Государственной Думой РФ в заявлении от 26 ноября 2010, до сих пор жжет польские сердца. Но в них с трудом находится место для евреев из Едвабне, сожженных своими польскими соседями. Прямые потомки добровольных, если так можно выразиться в данном случае, палачей «не участвуют в церемониях памяти убитых евреев, а на официальной странице этого местечка даже нет упоминания о памятнике, связанном с этим событием» (Российский историк... 2016). И это только один из актов геноцида, совершённых поляками во время и после (!) Второй мировой войны. Нобелевский лауреат Светлана Алексиевич напомнила о польском вкладе в Холокост. Тут же последовало опровержение польского МИД, посчитавшего, что высказывание писательницы «не подкреплено фактами» (Poles angered... 2016; Białoruska noblistka... 2016).

Неготовность правительств Великобритании, США и Франции принять на себя ответственность за преступления, совершённые их государствами накануне и в годы Второй мировой войны, является одним из препятствий для проработки преступного сталинского

прошлого в РФ. Политика памяти западных держав относительно Мюнхена, Дрездена и Хиросимы позволяет кремлевской пропаганде формировать убеждение, что демократии и недемократические режимы одинаково аморальны. Этический релятивизм позволяет оправдывать любые преступления. Если «они» не каются за Мюнхенский сговор, почему «мы» должны осуждать пакт Молотова–Риббентропа? Если Трумэну ради спасения жизни американских солдат можно было превратить в пар более 100 тысяч жителей Хиросимы и Нагасаки, то почему Сталину, говоря словами российского студента, нельзя было «устроить небольшой геноцидик», чтобы «поднять экономику» до уровня, позволившего обеспечить победу над Гитлером (Архангельский 2016)?

Избывание травмы сталинизма — нравственный долг, прежде всего самих российских граждан. Никто за нас эту трудную работу не проделает. Но согласитесь, ситуация, когда наше покаяние сопровождается градом обвинений со стороны соседей и бывших союзников, не может способствовать продуктивной проработке прошлого. Человек слаб. Он нуждается в моральной поддержке. Мало у кого достает душевных сил влачить свой крест под свист, плевки и заушания. Режим покаяния в одни ворота повлиял на разрастание раковой опухоли сталинизма в общественном сознании. Один из ведущих исследователей исторической политики в Восточной Европе Алексей Миллер отмечает, что Путин долгое время пытался играть по правилам глобальной памяти. В данном

случае неважно, каковы были его мотивы. Важно, что российский лидер подавал, как он любит выражаться, нашим партнерам недвусмысленные «импульсы к примирению». В 2008 г. Путин «осудил пакт Риббентропа–Молотова и повторил это в своей речи на Вестерплатте в 2009. Но потом он обнаружил, что все согласились — “да, ты виноват”. А он ожидал, что скажут “да, ты виноват, но мы тоже, например, в Мюнхене”. А все сказали, что Мюнхен не важен, это вы виноваты. Поэтому у нас память обо всех нехороших вещах, которые случились в XX веке, будет отмечаться по решению Европейского парламента в день заключения пакта Риббентропа–Молотова» (Российский историк... 2016).

Г. «*Всё не так плохо, как вы тут делаете вид*». Национальные памяти всех стран цепляются за власть над нами, продолжая сеять вражду между народами. Тем не менее мы наблюдаем положительные сдвиги. Постепенно формируется глобальная культура покаяния.

В 2015 архиепископ Кентерберийский, глава англиканской церкви, приехал в Дрезден и произнес покаянную речь (Archbishop's speech 2015). Ни британский парламент, ни премьер-министр ее величества, ни сама королева к этому покаянию пока не присоединились. Первая ласточка весны не делает, но оповещает о ее приближении.

В 2016 президент США посетил Хиросиму и произнес обтекаемую речь о том, что более семидесяти лет назад в этом городе произошла страшная катастрофа. Госдеп зара-

нее объявил, что Обама не будет каяться. Многие его за это осудили (Taylor 2016). Эксперты объясняют половинчатость пиар-акции тем, что в США настроения избирателей влияют на результаты выборов. Американское общественное мнение по поводу Хиросимы сегодня разделилось примерно пополам. Накануне президентских выборов хромой утке опасно подставлять родную демократическую партию. Тем не менее акция Обамы была направлена на то, чтобы подтолкнуть американский народ к принятию ответственности за трагедию японского народа.

В Польше тоже существуют тенденции к отказу от эгоистичного «виктимного национализма». В 2001 тогдашний президент Александр Квасневский принес извинения еврейскому народу за резню в Едвабне 10 июля 1941. Созданная тогда же правительственная комиссия подготовила доклад, в котором сообщалось, что поляки истребляли евреев в годы войны как минимум в 24 населенных пунктах (Едвабно было... 2002). В 2016 нынешний президент Анджей Дуда осудил послевоенный (4 июля 1946) еврейский погром в городе Кельце (Президент Польши...2016).

Список стран, где постепенно происходит переход от обвинения других к принятию ответственности на себя, не исчерпывается приведенными примерами (Dodds б/д). Упомяну еще современную Румынию. Ее государственные мужи последовательно преодолевают тяжелое ксенофобское наследие. Осужден геноцид евреев и цыган в годы Второй мировой

войны. Запрещено восхваление лиц и организаций, виновных в проведении этнических чисток (Мачь 2015). Можно надеяться, что влияние глобальной памяти, прежде всего распространение культуры покаяния за преступления прошлого, будет способствовать оздоровлению мирового и национального морального климата. Глобальной памяти принадлежит важное место в противодействии войнам и другим формам политического насилия, а также глобальным угрозам экологии и демографии. Объединив усилия, академические исследователи, журналисты, деятели культуры разных стран могут превратить память в действенный инструмент формирования коллективной идентичности, основанной на исторической ответственности и этике прав человека. Задача – сверхсложная. Но если не пытаться, она так и останется неразрешимой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архангельский 2016 – Архангельский А. Дырка от этики. Что не так с российской системой ценностей // Московский центр Карнеги. 2016. 5 июля. URL: <http://carnegie.ru/commentary/2016/07/05/ru-63999/j2r4> (дата обращения 21.09.2016).

Едвабно было... 2002 – Едвабно было только началом // Sem40. 2002. 5 ноября. URL: <http://www.sem40.ru/index.php?newsid=191020> (дата обращения 21.09.2016).

Историко-культурный стандарт 2013 – Историко-культурный стандарт. Проект // Министерство образования и науки РФ. 2013. 1 июля. URL: <http://xn--80abucjiihbv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3483> (дата обращения 21.09.2016).

Конфликтогенный потенциал... 2015 – Конфликтогенный потенциал национальных историй. Сборник научных статей. Материалы Международного научно-методологического семинара. Казань, 26 марта 2015 г. Казань: Юниверсум, 2015.

Мачь 2015 – *Мачь М.* В лабиринте памяти. Проработка прошлого в посткоммунистической Румынии // Историческая экспертиза. 2015. № 4. URL: http://istorex.ru/page/mach_m_v_labirinte_ramyati_prorabotka_proshlogo_v_postkommunisticheskoy_ruminii (дата обращения 21.09.2016).

Миллер 2016 – *Миллер А.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Гефтер. 2016. 29 апреля. URL: <http://gefter.ru/archive/18391> (дата обращения 21.09.2016).

Президент Польши... 2016 – Президент Польши почтил память жертв еврейского погрома в Кельце // Jewish.ru. 2016. 5 июля. URL: <http://www.jewish.ru/news/world/2016/07/news994334523.php> (дата обращения 21.09.2016).

Прусс 2005 – *Прусс И.* Советская история в исполнении современного подростка и его бабушки // Память о войне 60 лет спустя. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Российский историк... 2016 – Российский историк Алексей Миллер: Восточная и Центральная Европа погрязла в политике памяти, сконцентрированной на идее собственных страданий // Наша нива. 2016. 8 мая. URL: <http://nn.by/?c=ar&i=169789&lang=ru> <http://nn.by/?c=ar&i=169789&lang=ru> (дата обращения 21.09.2016).

Седакова 2015 – *Седакова О.* «Покаяние» и «Левиафан». Интервью для «Гефтера» (вопросы Александра Маркова и Ирины Чечель) // Гефтер. 2015. 28 января. URL: <http://gefter.ru/archive/14108> (дата обращения 21.09.2016).

Слуцкий 2013 – *Слуцкий Б.* Как делают стихи // Слуцкий Б. Покуда над стихами плачут... М.: Текст, 2013.

Хальбвакс 2007 – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер. с франц. и вступ. статья С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.

Швецова 2010 – *Швецова В.Г.* Река жизни Виктора Астафьева: по страницам публикаций. Красноярск: ИПЦ КАСС, 2010.

Archbishop's speech 2015 – Archbishop's speech on 70th anniversary of Dresden bombing // Archbishopofcanterbury. 2015. 13 February. URL: <http://www.archbishopofcanterbury.org/articles.php/5498/archbishops-speech-on-70th-anniversary-of-dresden-bombing> (дата обращения 21.09.2016).

Assmann 2010a – *Assmann J.* Globalization, Universalism, and the Erosion of Cultural Memory // Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories / A. Assmann, S. Conrad (eds.). Palgrave Macmillan, 2010. P. 121–137.

Assmann 2010b – *Assmann A.* The Holocaust – a Global Memory? Extensions and Limits of a New Memory Community // Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories. Palgrave Macmillan, 2010. P. 97–117.

Belzer, Holzman, Kent 1977 – *Belzer J., Holzman A.G., Kent A.* Encyclopedia of Computer Science and Technology. Vol. 7. Boca Raton: CRC Press, 1977.

Białoruska noblistka... 2016 – Białoruska noblistka oskarża Polaków o mordowanie Żydów // Tvp.info. 2016. 5 July. URL: <http://www.tvp.info/26018019/bialoruska-noblistka-oskarza-polakow-o-mordowanie-zydow> (дата обращения 21.09.2016).

Burkert 1996 – *Burkert W.* Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions. Cambridge; Massachusetts, London: Harvard University Press, 1996.

Crawford 2003 – *Crawford K.* Re-visiting Hiroshima: The Role of US and Japanese

History Textbooks in the Construction of National Memory // Asia Pacific Education Review. 2003. Vol. 4. N 1. P. 108–117.

Declaration of the European Parliament 2008 – Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism // European Parliament. 2008. 23 September. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2008-0439+0+DOC+XML+V0//EN> (дата обращения 21.09.2016).

Dodds б/д. – *Dodds G.G.* Chronological List of Political Apologies. URL: http://www.humanrightscolumbia.org/sites/default/files/documents/ahda/political_apologies.pdf (дата обращения 21.09.2016).

Gensburger 2016 – *Gensburger S.* National Policy, Global Memory: The Commemoration of the “Righteous”. From Jerusalem to Paris, 1942–2007. N.Y.: Berghahn, 2016.

Gourgouris 1996 – *Gourgouris S.* Dream Nation: Enlightenment, Colonization, and

the Institution of Modern Greece. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996.

Mann 2005 – *Mann M.* The Dark Side of Democracy. Explaining Ethnic Cleansing. Cambridge University Press, 2005.

Poles angered... 2016 – Poles angered with Alexievich statement about Jews during WWII // Belsat. 2016. 5 July. URL: <http://belsat.eu/en/news/poles-angered-with-alexievich-statement-about-jews-during-wwii/> (дата обращения 21.09.2016).

Rochester, Paine, Howlett, Zimneck 2010 – *Rochester C., Paine A.E., Howlett S., Zimneck M.* Volunteering and Society in the 21st Century. Palgrave Macmillan, 2010.

Taylor 2016 – *Taylor A.* It’s not just Hiroshima: The many other things America hasn’t apologized for // Washington post. 2016. 26 May. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/05/26/the-things-america-hasnt-apologized-for/> (дата обращения 21.09.2016).

S. Ehrlich. The Global Memory of the Information Society: Narrative, Ethics, Identity

Key words: Family memory, National memory, Global memory, Identity, Ethics, Narrative

The collective memory has close connections with identity and ethics. Every type of memory has “own” narrative. The “pre-state” Family memory based on the fairy tale. The “state” National memory based on the heroic myth. The “post-state” Global memory based on the myth of self-sacrifice. Nowadays dominating the National memory not corresponds to reality of the information civilization. That memory often triggers internal and external conflicts so it should be marginalized in public consciousness of the nuclear weapons era. The Global memory is in strong opposition to the so called global capitalism, which represents the hopeless attempt to subordinate a reality of the information civilization to the rules of the industrial one. The Global memory based on the values of the human rights, so it is not assumed “others”, all people are “ours”. It is an effective tool to solve political, ecological, demographical and so on challenges of our time.

REFERENCES

Archbishop’s speech on 70th anniversary of Dresden bombing. *Archbishopofcanterbury*. 2015. 13 February. URL: [http://www.](http://www.archbishopofcanterbury.org/articles.php/5498/archbishops-speech-on-70th-anniversary-of-dresden-bombing)

[archbishopofcanterbury.org/articles.php/5498/archbishops-speech-on-70th-anniversary-of-dresden-bombing](http://www.archbishopofcanterbury.org/articles.php/5498/archbishops-speech-on-70th-anniversary-of-dresden-bombing) (date of access 21.09.2016).

Arkhangel'skiy A. Dyrka ot etiki. Chto ne tak s rossiyskoy sistemoy tsennostey. *Moskovskiy tsentr Karnegi*. 2016. 5 iyulya. URL: <http://carnegie.ru/commentary/2016/07/05/ru-63999/j2r4> (date of access 21.09.2016).

Assmann J. Globalization, Universalism, and the Erosion of Cultural Memory. *Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories*. A. Assmann, S. Conrad (eds.). Palgrave Macmillan, 2010a. P. 121–137.

Assmann A. The Holocaust – a Global Memory? Extensions and Limits of a New Memory Community. *Memory in a Global Age. Discourses, Practices and Trajectories*. Palgrave Macmillan, 2010b. P. 97–117.

Belzer J., Holzman A.G., Kent A. *Encyclopedia of Computer Science and Technology*. Vol. 7. Boca Raton: CRC Press, 1977.

Białoruska noblistka oskarża Polaków o mordowanie Żydów. *Tvp.info*. 2016. 5 July. URL: <http://www.tvp.info/26018019-bialoruska-noblistka-oskarza-polakow-o-mordowanie-zydow> (date of access 21.09.2016).

Burkert W. *Creation of the Sacred: Tracks of Biology in Early Religions*. Cambridge, Massachusetts, London: Harvard University Press, 1996.

Crawford K. Re-visiting Hiroshima: The Role of US and Japanese History Textbooks in the Construction of National Memory. *Asia Pacific Education Review*. 2003. Vol. 4. N 1. P. 108–117.

Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism. *European Parliament*. 2008. 23 September. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2008-0439+0+DOC+XML+V0//EN> (date of access 21.09.2016).

Dodds G.G. *Chronological List of Political Apologies*. URL: http://www.humanrightscolumbia.org/sites/default/files/documents/ahda/political_apologies.pdf (date of access 21.09.2016).

Edvabno bylo tol'ko nachalom. *Sem40*. 2002. 5 noyabrya. URL: <http://www.sem40.ru/index.php?newsid=191020> (date of access 21.09.2016).

Gensburger S. *National Policy, Global Memory: The Commemoration of the "Righteous". From Jerusalem to Paris, 1942–2007*. New York: Berghahn, 2016.

Gourgouris S. *Dream Nation: Enlightenment, Colonization, and the Institution of Modern Greece*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996.

Halbwachs M. *Sotsial'nye ramki pamyati*. Transl. S.N. Zenkina. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007.

Istoriko-kul'turnyy standart. Proekt. *Ministerstvo obrazovaniya i nauki RF*. 2013. 1 iyulya. URL: <http://xn-80abucjiibhv9a.xn-p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/3483> (date of access 21.09.2016).

Konfliktogennyy potentsial natsional'nykh istoriy. Sbornik nauchnykh statey. Materialy Mezhdunarodnogo nauchno-metodologicheskogo seminaru. Kazan', 26 marta 2015 g. Kazan': Yuniversum, 2015.

Mach' M. V labirinte pamyati. Prorabotka proshlogo v postkommunisticheskoy Rumynii. *Istoricheskaya ekspertiza*. 2015. N 4. URL: http://istorex.ru/page/mach_m_v_labirinte_pamyati_prorabotka_proshlogo_v_postkommunisticheskoy_rumynii (date of access 21.09.2016).

Mann M. *The Dark Side of Democracy. Explaining Ethnic Cleansing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Miller A. Politika pamyati v postkommunisticheskoy Evrope i ee vozdeystvie na evropeyskuyu kul'turu pamyati. *Gefter*. 2016. 29 aprelya. URL: <http://gefter.ru/archive/18391> (date of access 21.09.2016).

Poles angered with Alexievich statement about Jews during WWII. *Belsat*. 2016. 5 July. URL: <http://belsat.eu/en/news/poles-angered-with-alexievich-statement-about-jews-during-wwii/> (date of access 21.09.2016).

Prezident Pol'shi pochtil pamyat' zhertv evreyskogo pogroma v Kel'tse. *Jewish.ru*. 2016. 5 iyulya. URL: <http://www.jewish.ru/news/world/2016/07/news994334523.php> (date of access 21.09.2016).

Pruss I. Sovetskaya istoriya v ispolnenii sovremennogo podrostka i ego babushka. *Pamyat' o voyne 60 let spustya*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005.

Rochester C., Paine A.E., Howlett S., Zimmeck M. *Volunteering and Society in the 21st Century*. Palgrave Macmillan, 2010.

Rossiyskiy istorik Aleksey Miller: Vostochnaya i Tsentral'naya Evropa pogryazla v politike pamyati, skontsentrirovannoy na idee sobstvennykh stradaniiy. *Nasha niva*. 2016. 8 maya. URL: <http://nn.by/?c=ar&i=169789&lang=ru> <http://nn.by/?c=a>

r&i=169789&lang=ru (date of access 21.09.2016).

Sedakova O. «Pokayanie» i «Leviafan». Interv'yu dlya «Geftera» (voprosy Aleksandra Markova i Iriny Chechel'). *Gefter*. 2015. 28 yanvarya. URL: <http://gefter.ru/archive/14108> (date of access 21.09.2016).

Shvetsova V.G. *Reka zhizni Viktora Astafeva: po stranitsam publikatsiy*. Krasnoyarsk: IPTs KASS, 2010.

Slutskiy B. Kak delayut stikhi. *Pokuda nad stikhami plachut...* Moscow: Tekst, 2013.

Taylor A. It's not just Hiroshima: The many other things America hasn't apologized for. *Washington post*. 2016. 26 May. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2016/05/26/the-things-america-hasnt-apologized-for/> (date of access 21.09.2016).

К.А. Пахалюк

ГЛОБАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПАМЯТИ: В ПОИСКАХ ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: историческая память, дискурс, глобализация.

В данной статье автор выдвигает ряд тезисов, направленных на развитие предложенной гуманитарной исследовательской программы «Глобальная память: культура исторической ответственности в XXI веке». Отмечается, что пора рано говорить об уходе национально-ориентированной памяти, которая выполняет важные социальные функции. Призывая различать историю-как-науку и историю-как-публичный-дискурс, автор выдвигает тезис, согласно которому во избежание маргинализации данной тематики глобальная культура памяти должна быть связана с обсуждением насущных проблем глобализации, а также выработкой той общей ценностной позиции, которая задавала бы границы подобной публичной дискуссии.

Предлагаемая Вашему вниманию статья появилась как ответ на предложение редакции журнала «Историческая экспертиза» обсудить гуманитарную исследовательскую программу «Глобальная память: культура исторической ответственности в XXI веке». Поскольку речь идет именно об ответе, во многом полемическом и публицистическом по изложению и не претендующем расставить все точки над «i», я ставлю перед собою цель лишь очертить самыми общими мазками те моменты, которые мне представляются значимыми для дальнейшего развития затронутой проблематики. Возможно, поэтому дальше бу-

дет больше вопросов, нежели ответов. Сначала я изложу замечания к тексту Программы, после этого обрисую собственное видение того, как соотносятся проблемы памяти и глобализации, а затем выдвину несколько предположений относительно того, в какую сторону стоит двигаться.

Я намеренно не буду пересказывать ее содержание и подробно говорить о положительных сторонах (подобная манера не способствует дискуссии). Лишь отмечу, что мне представляется важной сама постановка вопроса, но не столько о соотношении международного и национального уровней памяти, сколько о возможности формиро-

вания некоего универсалистского ценностного дискурса о прошлом. Конечно, ни в первом, ни во втором случае нет ничего принципиально нового: в различных частях света мемориальные войны не стихают уже полвека, начало процесса формирования глобальной культуры памяти может быть отнесено к первым послевоенным годам, а «космополитная» этика ответственности (претендующая на универсалистский характер) за события прошлого разделялась многими участниками коммеморативных мероприятий, связанных как с Холокостом, так и с Хиросимой. Так, русскоязычному читателю доступно исследование американского исследователя Дж. Александра (авторы Программы во многом повторяют его идеи, высказанные более десятилетия назад), который подробно изучает превращение Холокоста «в обобщенный символ человеческого страдания и морального зла, в универсализированный символ», заключающий в себе универсальную мораль (Александр 2013: 96). Однако это не отрицает и научную, и социально-политическую актуальность поставленных вопросов для отечественных общественных наук.

Первое замечание носит терминологический характер: я считаю неудачным выбор термина «глобальная память», куда более точным стало бы определение «глобальная культура памяти». В чем разница? Сам термин «память» зачастую употребляется как отсылка к некому свойству индивида («я помню это») или социальной группы («мы помним это, это наш совместный опыт»). Даже в условиях нарастаю-

щих процессов глобализации сложно предположить, что глобальная память представляет чей-то индивидуальный или коллективный опыт, особое мироощущение, которое эмоционально связывает всех. Речь идет о «культурной памяти», о неких общих образах, подходах к пониманию отдельных событий. И если с глобализацией медиа в принципе легко сформировать хотя бы ограниченный круг общеизвестных тем (а это самое важное основания для формирования международной дискуссии), то вот с чувством глобальной сопричастности существуют серьезные проблемы. Пусть даже все мы видели картинки падающих «башен-близнецов» 11 сентября 2001 г., сомнительно, чтобы все мы, как американцы, эмоционально переживали эту катастрофу. Сам факт известности и узнаваемости какого-то события вовсе не повод говорить, что оно стало частью «мирового коллективного опыта». Для меня недостаточно уточнения, которые делают авторы Программы в самом ее начале: постоянное использование словосочетания «глобальная память» сбивает с толку неподготовленного теоретически читателя, который может подумать о «естественном характере» этой памяти и тем более о «глобальном субъекте» как ее носителе.

Во-вторых, из текста Программы не очень ясно, о чем идет речь. Говорим ли мы о «глобальной памяти» как состоявшемся социологическом факте (тогда его надо фиксировать и подробно изучать) или о проекте, о перспективе ее появления, которому мы должны (?) содействовать. Судя по дискуссии, которая разви-

лась в Фейсбуке на странице журнала с одним из авторов Программы, речь идет и о том, и о другом. «Глобальная память» как становление, причем как объективный тренд. Тем самым мы просто обязаны хотя бы для себя установить различие между тем, что *уже есть* (что заставляет нас говорить о глобальной культуре памяти? Кто ее носители? Кому она нужна? Каковы ее социальные, экономические и политические основания?) и тем, что *должно быть* (каковы объективные / субъективные предпосылки глобальной культуры памяти? Почему мы считаем этот процесс объективным? должны ли мы содействовать ее становлению? Каким образом? Зачем?).

В качестве аналогии приведу следующий пример. В политической науке речь идет о различии между двумя уровнями анализа: *politics* (исследователь как (условно-)внешний наблюдатель анализирует политические процессы) и *policy* (исследователь включен в выработку сам процесс принятия и реализации политических решений; в данном случае «политическое» может пониматься и в традиционном смысле, и в духе Ж. Рансьера — как создание новых пространств политической борьбы, манифестации новых типов субъективности). Если уровень *politics* — это по преимуществу зона ответственности «академической политологии», то уровень *policy* — поле работы для политических экспертов (а также политиков и политических активистов). В нашем случае изучение предпосылок и уже начавшихся (если таковые есть) механизмов глобальной культуры памяти должно стать предметом

междисциплинарного анализа, в то время как выработка конкретных шагов — исторической экспертизы (о том, как эксперты могут влиять на политический курс см. напр.: *Истомин* 2012; *Грундманн, Штер* 2015; *Еленский* 2011; *Степанян* 2010; *Аватков, Видяйкин* 2013; *Символическая власть* 2011; *Boswell* 2009) и полем деятельности пока еще не состоявшегося в полной мере класса исторических экспертов, умеющих переводить научное знание на другие языки (и дискурсы), тем самым обменивая свои компетенции на авторитет, т. е. право на экспертное высказывание¹. Ниже я вернусь к данной проблеме.

Тезис о том, что «глобальная память» объективно формируется и именно потому мы должны ей содействовать, в Программе никак не доказан. Хотя даже Дж. Александер признает, что тот же универсализм Холокоста принадлежит «западной цивилизации» (*Александр* 2013: 249). Еще более странным предстает попытка представить «глобальную память» как естественный процесс (что противостоит современному социологическому мейнстриму, изобличающему эссенциализм): на это указывает отсутствие указания на субъектов этой памяти, а также стремление (на уровне конструкции предложений) поставить «глобальную память» в предложении в качестве активно-

¹ Как заметил М. де Серто: «Компетенция обменивается на авторитет. В конечном итоге, чем больше у эксперта авторитета, тем меньше у него компетенции, вплоть до того момента, когда его запас компетенции исчерпывается, подобно энергии, необходимой для запуска двигателя». См. (*Серто* 2013: 71).

го подлежащего, который «возникает», «воздействует», «предполагает» (при этом зачастую используются возвратные глаголы, которые также позволяют избегать вопроса о субъектах памяти). Тем самым само существование глобальной памяти есть пресуппозиция, и требуется сначала поставить под сомнение верность исходной посылки, а не принимать ее на веру.

Третье замечание я хочу высказать относительно жесткого противопоставления «глобальной памяти» и национальной памяти. Несмотря на то что авторы Программы претендуют на глобальное осмысление данной проблемы, возникает ощущение, будто этот раздел был написан скорее под влиянием внутрироссийской полемики вокруг исторической политики (с позиций оппозиционных). Звучащие (и нередко справедливые) обвинения в адрес официальных структур по поводу «стерилизации прошлого», излишней его героизации, огосударствления коллективной памяти, изъятия «спорных моментов» и нежелания признавать моральную ответственность за «преступления», совершенные государством или от его лица в отдельные периоды истории – всё это повторяется и в Программе. С точки зрения внутрироссийского контекста (в частности принципиального нежелания «консервативного лагеря» признавать неправоту своего государства и его лидеров, что совсем недавно политолог В.Я. Гельман весьма метко охарактеризовал как *politics of denial* (Гельман 2016)) высказанные мысли являются чрезвычайно актуальными, а сами авторы выступают

чуть ли не в роли той самой русской интеллигенции, которая всегда стремилась быть «совестью нации» (теперь – всего мира). Но если программа «глобальной памяти» столь откровенно структурирована определенным дискурсом и сильно зависит от определенного контекста, то с чего можно предполагать, будто мы способны создать общий дискурс в глобальном масштабе?

Возникает вопрос и о выбранных уровнях. Понятие «глобальный», на мой взгляд, предполагает то, что определяемый таким образом процесс затрагивает все регионы мира и хотя бы подавляющее большинство стран. Отсюда и задача: отличать подлинное «глобальное» от претензии на «глобальность» (глобальная память и глобальная этика как призыв). В этой связи возникает вопрос: не выдают ли авторы те культурные процессы, которые происходят в ряде стран Запада, за «глобальные»? Не принимают ли они за «этику ответственности» постоянно звучащие взаимные обвинения ряда стран «об ответственности» за прошлые обиды? Имеет ли право столь популярный дискурс «виктимизации» рассматриваться как проявление глобальной культуры памяти (Финкель 2012)?

Сегодня большинство подобных «споров об истории» ведется именно на международном (межгосударственном) уровне, даже если участниками являются спонсируемые правительствами некоммерческие организации или надгосударственные структуры. А потому пока больше оснований говорить не о глобальной памяти или этике, а о том,

что история используется в международном политическом процессе.

Отметим, что даже на межгосударственном уровне историческое примирение есть очень противоречивый и долгий процесс, который еще более осложняется, когда количество участников возрастает более двух. Так, ЕС (как один из наиболее ярких и успешных примеров региональной интеграции) сумел пройти достаточно долгий путь, чтобы скоординировать и выработать общую экономическую, военную и внешнюю политику, в то время как успех общей культурной политики вызывает, мягко говоря, большие споры. И это несмотря на то, что — казалось бы! — европейцев много чего объединяет. Общее прошлое, римское наследие, приверженность идеалам демократии и прав человека — всё это пока еще не позволяет преодолеть существующие конфликты и разногласия, в том числе имеющие «историческую окраску». Именно это обстоятельство придает особое звучание исследованиям А. Ассман (в частности последней ее монографии «Недовольство новой мемориальной культурой», переведенной на русский язык [Ассман 2016.]), которые во многом нацелены на решение определенных проблем, возникших в ЕС.

При этом прочтение Программы оставляет впечатление, что авторы считают национальную память неким гомогенным и навязываемым сверху «предметом», что также сомнительно: в современной России формируемое «сверху» символическое единство никоим образом не отрицает и не отменяет много-

образии трактовок и форм памяти на всем пространстве нашей страны (скорее это региональные особенности скрыты от глаз аналитиков). В этом смысле у нас нет никаких оснований считать, будто «национальные памяти» должны быть обязательно оппозиционны глобальной, а дискурс об ответственности не может быть интегрирован как часть коллективных представлений (как пример более сложного взаимодействия между «космополитической» и «национальной» памятью см. (Ryan 2014)). В конечном счете более продуктивной должна быть не оппозиция «глобальный–национальный», а линия «глобальный–национальный–локальный», предполагающая более сложные схемы взаимодействия и взаимовлияния.

Конечно, вопрос не только в масштабах памяти, но и в ее «качестве»: идет ли речь о некой «глобально-ориентированной памяти» (она же — космополитическая) или о «национально-ориентированной». В первом случае предполагается некий этический универсализм, исходя из которого мы оцениваем определенные исторические события, а, по мнению авторов Программы, выходим «за пределы оппозиций свой–чужие, друзья–враги»). Хотя сам акцент на противостоянии говорит о том, что эти оппозиции никуда не исчезают, а оказываются еще куда более жесткими: линия раздела проходит между теми, кто готов принять предполагаемую этику ответственности, и теми, кто это сделать не готов. И не произойдет ли с «глобальной памятью» то же самое, что произошло с формированием представления о глобальной

экологии, когда, как писал Дж. Урри вслед за Т. Ингольдом, восприятие экологической среды как глобального явления стало означать придание привилегированного статуса «глобальной онтологии отчуждения по отношению к локальной онтологии вовлечения, т. е. прославлять технологии, вмешательство, экспертное управление и относительное бесправие местного населения» (Урри 2011: 72)? Не приведет ли глобальная историческая этика к формированию группы «исторических экспертов», слишком скорых на поспешное «я осуждаю»?

Функционирование «глобальной памяти» как судебного разбирательства в объективных условиях приведет к дополнительным конфликтам и излишней политизации истории. Воистину чем-то сталинским и авторитарным веет от предлагаемой Программой попытки устроить всеобщий суд над прошлым (в этом контексте см.: (Вязовик 2012)) и тем более однозначно составить список преступлений и тех, кто их совершил. Проблема этики ответственности заключается в том, что на межличностном уровне признание взаимных обид зачастую носит однократный характер (в идеале затем эти обиды *забываются*), в то время как на межгосударственном — постоянным процессом, который на практике неотделим от вопроса компенсаций. Это объясняет негативную позицию государственных элит по данному вопросу: почему мы сегодня должны быть (тем более материально) ответственны за то, что мы не совершали — виновен ли я в преступлениях сталинской эпохи? виновен ли современный немец

в Холокосте? и должен ли я платить и раскаиваться за то, что лично не совершал? и в этих ли смыслах вообще должно пониматься «раскаяние» и «ответственность»? почему мы должны способствовать формированию институциональных условий для постоянной актуализации негативного образа нашей страны, который в условиях современной экономики имеет влияние на позиции отечественного бизнеса? Да и что значит «быть ответственным»? — на этот сложный вопрос авторы Программы ответа не дают.

Отсюда возникает следующий вопрос: в чем конечный итог? Национально-ориентированная память выполняет весьма значимые социальные функции (рассуждая в духе К. Дойча: на определенной территории между ее населением она способствует формированию чувства общности и общего коммуникативного пространства, которые являются одними из гарантов социальной стабильности и снижают «транзакционные издержки» взаимодействия), в то время как прогрессивный потенциал «глобальной памяти» пока остается неясным.

Не менее странной является «нелюбовь» к государству и к национальному в обсуждаемой Программе. Стоит отметить, что в утверждении универсальных ценностей активное участие принимает и государство (и эти «универсальности» ставятся на службу конкретных политических интересов): ценности Просвещения глубоко инкорпорированы в национальную идентичность Франции, идеалы прав человека —

во внешнеполитическую стратегию США и ЕС (причем можно ли представить прогресс в этой сфере, если бы не мощная поддержка со стороны государственных структур?). Возьмем более близкий нам пример, а именно недавние споры в Великобритании вокруг реформы школьного образования: должна ли история воспитывать «британца» или «прививать общечеловеческие ценности»? Столкновение между разными стратегиями интерпретации прошлого вряд ли адекватно было бы представлять как противостояние «национальной» и «глобально-космополитической» памяти; в данном конкретном контексте вторая тесно связана с той культурной политикой, которую пытается проводить Брюссель. Не стоит забывать, что память и о Холокосте, и о Хиросиме стали частью того, что сегодня порой называется «глобальной культурой памяти» (см. мою рецензию на книгу Р. Цвигенберга) во многом благодаря усилиям государств или местных властей, и было тесно связано с конкретно-политическими и экономическими интересами.

Да и возможна ли сегодня в условиях политического и культурного плюрализма, формирования обществ постмодерна в ряде стран Запада победа именно универсалистского проекта? Если «глобальная память» действительно формируется, значит, постмодернизм (как социальная реальность) терпит поражение; если же мы выступаем за формирование «глобальной памяти» (полагая возможным ее сформировать), то необходимо думать, как преодолеть сопротивление самой

среды. В научном плане речь идет о том, что любые знания и действия опосредованы и детерминированы социальным контекстом, в том числе культурным (на это обратил внимание так называемый культурный поворот в общественных науках) и лингвистическим (его осмысление связано с лингвистическим поворотом в общественных науках). А потому непонятно, как может формироваться эта самая «глобальная память», если всё наше знание и все наши действия контекстуальны (отсылка к этике и некоей единой этической позиции здесь неуместна)? Не является ли представление о «глобальной памяти» иллюзией?

И наконец, я перехожу к одному из главных замечаний: если мы связываем «глобальную память» с процессами глобализации, то мы должны прежде всего изучать саму глобализацию. Тем самым историкам придется забыть о том, что они историки, и стать еще немного политологами-международниками. Если кратко, то само понятие глобализации в науке о международных отношениях появляется в 1980-х гг. и тесно связано с нарастающей экономической взаимозависимостью всех стран. В политическом плане речь идет и о формировании особой мирополитической среды (см.: *Богатуров* 2004; *Фельдман, Барабанов* 2007; *Лебедева* 2008). На мирополитической арене теперь наравне (!) с государствами выступают и негосударственные акторы — прежде всего транснациональные банки и транснациональные корпорации (последние производят четверть мирового ВВП), в меньшей степе-

ни — различные международные неправительственные организации. Вопрос о том, насколько кардинально меняется роль государств, является спорным и вряд ли может иметь однозначный ответ (отмечу интересный парадокс, что если международники к концу XX в. говорили всё больше об ослаблении государства, то политологи, наоборот, писали о государстве как об «ожиревшем Левиафане»). От себя я приведу в пример международные рейтинговые агентства, от оценок которых зависит кредитный рейтинг стран, и соответственно, позиции бизнеса. В 2011 г. именно снижение кредитных рейтингов США и ряда стран ЕС (вызывавшее чуть ли не истерику у ряда национальных правительств и одновременно гнусные и горделивые рассуждения о «загнивании Запада» в России) стало одним из ключевых факторов предотвращения второй волны мирового финансового кризиса.

Взаимозависимость проявляется не только в том, что, например, крушение рынка ипотеки США становится спусковым крючком мирового кризиса, а обострение ситуации в Сирии порождает миграционный кризис в ЕС. Появляются глобальные проблемы, т. е. те, которые нельзя решить силами одного или нескольких государств. Сегодня это достаточно сложная проблематика, которая не исчерпывается такими традиционными угрозами, как терроризм, экология (выбросы в атмосферу на территории Китая — это проблема не только китайцев, но уже и мировой экосистемы), доступ к энергетическим ресурсам или распространение оружия мас-

сового уничтожения. Вопрос ставится о формировании глобальных структур управления, нацеленных на управление (shape) глобальными процессами (англоязычная литература по теме глобального управления насчитывает тысячи книг и статей, среди отечественных авторов см.: *Косолапов 2013; Лебедева, Касаткин, Харкевич 2013; Глобальное управление 2015*].

Речь идет о весьма сложных, важных, актуальных процессах, вокруг которых и разворачивается политическая борьба. В этой связи проблемы глобальной культуры памяти, как мне кажется, предстоит вписать именно в этот контекст, что предполагает (если с уровня politics переходить на уровень policy) определенную прагматику: почему люди должны предпочесть глобальную культуру памяти национальной? Что она будет включать? Кому она будет нужна? Кто будет ей противостоять? Кто может оказаться союзником в ее формировании? Кто будет ее носителем? Какие значимые проблемы эта глобальная культура памяти должна разрешить? Непонимание политического момента и наивный идеализм сделают любые рассуждения о глобальной культуре памяти в лучшем случае доморощенными фантазиями, в худшем — инструментом чьих-то политических интересов. Узким представляет и подход некоторых отечественных авторов, которые, затрагивая вопрос соотношения коллективной памяти и глобализации, склонны видеть со стороны последней угрозу, а не открывающиеся возможности (*Костина 2013; Аникин 2011*).

Прежде всего, необходимо указать: память в данном случае есть определенное отношение к историческим событиям, определенный взгляд, пусть и не унифицированный, но обладающий некоторой степенью единства. Эту степень предстоит еще выяснить. Центральное место здесь принадлежит отнюдь не историку (хотя именно он является носителем научных знаний, а также своим авторитетом может освятить все попытки формирования такой памяти), а тем интеллектуалам, которые смогут выработать общую позицию, с которой предлагается смотреть в прошлое. Другими словами, важно не столько зафиксировать общий взгляд на события, сколько выработать общее отношение к ним. Например, речь не о прекращении споров о том, каковы были истинные причины и значение сталинских репрессий, сколько точно было репрессировано (700 тыс.? 1 млн? 5 млн?), речь о моральной оценке этих репрессий как недопустимого зла (для нас). Тем самым история оценивается не объективно, а с позиции «я так говорю, я так считаю» (и эта позиция должна быть четко отрефлексирована и проговорена, хотя бы из соображений интеллектуальной честности).

Теперь встает вопрос о ценностях. В качестве возможных, конечно, могут выступить и идеалы Просвещения, хотя мне кажется, что в центр стоило бы поставить солидарность, что уже предполагает отказ от различных форм либерализма и переход к коммунитарным (в духе А. Этциони, см. (*Этциони* 2004)) ценностям. Впрочем, всё это должно быть предметом дискуссии. Причем в ходе нее самое опасное — интеллектуальный

снобизм, стремление создать «идеологию из пробирки». Наблюдать, изучать, стремиться понять требования времени, различных групп интересов, предлагать слова (дискурс), которые могли бы выразить еще не выраженные устремления, интересы, ценности — таковой мне видится задача интеллектуала, занимающего идейной работой. То есть воспринять то, что еще Волошиновым и Бахтиным называлось «стихийными идеологиями». Отсюда и мой тезис: мы не должны мыслить себя как представителей трансцендентального разума, способного занимать вневременную и внеконтекстуальную позиции (отсюда проистекает невозможность судебного разбирательства, которое в предложенной в Программе форме неминуемо обернулось бы экспертным тоталитаризмом, если бы было возможно на практике). Онтологические и эпистемологические основы глобальной культуры памяти, на мой взгляд, должны опираться на иной тип философской мысли, близкой к диалогизму М.М. Бахтина, этической философии Э. Левинаса (кстати, именно лагерный опыт эпохи Второй мировой был во многом предметом осмысления) или коммуникативному разуму Ю. Хабермаса. Несколько огрубляя: я не призываю к подчинению истории инструментальной рациональности, однако полагаю, что этическая позиция должна обретаться в ходе определенного поиска, отталкивающегося от объективных реалий и связанного с выстраиваемым телеологическим горизонтом.

Однако, на мой взгляд, выработка этих оснований не может осуществляться в отрыве от осмысления

прагматических импликаций: к чему именно должна вести глобальная память? Какие проблемы она призвана решить? Речь идет не об утилитаризме в чистом виде, а об определении желаемых последствий реализации предлагаемого проекта.

Что же может быть социальной основой глобальной памяти? Мне представляется важным обратить внимание на четыре процесса:

— формирование глобальной информационной среды, а вместе с нею «повестки дня для всего мира». Однако надо помнить: глобальная информационная среда — это прежде всего глобальный рынок, со своими правилами. Если «глобальная память» на нем не будет «продаваться», то ее никто не будет продавать;

— возникновение такого явления, как «глобальная семиотика». Пока речь идет больше о проекте, нежели реальности, однако некоторые авторы уже отмечают, что мы имеем возможность говорить о существовании экосемиотики, т. е. некоего единства в осмыслении экологических проблем (Барabanов 2013). Мне этот аспект представляется важным, поскольку главная угроза глобальной культуре памяти состоит вовсе не в осознанных разногласиях, а в том, что все наши рассуждения исходят из своих локальных контекстов;

— глобальная борьба за мировые институты управления, однако в данном случае можно предполагать формирование нескольких конкурирующих проектов «глобальных культур памяти». На сегодняшний день пока ничего, кроме продвигаемой стра-

нами Запада идеологии демократии и либерализма, не предложено, а потому стоит задуматься, должна ли глобальная культура памяти строиться именно по этим лекалам или же более прагматично было бы предложить конкурирующий проект (например на основе идей солидарности);

— нарастание глобальных проблем, в этом плане глобальная культурная память должна быть не просто памятью общечеловеческой солидарности, но и содержать в себе конкретные представления, ценности, образцы для подражания, запреты, которые содействовали в решении этих проблем.

Определив условия формирования глобальной культуры памяти, теперь я могу перейти к тому, чтобы очертить ее контуры. Из всего вышесказанного представляется, что конкретная глобальная культура памяти должна:

- а) быть интересной ведущим мировым СМИ;
- б) предлагать свои ответы (необязательно исчерпывающие) на решение глобальных проблем;
- в) опираться на те сферы и вопросы, вокруг которых возможно формирование глобальных семиотических пространств;
- г) стать частью политической борьбы за позиции в глобальных институтах управления.

Предвижу, что меня захотят обвинить в намеренном стремлении политизировать историю. Но разве

не к этому и призывают авторы Программы – к политизации и мифологизации истории? Ведь политизация означает приобщение исторического знания к активному политическому действию (предлагаемый Программой научный международный активизм есть как раз таки политика, по крайней мере в духе Ж. Рансьера [Рансьер, 2006]). Сама постановка вопроса о глобальной культуре памяти уже есть политизация истории (в том же духе, в котором 50 лет назад Г. Маркузе предлагал политизировать точные науки, дабы низвергнуть тоталитарное одномерное общество потребления (Маркузе 2009)), ибо стремится воздействовать на мир. В терминах Р. Барта (Барт 2014), речь идет о мифе, поскольку мы изначально говорим о формировании такого взгляда на прошлое, который должен быть деформирован определенной ценностной позицией. Так, осуждая сталинские репрессии, мы не высказываемся собственно о них, мы фиксируем наше отношение к ним, тем самым подчиняя факт из прошлого чуждой ему и актуальной нам задаче. Это не обязательно история фальсифицированная, но всегда – искаженная нашим к ней отношением. Конечно, у Барта миф есть слово деполитизированное, например, манипуляции прошлым ради того, чтобы обосновать естественность сложившегося порядка, есть производство исторической мифологии именно в бартовском смысле. Однако политизированная история, т. е. служащая преобразованию социальной действительности, также является мифологичной (поскольку не ставит перед собою задачу

собственно описать прошлое), хотя в идеале это будет всегда «слабый», неустойчивый и ситуативный миф.

И прежде сторонники Программы должны признать, что они (с точки зрения Барта, это парадоксально) – за мифологизацию и политизацию истории, а уже затем поставить вопрос о том, что эта глобальная история не должна быть узко-конъюнктурной, не должна противоречить (соответствие невозможно) сформированному академическому нарративу (выдвигаемый мною принцип непротиворечия, конечно, требует более детальной разработки), а преследуемые цели были действительно общезначимыми (глобальная память ради глобальной памяти – это мелко и неинтересно).

Конечно, всё это – достаточно общие рассуждения, еще предстоит разобраться в том, возможна ли глобальная культура истории и что вообще есть такое «история как часть мировой политики». Пока, на мой взгляд, речь стоит вести о формировании сугубо исследовательской группы, призванной изучить то, что уже сделано на этом поле зарубежными авторами. Помимо политического использования истории, весьма перспективным было бы изучение пространства Интернета, например Википедии, чей опыт коллективного обсуждения истории должен быть осмыслен (Pentzold 2009). Немаловажен опыт написания «глобальной истории» и вообще процесс «исторического примирения» между различными странами, связанный с созданием совместных учебников истории (например для Германии и Польши)

или же общих монографий по проблемным вопросам (как это делала российско-польская комиссия под председательством А.В. Торкунова).

С практической точки зрения, думаю, стоит задуматься о значении истории как фактора укрепления отношений между двумя отдельными странами. Сегодня в России в условиях интеллектуального вакуума (привет консервативной волне!) подобные идеи могут даже оказаться востребованными на политическом уровне. Например, как история может стать фактором стабилизации отношений между Россией и Украиной? И что это вообще за история, которая способствует примирению (сомнительно, что это некий всеобъемлющий нарратив, содержащий в себе разные точки зрения, ибо подобное многословие неудобно для простых людей)?

Практическое воплощение гуманитарных проектов на международном уровне возможно лишь при наличии политической воли к сотрудничеству, если ее нет, то и «конкретные рекомендации» не будут востребованы. В противном случае субъектами формирования глобальной памяти должны выступать различные «международные гражданские активисты». Необходимо задуматься и о том, что именно может содержать «глобальная культура памяти» помимо идеологии прав человека (уже «занятой» исследователями из ЕС). Почему бы не обратиться к экологической проблематике? Правам меньшинств? Истории как фактору преодоления этнических конфликтов и конструированию гражданской идентичности? Ген-

дерному равенству? Не стоит ли обратить внимание на изучение трансграничных феноменов и на то, как трансграничное сотрудничество влияет на формирование локальных структур памяти?

Представляется потенциально «привлекательной» и тематика терроризма. Успех в объявленной Америкой в 2001 г. «глобальной войне против террора» объясняется далеко не сочувствием к жертвам 11 сентября, и не только положением США как единственной сверхдержавы. Многие страны испытывают те или иные территориальные проблемы и вынуждены бороться против различных оппозиционных, сепаратистских групп, прибегающих к террору. Конечно, с исторической точки зрения далеко не так просто определить, кто такие террористы. Но множество сложностей, которые уже подробно обсуждаются, не отрицают главного: в современном мире достаточно большое число насильственных актов могут быть однозначно определены как террористические. Тем самым есть основания и для увековечения жертв, и для героизации борцов против терроризма, и даже для заочного соревнования между странами относительно того, кто внес больший вклад в борьбу против тех политических сил, которые считают терроризм приемлемым.

В заключение статьи я отмечу следующее. Выше я говорил в основном о нарративном подходе к «глобальной памяти». Но обязательно ли это должен быть нарратив? Ведь чувство ответственности за преступления прошлого (неважно кем

совершенные) не обязательно должны происходить из общего видения и осмысления этих самых событий. Так и глобальная культура памяти может мыслиться не как универсальный рассказ, согласие по поводу прошлого, а как особая форма чувствования, переживания прошлого и социального воображения (здесь может пригодиться опыт отечественного левого авангарда, который сто лет назад пытался, правда, не совсем удачно, пойти этим путем, см. (Чубаров 2014)). В таком случае надо порвать с моделью «суда над историей» и отказаться от чванства картезианского субъекта. Здесь я отсылаю к рецензируемой далее книге Р. Цвигенберга, а именно к сюжету о Марше памяти Хиросима–Аушвиц, который прошел в 1962 г. Да, этот Марш в целом провалился, ведь универсалистский посыл японских активистов объединить эти трагедии встретил сопротивление и непонимание среди жителей ряда стран: в Сингапуре были обвинения в том, что Япония тем самым пытается замолчать собственные преступления, в Израиле ядерное оружие (против которого выступали японцы) рассматривалось как способ предупреждения подобных трагедий в будущем, а в социалистической Польше Аушвиц был тесно вписан в историю страдания польского народа. Однако, несмотря на это общими были практики увековечения (фигура Свидетеля, использование «языка искусства», придание статуса реликвий вещам жертв и пр. (Zwigenberg 2014: 203)). И не являются ли различного рода военно-исторические реконструкции, исторические интернет-проекты (включая базы данных)

примерами как раз таки ненарративной формой памяти? И не позволит ли отказ от нарратива избежать превращения истории в миф? Возможно, для теоретического осмысления такой возможности будет полезна социология мобильности Дж. Урри, который призывал в условиях глобализации отказаться от господствующего понимания общества как привязанного к конкретному территориальному государству, поменять базовую метафору и рассматривать общества как сети и текущую среду (сами же государства им описываются как регуляции) (Урри 2011: 53). В любом случае речь идет пока лишь об очередной гипотезе, поскольку реалистичные способы реализации подобной «сетевой», «текущей» и пр. глобальной культуры памяти я пока вижу лишь при наличии определенного уровня политической воли и серьезных экономических ресурсов, что опять возвращает нас к описанным выше проблемам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аватков, Видяйкин 2013 — Аватков В.А., Видяйкин А.С. Деятельность аналитических центров в Турции при правлении Партии справедливости и развития // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3. С. 100–104.

Александр 2013 — Александр Дж. Смыслы социальной жизни: культуросоциология. М., 2013.

Аникин 2011 — Аникин Д.А. Политика памяти в глобальном мире: предпосылки социально-философского исследования // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 15–21.

Ассман 2016. — Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016.

Барабанов 2013 — Барабанов О. Семиотика в исследованиях глобального управления // Международные процессы. 2013. № 1. С. 76–83.

Барт 2014 — Барт Р. Мифологии. М., 2014.

Богатуров 2004 — Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные отношения. 2004. Т. 2. № 1.

Вязовик 2012 — Вязовик Т.П. Ток-шоу «Суд времени» как «изобретенная традиция» // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Отв. ред. О.Ю. Малинова. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М., 2012. С. 262–285.

Гельман 2016 — Гельман В.Я. The Politics of Denial // Авторский блог в ЖЖ «Grey_Dolphin». URL: <http://grey-dolphin.livejournal.com/857734.html> (дата обращения 18.07.2016).

Глобальное управление 2015 — Глобальное управление: возможности и риски / Отв. ред. В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. М., 2015.

Грундман, Штер 2015 — Грундманн Р., Штер Н. Власть научного знания. СПб., 2015.

Еленский 2011 — Еленский А.В. Политическая экспертиза: генезис, понятие и когнитивные возможности // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 57–59.

Истомин 2012 — Истомин И. Внешнеполитическая экспертиза и конструирование международной среды // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 3. С. 58–72.

Косолатов 2013 — Косолатов Н.А. Прообраз посткапитализма. БРИКС как международное политическое пространство // Россия в глобальной политике. 2013. № 1.

Костина 2013 — Костина Е.Н. Диалектика глобального и локального: национальное государство и коллективная память в условиях глобализации //

Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2013. № 1. С. 36–38.

Лебедева 2008 — Лебедева М.М. Что угрожает Вестфалю? // Международные процессы. 2008. Т. 6, № 1. С. 117–121.

Лебедева, Харкевич, Касаткин 2013 — Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И. Глобальное управление. М., 2013.

Маркузе 2009 — Маркузе Г. Одномерный человек. М., 2009.

Рансьер 2004. — Рансьер Ж. На краю политического. М., 2006.

Серто 2013 — Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб., 2013.

Символическая власть 2011 — Символическая власть: социальные науки и политика / Под ред. Н.А. Шматко. М., 2011.

Степанян 2010 — Степанян А.Р. Ведущие центры политического консультирования и экспертизы в ФРГ // Политический анализ. 2010. № 10. С. 26–34.

Урри 2011 — Урри Дж. Социология за пределами обществ. М., 2011.

Фельдман, Барабанов 2007 — Фельдман Д., Барабанов О. Порядок до Вестфалю // Международные процессы. 2007. Т. 5, № 3.

Финкель 2012 — Финкель Е. В поисках «потерянных геноцидов»: историческая политика и международная политика в Восточной Европе после 1989 г. // Историческая политика в XXI веке. М., 2012. С. 292–327.

Чубаров 2014 — Чубаров И. Коллективная чувственность. Теории и практики левого авангарда. М., 2014.

Этциони 2004 — Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М., 2004.

Boswell 2009 — Boswell Ch. The Political Uses of Expert Knowledge. Cambridge, 2009.

Pentzold 2009 — Pentzold Ch. Fixing the floating gap: The online encyclopaedia Wikipedia as a global memory place // Memory Studies. 2009. Vol. 2 (2). P. 255–272.

Ryan 2014 — Ryan L. Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the

dynamics of their interaction // Journal of Sociology. 2014. Vol. 50 (4). P. 501–514.

Zwigenberg 2014 — Zwigenberg R. Hiroshima. The Origins of Global Memory Culture. Cambridge, 2014.

K. Pakhaliuk. The Global Memory Culture in searching of teleological perspectives

Key words: historical memory, discourse, globalization.

In this article, the author puts forward a number of theses, aimed at the development of the proposed humanitarian research program «Global memory: culture historical responsibility in the XXI century.» It is noted that national-oriented memory is still alive and kicks, because it performs important social functions. Taking into account the need to distinguish between history-as-science and history-as-public-discourse, the author puts forward the thesis that in order to avoid marginalization of proposed ideas memory global culture should be linked with the discussion of the pressing problems of globalization, as well as the elaboration of the total value-position, which would frame historical debates in public sphere.

REFERENCES

Alexander J. *Smysly sotsial'noi zhizni: kul'tur-sotsiologiya*. Moscow, 2013.

Anikin D.A. Politika pamiati v global'nom mire: predposylki sotsial'no-filosofskogo issledovaniia. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 2011. N 1. P. 15–21.

Avatkov V.A., Vidiakin A.S. Deiatel'nost' analiticheskikh tsentrov v Turtsii pri pravlennii Partii spravedlivosti i razvitiia. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2013. N 3. P. 100–104.

Assman, A. *Novoe nedovolstvo memorialnoy kulturoi*. Moscow, 2016

Barabanov O. Semiotika v issledovaniiaakh global'nogo upravleniia. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2013. N 1. P. 76–83.

Barthes R. *Mifologii*. Moscow, 2014.

Bogaturov A.D. Poniatie mirovoi politiki v teoreticheskom diskurse. *Mezhdunarodnye otnosheniia*. 2004. Vol. 2. N 1.

Boswell Ch. *The Political Uses of Expert Knowledge*. Cambridge, 2009.

Certeau M. *Изобретение повседневности. 1. Искусство делат'*. Saint Peterburg, 2013.

Simvolicheskaiia vlast': sotsial'nye nauki i politika. Ed. N.A. Shmatko. Moscow, 2011.

Chubarov I. *Kollektivnaia chuvstvennost'. Teorii i praktiki levogo avangarda*. Moscow, 2014.

Elenskii A.V. Politicheskaiia ekspertiza: genesis, poniatie i kognitivnye vozmozhnosti. *Voprosy filosofii*. 2011. N 2. P. 57–59.

Etzioni A. *Ot imperii k soobshchestvu: novyi podkhod k mezhdunarodnym otnosheniiam*. Moscow, 2004.

Fel'dman D., Barabanov O. Poriadok do Vestfalia. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2007. Vol. 5, N 3.

Finkel' E. V poiskakh "poteriannykh genotsidov": istoricheskaiia politika i mezhdunarodnaia politika v Vostochnoi Evrope

posle 1989 g. *Istoricheskaia politika v XXI veke*. Moscow, 2012. P. 292–327.

Gel'man V. Ia. The Politics of Denial. *Avtorskii blog v LJ "Grey_Dolphin"*. URL: <http://grey-dolphin.livejournal.com/857734.html> (date of access 18.07.2016).

Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski. Eds. V.G. Baranovskii, N.I. Ivanova. Moscow, 2015.

Grundmann R., Stehr N. *Vlast' nauchnogo znaniia*. Saint Petersburg, 2015.

Istomin I. Vneshnepoliticheskaia ekspertiza i konstruirovaniye mezhdunarodnoi sredy. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2012. Vol. 10, N 3. P. 58–72.

Kosolapov N.A. Proobraz postkapitalizma. BRIKS kak mezhdunarodnoe politicheskoe prostranstvo. *Rossia v global'noi politike*. 2013. N 1.

Kostina E.N. Dialektika global'nogo i lokal'nogo: natsional'noe gosudarstvo i kollektivnaia pamiat' v usloviakh globalizatsii. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Ser.: Filosofii. Psikhologii. Pedagogika*. 2013. N 1. P. 36–38.

Lebedeva M.M. Chto ugrozhaet Vestfaliu? *Mezhdunarodnye protsessy*. 2008. Vol. 6, N 1. P. 117–121.

Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Kasatkin P.I. *Global'noe upravlenie*. Moscow, 2013.

Marcuse G. *Odnomernyi chelovek*. Moscow, 2009.

Ransier, G. Na krayu politicheskogo. Moscow, 2006.

Pentzold Ch. Fixing the floating gap: The online encyclopaedia Wikipedia as a global memory place. *Memory Studies*. 2009. Vol. 2 (2). P. 255–272.

Ryan L. Cosmopolitan memory and national memory conflicts: On the dynamics of their interaction. *Journal of Sociology*. 2014. Vol. 50 (4). P. 501–514.

Stepanian A.R. Vedushchie tsentry politicheskogo konsul'tirovaniia i ekspertizy v FRG. *Politicheskii analiz*. 2010. N 10. P. 26–34.

Urry J. *Sotsiologiya za predelami obshchestva*. Moscow, 2011.

Viazovik T.P. Tok-shou "Sud vremeni" kak "izobretennaia traditsiia". *Simvolicheskaia politika: Sb. nauch. tr.* Ed. O. Iu. Malinova. Iss. 1. Konstruirovaniye predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs. Moscow, 2012. P. 262–285.

Zwigenberg R. *Hiroshima. The Origins of Global Memory Culture*. Cambridge, 2014.

В.А. Коренько

ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМ, КВАЗИИСТОРИОГРАФИЯ И АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА

9 января 2016 г. скоропостижно скончался ведущий научный сотрудник Государственного музея искусства народов Востока Владимир Александрович Коренько. Это был человек, успешно сочетавший полевую и кабинетную работу, прекрасно знавший культуру и искусство разных народов Евразии — от ногайцев до бурят, создавший себе имя сразу в нескольких смежных дисциплинах — в археологии и этнографии, эпиграфике и искусствоведении. Причем он обладал глубокими знаниями во всех исследовательских «полях», на которых ему довелось побывать. В то же время его отличало обостренное чутье и на всё подлинное, настоящее, действительно творческое, и на «красиво» придуманное — на «головные» конструкции, по видимости красивые, но плохо выдерживающие проверку фактами, а то и вовсе держащиеся на вольных или невольных софизмах и подтасовках. В соединении со здравым смыслом это качество делало его суждения и оценки безупречно взвешенными. Замечательно и то, что оценки его были абсолютно независимыми от популярности тех или иных теорий, как и от статуса их авторов. Поэтому он оказался бескомпромиссным критиком и западного постмодернизма, и таких прославленных авторов этногенетических квазинаучных построений, как Л.Н. Гумилев и Б.А. Рыбаков (не говоря уж о невежественных дилетантах типа Мурада Аджи).

К сожалению, наиболее яркие критические работы Владимира Александровича публиковались в изданиях малотиражных, а их электронные версии были размещены в основном на его личном сайте, известном преимущественно лишь узкому кругу друзей и знакомых. Между тем они практически ни в чем не утратили своей актуальности. Когда их читаешь сегодня, создается впечатление, что они написаны специально для журнала «Историческая экспертиза». Впечатление — не ложное, статьи Кореньки действительно очень точно соответствуют кредо журнала. Поэтому редакционным советом журнала было решено напечатать на его страницах одну из наиболее значительных критических историографических работ Владимира Александровича¹.

Согласие первого публикатора и наследников журналом получено.

Сергей Панарин

© Коренько В.А., 2015.

¹ См.: (Коренько 2000: 34–52). Также доступно на персональном сайте Владимира Коренько. URL: <http://korenko.ru/doc/etno.htm> (дата обращения: 02.07.2016). Как отметил сам В.А. Коренько, статья представляет собой переработанный текст доклада «Тюркский национализм в зеркале дилетантской литературы», прочитанного в Московском центре Карнеги 22 октября 1998 г.

Настоящая статья отчасти стимулирована наблюдениями автора над тем обширным потоком популярной литературы, который принято называть дилетантскими историческими сочинениями и который связан с оживлением этнонационалистической идеологии в 1980–1990-х гг. В соответствии с основным направлением своих профессиональных занятий – изучением традиционной культуры тюрко-монгольских народов – я старался следить в основном за теми публикациями, авторами которых являются представители тюркских и бурятского этносов. Но любой объективный наблюдатель, поставивший перед собой подобную цель, легко убедится в том, что плоды дилетантской историографии, при этом имеющие явно националистический привкус, обильны и во многих других этнических ареалах, хотя и не во всех. Исключением является, например, Калмыкия. Это объясняется тем, что основной идеей большинства этнонационалистических квазиисториографических публикаций является автохтонность этноса. Предки калмыков (западно-монгольские этнические группы торгоутов, хошоутов и дербетов) появились в Поволжье, Прикаспии и Предкавказье «слишком поздно» – в XVII в. Позднее и чисто миграционное появление калмыков в современном ареале настолько бесспорно и общеизвестно, что автохтонистская гипотеза их этногенеза не имеет никакого смысла. Поэтому «государственная идеология» Республики Калмыкия – Хальмг Тангч строится не по «исторической», а по «философской» модели – с упором на «общечеловеческие», «планетарные»

и «космические» мотивы, носителем и воплощением которых то ли является, то ли должна стать Калмыкия (*Иломжинов* 1997а; б).

Пестрый и исключительно обильный поток националистических квазиисториографических публикаций – книжных, журнальных, газетных – уже нашел своих серьезных исследователей. Кажется, наиболее активным из них сегодня является В. Шнирельман (*Шнирельман* 1995; 1996; 1998а; 1998б; *Shnirelman* 1995; 1996; 1997). Он взял на себя роль основного академического критика тех разнообразных и назойливых текстов, которые выходят из-под перьев этнонационалистических публикаторов. На мой взгляд, В. Шнирельман хорошо справляется с этой ролью. Его насыщенные фактами и отличающиеся широким аналитическим подходом исследования позволяют мне не останавливаться специально на морфологии этноисторических мифов, т. е. на систематизации их «сквозных сюжетов» – эта работа В. Шнирельманом в целом уже сделана, – в различных публикациях он предлагает классификации из четырех, восьми (*Shnirelman* 1997) и девяти позиций. Существуют и другие классификации. Археолог Л. Клейн писал о трех наиболее характерных проявлениях синдрома национальной уязвленности в содержании археологических исследований. К ним он отнес (*Клейн* 1993: 66–68):

«всемерное отстаивание исконности, глубочайшей древности своего народа и обитания его всегда, испокон веков, на его нынешней территории»;

«поиски “знатных предков”, происхождение от которых могло бы возвеличить уязвленный народ в собственных глазах и в глазах соседей»;

«войну на археологических картах, археологическую экспансию» — «представители каждого уязвленного народа стремятся представить территорию своего народа или землю своих “знатных предков” как можно более пространной, покрывающей и земли нынешних соседей».

Иными словами, морфология «сквозных сюжетов» может быть полной или неполной, укрупненной или дробной. При этом во всех случаях прослеживается общий смысл квазиисторических сюжетов: они направлены на идеализацию исторического прошлого определенного, «своего» этноса. Когда «отлет» таких идеализирующих фантазий от исторических фактов выходит далеко за рамки академической историографии, эпатированные читатели оценивают соответствующие дилетантские сочинения как бред. Возможна и более корректная оценка, но также с применением психиатрического термина: историографическая мегаломания (мания величия).

На мой взгляд, дилетантская квазиисториографическая публицистика — не просто и не только зеркало, в котором отражаются, например, тюркский (тюркистский) этнонационализм или русский шовинизм. Это вполне самобытное и довольно сложное явление. Если его основные мотивы («мифологемы», идеи, «сквозные сюжеты») вполне выяснены, то другие аспекты изучены недостаточно. К ним можно

отнести истоки и причины квазиисториографического течения, его взаимоотношения с профессиональной академической наукой и другие моменты.

Уже сама этимология терминов «дилетант», «дилетантизм», «дилетантский» говорит о том, что мы имеем дело с противоречивым понятием. В общем дилетантами называют людей, пытающихся занять или уже занявших место в какой-либо сфере деятельности, которая требует специального обучения, профессиональной подготовки, но такого обучения не прошедших и подобной подготовки не получивших. При этом хорошо известны люди, формально бывшие дилетантами (точнее, не получившие статуса профессионала), но внесшие серьезный вклад в науку и технику, даже ставшие в этих областях корифеями.

Пример противоположного явления. В квазиисториографии последних 10–15 лет «отличились» археологи И. Мизиев (Кабардино-Балкария) и Н. Мажитов (Башкирия). Оба сделали успешную профессиональную карьеру, занимаясь региональной археологией: Н. Мажитов специализировался на изучении средневековых памятников, И. Мизиев исследовал памятники средневековья и эпохи бронзы. И тот и другой обратились к археологии скифо-сарматских кочевников и попытались доказать их тюркскую языковую принадлежность. Это вызвало резкие возражения специалистов по скифо-сарматской археологии, поскольку практически все они считают скифов, савроматов, сарматов и саков ираноязычными.

Академическая репутация Н. Мажитова и И. Мизиева сейчас несколько подпорчена, зато их популярность вне профессиональной среды выросла. Должны ли они быть объявлены дилетантами? И если они дилетанты, то в чем? Диссертационные советы и ВАК выдали им документы, официально удостоверяющие их профессиональный статус высококвалифицированных специалистов-археологов.

Или они дилетанты потому, что, будучи археологами, занялись палеолингвистической атрибуцией древнекочевнических археологических культур? Но ведь и практически все оппоненты Н. Мажитова и И. Мизиева из числа скифологов и сарматоведов не имеют лингвистического образования и специальной подготовки в области иранской или тюркской филологии. Тогда есть основание объявить дилетантами этих упорных защитников скифосарматского ираноязычия – дискуссия в «квалификационном» плане идет на равных, и у них имеется лишь то небесспорное преимущество, что тезис об ираноязычии скифов и сарматов «академичен», а гипотеза о тюркоязычии – нет.

Напомню, что слово «дилетант» происходит от латинского «delecto» – улаждаю, забавляю. То есть дилетант – человек, получающий эмоциональное, психическое удовлетворение от своих занятий независимо от объективных результатов и оценки окружающих. Вознаграждения, рецензии, получение ученых степеней и званий вполне могут быть вторичными по сравнению с основным психическим стимулом. Таким образом, сомнительно,

что все историографы-дилетанты – некие агенты националистических элит, исполнители идеологических заказов «этнических бизнесменов».

Их критики как раз предпочитают эту простую и рациональную модель: этническая (этнократическая) элита формулирует идеологический заказ («спускает лозунги»), а квазиисториографы этот заказ выполняют. Однако, рассматривая конкретные сочинения, мы во многих случаях не можем обнаружить не только таких ясных связей между «заказчиками» и «исполнителями», но и «лозунгового» смысла основных сюжетов.

Обратимся, например, к публицистике М. Аджиева (Мурада Аджи), одного из наиболее известных тюркистских квазиисториографов-дилетантов. К числу основных его тезисов относится утверждение о том, что первоначальным ареалом христианства были не Палестина и Римская империя, а Алтай и «государство Дешт-и-Кипчак» IV–V вв. н. э.: «Аттила и его соплеменники сделали Европу христианской» (Аджиев 1992: 76–102; Аджи 1994: 193–250). Разумеется, научная ценность данного утверждения равна нулю. Но при этом трудно представить себе корреляцию соответствующих глав книг М. Аджиева с какими-либо внятыми этнонационалистическими планами или лозунгами. Допустим, доверчивые читатели М. Аджиева поверят, что подлинное изначальное христианство – это тюркское «тенгрианство» и что тюркские народы приняли ислам «очень поздно», «от отчаяния и бессилия» и «очень формально» (Аджиев 1992: 80–81). Каковы должны

быть последствия этой инверсии, что должны делать теперь если не «тюркские народы», то их доверчивые представители, начитавшиеся книг М. Аджиева? Закрывать мечети? Строить церкви? Покупать Евангелия? Налаживать производство «тенирианских крестов»?

Другой пример — один из самых эмоциональных пассажей М. Аджиева о том, как «наш кипчакский-половецкий народ», «потерявший запах ешан-травы», «судьбой разбит на осколки и разбросан по свету». «Так и случилось: из великого степного народа, в V в. покорившего Европу, теперь сделали маленькие “народики”. Важных карапузов. Так и идем мы по жизни — веками нас разделяли, чтобы властвовать над нами!.. Но “народики”, в ущерб Истине придумывающие себе прошлое, во сто крат страшнее и в тысячу раз позорнее. Они смирились со своим унижением, кандалы им больше не трут. Забыв древние святые образы, рисуют себе новые, очень сомнительного происхождения. Жалкие, потерянно копошащиеся, они уже не видят развалин величественного отчего дома, не чувствуют былую его теплоту» (Аджи 1994: 14–15).

Каков прикладной этнополитический смысл этих фраз? Что должны делать «народики-карапузы»? «Конструировать» единую историю? Создавать единый язык? Учредить якутско-гагаузское государство (эти народы перечислены подряд в подзаголовке одной из книг нашего автора)²

Такие простые и не находящие конкретных ответов вопросы подводят к мысли, что при анализе этого феномена примитивная схема «заказчики–исполнители» во многих случаях не работает. Для многих дилетантов-квазиисториографов основным стимулом является не исполнение заказов неких этнических элит, а самовыражение.

Сказанное заставляет относиться к термину «дилетантизм» достаточно сдержанно. Его можно применять с двумя существенными оговорками. Во-первых, граница между дилетантизмом и профессионализмом, даже соответствующим общепринятым академическим требованиям, более прозрачна, чем это многим кажется. Во-вторых, необходимо учитывать серьезный психический компонент этнонационалистической квазиисториографии.

получает очередной стимул тюркистское «говoreние» о некоем древнем общем величии. Вторая: эпатированность, раздраженность тюркского читателя, возникающая от того, что его народ назван «народиком-карапузом». Третий вариант воздействия, несколько неожиданный, зафиксирован мной в ногайском ареале (Ногайский район Дагестана) во время полевых исследований 1995 и 1996 гг. после того, как к ногайским читателям попала вышедшая в Москве в 1994 г. книга М. Аджиева «Польнь Половецкого Поля...». Хотя в самом тексте М. Аджиев упоминает ногайцев, но в подзаголовке среди «народов, ведущих свое начало от тюркского (кипчакского) корня», их нет. Это вызвало единодушные претензии ногайских интеллигентов к М. Аджиеву: в список «народиков-карапузов» он не включил ногайцев, для этнонационалистических деятелей которых кипчакское происхождение народа бесспорно и служит предметом гордости.

² Можно предположить три линии воздействия пассажа М. Аджиева о «народиках-карапузах» и подобных ему текстов. Первая:

Непреодолимость границы между дилетантской и профессиональной историографией иллюзорна, потому что «пограничные знаки» очень конкретны и бросаются в глаза. Например, мне для того, чтобы отнести какую-либо «тюркологическую» публикацию к дилетантским, достаточно просмотреть ее «по диагонали» и обнаружить там что-то вроде «П. Карпини» или «Атиллы». Сразу видно, что автор, превративший первую часть фамилии Джованни дель Плано Карпини в инициал или упорно пишущий имя Атилы с одним «т» и двумя «л», не только не является тюркологом-профессионалом, но и просто невнимательно читал источники хотя бы в русских переводах, а то и вовсе в собственно источники не заглядывал.

Примерно то же писал И. Пьянков в рецензии на публикацию азербайджанского дилетанта Т. Мамедова: «Кажущаяся доступность древней истории — обманчива и коварна. И дилетант попадает в западню, с первых же фраз выдавая “ляпы” и “перлы”, к сожалению, не всегда очевидные для массового читателя, но у специалистов вызывающие невольную улыбку (впрочем, иногда и ярость, и глубокую печаль — смотря по темпераменту). Дело тут даже не столько в фактических ошибках, искажениях и всяких несуразностях, — хотя и их бывает предостаточно, сколько в полном отсутствии специальной подготовки, которая приобретает годами и которую нельзя определить кратко и однозначно» (Пьянков 1990:176).

И. Пьянков в этой рецензии описывает и некоторые другие при-

знаки дилетантской литературы. Некоторые из них могут быть установлены только после более или менее серьезного анализа. Например, недостаточное знание научной литературы и истории вопроса: «Не зная научной литературы, дилетант, естественно, неспособен и ориентироваться в ней. Отсюда проистекают типичные для дилетантов ошибки: общепринятые распространенные положения они часто принимают за чье-то личное мнение или открытие... (И у дилетанта, незнакомого с литературой вопроса, не видящего “обоснования” в известных ему работах, словом, замечающего только вершинку айсберга, появляется соблазн легким щелчком опрокинуть весь айсберг, соблазн легких “опровержений” и “открытий”)... и наоборот, отдельные сомнительные и даже просто фантастические построения — за последнее слово науки, всеми признанное и окончательное» (Пьянков 1990: 177).

Другие признаки, отмеченные И. Пьянковым, бросаются в глаза. Например, «способ звуковых уподоблений», в сущности имитирующий или даже пародирующий этимологический метод лингвистики, но с помощью которого можно буквально «творить чудеса». Действительно, более или менее объемистые колонки и таблицы, составленные из сходно звучащих разноязычных слов, довольно часто встречаются в сочинениях дилетантов. Еще один признак — особенности библиографии или справочного аппарата. Общим признаком дилетантских библиографий является, например, большая

доля ссылок на научно-популярные издания. Особенность тюркологов-дилетантов – фактическое незнание западной тюркологической литературы, а она не только превосходит отечественную объемом, но и исследует многие проблемы, в изучении которых советские и российские тюркологи далеко отстали.

Итак, представление о границе между дилетантской квазиисториографией и академической историографией двойственно. С одной стороны, она обозначена конкретными и хорошо заметными признаками. С другой стороны, она «прозрачна», проницаема прежде всего благодаря не столь многочисленным, сколь заметным фигурам, вроде бы принадлежащим миру академической науки и во всяком случае начинавшим как исследователи академического типа, но затем эволюционировавшим в направлении дилетантизма.

Наиболее крупной и яркой или, как теперь принято говорить, «культурной», «знаковой» фигурой этого рода для тюркофильской квазиисториографии и тюркской этнонационалистической публицистики давно стал Л. Гумилев.

Сочинения Л. Гумилева критиковались с двух основных точек зрения. Во-первых, его обвиняли в «биологизаторском» или «биолого-энергетическом» подходе к этнической истории (*Бромлей* 1981: 247; 1983: 20, 209–210, 213–215; *Ефремов* 1971: 77–80; *Козлов* 1974: 72–85). Другое направление критики было собственно историографическим. Наиболее

известна критика гумилевской концепции русско-монгольских отношений XIII в., изложенная В. Чивилихиным в романе-эссе «Память» (*Чивилихин* 1982: 462–482, 488, 490–499, 516, 544–545). Тюркологи и китайцы скорее игнорировали работы Л. Гумилева, чем критиковали; их оценки были кратки. В частности, они указывали на «органические дефекты источниковедческой базы его исследования», поскольку «основные источники» «представляются второстепенными в общей совокупности источников, имеющихся сегодня в распоряжении исследователя» (*Крюков и др.* 1979: 7–8, 60–61). Однако до тотальной или хотя бы относительно полной историографической и источниковедческой экспертизы книг Л. Гумилева дело до сих пор не дошло и скорее всего не дойдет.

Что касается журналистской критики Л. Гумилева, то она очень поверхностна и не вскрывает сути дела, даже когда к ней подключаются профессионалы. В марте 1998 г. журнал «Итоги» опубликовал статью Д. Драгунского «Массовая культура для избранных». Произведения Л. Гумилева объявлены «странным бантиком на пестрой упаковке современного российского масскульта»; хотя Л. Гумилев «в нишу массовой культуры попадает помимо собственной воли», но, «работая с неподдельным энтузиазмом дилетантов», с «эмоциональным напором, хлещущим со страниц сочинений», Л. Гумилев создал «интеллектуальные ужасики», в которых главное – «сенсационные выводы». Дополнительно к статье Д. Драгунского опубли-

кована заметка В. Шнирельмана³. Правильно указав основные методы гумилевской историософии, В. Шнирельман совершенно напрасно объясняет предложенную Л. Гумилевым концепцию этногенеза тем, что он «вдохновлялся древнекитайскими представлениями» «о жизненной энергии ци» (*Драгуновский* 1988: 50–53; *Шнирельман* 1988: 51–52). Всё, что Л. Гумилев написал о «древнекитайской мистике» (видимо, В. Шнирельман имеет в виду даосизм), укладывается в несколько абзацев и не свидетельствует ни о глубоких знаниях, ни о большом интересе⁴.

Вопрос о том, в какой мере Л. Гумилев был дилетантом, не столь интересен, как проблема его эволюции от тюркологии и кочевниковедения к историософии. Активная публикация в 80-90-х гг. практически всех текстов Л. Гумилева и различных относящихся к его деятельности материалов позволяет проследить эту эволюцию и установить, что его вдохновляло на самом деле, что по-настоящему двигало от профессионализма к дилетантизму.

По-видимому, вернувшись осенью 1956 г. в Ленинград из «мест

³ Отрицательный читательский отзыв на эти публикации см.: (*Тананайко* 1988: 4).

⁴ См., напр., (*Гумилев* 1997а: 208). Вполне и нарочито дилетантские рассуждения о даосизме занимают как раз один абзац: «Откровенно говоря, я долгое время, сколько ни читал всякой литературы, не мог понять, что такое “Дао”. Но когда стал общаться с китайцами, то все-таки кое-что понял (они мне объяснили и я нутром почувствовал). Дао – это Вселенная с диаметром в бесконечность, которая то сокращается до точки, то опять расширяется... Вот такая пульсирующая Вселенная и есть “Дао”. Понятнее объяснить не могу».

не столь отдаленных», Л. Гумилев написал письмо в Прагу евразийцу П. Савицкому, в котором делился исследовательскими планами. Опубликовано ответное письмо П. Савицкого от 1 января 1957 г., из которого следует, что Л. Гумилев предполагал заняться «глубоким социальным анализом истории кочевников» и на этой основе объяснить «своеобразную ритмику» истории кочевого мира (*Гумилев* 1993: 205–211). Одновременно обсуждалась и роль «географического фактора». Никаким глубоким социальным анализом Л. Гумилев впоследствии не занимался. Можно лишь догадываться, что такое намерение было. Может быть, оно было связано с антипатией к А. Бернштаму, выпустившему в 1946 г. книгу о социально-экономическом строе орхон-енисейских тюрок (*Бернштам* 1946). Л. Гумилев защитил кандидатскую диссертацию в 1948 г., тут же был арестован и отторгнут от научной работы еще на восемь лет. Он не скрывал, что считает А. Бернштама своим главным врагом и доносчиком, испортившим ему жизнь до 1956 г. (*Гумилев* 1993: 25), когда не сильно разошлись во времени освобождение и возвращение в Ленинград Л. Гумилева и смерть А. Бернштама.

Вернувшись в Ленинград 44-летним кандидатом наук со скудным багажом публикаций, Л. Гумилев оказался перед необходимостью догонять коллег-ориенталистов. Выпуск в 1960 г. книги «Хунну», а затем – «Степной трилогии»: «Хунны в Китае» (1974), «Древние тюрки» (1967), «Поиски вымышленного царства» (1970), видимо, показал,

что ликвидация «органических дефектов источниковедческой базы» — столь же неподъемное занятие, как и «глубокий социальный анализ истории кочевников». Книжки хорошо покупались, но оценки коллег-профессионалов были сдержанными. Другая тема, интересовавшая Л. Гумилева в 60-х гг., — связь «ритмов кочевых культур» с климатическими колебаниями — в принципе не была оригинальной (на Западе ею начинали заниматься О. Латимор и Р. Груссе) и сравнительно быстро исчерпала себя.

Нужен был большой, эффектный успех, и ради него можно было поступиться соображениями научной этики. Именно так можно объяснить скандальную историю с альбомом «Старобурятская живопись» (Гумилев 1975). Нынешние последователи и биографы Л. Гумилева пытаются выдать эту дилетантскую затею за некий хитроумный маневр, предпринятый гонимым ученым, — что-то наподобие эпизода из воспоминаний А. Солженицына «Бодался теленок с дубом». А Куркчи пишет: «В 1975 году Гумилев сделал головокружительный маневр, добившись опубликования в издательстве “Искусство” книги “Старобурятская живопись” о тибетско-бурятской иконописи, которая явилась и полной неожиданностью для клана искусствоведов, и стала поводом для их обиды. Появление этой книги на год-другой сбilo с толку преследователей, и они потратили еще лишнее время на поиски крамолы в этой книге-альбоме, посвященной толкованию буддологического канона и расшифровке сюжетов иконописи в тибетской и бурятской живописи» (Куркчи 1997: 49).

На самом деле альбом «Старобурятская живопись» был откровенной халтурой. Большая вступительная статья Л. Гумилева представляла собой компиляцию из его более ранних статей по истории Тибета и никак не связана с иллюстративной частью — иконами и скульптурами из Агинского дацана. Меньше всего статья посвящена «толкованию» буддийского изобразительного канона и «расшифровке сюжетов», да и большая часть этих сюжетов определена в ней неверно. После публикации альбома было проведено его академическое обсуждение. На нем Л. Гумилев не смог ответить на многочисленные конкретные претензии востоковедов и вполне откровенно признал, что главным для него был издательский успех, который не грозит тибетологам и искусствоведам-профессионалам — издательство-де всё равно будет иметь дело с Л. Гумилевым, а не с ними (Гумилев 1996)⁵.

Это кредо талантливого исследователя, окончательно сориентировавшегося на читательский и издательский успех, на «большой эффект» и отбросившего как помеху этические нормы, вполне проявилось в созданной Л. Гумилевым теории этногенеза. Не буду останавливаться на том, насколько эта теория обоснована фактами. Попытаюсь осветить даже не стержневую идею пассионарности, а лишь, так ска-

⁵ В книге (Гумилев 1996) воспроизведены иллюстрации к альбому «Старобурятская живопись» с сопоставлением атрибуций Л. Гумилева и новых атрибуций, предложенных Т. Сергеевой. Опубликована и запись обсуждения книги Л. Гумилева «Старобурятская живопись» в Музее антропологии и этнографии 10 июня 1976 г.

зять, последнее слово гумилевской концепции — представление о космическом факторе — внеземном энергетическом импульсе, порождающем «пассионарный толчок», или «микромутацию, вызывающую появление пассионарного признака в популяции и приводящую к появлению новых этнических систем в тех или иных регионах» (Гумилев 1997б: 608).

Л. Гумилев неоднократно писал, что ему удалось установить и локализовать на карте первичные зоны этногенеза, или «зоны пассионарных толчков» — «узкие, до 300 км шириной, полосы, тянущиеся в меридиональном или широтном направлении на 0,5 окружности планеты и похожие на геодезические полосы» (Гумилев 1991: 14–18; 1994: 552–553; 1997а: 123–125, 403; 1997б: 412–416). В одном интервью он рассказал, что не мог самостоятельно дать «космическое объяснение фактора икс», пока не оказался на «втором космо-антропоэкологическом конгрессе», где председательствовал академик Академии медицинских наук В. Казначеев, известный покровитель всяческих околонучных маргиналов от рихианцев до лозоходцев. Здесь астрофизики А. Чечельницкий и И. Бутусов подсказали ему, что на земную поверхность воздействуют «частицы от солнечного ветра — заряженного потока плазмы и звездного ветра, сталкивающиеся на орбите Плутона» (Гумилев 1993: 145)⁶.

⁶ Впервые это интервью было опубликовано в первом номере журнала «Согласие» за 1990 г. (с. 3–19). В нем Гумилев ссылался на (Чечельницкий 1980).

Несмотря на консультации у астрофизиков, Л. Гумилев имел путаное понятие о «космическом факторе пассионарных толчков». Он колебался между двумя источниками «получения Землей энергии» — «от Солнца» и «от рассеянных пучков энергии в Галактике». Что касается «солярной гипотезы», то в одной части текста он мог написать о том, что ее «сразу можно отбросить... ибо Солнце освещает одновременно целое полушарие, а не узкую полосу шириной в 200–300 км» (Гумилев 1997а: 405–406), а затем возвращался к «солярной гипотезе» и утверждал, что большинство «пассионарных толчков» совпадают с максимумами солнечной активности (Гумилев 1997а: 406; 1991: 26–28). В другой работе содержится прямо противоположное утверждение: «Все датированные пассионарные толчки хронологически совпадают с минимумами солнечной активности либо с периодами ее спада» (Гумилев 1997б: 578, 583). И тогда он пытался выпутаться с помощью «каких-то космических лучей», «вариабельного космического облучения», «отдельных квантов или пучков космического излучения». Эти лучи то ли воздействуют на земную поверхность после образования «турбулентных завихрений» на орбите Плутона при встрече с «солнечным ветром» (но тогда нужна высокая солнечная активность), то ли обретают способность достигать земной поверхности при снижении «защитных свойств ионосферы» (тогда нужны спады солнечной активности).

В общем, мы наблюдаем муки дилетанта, запутавшегося в далекой от него научной области. Л. Гуми-

леву как гуманитария и литератора были куда ближе конкретные образы вроде гиперболоида инженера Гарина или стрельбы из револьвера по глобусу в романе А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине». Он так примерно и писал: «Когда рассматриваешь ареалы пассионарных взрывов, то создается впечатление, будто земной шар исполосован неким лучом, причем с одной лишь стороны, а распространение пассионарного толчка ограничивалось кривизной планеты» (Гумилев 1997б: 391–392)⁷.

Ясно, что такие представления не имеют ничего общего с азами астрофизики. Источником направленного излучения, кумулятивно и без девиации оставляющего на земной поверхности «зоны воздействия» шириной 200–300 км, не может быть ни само Солнце (при диаметре 1,395 млн км, что в 109 раз больше диаметра Земли, и при расстоянии от Земли до Солнца 150 млн км), ни его элементы. Высота типичного протуберанца — 40 тыс. км, ширина — 200 тыс. км. Даже диаметр наименьшего элемента фотосферы, т. е. излучающей поверхности Солнца — в среднем 1000 км. Что касается «солнечного ветра», то составляющие его протоны

и электроны, проникнув в магнитное поле Земли, собираются на высоте 4 и 16 тыс. км в радиационные пояса (пояса Ван Аллена), имеющие размытые границы и ширину, сопоставимую с размером Земли (внешний пояс в несколько раз превосходит эти размеры). Из этих данных ясно и то, что звездная космическая энергия несолярного происхождения вовсе неспособна «полосовать земной шар» в пределах 300 км по ширине.

В конце 60-х гг. Л. Гумилев попытался подкрепить теорию пассионарности авторитетом выдающегося специалиста по радиационной и популяционной генетике Н. Тимофеева-Ресовского. А. Куркчи пишет: «Сам Гумилев считал теорию пассионарности своим вкладом в национальную русскую школу естествознания, где у него были, по его собственному счету, предшественники и прежде всего В. Вернадский, Н. Тимофеев-Ресовский» (Куркчи 1997: 25). Это явная натяжка, потому что сам А. Куркчи опубликовал (в Приложении к главному труду Л. Гумилева. — *Ред.*) документы, относящиеся к контактам Л. Гумилева и Н. Тимофеева-Ресовского⁸. Контакты эти имели отрицательный результат: Н. Тимофеев-Ресовский отказался от совместной публикации. Л. Гумилев составил таблицу, сопоставляющую их точки зрения. На такие вопросы, как «Не связано ли возникновение пассионарных мутаций с космическими лучами?» и даже «Не имеет ли пассио-

⁷ Ср. у братьев Стругацких: «Послушайте, земляк. Радиант Пильмана — это совсем простая штука. Представьте себе, что вы раскрутили большой глобус и принялись палить в него из револьвера. Дырки на глобусе лягут на некую плавную кривую. Вся суть... заключается в простом факте: все шесть зон Посещения располагаются на поверхности нашей планеты так, словно кто-то дал по Земле шесть выстрелов из пистолета, расположенного где-то на линии Земля–Денеб» (Стругацкие 1993: 7).

⁸ В том числе таблицы, сопоставляющие «гипотезы и мысли Л.Н. Гумилева» и «устные ответы Н.В. Тимофеева-Ресовского и Н.В. Глотова» (Гумилев 1997б: 624, 625).

нарность энергетическую основу по биохимическому закону В. Вернадского?». Н. Тимофеев-Ресовский отвечал отрицательно (Л. Гумилев, конечно, положительно). Скорее всего, Н. Тимофеев-Ресовский скептически отнесся и к самому понятию пассионарности, потому что на вопрос «Как объяснить суть пассионарности?» после определения Л. Гумилева («вид энергии») в таблице зафиксирован резкий ответ Н. Тимофеева-Ресовского: «Никак» (Гумилев 1997б: 624–625)⁹.

В каком смысле Л. Гумилева можно считать предтечей тюркофильской квазиисториографии? Очевидно, что не в прямом смысле и не в смысле узком, т. е. собственно тюркистском.

В 1975 г. вышла книга О. Сулейменова «Аз и Я» (Сулейменов 1975). Вторая часть этого нашумевшего сочинения называлась «Шумер-намэ», т. е. содержала развернутое изложение шумерского сюжета — одного из наиболее распространенных, почти обязательных в тюркофильской квазиисториографии. Утверждение о близости тюркских и шумерского языков включается во всяческие «программные» тексты, издаваемые пантюркистскими организациями¹⁰. Окажись Л. Гуми-

⁹ Вдова Л. Гумилева Н. Гумилева вспоминала: «Тимофеев-Ресовский, как мне после рассказал Лев, обозвал его сумасшедшим параноиком, обуреваемым навязчивой идеей доказать существование пассионарности» (Гумилев 1997б: 616–617).

¹⁰ См., напр. (Моральный кодекс... 1996: 36–38). «Кодекс» издан на турецком и русском языках Международным объединением тюркской молодежи, тираж распространялся в 1996–1997 гг. в Поволжье и на Северном Кавказе. Анонимные авторы «Кодекса»

лев действительно, как его упрекали, тюркофилом («татаролобом»), ему следовало бы обрадоваться неожиданному союзнику и взять его под защиту. Но после публикации в журнале «Молодая гвардия» направленной против книги О. Сулейменова статьи А. Кузьмина, он написал небольшой отклик «Спор с поэтом. По поводу статьи А. Кузьмина “Точка в круге, из которой вырастет репей”»¹¹. Отклик этот вполне презрителен: «Количество фактических ляпсусов в книге Сулейменова превышает число страниц», «перед читателем поэтическая мистификация», «эмоциональные фантазматогории», «вымысел и безответственность суждений», «буйное воображение алма-атинского поэта».

В сочинениях Л. Гумилева нет тюрко-шумерских или тюрко-скифских отождествлений, неизменных для тюркистского этноисторического нарциссизма. Но если отвлечься от этнической окраски квазиисториографии, то Л. Гумилева можно считать ее предтечей. И именно тюркистские квазиисториографы не могут обойтись без Л. Гумилева, о чем свидетельствуют частое цитирование, многочисленные издания его работ и всяческие посмертные почести вроде учрежденного в новой казахстанской столице Астане Евразийского университета им. Л. Гумилева. Почему?

одновременно с шумерским связывали «тюркский язык» также с урартским и хаттским — «по типу приставок» или «по одинаковому применению приставок».

¹¹ Опубликован впервые только в 1997 г. См.: Гумилев 1997, кн. 2: 519–524).

Очевидных причин две. Во-первых, Л. Гумилев, особенно после выхода в свет книги «Поиски вымышленного царства», в глазах тюркской и монгольской (в СССР — бурятской и калмыцкой) аудитории оказался защитником от «антикочевнических», «антистепных», «антизолотоордынских» стереотипов шовинистической историографии.

Во-вторых, Л. Гумилев резко снизил различимый широкой аудиторией уровень академического профессионализма, а благодаря литературному таланту и завидной плодовитости показал (и, что чрезвычайно важно, на личном примере): в глазах общественного мнения можно стать «великим ученым» и «властителем дум», не только не пытаясь подняться над дилетантским уровнем, но и обходясь без всякой рефлексии по поводу собственных, порой грубейших, ошибок. В истории с «космическим импульсом пассионарных толчков» он, по-видимому, просто пошел на подлог, выдавая несогласие Н. Тимофеева-Ресовского с главным тезисом «теории пассионарности» за согласие.

Ориентация на эффект представляется мне одним из проявлений общего современного кризиса гуманитарных наук (Кореняко 1994), который нашел крайнее выражение в постмодернизме с характерными для него беззастенчивым самовыражением и интеллектуальной неряшливостью. Но этот кризис затронул и те направления научных исследований, которые формально, по методологии и аппарату остаются в пределах картезианской парадигмы. Степень проникновения

кризисных явлений в профессиональную академическую науку можно установить на примере сосуществования в одном академическом головном институте (буквально на одном этаже одного здания) двух реконструкций восточнославянского этногенеза.

Известно, что излюбленным этногенетическим мифом украинского национализма является представление о происхождении украинцев (или восточных славян в целом) от носителей трипольской культуры. Хотя сама идея была высказана еще открывателем трипольских памятников украинским археологом В. Хвойкой, наибольший вклад в разработку концепции принадлежит Б. Рыбакову, около тридцати лет возглавлявшему Институт археологии Академии наук СССР. Реконструкция этногенетической преемственности между племенами трипольской культуры и восточными славянами проводилась им в нарушение всех хорошо известных методических процедур. Проблема субстрата, соотношения субстрата с адстратом им вообще не ставилась — племена трипольской культуры, а заодно и скифы-сколоты были просто объявлены праславянами (Рыбаков 1979: 195–238; 1981a, № 1: 55–75, № 2: 40–59; 1981b: 608; 1988: 8–120). Несмотря на попытки критики (Новосельцев 1993: 23–31), эффект этой гиперавтохтонистской гипотезы был налицо. Б. Рыбаков не только издал и переиздал свои сочинения на чрезвычайном для академического издательства «Наука» полиграфическом уровне, но и получил все мыслимые для советского археолога звания и награды.

Одновременно в качестве директора института Б. Рыбаков руководил работой над «Археологией СССР с древнейших времен до средневековья» в 20 томах. Славянскому этногенезу посвящен том «Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э.». Там даны характеристики девяти археологических культур, среди которых обычно ищут кандидатов в предки славян. Из них с праславянами гипотетически можно связывать зарубинецкую, пшеворскую, киевскую и черняховскую культуры. Более или менее уверенно говорят о праславянской принадлежности пшеворской и киевской культур (Славяне и их соседи 1993). Общее впечатление унылое, потому что по сути ситуация остается такой же, как во времена Л. Нидерле, писавшего еще в 1901 г. о полной путанице, царящей в представлениях археологов о славянских древностях до V века н. э. И это несмотря на целый век непрерывных раскопок и тысячи публикаций. Вещевой материал этих культур по сравнению с полихромной керамикой и выразительной пластикой трипольцев — «знатных предков» славян по Б. Рыбакову — невзрачен и никому, кроме специалистов, не интересен. В итоге — никаких эффектов и соответственно личных успехов.

Как видно, у академика Б. Рыбакова и его бывших подчиненных по Институту археологии подходы к проблеме разные. Однако квазиисториографические эффекты с железной необходимостью дают себя знать. Авторы тома не решаются вслед за Б. Рыбаковым растягивать процесс славянского этногенеза во вре-

мени и пространстве, но склонны об этом сожалеть. И славянская общность появляется до обидного поздно, и территория от Одера до Днепра кажется маловатой. Редактор тома И. Русанова писала: «По мнению сторонников одного направления, славянская общность — очень позднее образование, сложившееся лишь в середине I тысячелетия н. э. <...> При таком представлении оказывается, что славянская общность сложилась необыкновенно быстро, создала сразу же довольно прочную и своеобразную культуру и распространилась на огромную территорию... Столь быстрое сложение огромной этнической общности, выступившей в середине I тысячелетия н. э. уже в сформированном виде, кажется неправдоподобным» (Русанова 1993: 195).

Разобранный пример показывает, насколько глубоко в среду профессиональных историков могут внедряться установки на неадекватные реконструкции, переходящие в квазиисторическую мегаломанию.

Основная опасность видится мне в том, что установка на удревление изучаемых объектов имманентно присуща историкам, особенно в тех областях, которые испытывают недостаток абсолютных хронологических реперов (археология, историческая этнография бесписьменных периферийных народов и т. п.). Еще М. Блок писал об этом «эмбриогеническом наваждении»: «Объяснение более близкого более далеким, естественно, любезное сердцу людей, которые избрали прошлое предметом своих занятий, порой гипнотизирует ис-

следователей. Этот идол племени историков можно было бы назвать «манией происхождения». <...> В обиходном словоупотреблении «истоки» — это начало, являющееся объяснением. Хуже того: достаточное для объяснения. Вот где таится двусмысленность, вот где опасность. <...> В общем это уже было иллюзией прежних этимологов, которым казалось, что они всё объяснили, когда, толкуя современное значение слова, приводили самое древнее из им известных... Как будто главная проблема не в том, чтобы узнать, как и почему произошел сдвиг значения» (Блок 1986: 19–21).

В нескольких публикациях, основанных на анализе отечественной археологической литературы последних десятилетий, мне уже приходилось констатировать, что с 70-х гг. в таких областях, как археология бронзового века и скифо-сарматская археология, нарастала «тенденция к удревнению» памятников и культур. Многие карьеры здесь были сделаны именно на волне этой тенденции, принявшей в последнее десятилетие иррациональные формы некоей антиквомании («чем древнее, тем лучше») (Кореньяко 1990: 4–17; 1994: 8–29). Например, проблема происхождения культур скифского типа была просто подменена всё более древними датировками кочевнических памятников, а удревнение степных культур бронзового века сочеталось с судорожными и противоречивыми поисками «прародины» индоиранцев и индоариев.

В принципе «тенденцию к удревнению», крайние проявления которой

действительно можно определить как антиквоманию, можно объяснить тем, что археолог Л. Клейн назвал «историзаторской тенденцией» или «панисторизмом» советской археологии (и наверняка ее «правопреемницы» — археологии российской). Он полагает, что «историзация» археологии произошла под давлением официальной философии с ее «принципом историзма» (Клейн 1992: 55–63). Я считаю это объяснение отчасти верным, но односторонним. Его необходимо дополнить, во-первых, влиянием общего кризиса гуманитарных наук, сопровождавшимся отходом от картезианской парадигмы, размыванием научной этики и ориентацией специалистов на самоутверждение и эффекты. Во-вторых, целесообразно учитывать психические особенности гуманитариев (археологов, доисториков, этноисториков), занятых в специальностях, являющихся маргинальными по отношению к фундаментальным наукам. Маргинальное положение само по себе подталкивает к «поиску эффектов» и погружает в то «эмбриогеническое наваждение», о котором писал М. Блок.

Вина гуманитарных наук не только в том, чем и как они занимались, но и в том, чем они не занимались. Л. Клейн справедливо указывает, что «историзированная» археология (или, по известному выражению А. Арциховского, «история, вооруженная лопатой») развивалась «в обход источниковедческой базы». В стремлении обрести статус «исторической науки» археология не стала серьезной источниковедческой дисциплиной (Клейн 1993: 56–58).

Старательно избегая упреков в «чистом вещеведении», отечественные археологи (за единичными исключениями) не только не приступили к исследованию, но и не интересовались проблемами морфогенеза в материальной культуре и прикладном искусстве. Характерно полное отсутствие в отечественной археологии и этнографии работ, посвященных проблеме конвергентных явлений. Насколько мне известно, специальные оригинальные исследования конвергентных явлений материальной культуры в отечественной археологической литературе отсутствуют практически полностью. А ведь во многих ситуациях к этой проблеме специалистов, казалось бы, подталкивает сам материал, буквально «кричащий» о конвергенции. Но такая альтернатива в лучшем случае характеризуется скороговоркой в одном абзаце. Очень показателен в этом смысле сборник, составленный из статей советских и американских исследователей (Традиционные культуры 1981). Если бы отечественные гуманитарные дисциплины в этом направлении вышли хотя бы на западноевропейско-американский уровень (в общем, тоже невысокий), то и дилетанты знали бы о существовании академического барьера, не позволяющего любое сходство любых предметов с легкостью необычайной объяснять в автохтонистском или миграционистском духе. При отсутствии же теории морфогенеза и разработок по конвергентным феноменам вроде бы и не кажется диким дилетантством известное построение И. Мизиева и К. Лайпанова: скифы и сарматы известны античным авторам как «гиппомолги» («доители

кобылиц»); тюркам свойственно употребление кумыса; следовательно, скифы и сарматы — тюрки (Лайпанов, Мизиев 1993: 27, 46, 48, 51, 90).

Этот пример подводит нас к еще одной проблеме, от разработки которой упорно отказываются академические историки и археологи. Речь идет о палеолингвистической атрибуции скифов, савроматов, сарматов, саков — в общем, носителей археологических культур скифского типа. В академической среде практически все согласны с концепцией В. Миллера — В. Абаева, по которой все эти древние этносы были ираноязычными. Однако многие иранские этимологии, приводившиеся В. Абаевым, кажутся мне не более убедительными, чем тюркские этимологии, предлагающиеся М. Закиевым, И. Мизиевым и К. Лайпановым. Отмечу, что в советской литературе идея о тюркоязычии казахстанского населения скифо-сакской эпохи высказывалась и казахскими лингвистами, причем довольно давно и главным образом теми, которых нельзя заподозрить в тюркистских этнонационалистических настроениях и которые были скорее «русифилами», — например, С. Аманжоловым. Еще больше смущают данные палеоантропологических исследований. Нет оснований не доверять антропологам, установившим наличие монголоидных элементов в краниологических сериях на территориях по крайней мере восточнее меридиана Аральского моря уже в VII–VI вв. до н. э. (Гинзбург, Трофимова 1972: 106, 109–140, 341).

Я не говорю о том, что эти факты опровергают господствующую

концепцию ираноязычия саков, но в любом случае они говорят о наличии проблемы (Вильданов 1998: 155). Проблема не решается и даже корректно не ставится. Сторонники противоположных точек зрения существуют как бы в параллельных мирах, высказываются в разных аудиториях, а если встречаются, то плодотворной дискуссии не выходит. Так было, например, в 1969 г. на научной сессии по этногенезу башкир в Уфе, когда сторонники гипотезы о присутствии тюркского элемента в Приуралье и Казахстане в скифо-сарматское время К. Петров и Н. Мажитов были одернuty большинством выступавших по принципу «этого не может быть, потому что этого не может быть никогда» (Мажитов 1971: 11–16; Петров 1971: 263–267; Археология и этнография 1971: 332–346).

Наконец, российские востоковедение, этнология, религиоведение получили в наследство от советской академической науки тяжкий дисбаланс между освоением исламского пласта в духовной культуре мусульманских народов и изучением доисламских реликтовых культурных феноменов. Достаточно взять библиографическую сводку по любому мусульманскому народу Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Кавказа, чтобы убедиться: усилия сосредоточивались и до сих пор направляются на поиск и интерпретацию так называемых «доисламских верований» (Ярлыкапов 1998). Именно на этом направлении работали целые подразделения институтов, защищались диссертации, строились карьеры и делались имена.

Впечатляет и сравнение, количественное и качественное, советской (русской) и западной исламоведческой литературы. Даже основной источник — Коран наши читатели очень долго вынуждены были изучать по единственному доступному изданию — переводу И. Крачковского. Разумеется, мне трудно оценить достоинства этого перевода, но как быть с комментариями, которые «не являются комментариями в прямом смысле слова» и только «еще должны были превратиться в комментарии в процессе предстоявшей И. Крачковскому работы над переводом и в зависимости от направленности ее»? (Беляев, Грязневич 1986: 12).

Из квалифицированной справочной литературы наши читатели имеют небольшой словарь, изданный в 1991 г. тиражом 50 тыс. экземпляров (Ислам 1991)¹². На Западе к услугам англоязычной, германоязычной и франкофонной аудитории — целый набор энциклопедий по исламу, в том числе несколько многотомных справочников.

Понятно, что если бы не этот дисбаланс, если бы знание исламской культуры в российской гуманитарной среде находилось на достойном уровне, то меньше было бы шансов на успех у доморожденных тюркистских этимологий и архаизирующих гипотез, из которых, собственно, и выросла вся тюркская дилетантская квазиисториографическая публицистика.

¹² К настоящему времени этот пробел частично восполнен. Можно сослаться, например, на энциклопедическое издание (Ислам 2006) (Прим. С. Панарина).

В. Тишков совершенно справедливо отмечал: «Самым серьезным препятствием на пути утверждения гражданского национализма (или российского патриотизма) является не столько национализм нерусских народов, сколько национализм от имени “русской нации” как некоей “государствообразующей” или “спланиваемой” нации, да еще превращающий ее в некий “суперэтнос”» (Тишков 1996: 35–36).

Применительно к теме статьи это означает, что русская шовинистическая квазиисториографическая публицистика обладает куда большими стажем и объемом, чем все упражнения тюркистских историков-дилетантов, вместе взятые. Она родилась не вчера — уже в XIX в. она цвела пышным цветом и была представлена именами В. Ламанского, А. Черткова, А. Вельтмана, А. Риттиха и др. И в советское время, особенно в 1980-е гг., «историософствующие» фантазеры-шовинисты пользовались мощной поддержкой государственных издательств, например «Молодой гвардии». Напомню, что, несмотря на появление в тюркской националистической среде историографических фальсификаций¹³, ни одна из них не получила и вряд ли получит такие пропаганду и аудиторию, как знаменитая «Влесова книга».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аджи 1994 — *Аджи М.* Польша Половецкого Поля: Из родословной кумыков, карачаевцев, балкарцев, казаков, казахов, татар, чувашей, якутов, гагаузов, крымских татар, части русских, украинцев и других народов, ведущих свое на-

чало от тюркского (кипчакского) корня и забывших его. М.: Контекст, 1994.

Аджиев 1992 — *Аджиев М.* Мы — из рода полонецкого! Из родословной кумыков, карачаевцев, казаков, балкарцев, гагаузов, крымских татар, а также части русских и украинцев. [Б. м.], 1992.

Бахши Иман 1993 — *Бахши Иман.* Джагфар тарихы. Т. 1. Свод болгарских летописей. 1680 год; Изложение текста «Джагфар тарихы» на русском языке, сделанное жителем города Петропавловска И.М.-К. Нигматуллиным в 1939 году. Оренбург: Редакция вестника «Болгар иле», 1993.

Беляев, Грязневич 1986 — *Беляев В., Грязневич П.* Предисловие ко второму изданию // Коран: Изд. 2-е / Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. М.: Наука, Гл. ред вост. лит-ры, 1986. С. 3–24.

Бернштам 1946 — *Бернштам А.Н.* Социально-экономический строй орхоненисейских тюрков VI–VIII веков. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1946.

Блок 1986 — *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка: Изд. 2-е / Пер. Е.М. Лысенко; примеч. А.Я. Гуревича. М.: Наука, 1986. (Сер. Памятники исторической мысли).

Бромлей 1983 — *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

Бромлей 1981 — *Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.: Наука, 1981.

Вильданов 1998 — *Вильданов А.А.* К проблеме этнической принадлежности алан // С.И. Руденко и башкиры / Отв. ред. Р.М. Юсупов, М.В. Мурзабулатов. Уфа: Гилем, 1998. С. 152–156.

Выступления 1971 — [Выступления в прениях В. Генинга, К. Петрова, В. Оборина, М. Мошковой, Н. Мажитова, Р. Кузеева] // Археология и этнография Башкирии / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1971. Т. 4: Материалы научной сессии по этногенезу башкир, май 1969 г. С. 332–346.

¹³ Имеется в виду: (*Бахши Иман* 1993).

Гинзбург, Трофимова 1972 — Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972.

Гумилев 1975 — Гумилев Л.Н. Старобурятская живопись. Исторические сюжеты в иконографии Агинского дацана. М.: Искусство, 1975.

Гумилев 1991 — Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. Баку: Азернешр, 1991.

Гумилев 1993а — Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Предисл. С.Б. Лаврова. М.: Прогресс-Пангея; Экспрос, 1993.

Гумилев 1993б — Гумилев Л.Н. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации / Предисл. С.Б. Лаврова. М.: Прогресс-Пангея; Экспрос, 1993. С. 32–44.

Гумилев 1994 — Гумилев Л.Н. Аннотация на книгу «Этногенез и биосфера Земли» // Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории: Сочинения / Сост. Н.В. Гумилева; предисл., коммент., общ. ред. А.И. Куркчи. М.: Тагнаис Ди-Дик, 1994. С. 552–553.

Гумилев 1996 — Гумилев Л.Н. Древний Тибет / Сост., коммент. И.В. Мамаладзе, подгот., общ. ред. А.И. Куркчи. М.: Ди-Дик, 1996.

Гумилев 1997а — Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало / Сост. и общ. ред. А.И. Куркчи. М.: Ди-Дик, 1997.

Гумилев 1997б — Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Ди-Дик, 1997.

Гумилев 1997, кн. 2 — Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь: В 2 кн. / Сост. и общ. ред. А.И. Куркчи. М.: Ди-Дик, 1997. Кн. 2.

Драгунский 1998 — Драгунский Д. Массовая культура для избранных // Итоги. 1988. №9 (94). С. 50–53.

Ефремов 1971 — Ефремов Ю.К. Важное звено в цепи связей человека с природой // Природа. 1971. № 2. С. 77–80.

Илюмжинов 1997а — Илюмжинов К.Н. Калмыкия — земля духа: национальная идея. Элиста, 1997.

Илюмжинов 1997б — Илюмжинов К.Н. Моя политика: Штрихи размышлений. Элиста, 1997.

Ислам 1991 — Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, гл. ред. вост. лит-ры, 1991.

Ислам 2006 — Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т.1. М.: Восточная лит-ра, 2006.

Клейн 1993 — Клейн Л.С. Феномен советской археологии. СПб.: ФАРН, 1993.

Козлов 1974 — Козлов В.И. О биолого-географической концепции этнической истории // Вопросы истории. 1974. № 12. С. 72–85.

Кореньяко 1990 — Кореньяко В.А. О времени появления раннескифских памятников на Северном Кавказе // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века / Отв. ред. В.Е. Максименко. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1990. С. 4–17.

Кореньяко 1994 — Кореньяко В.А. Константин Федорович Смирнов как исследователь // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Вып. 12, в 1992 году / Отв. ред. А.А. Горбенко, науч. ред. В.Я. Кияшко. Азов: Изд-во Азовского музея, 1994. С. 8–29.

Кореньяко 2000 — Кореньяко В. Этнонационализм. Историография и академическая наука // Реальность этнических мифов / Под ред. А. Малащенко, М. Брилл Олкотт. М.: Московский центр Карнеги. Аналитическая серия, вып. 3. М.: Гэндальф, 2000. С. 34–52.

Крюков и др. 1979 — Крюков М.В., Малавин В.В., Сафронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979.

Куркчи 1997 — Куркчи А.И. Л. Гумилев и его время // Гумилев Л.Н. Поиски

вымышленного царства: Легенда о «государстве пресвитера Иоанна». М.: Ди-Дик, 1997.

Лайпанов, Мизиев 1993 — *Лайпанов К.Т., Мизиев И.М.* О происхождении тюркских народов. Черкесск: ПАО «Пул», 1993.

Лев Гумилев 1993 — Лев Гумилев — Дмитрий Балашов: в какое время мы живем? // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации / Предисл. С.Б. Лаврова. М.: Прогресс-Пангея; Экспрос, 1993. С. 145–162.

Мажитов 1971 — *Мажитов Н.А.* Происхождение башкир (историко-археологический анализ) // Археология и этнография Башкирии / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1971. Т. 4: Материалы научной сессии по этногенезу башкир, май 1969 г. С. 11–16.

Моральный кодекс 1996 — Моральный кодекс тюркской молодежи. Анкара: Мави, 1996.

Новосельцев 1993 — *Новосельцев А.П.* «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории. 1993. № 1. С. 23–31.

Петров 1971 — *Петров К.И.* Об общности урало-алтайских, индоевропейских и других языков // Археология и этнография Башкирии / Отв. ред. Ю.В. Бромлей. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1971. Т. 4: Материалы научной сессии по этногенезу башкир, май 1969 г. С. 263–267.

Пьянков 1990 — *Пьянков И.* О некоторых грубых ошибках в интерпретации фактов истории // Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Сер. истории, философии и права. 1990. № 1. С. 176–183.

Рыбаков 1979 — *Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия: Историко-археологический анализ. М.: Наука, 1979.

Рыбаков 1981а — *Рыбаков Б.А.* Новая концепция истории Киевской Руси (Тезисы) // История СССР. 1981. № 1. С. 55–75; № 2. С. 40–59.

Рыбаков 1981б — *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.

Рыбаков 1988 — *Рыбаков Б.А.* Язычество древней Руси. М.: Наука, 1988.

Русанова 1993 — *Русанова И.П.* Заключение // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И.П. Русанова, Э.А. Сыманович. М.: Наука, 1993. С. 192–197.

Славяне 1993 — Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. — первой половине I тысячелетия н. э. / Отв. ред. И.П. Русанова, Э.А. Сыманович. М.: Наука, 1993.

Стругацкие 1993 — *Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н.* Пикник на обочине; Парень из преисподней; За миллиард лет до конца света; Повесть о дружбе и недружбе. М.: Текст, 1993.

Сулейменов 1975 — *Сулейменов О.О.* Аз и Я: Книга благонамеренного читателя. Алма-Ата: Жазушы, 1975.

Тананайко 1998 — *Тананайко О.Д.* О Гумилеве // Итоги. 1988. № 14 (99). С. 4.

Тишков 1996 — *Тишков В.А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996.

Традиционные культуры 1981 — Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки: Труды советско-американской группы по сотрудничеству в области изучения взаимодействия аборигенных народов и культур Северной Сибири и Северной Америки / Отв. ред. И.С. Гурвич. М.: Наука, 1981.

Чечельницкий 1980 — *Чечельницкий А.М.* Экстремальность, устойчивость, резонансность в астродинамике и космонавтике. М.: Машиностроение, 1980.

Чивилихин 1982 — *Чивилихин В.А.* Память: Роман-эссе. М.: Современник, 1982.

Шнифельман 1988 — *Шнифельман В.* Движение биосферы милостью божьей // Итоги. 1988. № 9 (94). С. 51–52.

Шнирельман 1995 — Шнирельман В.А. Националистический миф: основные характеристики (на примере этногенетических версий восточнославянских народов) // Славяноведение. 1995. №6. С. 3–13.

Шнирельман 1996 — Шнирельман В.А. Борьба за аланское наследие (этнополитическая подоплека современных этногенетических мифов) // Восток. 1996. №5. С. 100–113.

Шнирельман 1998а — Шнирельман В.А. Неоязычество и национализм: Восточноевропейский ареал / Исследования по прикладной и неотложной этнологии Института этнологии и антропологии РАН. №114. М., 1998.

Шнирельман 1998б — Шнирельман В.А. Постмодернизм и исторические мифы в современной России // Вестн. Омского ун-та. 1998. Вып. 1. С. 66–71.

Ярлыкапов 1998 — Ярлыкапов А.А. Библиографический указатель научной литературы по ногайцам. Махачкала: Изд-во РИП, 1998.

Shnirelman 1995 — Shnirelman V.A. Alternative Prehistory // Journal of European Archaeology. 1995. Vol. 3, N 2. P. 1–20.

Shnirelman 1996 — Shnirelman V.A. Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia. Washington; Baltimore; London, 1996.

Shnirelman 1997 — Shnirelman V.A. Etnogeneze jakozto politika aneb Proc se soveti tolik venovali etnogenetickým studiim // Cesky lid. 1997. N 1. S. 39–57.

REFERENCES

Adzhi M. *Polyn' Polovetskogo Polia: Iz rodoslovnoi kumykov, karachaevtsev, balkartsev, kazakhov, tatar, chuvashei, iakutov, gagauzov, krymskikh tatar, chasti russkikh, ukraintsev i drugikh narodov, vedushchikh svoe nachalo ot tiurkского (kipchakского) kornia i zabyushikh ego*. Moscow: Kontekst, 1994.

Adzhiev M. *My – iz roda polovetskogo! Iz rodoslovnoi kumykov, karachaevtsev, kazakov, balkartsev, gagauzov, krymskikh tatar, a takzhe chasti russkikh i ukraintsev*. [Without location], 1992.

Bakhshi Iman. *Dzhagfar tarikhy. T. 1. Svod bulgarskikh letopisei. 1680 god; Izlozhenie teksta "Dzhagfar tarikhy" na russkom iazyke, sdelanoe zhitelem goroda Petropavlovskaya I.M.-K. Nigmatullinym v 1939 godu*. Orenburg: Redaktsiia vestnika "Bolgar ile", 1993.

Beliaev V., Griaznevich P. *Predislovie ko vtoromu izdaniiu. Koran: 2nd edition. Transl. i komm. I. Iu. Krachkovskogo*. Moscow: Nauka, Gl. red. vost. lit-ry, 1986. P. 3–24.

Bernshtam A.N. *Sotsial'no-ekonomicheskii stroi orkhono-eniseiskikh tiurok VI–VIII vekov*. Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1946.

Bloch M. *Apologiia istorii, ili Remeslo istorika: Izd. 2-e. Transl. E.M. Lysenko; komm. A. Ia. Gurevicha*. Moscow: Nauka, 1986. (Ser. Pamiatniki istoricheskoi mysli).

Bromlei Iu. V. *Ocherki teorii etnosa*. Moscow: Nauka, 1983.

Bromlei Iu. V. *Sovremennye problemy etnografii (ocherki teorii i istorii)*. Moscow: Nauka, 1981.

Chechel'nskii A.M. *Ekstremal'nost', ustoychivost', rezonansnost' v astrodinamike i kosmonavtike*. Moscow: Mashinostroenie, 1980.

Chivilikhin V.A. *Pamiat': Roman-esse*. Moscow: Sovremennik, 1982.

Dragunskii D. *Massovaia kul'tura dlia izbrannykh. Itogi*. 1988. N 9 (94). P. 50–53.

Efremov Iu. K. *Vazhnoe zveno v tsepi sviazei cheloveka s prirodou. Priroda*. 1971. N 2. P. 77–80.

Ginzburg V.V., Trofimova T.A. *Paleoantropologiia Srednei Azii*. Moscow: Nauka, 1972.

Gumilev L.N. *Staroburiatskaia zhivopis'. Istoricheskie svyazhi v ikonografii Aginskogo datsana*. Moscow: Iskusstvo, 1975.

Gumilev L.N. *Tysiacheletie vokrug Kaspiia*. Baku: Azerneshr, 1991.

- Gumilev L.N. *Ritmy Evrazii: Epokhi i tsivilizatsii*. Pref. S.B. Lavrov. Moscow: Progress-Pangeia; Ekopros, 1993.
- Gumilev L.N. Skazhu vam po sekretu, chto esli Rossiia budet spasena, to tol'ko kak evraziiskaia derzhava. Gumilev L.N. *Ritmy Evrazii: Epokhi i tsivilizatsii*. Pref. S.B. Lavrova. Moscow: Progress-Pangeia; Ekopros, 1993. P. 32–44.
- Gumilev L.N. Annotatsiia na knigu “Etnogenez i biosfera Zemli” Gumilev L.N. *Ot Rusi do Rossii. Ocherki etnicheskoi istorii: Sochineniia*. Comp. N.V. Gumileva; pref., komm., ed. A.I. Kurkchi. Moscow: Tanaia Di-Dik, 1994. P. 552–553.
- Gumilev L.N. *Drevnii Tibet*. Comp., komm. I.V. Mamaladze, ed. A.I. Kurkchi. Moscow: Di-Dik, 1996.
- Gumilev L.N. *Konets i vnov' nachalo*. Comp., ed. A.I. Kurkchi. Moscow: Di-Dik, 1997.
- Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli*. Moscow: Di-Dik, 1997.
- Gumilev L.N. *Drevniaia Rus' i Velikaia Step': V 2 kn.* Comp., ed. A.I. Kurkchi. Moscow: Di-Dik, 1997. Kn. 2.
- Iarlykapov A.A. *Bibliograficheskii ukazatel' nauchnoi literatury po nogaitsam*. Makhachkala: Izd-vo RIP, 1998.
- Iiumzhinov K.N. *Kalmykiiia – zemlia dukha: natsional'naia ideia*. Elista, 1997.
- Iiumzhinov K.N. *Moia politika: Shtrikhi razmyshlenii*. Elista, 1997.
- Islam: Entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Nauka, gl. red. vost. lit-ry, 1991.
- Islam na territorii byushei Rossiiskoi imperii: Entsiklopedicheskii slovar'*. Comp., ed. S.M. Prozorov. T.I. Moscow: Vostochnaia lit-ra, 2006.
- Klein L.S. *Fenomen sovetskoi arkheologii*. Saint Petersburg: FARN, 1993.
- Koreniako V.A. O vremeni poiavleniia ranneskifskikh pamiatnikov na Severnom Kavkaze. *Don i Severnyi Kavkaz v drevnosti i srednie veka*. Ed. V.E. Maksimenko. Rostov on Dohn: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1990. P. 4–17.
- Koreniako V.A. Konstantin Fedorovich Smirnov kak issledovatel'. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu*. Vyp. 12, v 1992 godu. Ed. A.A. Gorbenco, sci. ed. V. Ia. Kiiashko. Azov: Izd-vo Azovskogo muzeia, 1994. P. 8–29.
- Koreniako V. Etnonatsionalizm. Istorio-grafiia i akademicheskaia nauka. *Real'nost' etnicheskikh mifov*. Eds. A. Malashenko, M. Brill Olcott. Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi. Analiticheskaia seriia, iss. 3. Moscow: Gendal'f, 2000. P. 34–52.
- Kozlov V.I. O biologo-geograficheskoi kontseptsii etnicheskoi istorii. *Voprosy istorii*. 1974. N 12. P. 72–85.
- Kriukov M.V., Maliavin V.V., Safronov M.V. *Kitaiskii etnos na poroge srednikh vekov*. Moscow: Nauka, 1979.
- Kurkchi A.I. L. Gumilev i ego vremena. Gumilev L.N. *Poiski vymyshlennogo tsarstva: Legendy o “gosudarstve presvitera Ioanna”*. Moscow: Di-Dik, 1997.
- Laipanov K.T., Miziev I.M. *O proiskhozhdenii tiurkskikh narodov*. Cherkessk: PAO “Pul”, 1993.
- Lev Gumilev – Dmitrii Balashov: v kakoe vremena my zhivem? Gumilev L.N. *Ritmy Evrazii. Epokhi i tsivilizatsii*. Pref. S.B. Lavrova. Moscow: Progress-Pangeia; Ekopros, 1993. P. 145–162.
- Mazhitov N.A. Proiskhozhdenie bashkir (istoriko-arkheologicheskii analiz). *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii*. Ed. Iu. V. Bromlei. Ufa: Bashkirskii filial AN SSSR, 1971. Vol. 4: Materialy nauchnoi sessii po etnogenezu bashkir, mai 1969 g. P. 11–16.
- Moral'nyi kodeks tiurkskoi molodezhi*. Ankara: Mavi, 1996.
- Novosel'tsev A.P. “Mir istorii” ili mif istorii? *Voprosy istorii*. 1993. N 1. P. 23–31.
- Petrov K.I. Ob obshchnosti uralo-altaiskikh, indoeuropeiskikh i drugikh iazykov. *Arkheologiia i etnografiia Bashkirii*. Ed. Iu. V. Bromlei. Ufa: Bashkirskii filial AN SSSR, 1971. Vol. 4: Materialy nauchnoi sessii po etnogenezu bashkir, mai 1969 g. P. 263–267.

- P'iankov I. O nekotorykh grubyykh oshibkakh v interpretatsii faktov istorii. *Izvestiia Akademii nauk Azerbaidzhanskoi SSR. Ser. istorii, filosofii i prava*. 1990. N 1. P. 176–183.
- Rusanova I.P. Zakliuchenie. *Slaviane i ikh sosedi v kontse I tysiacheletiiia do n. e. – pervoi polovine I tysiacheletiiia n. e.* Ed. I.P. Rusanova, E.A. Symanovich. Moscow: Nauka, 1993. P. 192–197.
- Rybakov B.A. *Gerodotova Skifiia: Istoriko-arkheologicheskii analiz*. Moscow: Nauka, 1979.
- Rybakov B.A. Novaia kontsepsiia istorii Kievskoi Rusi (Tezisy) // *Istoriia SSSR*. 1981. N 1. P. 55–75; N 2. P. 40–59.
- Rybakov B.A. *Iazychestvo drevnikh slavian*. Moscow: Nauka, 1981.
- Rybakov B.A. *Iazychestvo drevnei Rusi*. Moscow: Nauka, 1988.
- Shnirel'man V.A. Etnogeneze jakozto politika aneb Proc se soveti tolik venovali etnogenetickym studiim. *Cesky lid*. 1997. N 1. P. 39–57. Shnirel'man V. Dvizhenie biosfery milost'iu bozh'e. *Itogi*. 1988. N 9 (94). P. 51–52.
- Shnirel'man V.A. Alternative Prehistory. *Journal of European Archaeology*. 1995. Vol. 3, N 2. P. 1–20.
- Shnirel'man V.A. Natsionalisticheskii mif: osnovnye kharakteristiki (na primere etnogeneticheskikh versii vostochnoslavianskikh narodov). *Slavianovedenie*. 1995. N 6. P. 3–13.
- Shnirel'man V.A. Bor'ba za alanskoe nasledie (etnopoliticheskaia podopleka sovremennykh etnogeneticheskikh mifov). *Vostok*. 1996. N 5. P. 100–113.
- Shnirel'man V.A. *Who Gets the Past? Competition for Ancestors among Non-Russian Intellectuals in Russia*. Washington; Baltimore; London, 1996.
- Shnirel'man V.A. *Neoiazychestvo i natsionalizm: Vostochnoevropeiskii areal. Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii Instituta etnologii i antropologii RAN. № 114*. Moscow, 1998.
- Shnirel'man V.A. Postmodernizm i istoricheskie mify v sovremennoi Rossii. *Vestn. Omskogo un-ta*. 1998. Iss. 1. P. 66–71.
- Slaviane i ikh sosedi v kontse I tysiacheletiiia do n. e. – pervoi polovine I tysiacheletiiia n. e.* Ed. I.P. Rusanova, E.A. Symanovich. Moscow: Nauka, 1993.
- Strugatskii A.N., Strugatskii B.N. *Piknik na obochine; Paren' iz preispodnei; Za milliard let do kontsa sveta; Povest' o družbe i nedružbe*. Moscow: Tekst, 1993.
- Suleimenov O.O. Az i Ia: Kniga blagonamerennogo chitatelia. Alma-Ata: Zhazushy, 1975.
- Tananaiko O.D. O Gumileve. *Itogi*. 1988. N 14 (99). P. 4.
- Tishkov V.A. *Kontseptual'naia evoliutsiia natsional'noi politiki v Rossii*. Moscow: In-t etnologii i antropologii RAN, 1996.
- Traditsionnye kul'tury Severnoi Sibiri i Severnoi Ameriki: Trudy sovetsko-amerikanskoi gruppy po sotrudnichestvu v oblasti izucheniiia vzaimodeistviia aborigennykh narodov i kul'tur Severnoi Sibiri i Severnoi Ameriki*. Ed. I.S. Gurchich. Moscow: Nauka, 1981.
- Vil'danov A.A. K probleme etnicheskoi prinadlezhnosti alan. *S.I. Rudenko i bashkiriy* / Eds. R.M. Iusupov, M.V. Murzabul'tov. Ufa: Gilem, 1998. C. 152–156.
- [Vystupleniia v preniakh V. Geninga, K. Petrova, V. Oborina, M. Moshkovoii, N. Mazhitova, R. Kuzeeva]. *Arkheologiiia i etnografiia Bashkirii*. Ed. Iu. V. Bromlei. Ufa: Bashkirskii filial AN SSSR, 1971. Vol. 4: Materialy nauchnoi sessii po etnogenezu bashkir, mai 1969 g. P. 332–346.

ЧЕРНАЯ ГРОЗА НАД ПРИЕКУЛЕ (О возможном источнике одной из рукописей А.И. Сулакадзева)

Ключевые слова: воздухоплавание, Сулакадзев, рукопись, мистификация, Родных, легенда, кузнец, Крякутной, опыты полетов, Страдынь, Приекуле, воздушный шар.

В статье рассматривается одна из наиболее известных рукописей библиофила и мистификатора Александра Сулакадзева, содержащая столь же известную историю о «подьячем Крякутном». Решается задача выявления возможных источников сведений Сулакадзева и конкретных побудительных мотивов его работы. Предполагается, что толчком к созданию рукописи была гибель Софи Бланшар, а источником вдохновения послужил информационный поток в периодической печати, порожденный ее смертью. Конкретная статья в журнале «Вестник Европы», как оказалось, переводная, была использована и как источник сведений, и как образец для конструирования истории воздухоплавания в России. Сведения Сулакадзева разбираются не с точки зрения их вероятности, а с точки зрения корректности конкретных данных, которые он приводит. Обращается внимание, что Родных, а не Сулакадзеву принадлежит успешная легализация фальсификата и превращение в таковой частных бумаг, цели создания коих автором нам неизвестны. В конце статьи рассматривается аналогичная история бытования «приекульского кузнеца», который, возможно, вдохновил Сулакадзева, а затем сам получил вторую жизнь благодаря общесоюзному «Крякутному».

Рукопись мелкого петербургского чиновника времен Александра Благословенного, усердного библиофила и фантазера Александра Ивановича Сулакадзева (1771–1829)¹ «О воздушном летании в России с 906 лета по Р.Х.» – пожалуй, един-

ственная из его «древностелюбных проказ», сведения которой были с полным доверием восприняты сразу после их обнародования, имели значительную популярность, некоторое время носили официальный характер и были составным элементом советского проекта конструирования исторической памяти. Между тем, в отличие от «Бояновой песни» или «Опыта истории Валаамского монастыря», относи-

© Рыбалка А.А., 2016.

¹ Образ А.И. Сулакадзева, на мой взгляд, серьезно деформирован неполнотой и недостоверностью тиражируемых сведений о его личности, см., напр., (Рыбалка 2015).

тельно которых существуют те или иные основания подозревать самого автора в распространении сведений своих сочинений, рукопись «О воздушном летании в России» находилась среди частных бумаг Сулакадзева и никаких сведений о ней не было вплоть до публикации в 1901 г. сообщения о рукописи авиаэнтузиаста Александра Алексеевича Родных (1871–1941) (*Родных* 1901). Именно Родных на заре русского авиастроения и воздухоплавания прославил русского аэронавта «подьячего Крякутного», а заодно и автора рукописи, собственные намерения которого навсегда, видимо, останутся неизвестными.

Первый русский аэронавт в те времена легко, усилиями других, совершенно не критически настроенных энтузиастов, проник в Брокгауза с Ефроном (*Бекнев* 1911–1916, т. 4: 455–456), однако после мировой и Гражданской войн поблек, перешел в латентную форму и лишь временами становился объектом скептических замечаний историков авиации (*Виргинский* 1938; *Дузъ* 1944).

После Второй мировой войны, в апогее кампании «борьбы с низкопоклонством перед Западом» и во исполнение проекта «русские приоритеты» история Крякутного и иных героев сочинения Сулакадзева вновь оказалась востребованной. В 1947–1948 гг. в Ленинграде дважды была издана книга В.В. Данилевского «Русская техника», медленно сделавшая автора сталинским лауреатом (*Несбет* 2008: 194) и приобретшая характер канонического текста. В начале главы «Русские крылья» (*Данилевский* 1947:

408–412), автор довольно подробно пересказывает соответствующий текст книги А.А. *Родных* (*Родных* 1912) и даже приводит оттуда фотокопию титульного листа рукописи Сулакадзева (*Данилевский* 1947: 410). Замечу, что ни Сулакадзева, ни Родных Данилевский в тексте не упоминает (хотя их имена есть на иллюстрации из книги *Родных*), о них сказано лишь в примечаниях в конце книги. Отношение Данилевского очевидно апологетическое (для него, как отмечает Энн Несбет, «сведения о полете Крякутного перестали быть легендой — теперь этому сюжету был придан статус исторического факта» (*Несбет* 2008: 194)), однако он, будучи академическим исследователем, считал нужным сделать некоторые оговорки относительно «русского аэронавта»: «Самая запись, конечно, требует специальных розысков об ее источниках, пока что никем не произведенных. Такие розыски необходимы: речь идет о закреплении за нашей страной первенства в полете на воздушном шаре — за пятьдесят два года до появления за рубежом первых монгольфьеров и шарльеров» (*Данилевский* 1947: 411) и «Критические исследования, посвященные этому памятнику, пока отсутствуют» (*Данилевский* 1947: 497).

Вторую из названных задач отчасти выполнила вскоре В.Ф. Покровская (*Покровская* 1958; *Козлов* 1996), исследовавшая исправления в тексте рукописи методом фотоанализа и доказавшая вторичный характер имени «Крякутной» и его места обитания — «нерехтец». Покровская посетовала на создание «таких необоснованных

легенд, как никогда не существовавшая фигура подъячего Крякутного, имя которого попало не только на страницы Большой Советской Энциклопедии (2-е изд., т. 23, стр. 567), но и в школьные учебники» (*Покровская* 1958: 636), однако сделать уже ничего было нельзя. Мем «аэронавта Крякутного» в общественное сознание проник, и если официальное отношение к нему скорее сдержанное, то в популярной и художественной литературе, в масс-медиа подъячий Крякутной, кузнец Черная Гроза, приказчик Островков актуализируются с регулярной периодичностью.

Посему также актуальной представляется, на наш взгляд, и первая поставленная Данилевским относительно рукописи задача — проведение «специальных розысков об ее источниках, пока что никем не произведенных». «Записки Боголепова» не были найдены и, вероятно, никогда и не существовали²,

² Сулакадзев пишет (ОР РГБ. Ф. 96. Д. 14. Л. 17), что его дед С.М. Боголепов сочинил «записки своей жизни кои весьма драгоценны, о царствованиях и происшествиях», однако в собственных биографических записках фактически никаких «происшествий» либо просто любопытных сведений со ссылкой на «записки» не приводит. Две его ссылки касаются биографических подробностей о Боголеповых и их соседях, довольно обычных. Интерес к «запискам» обусловлен ссылкой на них при изложении трех случаев «воздушного летания в России», о чем далее будет сказано подробно. О внешнем виде рукописи с «записками» Сулакадзев, большой любитель библиографических описаний, нигде ни слова не говорит. В «Каталоге манускриптов» Сулакадзева, копия которого сохранилась среди бумаг библиографа и переводчика В.Г. Анастасевича (ОР РГБ. Ф. 18. Д. 14. Л. 7 — 12 об.), актуальном на январь 1818 г., никаких упоминаний о «записках деда» нет, при том что Сулакадзев охотно перечисляет рукописи, написанные или составленные им

но можно ли попытаться рассмотреть текст сочинения Сулакадзева, исходя из доступных источников?

Полагаем, вполне осуществимой задачей является выявление некоторых источников сведений Сулакадзева и конкретных побудительных мотивов его работы, другими словами, включение рукописи в контекст эпохи, в событийный ряд, ей сопутствующий. С этой точки зрения рукопись никогда никем не рассматривалась, посему проблема представляется интересной.

Нами такой исследование было проведено, и результаты его будут рассмотрены далее в следующих сюжетах:

1. Мотивы и источники Сулакадзева;
2. Корректность его сведений по формальным критериям;
3. Роль Родных в легализации рукописи и ее пропаганде;
4. Современная судьба одной из историй, вдохновивших Сулакадзева.

Согласно дате на титульном листе рукописи, сочинение Сулакадзева было написано в 1819 г. Анализ сведений «Летописца»³ Сулакадзева за лето этого года дал основания полагать, что толчком к созданию рукописи была гибель известной французской воздухоплавательницы Софи Бланшар (1778–1819), а ис-

самим и Ф.В. Каржавиным. Подробнее о каталогах библиотеки Сулакадзева из фонда Анастасевича см. (*Рыбалка* 2016).

³ «Летописцем» Сулакадзев именовал свой дневник, который вел в 1817–1828 гг.

точником вдохновения послужил информационный поток в периодической печати, порожденный ее смертью. Конкретная статья в журнале «Вестник Европы», как оказалось, переводная, была использована и как источник сведений, и как образец для конструирования истории воздухоплавания в России.

Смерть Софи Бланшар не прошла мимо внимания Сулакадзева, который в то время записал в своем «Летописце» со ссылкой на «Русский инвалид» №166 от 18 июля: «...1819... 6 июля Славная воздухоплавательница Бланшард, в Тиволи, в вечеру поднявшись на воздух около 400 фут зажгла фейерверк, коего одна малая ракета, зажгла шар, который загоревшись, упал с нею, и она раздробленная <погибла> в своей лодочке от шара» (ОР РГБ. Ф. 96. Д. 97.1. Л. 196).

Бланшар, несмотря на проявленное ею в критической ситуации хладнокровие, погибла как из-за недостатка времени для принятия нестандартных решений, так, видимо, и в силу неудобства выполнения ряда необходимых действий в женском костюме, который был не особо пригоден для такого экстремального занятия, как воздухоплавание, а о формализации правил безопасности полетов, включая порядок эвакуации при авариях, тогда еще не задумывались.

Последнее обстоятельство затронул месяц спустя некий Д., поместивший в столичном журнале «Вестник Европы» статью «Воздухоплаватели», посвященную памяти Софи Бланшар (Воздухоплава-

тели 1819). Софи, гибель которой, случившаяся через десять лет после столь же трагической смерти ее мужа, Жана-Франсуа Бланшара, активно обсуждалась в европейской периодике, было отведено немного места, в основном статья представляла собой очерк истории воздухоплавания, включая самые первые опыты полетов.

Полагаю, что Сулакадзев был одним из внимательных читателей «Вестника Европы» и именно статья Д. в том же году подвигла его на создание столь известной впоследствии рукописи «О воздушном летании в России с 906 лета по Р.Х.», ибо в «Летописце» присутствует явное заимствование одного из сюжетов статьи: «20 июля... воздухоплателей от шара погибло, госпожа / Бланшард 6 июля 1819 Пилар да Розье / романи. В булони. Граф Цамбекариа / в италии Оливари в орлеане»⁴ (ОР РГБ. Ф. 96. Д. 97.1. Л. 203). В статье Д. приводились примеры летной активности кого угодно, но только не соотечественников Александра Ивановича, между тем пара примеров относилась к краям (Польше и Курляндии), которые в ту пору стали уже частью владений российских императоров.

Вероятно, именно это обстоятельство навело Сулакадзева на мысль провести ревизию сведений об опытах летания собственно русских людей, тем более что один такой яркий, хотя и неудачный, пример был ему известен – еще в 1787 г. Федор

⁴ Символ «/» означает перевод строки в тексте Сулакадзева, написание имен собственных дано без корректировки, так, как они написаны в тексте рукописи.

Туманский опубликовал записки Ивана Желябужского, в которых описывался эпизод двукратных неудачных попыток подняться в воздух на искусственных крыльях в апреле 1695 г.⁵

Именно пересказом этого эпизода Сулакадзев открывает исторический раздел своего сочинения, именованный «в России 1-е опыты»⁶. Он ограничивается кратким пересказом, опуская драматическую развязку истории⁷. Дальнейшее раз-

⁵ Федор Осипович Туманский (1757–1810), русский писатель и издатель, действительный член Российской академии, статский советник. Записки И.А. Желябужского были изданы им в составе «Собрания разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого» (1787–1788), сохраняющего определенное значение по сей день.

⁶ Рукопись (ОР БАН. Собр. текущих поступлений. № 637. Л. 1 – 6 об.) открывается сведениями «из народных сказок» (Л. 2), далее следуют несколько частично повторяющихся библиографических списков «книг о летании», перемежающихся отдельными сообщениями о «полетах» исторического либо легендарного характера с точными библиографическими ссылками (Л. 2 об. – 5). Таким образом, собственно исторические сведения «о летании в России» составляют только третий раздел рукописи (Л. 5–6). Завершается рукопись указанием на полеты Монгольфе и первые авиакатастрофы (Л. 6 об.). Эти сведения, как и названия иностранных «книг о летании» Сулакадзев заимствовал из главы «Опыты аэростатические» сочинения И.С. Галле «Открытые тайны древних магов и чародеев ...» (части I–V, 1798–1801, пер. В.А. Левшина), на которого и приводит точные ссылки.

⁷ Сулакадзев отмечает только сам факт изготовления крыльев: слюдяных за 18 рублей и затем замшевых за 5 рублей. После неудачных опытов злосчастного летуна били батогами и продали всё его имущество в счет возмещения потраченных на его опыты средств.

витие сюжета, полагаю, следует отнести на счет воображения автора рукописи, испытывавшего дефицит реальных данных.

Что касается конкретных персонажей, то рукопись «О воздушном летании в России» знаменита прежде всего феерическим Крякутным, порожденным, скорее всего, не самим автором, а, видимо, погибшим в ленинградскую блокаду А.А. Родных, первым публикатором рукописи⁸. Хотя этот сюжет, очевидно, навсегда останется вне конкуренции, в тексте Сулакадзева есть и иные особенности. Еще Н.Н. Воронин, указывая, что «рукопись Сулакадзева открывается цитатой летописного характера о применении князем Олегом “воздушных змеев” в виде “коней и людей бумажных вооруженных и позлащенных”, запущенных мудрым князем на осажденный Царьград для устрашения греков», обратил внимание на то, что «бумага появляется в России лишь в XIV веке и “бумажные” змеи Олега уже поэтому должны были бы насторожить исследователей! Можно быть уверенным, что никаких древних “первоисточников” этой басни не будет найдено, так как ее “источником” является любовь к занимательной фантастике русских грамотеев XVII–XVIII вв. Это материал

⁸ Наиболее полная публикация сведений из рукописи Сулакадзева по сей день принадлежит самому Родных (Вестник воздухоплавания 1910: 9–12; *Родных* 1912), нарушившему при публикации последовательность текста Сулакадзева. История «подьячего Крякутного» широко известна, излагалась и анализировалась неоднократно, наиболее обстоятельные публикации, включающие библиографию вопроса: (*Резников* 1986; *Алексеев* 1993; *Козлов* 1996; *Несбет* 2008).

для истории: русского фольклора, а никак не для истории русского “летательного дела в целом”» (Воронин 1957: 284)⁹.

Позволим себе прокомментировать подобным же образом текст тех сообщений из рукописи Сулакадзева¹⁰, которые связаны со службой его деда С.М. Боголепова (1718–1797)¹¹ в переславль-рязанской воеводской канцелярии (до 1756 г.) и, если верить «Летописцу Рязанскому», с малой родиной Сулакадзева¹².

«1699 года, стрелец Рязанский Серов делал в Рязке крылья, из крыльев голубей великие и по своей обычности хотел лететь, но только поднялся аршин на семь, перекувыркнулся и упал на спину не больно. Из дела в воеводской канцелярии. [1699] г.» (Воздухоплавание 1956: 13).

⁹ Сообщение об Олеге (Л. 4 об.) заимствовано из текста примечания Карамзина к своей «Истории Российской» и, само собой, на счет Сулакадзева отнесено быть не может.

¹⁰ Анализ проведен по фотографиям страниц рукописи из издания (Воздухоплавание 1956: 13–15). С 1951 г. рукопись находится в Рукописном отделе Библиотеки Академии наук (ОР БАН. Собр. текущих поступлений. № 637.)

¹¹ Биографические сведения о Боголепове приводятся Сулакадзевым в его сочинении «Летописец рязанский, от 830 до 1818 г. окт. 11.» (ОР РГБ. Ф. 96. Д. 14. Л. 17). Эти сведения впервые были введены в научный оборот П.Д. Корзинкиным (*Корзинкин* 1949).

¹² ОР РГБ. Ф. 96. Д. 14. Л. 17, 18. «Летописец рязанский, от 830 до 1818 г. окт. 11. Собран из разных рукописей Александр Сулакадзевым. СПб., 1818 г.» на 26 листах. Это тетрадь небольшого формата, автограф составителя, наполненная выписками из различных документов и исторических сочинений, касающихся Рязани, включая и биографические заметки автора.

До 1778 г. Переславль-Рязанский (ставший Рязанью только в 1778 г.) и Рязск никогда не находились в составе одной административно-территориальной структуры. В XVII в. это были два разных уезда со своими воеводами каждый, с 1708 г. Переславль-Рязанский был отнесен к Московской губернии, а Рязск — к Азовской. С 1719 Переславль-Рязанский был центром провинции, а Рязский уезд вошел в состав Тамбовской провинции. Соответственно, Серову нечего было делать в Рязке, а переславль-рязанской воеводской канцелярии не было дела до того, кто там в Рязке делает крылья. Отмечу, что вторая (выделенная курсивом) дата в рукописи написана кириллицей, другим шрифтом и чернилами (красными?), чем Сулакадзев, видимо, стремился подчеркнуть аутентичность приводимого им текста. В таком случае принципиальна и принадлежность стрельца: он мог бы еще быть обозначен в 1699 г. как «переславльский», но никак не «рязанский».

«1724 года в селе *Пехлеце Рязанской провинции*: приказчик *Перемышлева фабрики Островков* вздумал летать по воздуху. Сделал крылья из бычачьих пузырей, но не полетел... Из записок [?] Боголепова» (Воздухоплавание 1956: 14).

Пехлецкий стан находился в Рязском уезде Тамбовской провинции, Боголепов же служил в «Переславль-Рязанской провинции», на фабрике Перемышлева вполне мог служить приказчик Островков, но фабрика сама появилась в Пехлеце через несколько десятилетий

после 1724 г., только в 1762 г. Очевидно, что этот текст не принадлежит Боголепову, перед фамилией которого в рукописи написана какая-то неразборчивая буква, не воспроизводящаяся при цитировании в печатных изданиях.

«729 года в селе Ключе, недалеко от Рязьска, кузнец, Черная гроза называвшийся, сделал крылья из проволоки, надевал их как рукава: на острых концах надеты были перья самые мягкие как пух из ястребков и рыболовов, и по приличию на ноги тоже как хвост, а на голову как шапка с длинными мягкими перьями; летал тако, мало дело ни высоко, ни низко, устал и спустился на кровлю церкви, но поп крылья сжог, а его едва не проклял. Из дел воеводы Воейкова, 1730 года» (Воздухоплавание 1956: 14)¹³.

¹³ Любопытно, что на сообщении о полете Черной Грозы не акцентировали внимание во время проекта «русские приоритеты», хотя этот успешный полет состоялся ранее полета подьячего. Причина, полагаем, проста. Полеты на воздушных шарах-монгольферах стали реальностью полвека спустя и могли быть использованы для обоснования аутентичности полета подьячего — «такой же полет, только раньше». Напротив, полеты человека на крыльях к началу XX в. реальностью так и не стали, тем более с использованием мышечной силы летуна, как косвенно следует из всех трех примеров Сулакадзева — нигде он не говорит, что летуны стартовали с возвышения. Следовательно, аутентичность сообщения о Черной Грозе должна была доказываться сама по себе, без возможности использования *par example*. Вероятно поэтому в более позднем своем сочинении Родных говорит лишь о «попытках русских людей добиться искусства летания», хотя из трех «крылатых» примеров Сулакадзева в сообщении о Черной Грозе явно подразумевается, что его полет завершился удачно (Родных 1929: 16, 18). Однако Родных это обстоятельство попросту игнорирует. «Не исключена возможность, что Черная

События также происходят в Тамбовской провинции, дела которой переславль-рязанских воевод не занимали, поскольку хватало своих. В 1727–1730 гг. воеводой в Рязани был стольник Б.И. Неронов, известный своим конфликтом со знаменитым владыкой Гавриилом Бужинским, а после вышедшего в 1730 г. апрельского указа Сената о двухлетнем сроке пребывания в воеводской должности, уже в 1731 г., прислали майора И.С. Павлова (Бабич 2008: 22), при котором и начал службу в канцелярии Степан Боголепов.

«1731 года в Рязане при воеводе подьячий крещеный немец Фурцель [нерехтец Крякутной фурвин] сделал как мяч большой, надул дымом поганым и вонючим, от него зделал петлю, сел в нее, и нечистая сила подняла его выше березы, и после ударила его о колокольню, но он уцепился за веревку, чем звонят, и остался тако жив, его выгнали из города, он ушел в Москву и хотел закопать живого в землю или сжечь. Из записок Боголепова». (Воздухоплавание 1956: 15).

Популяризаторы Крякутного обычно подчеркивали незначительный статус летуна, настаивая, что «подьячими в Московской Руси назывались писцы и делопроизводители в приказной канцелярии»

Гроза спланировал с вершины дерева на церковную кровлю» — пишет В.В. Данилевский (Данилевский 1947: 411), также косвенным образом показывая, что в буквальный смысл сообщения Сулакадзева он не верит, поскольку удачных опытов летания на крыльях с тех пор так и не было зафиксировано, в отличие от полетов на шарах. Посему Данилевский и продолжает «Особенно важна... запись о полете Крякутного...

(*Корзинкин* 1949: 28). Между тем, речь вовсе не о Московской Руси, и в начале правления императрицы Анны «подьячим» в воеводской канцелярии назывался только ее глава — подьячий с приписью (*Готье* 1913: 272–273). Никаких других подьячих по Регламенту там не было и правомерно задаться вопросом, сколь органична фигура такого ответственного чиновника в роли аэронавта. И если уж таковой в этой роли оказался, насколько вероятны для него были описанные в сообщении последствия и мог ли он осуществить подобные действия без прямого согласования с воеводой. Кроме того, в отличие от секретарей провинциальной канцелярии, подчинявшейся непосредственно Сенату, подьячие воеводской канцелярии (до 1763 г., но тогда их и переименовали в секретарей) не имели классного чина, соответственно права выслуги дворянства и дальнейшего карьерного роста, посему немец в этом качестве, хотя бы и крещеный, редкая птица. Кроме того, корпорация мелких служилых людей «по прибору» крайне неохотно впускала чужих.

Между тем, по словам Сулакадзева¹⁴, его дед Боголепов сам двадцать лет спустя — в 1751 г. — возглавил канцелярию в этой должности и занимал ее пять лет (ОР РГБ. Ф. 96. Д. 14. Л. 17), прежде чем получить классный чин и занять должность полицмейстера. В этой связи правомерно задаться вопросом — аттестовал ли

¹⁴ Сулакадзев при этом допускает очевидный и, видимо, сознательный анахронизм, называя Боголепова секретарем. Такое наименование глава воеводской канцелярии получил только в 1763 г.

он Фурцеля столь скромно — подьячий при воеводе — если бы имел отношение к этой записи. Возможны ли были бы со стороны бывшего рязанского полицмейстера апелляции к «нечистой силе»? Любопытно, что немецкое *Furcel* означает «душно пахнущий» и, таким образом, фамилия аэронавта вполне соответствует характеристикам дыма, которым он наполнил «мяч».

Вторая выделенная фраза явно вписана позже в уже готовый текст, в межстрочный интервал.

«1745 года из Москвы шел какой-то Кавказец [Карачевец] и делал змеи бумажные на шестицах, и прикрепил к петле. Под него сделал седалку и поднялся, но его стало кружить, и он упал, ушиб ногу и более не поднимался. Из записок Боголепова» (*Воздухоплавание* 1956: 15).

Последнее сообщение не имеет каких-либо конкретных сведений, которые можно было бы подвернуть анализу, более того, не вполне ясно, где именно и при каких обстоятельствах происходит событие. В связи с «кавказцем» оригинального текста Сулакадзева уместно вспомнить «Книгорек» (*Пыпин* 1898: 8), который уживался в одной тетради с перечнем изданных грузинских книг¹⁵. Вероятно, Сулакадзев грузинского

¹⁵ «Книгорекъ, или Каталог древним книгам» — принадлежавшая А.Н. Пыпину и утраченная после его смерти рукопись Сулакадзева, представляющая собой библиографический список отреченных книг, составленный на основе статьи об отреченных книгах в редакции раскольничьей Кормчей 1786 г. издания, с дополнениями и комментариями самого составителя. Подробнее см. (*Рыбалка* 2015).

происхождения своего не забывал, хотя, судя по «Летописцу Рязанскому», мало что знал о своих предках по линии отца. «Крещеный немец» заставляет вспомнить, что отец и сын Сулакадзеви были женаты на «крещеных» немках¹⁶.

Таким образом, все сообщения, в которых приводятся какие-либо конкретные локусы, имеют признаки неаутентичности. Замечу, что, с моей точки зрения, ряд мотивов оригинальных сообщений Сулакадзева имеют параллели в статье «Воздухоплаватели», о чем будет сказано ниже.

Сулакадзев привел пять «опытов», связанных с Рязком и Рязанью, но, еще ранее он включил в текст рукописи (Л. 3) сообщение о полете 18 июля 1803 г. француза А.-Ж. Гарнерена в Петербурге с участием бывшего потемкинского фаворита, героя Очакова и Измаила генерала от инфантерии С.Л. Львова: «1803 года или около сего года поднимался на воздухе Тайный Советник Львов на воздушном шаре, Сергей Лаврентьевич с. Анны I ст. получ. 25 марта 1791 г.; также профессоръ въ СПб» (*Воробьев* 1952: 125). Сулакадзеви осталась неизвестна точная дата, он пишет «1803 года или около сего года», а в конце добавляет «также профессоръ въ СПб», очевидно, имея в виду полет академика Я.Д. Захарова с физи-

ком из Льежа Э.-Г. Робертсоном¹⁷ 20 июня 1804 г.; нельзя не отметить отсутствие у Сулакадзева точной информации о полетах, состоявшихся в его время и по месту его проживания — он титулует боевого генерала Львова¹⁸, личность весьма известную, гражданским, да еще и более низким чином; имена же иностранцев-аэронавтов, при которых его соотечественники были лишь пассажирами (Захаров, впрочем, провел во время полета несколько экспериментов), опущены, полагаю, совершенно сознательно. Сообщению о полете Гарнерена в рукописи сопутствует сообщение о полете в Польше (Л. 3 об.), одно из двух, заимствованных им из упомянутой выше статьи Д. При этом Сулакадзеви, видимо, остались неизвестны два полета самого Бланшара в Варшаве в 1788 г., в честь которых была выбита медаль.

Сразу оговоримся, что на самом деле отрывок о «первых опытах» (*Воздухоплаватели* 1819: 264–268) суть перепечатка с самыми незначительными сокращениями заметки «Исторические известия о воздухоплавании» из № 12 «Вестника Европы» за 1806 г., которая, в свою очередь, являлась переводом статьи митавского юриста и публици-

¹⁶ Трудно представить, кем еще может быть Давыд Фогользан, отец Авдотьи Сахновской, второй жены И.Г. Сулакадзева (ОР РГБ. Ф. 96. Д. 14. Л. 18), а Софья Шредер-Сулакадзева фон Гоч до конца своих дней оставалась прусской подданной (ОР РГБ. Ф. 218. № 1287.35).

¹⁷ Этьен-Гаспар Робертсон (1763–1837), уроженец Льежа, физик-оптик, изобретатель и искатель авантюрных приключений, в зрелые годы мемуарист, мастер перфоманса, стремившийся делать из своих полетов театрализованное зрелище. Был приглашен в Россию Академией наук, выполнил несколько полетов в Санкт-Петербурге, Москве и Риге, много путешествовал по России.

¹⁸ Упомянутый Сулакадзевым орден Св. Анны был получен Львовым за отличие при штурме Измаила.

ста Фридриха Бернхарда Алберса (1775–1823), значимой фигуры тогдашней российской немецкоязычной журналистики из мартовских номеров берлинского еженедельника Августа Коцебу «Der Freimüthige oder Ernst und Scherz» («Прямодушный, или В шутку и всерьез») того же года.

Сулакадзев кратко пересказал следующий текст Д., являвшийся, в свою очередь сокращением перевода текста Алберса. Сравним оба отрывка. Д.: «Бехер рассказывает, ссылаясь на одного очевидца, что живший при польском дворе итальянец Баратини сделал из лык и соломы машину, с помощью коей поднимался на воздух, имея при себе еще двух товарищей. Сей художник обещал было через 24 часа очутиться в Константинополе; однако не вылетел и за окрестности Варшавы» (Воздухоплаватели 1819: 265). Сулакадзев: «В 17 веке Бехер писатель видел при польском дворе итальянца Баратини, сделавшего из соломы и лыка машину, посредством коей поднимался на воздух с двумя товарищами. Вестник Европы, август № 16, 1819 г., стр. 265» (Воробьев 1952: 125).

Д.: «...профессор кильский, Паш, написал трактат о новых изобретениях. Один ученый монах испанский с малолетства упражнялся в летании, подражая птицам; для чего привязывал к рукам своим крылья из перьев. Чтоб сделать опыт над своим искусством, он взошел на башню, и оттуда пустившись, действительно пролетел более двухсот шагов. По несчастью, или от действия сильного ветра, которому

не мог противиться, или от страха, наш воздушный путешествователь сделал какую-то ошибку на лету, упал на землю, переломил обе ноги, и скоро потом умер. Сей монах был твердо уверен в совершенстве своего изобретения, и даже незадолго перед смертью сказал, что с ним не случилось бы сего, если б не забыл прикрепить хвост к спине своей» (Воздухоплаватели 1819: 265). Сулакадзев: «В Варшаве посредством крыльев поднимался Испанский монах навоздух, упал, ибо незделал хвоста» (Воробьев 1952: 125). Далее у Д. и Алберса последний анекдот повторялся в деталях с другим исполнителем и сценой — латышом в Курляндии¹⁹ и затем говорилось, что подобное же совершил некий стихотворец в Нюрнберге (Воздухоплаватели 1819: 265–266).

Сулакадзев в тексте рукописи привел истории от Бехера и Паша в разных местах, присоединив второе из них к собственным оригинальным сообщениям, а вместо ссылки на Паша указал, что и это событие произошло в Варшаве. Польша, как известно, к тому времени была частью Российской империи и Александр Иванович счел себе вправе добавить в копилку успехов российских воздухоплавателей сведения, касающиеся этой окраины России. Трудно угадать, что заставило его отказаться от использования более уместного курляндского примера,

¹⁹ «В Курляндии сохранилось предание об одном Латыше, который в начале прошлого столетия пустился с колокольни на воздух, пролетел версты две, упал на землю, и сломал себе ногу; новой Икар сей равным образом жаловался, что забыл привязать хвост, который мог служить ему вместо руля» (Воздухоплаватели 1819: 265–266).

аналогичного использованному им, который он, конечно, прочитал у Д. Курляндия числилась вассалом Польши, но от Варшавы была расположена далеко, да и рассматривалась русскими всегда как самостоятельный субъект отношений. Возможно, Сулакадзев предпочел ту историю, которая подтверждалась ссылкой на источник, хотя и удалил саму ссылку, ибо передислоцировал событие в Варшаву²⁰.

В истории от Паша легко узнается известный анекдот о малмсберийском монахе Эймере (начало XI в.) из *Gesta regum Anglorum* Уильяма Малмсбери. Малмсбери пишет об этом так: «Он определенным образом, едва ли я знаю как, закрепил крылья к своим рукам и ногам таким образом, что приняв миф за истину, он мог бы летать подобно Дедалу, и, используя бриз, спрыгнув с крыши башни, он пролетел больше фарлонга (201 м. — А.Р.). Но не справившись с силою ветра и движением воздуха, понимая опрометчивость его поступка, он упал, сломав обе свои ноги и стал хромым после этого. Причиной неудачи своей он указывал то, что забыл соорудить себе хвост» (*William of Malmesbury 1887: 276–277*).

Интересно, что анекдот этот после Уильяма Малмсбери пересказывался множество раз, как с сохранением английского контекста (хотя герой постепенно стал то Оливье, то Оливером), так и с включением в контекст, близкий автору. Ха-

²⁰ В оригинальном немецком тексте Алберса Паш ссылался на книгу *Compendium miraculorum*, которую сочинил испанский дворянин Альваро Гутьерес де Торрес де Толедо.

актерным примером является предание об итальянском монахе Бонавентуре (XIV в.), прыгнувшем на крыльях с крыши храма и сожженным за свой поступок инквизицией, или анекдот об алхимике шотландского короля Якова IV аббате Джоне Дамиане (также итальянцем), сломавшем ногу при попытке спланировать с башни замка в сентябре 1507 г. Последний сетовал на неосторожное использование им при сооружении крыльев куриных перьев помимо орлиных, что и было принято в качестве основательного довода. В Нюрнберге аналогичные опыты трагически закончились для певчего Сенецио и некоего Форзингера (*Родных 1929: 6–7, 11–12*). У самого Сулакадзева на л. 4 об., следом за сообщением о змеях князя Олега, следует выписанная из «Словаря исторического» (1790) подобная же история, датированная 1569 г.: «Гидотти Павел, живописец, рещик и архитектор, родился в Лукке²¹. Сделал крылья из китовой кожи, сверху покрыты перьями и к телу приновлены были ниже рук, он полетел с высокого места и летел на четверть мили. Упал на кровлю

²¹ Паоло Гвидотти, также известный как «Кавалер Боргезе» (Лукка, 1559–1629), итальянский художник и архитектор, активный работавший в Риме, Лукке и Пизе. Был придворным художником пап Сикста V и Павла V; последователь маньеризма, экспериментатор не только в живописи, но и в литературе, автор поэмы «Гибель Иерусалима», имел также докторскую степень в области права. Кроме анекдота про полет на крыльях ему также приписывается ночное посещение кладбищ с целью анатомирования трупов — столь же расхожий сюжет того времени, ассоциируемый со многими известными художниками. Дата Сулакадзева — 1569, видимо, неверно указанный год рождения, «полет» Гвидотти не датирован.

и выломил ногу». И в рассматриваемой статье Д. за цитированным фрагментом следует анекдот о курляндском латыше начала XVIII в., в деталях повторяющий предыдущий рассказ, а далее ссылка на подобную же историю в Нюрнберге уже без подробностей.

Думаю, что и менее внимательный человек, чем Сулакадзев, понял бы, что к разным географическим реалиям приурочен один и тот же рассказ. Сложно сказать, какие выводы он из этого сделал, но, как минимум, ему должно было прийти в голову, что речь идет не о множестве событий, а о множестве пересказов...

Рискну, однако, предположить, что и первоисточник истории о курляндском летуне Сулакадзев не только знал, но и использовал. Алберс, пересказывая сообщение об аэронавтике на своей малой родине, повторенное на русском языке в статье Д., опустил, возможно как общеизвестную, ссылку на своего коллегу, пастора Георга Сигизмунда Билтерлинга (1767–1829), опубликовавшего за год до того заметку «Новый Икар» (*Biliterling* 1805). В заметке пересказывался тот же анекдот, что и у Паша, однако происходило всё в Приекуле, где автор несколько лет подвизался в качестве пастора, а исполнителем, спланировавшим с местной колокольни, явился кузнец швед («*Sweederis*») Йоханссон. Фамилию кузнеца Билтерлинг реконструировал, найдя подходящую надпись на могильной плите местного кладбища (*Biliterling* 1805: 94).

В двух оригинальных сообщениях Сулакадзева — о кузнеце Черной Гро-

зе и немце Фурцеле — мы видим несколько мотивов, предположительно заимствованных из статей Алберса и Билтерлинга и находим, что эти сообщения сконструированы по типу легенды о приекульском кузнеце, помимо того, что само понятие «опыты воздухоплавания» заимствовано из статьи Д. в «Вестнике Европы»:

- 1) событие происходит в глухой провинции — Приекуле / Ключи;
- 2) действующим лицом является кузнец;
- 3) крылья изготавливаются из перьев — «на острых концах надеты были перья самые мягкие как пух из ястребков и рыболовов»;
- 4) герой прыгает с церкви / приземляется на церковь;
- 5) терпит неудачу из-за отсутствия хвоста / прикрепляет «по приличию на ноги тоже как хвост» и летает успешно;
- 6) герой — «свой» иноземец — местный швед / крещеный немец (следующее сообщение Сулакадзева — о подьячем Фурцеле; полагаем, что история с апокрифическим шведом была использована Сулакадзевым для двух разных персонажей).

Хвост, конечно, ключевой мотив: неоднократно прочитав сетования на отсутствие такового (а Билтерлинг поясняет — хвост нужен в качестве руля), Сулакадзев, естественно, указывает, что «наш», правильный кузнец, хвост себе соорудил. Правда, в классическом анекдоте

про летающего монаха хвост должен крепиться к спине. Сулакадзев, видимо, из соображений большей подвижности крепит его к ногам кузнеца и, на всякий случай, добавляет еще на голову индейский роуч, в коем Чёрная Гроза мог сигануть на крышу церкви разве что в приступе белой горячки или на масленицу... (тут Александру Ивановичу, пожалуй, изменило чувство меры, в духе хронической *глухоты* его певца Бояна (*Козлов* 1996: 166)).

Сулакадзев, надо полагать, обратил внимание и на то, что в статье Алберса – Д. указывается на стабильные неудачи опытов летания, лишь трижды потенциальные аэронавты добились успеха. У Сулакадзева также сюжет развивается постепенно, первые попытки неудачны, но затем аэронавтам сопутствует относительная удача и любопытно, что таких попыток именно три, причем Александр Иванович проявил творческий подход – каждый аэронавт у него использует свой тип летательного аппарата.

Далее Сулакадзев обращает внимание на то, что развитие аэронавтики на Рязанщине выглядит слишком вызывающе, и возвращается к источнику, заимствовав из статьи Алберса пару смежных сообщений, внеся при этом в одно из них, как уже было сказано выше, свою изюминку. Эти заимствования Сулакадзева интересны не только для характеристики его самого, но и для характеристики публикатора – Александра Родных. На то, что «сведения... о воздушных летаниях в Польше» заимствованы из статьи в «Вестнике Европы», Родных обратил внима-

ние (Вестник воздухоплавания 1911: 28), благо Сулакадзев в одном случае на «Вестник» и ссылался, но поскольку он по обыкновению своему перенес сообщение, касающееся Испании в Варшаву, Родных предпочел подыграть ему и сделал вид, что он этого не заметил. Более того, он не постеснялся написать, что источник этого сообщения неизвестен, при том, что датировал его XVII в., как то и следовало из первоисточника (книга Паша издана в 1700 г., у самого Сулакадзева ссылка на нее приводится после сообщения Бехера, а сам рассказ Паша следует сразу за змеелетным кавказцем – 1745, тремя листами ниже).

Отмечу, что это единственные сведения из рукописи Сулакадзева, которые Родных в «Перечне сведений о летании и воздухоплавании в России...» (*Родных* 1910: 17–18) приводит со ссылкой на автора. Во всех остальных случаях заимствованные из рукописи сведения он приводит со ссылками на источники, названные самим Сулакадзевым. Если в случае, когда ссылки даются на печатные источники, это выглядит совершенно оправданным, ссылки на «дела воеводской канцелярии» или на «записки Боголепова» вместо ссылок на саму рукопись вызывают очевидные вопросы к добросовестности Родных. Хотя он и был математиком, сотрудником страхового агентства, а не историком и источниковедом, элементарная подготовка в тогдашней российской высшей школе должна бы была способствовать аккуратности при цитировании.

Впрочем, нельзя не обратить внимание на то, что Родных вплоть

до факсимильной публикации листов рукописи и передачи фотокопии в Мюнхенский музей ни словом не обмолвился, что в рукописи имеются исправления. То есть он молчал до тех пор, пока вопросы не были заданы сторонними людьми. Если два совершенно уничтоженных исправления слова вписаны над текстом — «нерехтец» и «карачевец», а «фурвинъ» все-таки можно прочитать, то чтение «Крякутной» (на мой взгляд, в рукописи сложно увидеть какие-либо признаки «я») дано самим Родных в 1901 г., при первой публикации отрывков из рукописи в газете «Россия» и стало традиционным до того, как кто-либо смог познакомиться с самой рукописью.

Полагаем, что исправления сделаны Александром Родных. Именно он с самого начала презентовал рукопись Сулакадзева должным образом: «Рукопись эта весьма важна для Нашей Матушки России, так как указывает, что *первенство в деле изобретения воздушных шаров принадлежит России* еще за 60 лет до появления во Франции монгольфьеров и шарльеров» (Систематический и хронологический каталог... 1902: 175)²². Между тем сам Сулакадзев никак это обстоятельство не отмечает, не выделяя сообщение о полете Фурцеля из других своих сообщений и ничего не говоря об отставших от него в развитии

²² Родных был редактором каталога библиотеки Я.Ф. Березина-Ширяева и позволил себя привести в конце короткий библиографический список своих собственных работ. Цитированное — комментарий к ссылке на статью в газете «Россия», на тот момент единственную его работу по истории воздухоплавания.

чужестранных воздушных шарах. На последнем листе рукописи, вопреки своим собственным сообщениям, Сулакадзев традиционно пишет, что в 1783 г. «впервые поднялся на воздух во всей Европе француз Монгольфьер» (Л. 6 об.)²³.

Безобразный характер внесенных исправлений также, на наш взгляд, указывает на автора работ о признаках делимости на семь и способах построения центров круга. Сулакадзев, как известно, был мастером подчисток и приписок и никогда не позволил бы себе такого непрофессионального отношения к делу. Вероятно, Родных же принадлежит вписанный между строк драматический финал истории «Крякутного» — «и хотели закопать живого в землю, или сжечь». Александр Алексеевич последовательно стремился драматизировать раннюю историю российского «воздушного летания», рассказывая о «смердах Никитках» и «поповских сыновьях Симеонах», остановленных в своем стремлении вывесь тиранической дланью царя Ивана и Бирона: «...русские мысли и труды давно забыты, так как они замерли еще в самый момент пуска ростков под тяжелым дыханием русской жизни» (Вестник воздухоплавания 1910: 12), в то время как текст самого Сулакадзева носит более умеренный характер.

Формально Родных стал хозяином рукописи накануне публикации выдержек из нее в газете «Россия»

²³ Текст рукописи завершается следующими характерными фразами: «1й пустился на воздух Шарль и Робер / 1й упал и разбился 1785. Пилатр де Розьер и Сент-Ромен <...> / 1 парашют изобретен изготовлен Гарнереном».

в октябре 1901 г., но фактически он распоряжался ею еще несколько лет до этого момента, поскольку наследников Березина-Ширяева его библиотека не интересовала. Ясно, что возможностей придать рукописи тот вид, который она имеет сейчас, у него было предостаточно.

Нельзя не отметить и странную историю с Мюнхенским музеем открытий и изобретений. После публикации своего очерка о рукописи Сулакадзева (*Вестник воздухоплавания* 1910: 9–12), Родных отправил в музей фотокопии двух листов рукописи. Сотрудники музея, проявив очевидный интерес, сделали немецкий перевод и выставили присланное в экспозицию (превратив, впрочем, «Крякутного» в Крякуткина). Вскоре один петербургский турист посетил музей и вернувшись домой написал в столичной газете, что «найдена... в старом списке запись на русском языке и переводом ее на немецкий, в которой сообщается о подъеме в г. Рязани в 1731 году подъячего Крякутного». Родных хватило на то, чтобы поначалу с восторгом принять очевидное недоразумение как новое свидетельство в пользу рукописи Сулакадзева (*Родных* 1911: 29)²⁴. В своей книге

²⁴ «Из тех данных, которые закреплены рукописью Сулакадзева, недавно, по сообщению “Нового времени” от 30 сентября прошлого года, в Мюнхене была найдена, в Музее открытий и изобретений, Г.Ф. Ракеевым в старом списке запись на русском языке с переводом ее на немецкий язык, в которой сообщается о подъеме в городе Рязани в 1731 году подъячего Крякуткина на изобретенном им воздушном шаре за 52 года до монгольферов во Франции. В рукописи же Сулакадзева этот отныне знаменитый подъячий приведен под именем: “Крякутной”». Родных, таким образом, по сути, пересказывает

он, однако, восторги повторить не рискнул, ограничившись фотографией стенда музея. Заметим, что он не приводит в книге и фотографии листов рукописи, на которых дотошные немцы сразу заметили исправления, зато полностью приводит не представляющий никакого особого интереса лист обложки рукописи. В то время, занимаясь активной популяризацией Сулакадзева и его рукописи, Родных предлагал фотокопию рукописи за 1 р. 20 к., а снимок с подписи Сулакадзева за 10 к., неясно, насколько это предприятие имело коммерческий успех²⁵.

Своеобразно представляет Родных и сведения о попытке полета на аэростате штаб-лекаря И.Г. Кашинского в Москве осенью 1805 г. (оставшиеся неизвестными Сулакадзеву). Хотя в доступной ему периодике того времени присутствовали сообщения только о подготовке полета в Нескучном саду, продаже билетов, отмене спектаклей в Петровском театре, Родных, основываясь на последних сведениях, указывает, что полеты состоялись 24 сентября и 1 октября (*Родных* 1910: 4), хотя явных сообщений о том, что хотя бы один из полетов действительно был выполнен, у него не было. Год спустя, издавая свои очерки одной книгой, Родных слово в слово повторяет очерк из «Вестника», включая свой вывод о состоявшихся

сообщение газеты, демонстрируя «непонимание» того, что речь идет о его собственных материалах.

²⁵ Соответствующие рекламные объявления даны, например, в конце (на нумерованных страницах) второй книги Родных (*Родных* 1912).

полетах, однако сопровождает его отрывком из записок упомянутого выше Робертсона, откуда следует, что Кашинскому не удалось поднять аэростат в воздух, к великому разочарованию публики. Не разбирая это свидетельство по существу, Родных сетует, что информации о Кашинском очень мало и «весьма трудно судить насколько успешны были полеты Кашинского» (*Родных* 1912: 75). Между тем, в «Московских ведомостях» от 1 ноября 1805 г., Кашинский объявляет, что «в связи с наступившей зимой» полет переносится на следующий год, но проданные билеты остаются действительными, однако тем, «кто не соблаговолит соотечественника уважить расстроенное обстоятельством положение» (Воздухоплавание 1956: 40), деньги он вернет. Надо полагать, штаб-лекарь переоценил свои возможности и заинтересованность публики, и полет так и не состоялся.

Возвращаясь к «польским запискам», замечу, что Родных приводит их в своей публикации (*Родных* 1910: 12) в том порядке, в котором они и давались в статье Алберса, в то время как Сулакадзев в рукописи разнес их по разным местам. Любопытно, что несколько десятилетий спустя бывший редактор «Вестника воздухоплавания» Б.Н. Воробьев в своей известной статье, пересказывая публикацию 1910 г., вообще опускает запись «из неизвестного источника» о полете испанского монаха в Варшаве, при том что она тут же присутствует на фотографическом изображении листов рукописи (*Воробьев* 1952: 125) и, кажется, нет оснований видеть

в этом простую оплошность. Можно ли признать на этом основании Воробьева «соавтором» Родных? Ручаться нельзя, однако он дает в своей статье некое дальнейшее развитие сюжета: «...необходимо разыскать <...> важный документ из истории русского воздухоплавания, хранившийся до 1935–1936 гг. в одной из церквей города Пронска (Рязанской области). В этой церкви хранилась особенная книга, относящаяся к XVIII в. По ней в известные дни провозглашалась “анафема” (проклятие) согрешившим чем-либо против религии. В данной книге в числе подлежащих анафеме значился и подьячий Крякутной, совершивший “греховную” попытку летать. В 1935–1936 гг. книга, в числе других старинных книг была передана в областной архив» (*Воробьев* 1952: 127).

В России, однако, судьба «Крякутного» вскоре, после сворачивания проекта «русские приоритеты» во второй половине 50-х гг., существенно усложнилась, между тем эта кампания, на наш взгляд, серьезно повлияла на дальнейшую судьбу приекульского летучего кузнеца, который долгие годы пребывал в забвении.

Хотя сведения о приекульском летуне содержались не в частных рукописных записках, а были опубликованы в периодических изданиях, более ста лет они не привлекали никакого внимания в Латвии. Лишь в 1924 г. фольклорист Лудис Берзиньш опубликовал сообщение о статье Билтерлинга, а три года спустя сделал и перевод этой статьи на латышский язык, после чего

сообщение о кузнеце из Приекуле стало более-менее широко известно. Ситуация, однако, изменилась в 1959 г., когда молодой химик Ян Страдынь (1933 г. р., ныне Янис Страдиньш), сын известного латвийского онколога академика Павла Страдыня, опубликовал в первом томе сборника статей «Из истории техники Латвийской ССР» статью о придворном механике Бинемане, курляндском уроженце, где привел существенно измененную редакцию легенды: «Сохранились сведения о полуполюгендарном кузнеце из Приекуле, о котором рассказывают тамошний пастор Билтерлинг в елгавском еженедельнике в 1805 г., а также протоколы суда в Гробине. Около 1670 г. в Приекуле жил крепостной кузнец по прозвищу Звиедрис (Швед), который изготавливал крылья для полетов. Явившись к местному помещику Корфу, он обязался за 500 золотых дукатов совершить полет от Приекуле до Скуодас (Литва). В назначенный день собралось много народа, прибыл также герцогский амтман из Гробини, пытавшийся воспрепятствовать намерению “безбожного кузнеца”. Однако при заступничестве барона Корфа полет состоялся. Кузнец надел на себя большие крылья, скрепленные проволокой, и прикрепил к груди небольшую коробочку. Раздался странный гул, и кузнец поднялся в воздух. Сделав три круга над приекульским замком, кузнец направился было в Скуодас, но ветер унес его в противоположную сторону – к Эмбуе. Пролетев почти две версты, он упал и сломал ногу. Неудачу кузнец объяснял тем, что не соорудил своего рода хвост – штурвал. Позже безбожный кузнец

был схвачен гробинским амтманом и приговорен к сожжению за чародейство. Память о бесстрашном приекульском воздухоплателе сохранилась в народе, хотя в отношении достоверности этих сведений приходится сомневаться, тем более что подобные легенды имеются и у других народов» (*Страдынь* 1959: 95).

Таким образом, классическая «малмсберийская» легенда оказалась расцвечена множеством деталей, некоторые из которых явно имеют параллели в статье Воробьева в более раннем союзном сборнике, да и сам латвийский сборник, в сущности, представляет собой такую же параллель. Хотя Билтерлинг традиционно написал «Er starb bald darauf, nachdem verordnet hatte, seinen Leichnam an dem Platze, wo er so ehrenvoll gefallen war, zu begraben» – «Он умер вскоре после того, попросив, чтобы его тело погребли с честью в том месте, где он упал» (*Biltering* 1805: 94), новая редакция продлевала жизнь кузнеца, но ровно настолько, чтобы он смог умереть так, как сулил Родных своему «Крякутному». По аналогии с Воробьевым упоминались и «протоколы», зафиксировавшие судьбу несчастного Sweederis'a (естественно, поздние цитаторы уже прямо стали писать, что протоколы опубликовал Билтерлинг, см. (*Виноградов, Пономарев* 1991)).

Я.П. Страдынь привел легенду без ссылки на источник, который обнаружился лишь десять лет спустя, когда Страдынь сам же его и опубликовал: это были заметки приекульского краеведа Андрейса Кругалиса (*Krugalis* 1968). В публикации, впро-

чем, назывался другой год — 1684 и не было упоминаний о материальных требованиях кузнеца.

Сам Страдынь постоянно сопровождал свои публикации оговорками об относительной достоверности приводимых им сведений, однако целенаправленно пропагандировал легенду. Существенно позднее, в 1981 г., он констатировал, что мужественный приекульский аэронавт, сгоревший в качестве чародея на площади Гробини, стал в последние годы героем стихов, театральных постановок и живописных картин. Признавая, что достоверных источников о полете не сохранилось, Страдынь сопоставляет приекульскую легенду с легендой о Турайдской Майской Розе (девushке-сироте, убитой отвергнутым поклонником при неудачной попытке изнасилования; легенда сочинена в 1848 г. судьей Видземского придворного суда Магнусом фон Вольффельдом, ссылавшимся на протоколы этого учреждения, которые с тех пор никто не видел) и заявляет, что если легендарность не мешает культуре Майи Грейф, то чего же стесняются жители Приекуле? В 1984 г. грядет годовщина героического полета и лиепайский район в сотрудничестве с соседями-литовцами, имеющими давние традиции резьбы по дереву, может отпраздновать это событие как праздник народного творчества, оживляющий интерес к давним традициям (*Stradiņš* 1982: 294). Переиздавая год спустя цитированную статью, Страдынь счел нужным снабдить ее примечанием, что, да, его коллега, социолог Тавалдис Вильциньш (1922–1997) провел тщательный поиск в архи-

вах и не нашел никаких следов «кузнеца из Приекуле».

Только в 2005 г. академик Янис Страдиньш, уже бывший президент АН Латвии, в совместной с коллегами статье о полетах в 1804 г. физика Робертсона, признает, что история о «кузнеце из Приекуле» не заслуживает доверия, и Робертсон, находившийся в Риге проездом из Петербурга в Вену, был первым воздухоплавателем. В примечании указывается, что Вильциньш рассматривал сведения Кругалиса как фантазии или преднамеренную путаницу с целью обратить на себя внимание, а сам оригинальный вариант истории относил на счет воображения Билтерлинга. Ссылаясь на фундаментальную работу Яниса Юшкевича о курляндских архивах времен герцога Якоба Кетлера (*Juškēvičs* 1931), Вильциньш показал, что никаких сведений о кузнеце-чарошее среди актов Гробини нет (*Stradiņš, Stradiņa, Čebere* 2006).

Но дело Страдиньша-Кругалиса не пропало. «...в Приекуле ежегодно проводится так называемый Праздник Икара начиная с 2004 г. В 2013 г. он отмечался 23 сентября. С каждым годом народные гулянья становятся всё масштабнее. Приезжают гости из Лиепай, Риги и других городов республики, со всей Прибалтики, а также из-за границы. Праздник отмечается в историческом центре города у замка баронов Корфов и у Шведских ворот. Кроме того, все желающие могут совершить панорамный полет над городом, которые предлагают летчики-энтузиасты на Приекульском аэродроме. Но тема праздника посвящена

не только полетам, а вообще местной культуре, проводятся концерты, танцы, костюмированные парады» (О Приекульском Икаре... 2016). И, конечно, крылатый Звиедрис парит на гербе Приекуле...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев 1993 — *Алексеев Д.А.* Легенда о хитроумном подьячем // Гражданская авиация. 1993. № 4. 1993.

Бабич 2008 — *Бабич М.В.* Областные правители России, 1719–1739 гг. М.: Росспэн, 2008.

Бекнев 1911–1916 — *Бекнев С.А.* Аэронавты // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1911–1916. Т. 4. С. 455–456.

Вестник воздухоплавания 1910; 1913 — Вестник воздухоплавания. 1910–1913.

Виноградов, Пономарев 1991 — *Виноградов Р.И., Пономарев А.Н.* Развитие самолетов мира. М.: Машиностроение, 1991.

Виргинский 1938 — *Виргинский В.* Рождение воздухоплавания. М.: Объединенное научно-техническое изд-во НКТП СССР, 1938.

Воздухоплавание и авиация... 1956 — Воздухоплавание и авиация в России до 1917 г.: Сб. документов и материалов. М., 1956.

Воздухоплататели 1819 — Воздухоплататели // Вестник Европы. 1819. № 16. С. 263–275.

Воробьев 1952 — *Воробьев Б.К.* Рукопись А.И. Сулакадзева «О воздушном летании в России» как источник историографии по воздухоплаванию // Труды по истории техники. М., 1952. Вып. 1. С. 122–127.

Воронин 1957 — *Воронин Н.Н.* О некоторых работах по истории древнерусской техники // Советская археология. 1957. № 1.

Готье 1913 — *Готье Ю.В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I: Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М., 1913.

Данилевский 1947 — *Данилевский В.В.* Русская техника. АН СССР, Комиссия по истории техники. Л.: Лениздат, 1947.

Дузь 1944 — [*Дузь П.Д.*] История воздухоплавания и авиации в России. М.: Оборонгиз, 1944.

Козлов 1996 — *Козлов В.П.* Хлестаков отечественной «археологии», или Три жизни А.И. Сулакадзева // Тайны фальсификации: Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. Изд-е 2-е. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 155–185, 265–267.

Корзинкин 1949 — *Корзинкин П.* Воздушный шар Крукутного. Рукопись Сулакадзева — свидетельство приоритета нашей Родины в воздухоплавании // Вестник воздушного флота. 1949. № 11. С. 24–30.

Несбет 2008 — *Несбет Э.* На чужом воздушном шаре: Волшебник страны Оз и советская история воздухоплавания // Веселые человечки: Культурные герои советского детства. М.: НЛЮ, 2008. С. 181–203.

О Приекульском Икаре... 2016 — О Приекульском Икаре и его значении в местной культуре // Шведские ворота Приекуле (Преекульн–Preekuln). Приложение 2. URL: <http://www.castle.lv/latvija/priekule.html> (дата обращения 05.04.2016).

Покровская 1958 — *Покровская В.Ф.* Еще об одной рукописи А.И. Сулакадзева (К вопросу о поправках в рукописных текстах) // Академия наук СССР. Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. 1958. № 14. С. 634–636.

Пытин 1898 — *Пытин А.Н.* Подделки рукописей и народных песен // Памятники древней письменности. СПб., 1898. Т. СХХ II. С. 1–33.

Резников 1986 — Резников Л. Поклонники Герострата: Pamфлет // Нева. 1986. № 4. С. 135–150.

Родных 1901 — Родных А. // Россия. 1901. № 889, 29 октября. С. 3–4.

Родных 1912а — Родных А. История воздухоплавания и летания в России. Кн. 1: Воздухоплавание и летание в старину. СПб.: Тип. т-ва «Грамотность», 1912.

Родных 1912б — Родных А. История воздухоплавания и летания в России. Кн. 2: Тайная подготовка к уничтожению армии Наполеона в двенадцатом году при помощи воздухоплавания. СПб.: Тип. т-ва «Грамотность», [1912].

Родных 1929 — Родных А. Птицекрылые машины. Л.: Тип. «Красной газеты», 1929. (Сер.: Научно-популярная библиотека к журналу «Наука и техника»).

Рыбалка 2015 — Рыбалка А.А. Александр Сулакадзе на пути к Велесовой книге // Valla. 2015. № 5 (1). С. 41–56.

Рыбалка 2016 — Рыбалка А.А. Книга Авда-зул-сека (Новые сведения о составе библиотеки Сулакадзева) // Valla. 2016. Т. 2, № 1. С. 1–28.

Систематический и хронологический каталог... 1902 — Систематический и хронологический каталог библиотеки, библиофила и библиографа Я.Ф. Березина-Ширяева. Т. 2: Иностранские книги. СПб.: Тип. И. Гольдберга, 1902.

Страдынь 1959 — Страдынь Я. Латышский механик-самоучка XVIII в. Э.И. Бинеман // Из истории техники Латвийской ССР: сборник статей. Т. 1. Рига: Изд-во АН Латвийский ССР, 1959. С. 95–101.

Bilting 1805 — Bilting G.S. Der neue Ikarus // Wochentliche Unterhaltungen für Liebhaber Deutscher Lektüre in Russland. 1805. Bd. 2. N 32. S. 92–94.

Juškevičs 1931 — Juškevičs J. Hercoga Jēkaba laikmets Kurzemē. Valstspapiru spiestuves izdevums, 1931.

Krugalis 1967 — Krugalis A. Priekules Ikarus // Grām.: Dabas un vēstures kalendārs 1968. Rīga, 1967. 173.–176. lpp.

Willelmi Malmesbiriensis 1887 — Willelmi Malmesbiriensis monachi de gestis regum Anglorum libri quinque. Historia novellae libri tres. Vol. 1, Gesta Regum lib. I–II. Ed. from manuscripts / By William Stubbs, 1887.

Stradiņš 1982 — Stradiņš J. Etdes par Latvijas zinātņu pagātņi. Zinātne, 1982.

Stradiņš, Stradiņa, Cēbere 2006 — Stradiņš J., Stradiņa L., Cēbere D. Robertsona 1804. gada lidojums no Rīgas uz Ropāziem Latvijas kultūrvēsturē / The Flight of Robertson from Riga to Ropazi in 1804 in the History of Latvian Culture // Latvijas universitātes raksti. 693. sējums. Zinātņu vēsture un muzejniecība. LU Akadēmiskais apgāds, 2006. P. 18–29.

A.A. Rybalka. Black Storm over Priekule (a possible source of the manuscripts of A.I. Sulakadzev)

Key words: aeronautics, Sulakadzev manuscript, hoax, Rodnykh, legend, the blacksmith, Kryakutnoy, flying experiences, Stradynja, Priekule, balloon.

This article discusses one of the most famous manuscripts and bibliophile hoaxer Alexander Sulakadzev containing equally well-known story about the “scribe Kryakutnoy”. The problem of identifying potential sources of information Sulakadzeva and specific motivations of his work is considered. It is assumed that the impetus for the creation of the manuscript was the death of Blanchard, and served as inspiration the flow of information in the press generated by her death. The specific article in the “Journal of Europe” magazine, translated, as it turned out, was used as a source of information and as

a model for the construction of the history of aeronautics in Russia. Information by Sulakadzev is not dealt with in terms of their probability, but in terms of the correctness of specific data, which he leads. Rodnykh but Sulakadzev belongs the successful legalization of counterfeiting and the conversion in such a private issue, the goal of the author who we do not know. At the end of the article we consider a similar history of existence “Priekuļi smith”, which may have inspired Sulakadzev, and then he got a second life thanks to the all-Union “Kryakutnoy”.

REFERENCES

Alekseev D.A. Legenda o khitroumnom pod'iachem. *Grazhdanskaia aviatsiia*. 1993. N 4. 1993.

Babich M.V. *Oblastnye praviteli Rossii, 1719–1739 gg.* Moscow: Rosspen, 2008.

Beknev S.A. *Aeronavty. Novyi entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona*. Saint Petersburg, 1911–1916. Vol. 4. P. 455–456.

Bilsterling G.S. Der neue Ikarus. *Wochenliche Unterhaltungen fur Liebhaber Deutscher Lektüre in Russland*. 1805. Bd. 2. N 32. S. 92–94.

Danilevskii V.V. *Russkaia tekhnika*. AN SSSR. Komissiiia po istorii tekhniki. Leningrad: Lenizdat, 1947.

[Duz' P.D.] *Istoriia vozdukhoplavaniia i aviatsii v Rossii*. Moscow: Oborongiz, 1944.

Got'e Iu. V. *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii ot Petra I do Ekateriny II*. Vol. I: Reforma 1727 goda. Oblastnoe delenie i oblastnye uchrezhdeniia 1727–1775 gg. Moscow, 1913.

Juškevičs J. *Hercoga Jēkaba laikmets Kurzemē*. Valstapapiru spiestuves izdevums, 1931.

Korzinkin P. Vozdushnyi shar Krukutnogo. Rukopis' Sulakadzeva — svidetel'stvo prioriteta nashei Rodiny v vozdukhoplavani. *Vestnik vozdušnogo flota*. 1949. N 11. P. 24–30.

Kozlov V.P. Khlestakov otechestvennoi “arkheologii”, ili Tri zhizni A.I. Sulakadzeva. *Tainy fal'sifikatsii: Analiz poddelok istoricheskikh istochnikov XVIII–XIX vekov*. Izd-e 2-e. Moscow: Aspekt Press, 1996. P. 155–185, 265–267.

Krugalis A. Priekules Ikars. *Grām.: Dabas un vēstures kalendārs 1968*. Rīga, 1967. 173.–176. lpp.

Nesbet E. Na chuzhom vozdušnom share: Volshebnik strany Oz i sovetskaia istoriia vozdukhoplavaniia. *Veselye chelovechki: Kul'turnye geroi sovetskogo detstva*. Moscow: NLO, 2008. P. 181–203.

O Priekul'skom Ikare i ego znachenii v mestnoi kul'ture. *Shvedskie vorota Priekule (Preekul'n–Preekuln)*. Prilozhenie 2. URL: <http://www.castle.lv/latvija/priekule.html> (date of access 05.04.2016).

Pokrovskaiia V.F. Eshche ob odnoi rukopisi A.I. Sulakadzeva (K voprosu o popravkakh v rukopisnykh tekstakh). *Akademiia nauk SSSR. Trudy otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury*. 1958. N 14. P. 634–636.

Pypin A.N. Poddelki rukopisei i narodnykh pesen. *Pamiatniki drevnei pis'mennosti*. Saint Petersburg, 1898. Vol. CXXVII. P. 1–33.

Reznikov L. Poklonniki Gerostrata: Pamflet. *Neva*. 1986. N 4. P. 135–150.

Rodnykh A. *Rossiiia*. 1901. N 889, 29 oktjabria. P. 3–4.

Rodnykh A. *Istoriia vozdukhoplavaniia i letaniia v Rossii*. Kn. 1: *Vozdukhoplavanie i letanie v starinu*. SPb.: Tip. t-va “Gramotnost”, 1912.

Rodnykh A. *Istoriia vozdukhoplavaniia i letaniia v Rossii*. Kn. 2: *Tainaiia podgotovka k unichtozheniiu armii Napoleona v dvenadtsatom godu pri pomoshchi vozdukhoplavaniia*. SPb.: Tip. t-va “Gramotnost”, [1912].

Rodnykh A. *Ptitsekrylye mashiny*. Leningrad: Tip. “Krasnoi gazety”, 1929. (Ser.: Nauch-

no-populiarnaia biblioteka k zhurnalu "Nauka i tekhnika").

Rybalka A.A. Aleksandr Sulakadzev na puti k Velesovoi knige. *Valla*. 2015. N 5 (1). P. 41–56.

Rybalka A.A. Kniga Avda-zul-seka (Novye svedeniia o sostave biblioteki Sulakadzeva). *Valla*. 2016. Vol. 2, N 1. P. 1–28.

Sistematischeskii i khronologicheskii katalog biblioteki, bibliofila i bibliografa Ia. F. Berzina-Shiriaeva. T. 2: Inostrannye knigi. Saint Petersburg: Tip. I. Gol'dberga, 1902.

Stradiņš J. *Etiādes par Latvijas zinātņu pagātņi*. Zinātne, 1982.

Stradiņš J., Stradiņa L., Cēbere D. Robertsona 1804. gada lidojums no Rīgas uz Ropaziem Latvijas kultūrvēsturē. The Flight of Robertson from Riga to Ropazi in 1804 in the History of Latvian Culture. *Latvijas universitātes raksti. 693. sējums. Zinātņu vēsture un muzejniecība*. LU Akadēmiskais apgāds, 2006. P. 18–29.

Stradyn' Ia. Latyshskii mekhanik-samo-uchka XVIII v. E.I. Bineman. *Iz istorii tekhniki Latvīiskoi SSR: sbornik statei*. Vol. 1. Riga: Izd-vo AN Latviiskii SSR, 1959. P. 95–101.

Vestnik vozdukhoplavaniia. 1910–1913.

Vinogradov R.I., Ponomarev A.N. *Razvitie samoletov mira*. M.: Mashinostroenie, 1991.

Virginskii V. *Rozhdenie vozdukhoplavaniia*. M.: Ob'edinennoe nauchno-tekhnicheskoe izd-vo NKTP SSSR, 1938.

Vorob'ev B.K. Rukopis' A.I. Sulakadzeva "O vozdushnom letanii v Rossii" kak istochnik istoriografii po vozdukhoplavaniiu. *Trudy po istorii tekhniki*. Moscow, 1952. Iss. 1. P. 122–127.

Voronin N.N. O nekotorykh rabotakh po istorii drevnerusskoi tekhniki. *Sovetskaia arkhologiia*. 1957. № 1.

Vozdukhoplavanie i aviatsiia v Rossii do 1917 g.: Sb. dokumentov i materialov. Moscow, 1956.

Vozdukhoplavatel. *Vestnik Evropy*. 1819. N 16. P. 263–275.

Willelmi Malmesbiriensis monachi de gestis regum Anglorum libri quinque. Historia novellae libri tres. Vol. 1, Gesta Regum lib. I–II. Ed. from manuscripts / By William Stubbs, 1887.

В.В. Ведерников

ГОРОД КОРОЛЁВ, ИЛИ РОССИЯ ЗА ГРАНИЦАМИ РОССИИ (От редактора)

Это, пожалуй, самый необычный российский регион. Хотя после войны велосипедов было немного и они, как и автомобили, имели свой индивидуальный номер, здесь уже существовали велосипедные дорожки. Непривычной была и нумерация домов, где каждый подъезд имел свою отдельную табличку. Его университет, основанный в 1544 г., мог бы считаться старейшим на территории России, но в июле этого года он отпраздновал свое пятидесятилетие, а первому коренному уроженцу совсем недавно исполнилось 70 лет. Здесь необычная акустика. Стоит сказать слово «Калинин», как тотчас эхом стены кафедрального собора ответят: «Кант». Один из самых закрытых регионов страны в советское время, он был своеобразным окном в Европу. Отсюда уходили на Балтику и далее траулеры рыболовецкого флота, а моряки привозили из дальних поездок

не только джинсы, электронные часы и видеомэгафоны, стоившие целое состояние, но и разного рода литературу — от эротики до политики. Ныне более половины взрослых жителей имеют заграничные паспорта, но вот выезд за границу осложнен строгими правилами Евросоюза. Из Центральной России сюда попасть непросто: для путешествия поездом нужна транзитная виза. Без нее можно отправиться в путь только самолетом или паромом, который, впрочем, примерно год как не ходит. Ну чем не остров Калининград?

Небольшая приграничная станция Эйдкунен была первой на пути русских путешественников в Европу. Когда-то здесь подданные империи полной грудью вдыхали воздух, наполненный европейской свободой. Теперь Чернышевское (Эйдкунен) — первая российская приграничная станция на рубеже с Литвой.

© Ведерников В.В., 2016

Молодой Илья Эренбург в своем вынужденном парижском изгнании писал:

<...> я когда-нибудь увижу снова
И носильщиков, и надпись
«Вержболово»,
Мутный, ласковый весенний день,
Талый снег и горечь деревень,
На дворе церковном бурые дорожки
И березки хилой тонкие сережки.
(1913)

А вот Вирбалис (Вержболово) теперь за граница.

Итак, речь идет о 39-м регионе России — Калининградской области, образованной ровно 70 лет назад. Доставшаяся СССР в результате Потсдамских соглашений, эта северо-восточная часть Восточной Пруссии стала объектом грандиозного социального эксперимента, сравнимого, пожалуй, лишь с деятельностью Петра Великого. На Балтике появился новый русский советский город, историю которого только предстояло написать. Коренное население — около 100 тыс. человек, по подсчетам современных историков, — подлежало принудительному переселению в Германию. Следы немецкого пребывания безжалостно уничтожались. «Гнилой зуб прусского милитаризма» — замок — был снесен в 1969 г., а через год на его месте началось строительство Дома советов, до сих пор так и не законченное.

Эренбург довольно точно обозначил символы России: березки, церкви и покосившиеся деревенские деревянные дома. Но для современных жителей области, особенно

представителей молодого поколения коренных калининградцев, привычный пейзаж — это островерхие кирхи, черепичные крыши. Некоторые жители региона (не знаю, насколько они многочисленны) признаются, что в Германии чувствуют себя комфортнее, чем в России.

Примечательно, что жители этого балтийского эксклава, особенно молодые люди, родившиеся и выросшие на калининградской земле, воспринимают свой регион как нечто особое, отдельное. Здесь очень часто говорят «был в России», без указания конкретного места (*Андрейчук, Гаврилина* 2011: 53). Это ни в коем случае не свидетельствует о сепаратизме. Так говорили в советское время где-нибудь в Караганде, так говорят и в Сибири. Но, несомненно, это свидетельствует об ощущении некоторой «особости» региона.

Как же формируется историческое сознание современного жителя Калининграда? До середины 1980-х доминантой была, конечно, Великая Отечественная война, штурм и овладение крепостью Кенигсберг. Не случайно один из первых мемориалов героям войны на территории СССР — могила 1200 гвардейцев — был возведен в Кенигсберге и открыт уже в сентябре 1945 г. В той или иной мере сохранялась память о боевых действиях русской армии в годы Семилетней войны и войн с Наполеоном. Меньше повезло культуре, хотя в городе сохранился памятник Шиллеру, стоа над могилой И. Канта, а в 1979 г. открылся музей выдающегося литовского

просветителя, автора поэмы «Времена года» К. Донелайтиса.

Положение меняется в годы Перестройки. Советская символика повсеместно отторгается, а имя Калинина воспринимается как анахронизм. Среди вариантов, которые могли бы стать новым названием города на Балтике, были и довольно экзотичные: Русберг, Владибалтийск, Вестберг и др. Самым оригинальным было, пожалуй, предложение, посадить калину на Вокзальной площади, где до сих пор сиротливо стоит скульптура формального главы Советского государства – М.И. Калинина, сделав таким образом наименование города памятником растению (*Сологубов* 2005: 33). Были, конечно, и предложения вернуть городу прежнее название – Кенигсберг. Не думаю, что эта идея осуществима в ближайшее время. Но вот что характерно: множество калининградских фирм используют в названии усеченное имя города. Так появляются предприятия «Кениг-газ», «Кениг-авто», «Кениг-принт», «Командор Кениг» и т. п. Разумеется, в городе есть и противники, того, что с легкой руки В.Н. Шульгина названо *кёнигсберщиной* (*Шульгин* 2016), но они в явном меньшинстве. Неформальное название – Кениг – сейчас столь же привычно жителям города на Балтике, как имя Питер обитателям северной столицы.

В городе и области появились новые памятники и мемориальные доски – и не только российским деятелям – Петру Великому, Елизавете Петровне, М.И. Кутузову, П.А. Столыпину, но и, к примеру, Вуди Алле-

ну (Аллену Стюарту Кёнигсбергу). Символом примирения стало восстановленное немецкое кладбище в Балтийске (Пиллау) и памятный знак, установленный потомками тех, кто жил в Прейсиш-Эйлау (Багратионовске) до 1945 г.

Возвращение «к истокам», столь характерное для сегодняшнего мировосприятия жителей региона, на самом деле происходит путем идеализации и мифологизации довоенной истории города. Город-призрак превращается в город-миф.

«Один из красивейших восточно-европейских городов» в действительности был лишен интересных архитектурных памятников, которые были в других городах Германии. Кафедральный собор и замок неоднократно перестраивались. Последнее средневековое жилое здание было снесено в 1910 г. В период промышленного подъема перед Первой мировой войной сносятся или реконструируются красивые бюргерские дома, а на их месте появляются различные магазины, конторы, торговые здания, уродующие город (*Бахтин* 2005: 48). «Кёнигсберг – город Канта». Но уже к началу XX в. все памятные места, связанные с великим философом (кроме университета, разумеется) были утрачены. Памятник философу появился только в 60-ю годовщину со дня его смерти. Установка скульптуры была осложнена тем, что долго не удавалось собрать деньги на постамент, «так как свободомыслие Канта в то время имело больше врагов, чем когда-либо при жизни философа» (*Карль* 1991: 27–28). Примечатель-

но, однако, что столь нелюбимый жителями Кёнигсберга Кант сыграл решающую роль в возрождении интереса к прошлому города в дни празднования 250-летия философа в 1974 г.

Популярным мифом стали для нынешних жителей «подземелья Кёнигсберга» и окрестностей, где неутомимые искатели приключений до сих пор ищут следы не только Янтарной комнаты, но и Ковчега завета.

Своеобразной переломной датой в истории города стал 2005 г., когда широко, с участием российского президента, было отмечено 750-летие Кёнигсберга. К юбилею на Площади Победы был возведен православный храм, а стоявший прежде памятник Ленину был перемещен к Дому искусств. Почти одновременно, в мае 2005 г., Калининградскому университету было присвоено имя И. Канта.

Таким образом, в современном Калининграде, прежде всего со стороны властных структур, существует заметная тенденция переосмыслить советское прошлое как прошлое «русское», тождественное «православному». Глубоко символичным стало «дополнение» скульптурной композиции «Пионерам океанического лова», установленной в 1978 г., фигурой Николая Чудотворца. Выступая на Первом калининградском форуме Всемирного русского народного собора Святейший Патриарх, отдав дань уважения «великим немецким архитекторам, скульпторам, ландшафтным дизайнерам и даже простым крестья-

нам», одновременно маркировал всю культуру края как связанную с «неприемлемой для нас идеологией», фактически призвав отказаться от «наследства» (Выступление Патриарха... б/д.). Такая позиция, похоже, не разделяется большинством жителей края. Социологический опрос, проведенный летом 2014 г., показал, что более 93 % горожан считают необходимым сохранить историко-культурное наследие города (Алиптиева б/д.). При этом, судя по данным газеты «Комсомольская правда», которая предложила определить «семь шедевров Янтарного края», к таковым жители отнесли памятники довоенного Кёнигсберга и области: Королевские ворота, башня Дона, мост королевы Луизы в Советске (Тильзите) и др. Храм Христа Спасителя на площади Победы занял лишь 9-е место (Андрейчук, Гаврилина 2011: 94), не вошел в этот список и памятник 1200 гвардейцам.

Таким образом, можно констатировать, что историческое сознание жителей региона мозаично. В нем конструируется некая причудливая картина мифологизированного Кёнигсберга, сочетающаяся с элементами, связанными с советским прошлым, которое, в свою очередь, рассматривается как часть истории российской (и советской) державности, тесно связанной с православием. Разумеется, есть и другие позиции. Уроженец края, писатель Ю.В. Буйда дал афористичную формулу, которая часто цитируется: «У моей малой родины немецкое прошлое, русское настоящее, человеческое будущее» (Буйда б/д.). Формула, несомненно, выглядит

привлекательно. Но вот как наполнить ее содержанием? Да и как связать в единое целое «русское» и «немецкое»? Быть может, правильнее было бы говорить о крае как о месте интенсивного межкультурного взаимодействия: ведь из «немецкого» прошлого не вычеркнуть ни литовских просветителей Мажвидаса и Донелайтиса, ни еврейского философа М. Мендельсона, ни русского ученого А.Т. Болотова (примеры, разумеется, можно множить).

В 1724 г. три городских поселения, возникших близ замка — Альтштадт, Кнайпхоф и Лёбенихт — слились в единое целое, дав начало городу Кенигсбергу. В этом же году в новом городе родился знаменитый философ Кант. Несомненно, обе эти даты будут широко отмечаться в Калининграде. Но удастся ли так же органично соединить в единый образ историю старого Кенигсберга, советского Калининграда и нынешнего Кенига?

Нам казалось, что этот вопрос заслуживает внимания, и в журнале публикуется подборка материалов, связанных с формированием «образов прошлого» в этом регионе. При подготовке номера неоценимую помощь оказали профессор кафедры истории Балтийского федерального университета им. И. Канта А.В. Золов, ведущий научный сотрудник Российского института истории искусства И.Д. Чечот, доцент кафедры истории Балтийского федерального университета им. И. Канта В.Н. Маслов, которым редакция выражает глубокую благодарность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алимпиева б/д. — Алимпиева А. Культурно-историческое наследие города: отношение калининградцев. URL: http://pregel.me/history/kul_turno-istoricheskoe_nasledie_goroda_otnoshenie_kaliningradcev/ (дата обращения 21.09.2016).

Андрейчук, Гаврилина 2011 — Андрейчук Н.В., Гаврилина Л.М. Феномен калининградской региональной субкультуры (социально-философский и культурологический анализ). Калининград, 2011.

Бахтин 2005 — Бахтин А. НеКрасивый Кёнигсберг // Кенигсберг/Калининград сегодня: артгид. Калининград, 2005.

Буйда б/д. — Буйда Ю. Прусская невеста. Вместо предисловия. URL: <http://buida.ru/text/prusskaya-nevesta-vmesto-poslesloviya/> (дата обращения 21.09.2016).

Выступление Патриарха... б/д. — Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на I Калининградском форуме Всемирного русского народного собора. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4013160.html> (дата обращения 21.09.2016).

Карль 1991 — Карль. Кант и старый Кёнигсберг. Калининград, 1991.

Сологубов 2005 — Сологубов А. Пункт назначения — Калининград // Кенигсберг/Калининград сегодня: артгид. Калининград, 2005.

Шульгин 2016 — Шульгин В.Н. Чужие флаги на наших башнях // Литературная газета. 2016. № 12.

REFERENCES

Alimpieva A. *Kul'turno-istoricheskoe nasledie goroda: otnoshenie kaliningradtsev*. URL: http://pregel.me/history/kul_turno-istoricheskoe_nasledie_goroda_otnoshenie_kaliningradcev/ (date of access 21.09.2016).

Andreichuk N.V., Gavrilina L.M. *Fenomen kaliningradskoi regional'noi subkul'tury (sotsial'no-filosofskii i kul'turologicheskii analiz)*. Kaliningrad, 2011.

Bakhtin A. NeKrasivyi Kenigsberg. *Kenigsberg/Kaliningrad segodnia: artgid*. Kaliningrad, 2005.

Buida Iu. *Pruskaia nevesta. Vmesto predisloviia*. URL: <http://buida.ru/text/pruskaya-nevesta-vmesto-poslesloviya/> (date of access 21.09.2016).

Vystuplenie Sviateishego Patriarkha Kirilla na I Kaliningradskom forume Vsemirnogo russkogo narodnogo sobora. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4013160.html> (date of access 21.09.2016).

Karl'. *Kant i staryi Kenigsberg*. Kaliningrad, 1991.

Sologubov A. Punkt naznacheniiia — Kaliningrad. *Kenigsberg/Kaliningrad segodnia: artgid*. Kaliningrad, 2005.

Shul'gin V.N. Chuzhie flagi na nashikh bashniakh. *Literaturnaia gazeta*. 2016. N 12.

В.Н. Маслов

СОВЕТСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ НАУКА И ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ПРИ ПЕРЕИМЕНОВАНИИ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: Калининградская область, историческая память, топонимика, А.Г. Куман, П.И. Пакарклис, В.И. Пичета, С.П. Толстов.

Рассматриваются предложения советских ученых и академических институтов о наименовании городов в бывших восточнопрусских землях, переданных РСФСР. Выявляется их мнение о возможности воплотить в калининградской топонимике тезис И.В. Сталина об исконном пребывании славян в Юго-Восточной Прибалтике и закрепить в историческом сознании жителей региона память о победе в Великой Отечественной войне. Также анализируются причины отказа от использования литовских наименований населенных пунктов. Определяется степень влияния научных учреждений на топонимический процесс в Калининградской области.

После присоединения части Восточной Пруссии к СССР осуществлялась советизация региона, ее важным элементом стало переименование всех населенных пунктов. Измененная топонимика должна была закрепить в сознании калининградцев принадлежность этой территории Советскому Союзу.

© Маслов В.Н., 2016.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-21-06002а(м) «Политика памяти в российско-польско-литовском пространстве на территории бывшей Восточной Пруссии: Преемственность и изменения культурного ландшафта (1945–2015 гг.)».

В процессе присвоения русских имен городам и поселкам Калининградской области власти обращались к фактам далекого и недавнего прошлого, выстраивая основы исторической памяти жителей самого западного края России.

Главную роль в выборе названий населенных пунктов сыграли сотрудники органов государственной власти, которые при разработке проектов соответствующих законов могли обращаться к представителям местных управленческих структур. В фондах Государствен-

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

ного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) сохранились документы, подтверждающие участие академических учреждений в поиске новых топонимов. В статье анализируются обстоятельства привлечения советских ученых к этому процессу, исторические аспекты в их предложениях и реальный вклад научных кругов в переименование городов и сел региона.

На Тегеранской конференции И.В. Сталин заявил: «Русским нужны были бы незамерзающие порты Кенигсберг и Мемель и соответствующая часть территории Восточной Пруссии. Тем более что исторически — это исконно славянские земли» (Советский Союз... 1984: 150). Вектор исторической памяти был задан вполне определенно, поэтому советские ученые получили задание отыскать древние русские названия восточнопрусских городов. 20 апреля 1946 г. за подписью управляющего делами Совета министров РСФСР А.С. Болдырева отправлено письмо в Институт этнографии АН СССР. Академическому учреждению предлагалось в связи с образованием Кенигсбергской области и подготовкой к переименованию 15 бывших восточнопрусских городов сообщить их «старинные русско-славянские названия» (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 3923. Л. 81). Видимо, письмо такого же содержания ушло и в Институт географии. Его представитель присутствовал на совещании 10 мая 1946 г. в Президиуме Верховного Совета РСФСР. Это подтверждается пред-

варительным перечнем участников и рукописным списком, который составлен в день заседания (ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 47. Д. 48. Л. 23 об., 27). Материалы совещания не обнаружены в центральных архивах, однако сохранились письма из институтов в высшие органы власти России. Они отражают мнение специалистов — этнографов и географов — по обозначенной проблеме, выявляют нюансы ее обсуждения, в том числе и в вопросе об исторической составляющей наименований населенных пунктов новой советской области.

Стремление выявить древние русские наименования восточнопрусских городов получило минимальную поддержку в Институте этнографии. Директор института С.П. Толстов и ученый секретарь М.Г. Рабинович, подписавшие 3 мая 1946 г. ответное письмо в Совмин РСФСР, отыскали только два русских названия прусских городов: Губин — Гумбиннен (ныне Гусев) и Рогнеть — Рагнит (Неман). Все остальные наименования, по их мнению, имели происхождение или прусско-литовское, так как территория, которая отошла к СССР, «издревле была заселена прусско-литовскими племенами», или немецкое из-за того, что ряд городов основали немцы. Для семи крупных населенных пунктов ученые приводили варианты не только литовских, но и польских имен. Вывод в Институте этнографии сделали однозначный — «все эти названия надо менять», так как «давать польские названия этим городам вряд ли целесообразно, прусско-литовские названия будут непонятны новому

населению». Кроме Губина и Рогнети в институте предлагали бывшим восточнопрусским городам присвоить новые наименования, но принципа переименований никак не пояснили. Только для Тильзита (Советск) посчитали возможным сохранить литовское название Тильже, так как «город сыграл большую роль в литовском национально-освободительном движении» (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 3923. Л. 82 — 82 об.). Следовательно, в Институте этнографии, основываясь на этнической истории региона в далеком прошлом, не разделили мнения о внедрении в формировавшуюся историческую память советских жителей западной российской области стереотипа об исконности славянского пребывания в Юго-Восточной Прибалтике. При этом отвергли и славянский польский след в местной истории; за единственным исключением отказались подчеркнуть ее «прусско-литовскую» составляющую.

Институт географии в лице старшего научного сотрудника А.Г. Кумана продемонстрировал несколько иной подход к проблеме. Куман не задавался целью разыскать русские имена восточнопрусских городов, как просил Совет министров РСФСР, а действовал в соответствии со сталинской установкой о славянском прошлом края, не подчеркивая русское или польское происхождение наименования населенного пункта. В силу этого славянские корни названий обнаружили у 9 городов: Инструч — Инстербург (ныне Черняховск), Рыбаки — Фишхаузен (Приморск), Лабьява — Лабиау (Полесск), Рогнеть — Рагнит,

Тапьява — Тапиау (Гвардейск), Губин или Губан — Гумбиннен, Столупяны — Шталлупенен (Нестеров), Даркьяны — Даркемен (Озерск), Домново — Фридланд (Правдинск). Куман не отвергал и другие варианты названий, часто обращался к географическим признакам, одновременно ориентируясь на коммунистическую идеологию, исторические и патриотические основания. С одной стороны, он ратовал за географический фактор, предлагая переименовать Кенигсберг в Балтийск. Исторический подход в данном случае не принимался: «Исторически верное название “Королевец” неудовлетворительно, так как король Оттокар II, в честь которого... получил свое первое название построенный замок, принял активное участие в крестовом походе против литовцев, хотя был чешским (славянским) князем». С другой стороны, размышляя о новом наименовании Инстербурга, ученый пришел к выводу: «Как ни желательно положить в основу переименования чисто географический признак [расположения города между несколькими реками]... заслуживает большего внимания историко-географическое начало... хорошо звучащее старинное славянское название», правда, происходящее от географического объекта — реки Инструч. Кроме того, Куман поддержал предложения начальника управления по гражданским делам Кенигсбергской области В.Г. Гузия (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 3923. Л. 176–177) о присвоении двум городам имен погибших героев Великой Отечественной войны — генералов С.С. Гурьева и И.Д. Черняховского. Также рассматривался

вариант назвать Шталлупенен «в честь гвардии “Гвардейск”»; особых возражений не вызвала идея о наименовании Фридланда городом «Багратион» в честь полководца Отечественной войны 1812 г. генерала П.И. Багратиона. Историческое обоснование получила мысль о сохранении происходившего от литовского «Тильже» наименования Тильзита, которое «в своей нынешней транскрипции прочно вошло в русскую историю» (ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 47. Д. 48. Л. 16 – 16 об.). Таким образом, А.Г. Куман в письме, отправленном 15 мая 1946 г. в Административный отдел Верховного Совета РСФСР, фактически поддержал зафиксированный в ряде документов того времени подход к закреплению в историческом сознании будущих калининградцев версии о славянском прошлом края, памяти о великих войнах и победах в них.

Предложения академических институтов и наименования, поддержанные ими, присутствовали как варианты в рабочих документах Президиума Верховного Совета и Совета Министров РСФСР (см., напр.: ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 3923. Л. 58–60, 215, 216). В одном из первых проектов Указа Президиума Верховного Совета РСФСР, подготовленном в середине мая 1946 г., упоминались города Багратион, Губин, Гурьевск, Домново, Столупяны, Черняховск, Тильзит (ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 47. Д. 48. Л. 20–22). Не всегда эти названия присваивались первоначально намеченным городам; для всего процесса переименования характерна порой неоднократная передача

имен от одних населенных пунктов другим.

В следующих проектах указов исчезли названия, которые определялись как древние русские топонимы, Тильзит превратился в Советск, появились наименования, связанные с советской идеологической и военной символикой, дополнился список героев Восточнопрусской операции Красной армии, которых намеревались увековечить в названиях калининградских городов (см., напр.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 274. Л. 31; Оп. 117. Д. 267. Л. 70–73; Д. 636. Л. 164, 166, 168, 169, 170–171; Оп. 121. Д. 450. Л. 37–40, 48–50; ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 47. Д. 48. Л. 30).

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 сентября 1946 г. районным центрам Калининградской области были присвоены новые названия. В нем один город получил имя участника войны 1812 г. князя П.И. Багратиона – Багратионовск (бывший Прейсиш-Эйлау). Пяти городам дали имена советских героев, павших в Восточной Пруссии, генерала С.С. Гурьева – Гурьевск (Нойхаузен), капитана С.И. Гусева – Гусев (Гумбиннен), лейтенанта И.М. Ладушкина – Ладушкин (Людвигорт), полковника С.К. Нестерова – Нестеров (Шталлупёнен), генерала, командующего 3-м Белорусским фронтом И.Д. Черняховского – Черняховск (Инстербург). Еще один город Тапиу в честь роли гвардии в победах русского и советского оружия стали называть Гвардейском. Для остальных семи городов основанием для переименования были особенности

географического положения и советская символика.

Таким образом, попытка российского правительства внедрить в историческую память калининградцев связь с древней русской историей была забыта. К сожалению, в сохранившихся документах объяснения этого факта нет. Также была отвергнута ссылка на историческую известность Тильзита. Его название не сохранилось, возможно, из-за негативного отношения к условиям франко-русского Тильзитского мира 1807 г. В названиях половины калининградских городов присутствовала историческая составляющая, связанная с военной тематикой. Названия ряда городов должны напоминать калининградцам о победе в Великой Отечественной войне, обстоятельствах присоединения части Восточной Пруссии к Советскому Союзу и погибших советских воинах.

В следующий раз власти запросили мнение академических институтов в феврале 1947 г. в связи с тем, что в ход переименования городов районного подчинения, рабочих поселков и сельских советов края вторгся этноисторический фактор. В Совет Министров и Министерство иностранных дел РСФСР от руководства Литовской ССР поступили предложения о присвоении многим населенным пунктам области литовских названий. На совещаниях в министерстве литовское мнение защищал профессор П.И. Пакарклис, который настаивал на сохранении литовских топонимов для некоторых городов и всех сельских советов в связи с тем, что территория

области до прихода Тевтонского ордена была «населена исключительно литовцами». Следовательно, названия местностей в регионе «в подавляющем большинстве являются литовскими», поэтому «литовские наименования Калининградской области не следовало бы заменять новыми». Пакарклис полагал, что «старолитовские названия населенных пунктов Калининградской области следовало бы приспособить к русскому языку», изменив литовские окончания на русские (ГА РФ. Ф. А-612. Оп. 1. Д. 1. Л. 3; Ф. А-259. Оп. 6. Д. 4950. Л. 67–70). Литовский профессор представил подробный список литовских наименований калининградских поселков (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 4950. Л. 67–70).

В связи с литовским проектом Совет министров РСФСР 6 февраля 1947 г. обратился за консультациями в Институты славяноведения (к В.И. Пичете), географии (к А.Г. Куману), русского языка (к М.Н. Петерсону), этнографии (к П.И. Кушнеру) АН СССР и другие учреждения (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 3923. Л. 83; Д. 4950. Л. 62), а Министерство иностранных дел РСФСР еще раньше, в январе, советовалось с сотрудниками Института истории (ГА РФ. Ф. А-612. Оп. 1. Д. 1. Л. 4).

По отношению к идеям Пакарклиса сформировались два мнения. Академик В.И. Пичета полагал, что можно или «давать местностям новые названия», или «сохранять старые исторические литовские наименования, чтобы показать, какому племени принадлежала эта территория до захвата немцами». По его мнению, расхившемуся с существо-

вавшей в те годы официальной точкой зрения, исконными жителями этой территории были не славяне; до начала Первой мировой войны весь этот край заселяли литовцы; и даже германцы сохраняли литовские топонимы, давая им немецкие окончания. Следовательно, нужно принять соображения Пакарклиса, чтобы избежать «излишних разговоров о русификации края и об уничтожении следов литовских поселений», «необходимо только несколько русифицировать чисто литовские названия». Вместе с тем позиция Пичеты была своеобразной. Академик сформулировал тезисы, которые буквально перечеркивали идею литовского коллеги. Во-первых, утверждал Пичета, «надо считаться с мнением колхозников, которые в новых русских названиях стремятся сохранить воспоминание о прежних местах жительства», во-вторых, в соображениях литовского профессора «чувствуется некоторый национализм» (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 4950. Л. 40 – 40 об.). Скорее всего, В.И. Пичета не желал отвергать в определенной мере исторически и лингвистически обоснованную точку зрения литовского ученого, но, ясно осознавая господствующую политико-идеологическую тенденцию, привел доводы, которые ставили под сомнение литовское предложение.

Географ А.Г. Куман также соглашался, что в списках центров сельских советов есть некоторые, которые «заслуживали бы сохранения. В них, несмотря на изувеченность их немецким транскрибированием, сохранилась литовская и, быть может, славянская основа, которая может быть

восстановлена в правильном национальном произношении» (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 4950. Л. 35, 36).

С другой стороны, в Институте этнографии, признавая литовские корни ряда названий, считали «поскольку большая часть населения Калининградской области состоит из русских, целесообразно при переименовании выбирать такие названия, которые имеют смысловое значение в русском языке» (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 4950. Л. 63).

Предложения литовского ученого были отклонены российскими властями, «поскольку он рекомендует по существу сохранить старые названия населенных пунктов, без достаточно серьезного учета действительной необходимости в этом. Профессор Пакарклис не понял, что переименование населенных пунктов вызвано крайним несоответствием существующих названий современному строю, бытовым и национальным особенностям советского населения» (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 4950. Л. 29–30). В идеях Пакарклиса увидели сохранение немецких названий, слегка измененных литовским транскрибированием.

Главную роль в неприятии литовских названий сыграли политические обстоятельства. Пакарклис полагал, что «возможно... со временем, если не вся Калининградская область, то большая ее часть будет присоединена к Литовской ССР как область, исторически и географически связанная с Литовской ССР» (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 4950. Л. 69). С такой перспективой руководство РСФСР не согласилось.

Идея внедрить в историческую память калининградцев связь региона, который литовцами был заселен только частично (*Кушнер* 1951: 270), с историей и культурой литовцев не удалась. Существенное значение в принятии такого решения имели не позиция ученых, в определенной степени разделявших некоторые предложения П.И. Пакарклиса, а политические причины.

Также следует обратить внимание на то, что в феврале 1947 г. А.Г. Куман в очередной раз высказал мнение о предполагаемых русских названиях ряда городов и сельских советов области, обращаясь при этом к историческим сюжетам. Например, он указал, что нет необходимости переименовывать Кранц (ныне Зеленоградск) в «Нахимов», так как это небольшой курортный городок. Намерение присвоить Рагниту наименование «Суворовск» представитель Института географии отклонил: «Вряд ли этот населенный пункт подходит для увековечивания памяти великого русского полководца. К тому же Суворов в этом районе вовсе и не бывал». Мнение о соразмерности личности или события реальному статусу населенного пункта было услышано и упомянутые города получили другие названия. Кроме того Куман упомянул об истории Велау (пос. Знаменск), в котором в 1657 г. был заключен договор между польским королем и бранденбургским курфюрстом о суверенитете Пруссии. Однако эту мысль он не развил в предложение сохранить прежнее название, хотя отметил, в духе имевшейся установки вождя, что Велау — «это лишь измененное на немецкий лад, по-видимому, сла-

вянское название “Велява”» (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 6. Д. 4950. Л. 36–38).

Таким образом, масштаб участия и степень влияния ученых из советских академических учреждений на выбор названий для населенных пунктов Калининградской области и научное воздействие на формирование исторической памяти ее жителей в первые послевоенные годы не были значительными, хотя единичные пожелания институтов всё же были учтены. Сотрудники Академии наук СССР инициативы в рамках кампании по переименованию топонимов не проявили. Они лишь реагировали на конкретные запросы органов власти, предложения о названиях сформулировали только в отношении некоторых городов и поселков, а не всего массива населенных пунктов. Вместе с тем академические круги поддержали идею о закреплении в историческом сознании калининградцев памяти о Великой Отечественной войне и победе в ней Советского Союза, разделив мнение о желательности наименования ряда районных центров в честь погибших советских воинов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кушнер 1951 — *Кушнер (Кнышев) П.И.* Этнические территории и этнические границы. М., 1951.

Советский Союз... 1984 — Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1914–1945 гг.: Сб. док. М., 1984. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.).

V.N. Maslov. Soviet academic science and the formation of historical memory — renaming of settlements in the Kaliningrad region

Key words: Kaliningrad region, Historical memory, toponimika, A. G. Kuman, P. I. Pakarklis, V. I. Picheta, S. P. Tolstov.

The article discusses the proposals of the Soviet scientists and academic institutions about the names of the cities in the former East Prussian lands, transferred to the RSFSR. Their opinion exposed about the possibility to realize in the toponymy of the Kaliningrad region of Stalin's thesis about the original existence the Slavs in South-Eastern Baltic and to secure to the historical consciousness of the inhabitants of the region of the memory of the victory in the Great Patriotic War. The causes of the rejection of the use Lithuanian names of settlements are also analyzed, as well as the degree of the influence of research institutions on toponymic process in the Kaliningrad region.

REFERENCES

Kushner (Knyshev) P.I. *Etnicheskie territorii i etnicheskie granitsy*. Moscow, 1951.

Sovetskii Soiuz na mezhdunarodnykh konferentsiakh perioda Velikoi Otechestvennoi vo-

iny, 1914–1945 gg.: Sb. dok. Moscow, 1984.
Vol. 2: Tegeranskaia konferentsiia rukovoditelei trekh soiuznykh derzhav — SSSR, SShA i Velikobritanii (28 noiabria — 1 dekabria 1943 g.).

В.И. Власов

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗОВ ПРОШЛОГО В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ. К 70-летию города Черняховска (Калининградская область)

Ключевые слова: восстановление, Восточная Пруссия, идентичность, Инстербург, историческое наследие, Черняховск.

Статья обращает внимание на историю развития бывшего восточнопрусского города Инстербурга – современного российского Черняховска. Центральное место уделено описанию исторических образов, а также проблеме сохранения исторического наследия.

История Восточной Пруссии – увлекательный предмет для исследования. Ныне не существующая под прежним названием и в прежних границах бывшая немецкая провинция Ostpreussen чрезвычайно насыщена историческими событиями и памятными местами. Какими бы долгими и опасными ни были запреты на изучение и популяризацию истории, бытовавшие в советское время, корни утвердившейся в этих местах культуры необычайно глубоки, а современные судьбы таинственно связаны с судьбами прошлого. Конец Второй мировой войны, взятие советскими войсками Кенигсберга, период депортации немецкого населения и заселе-

ния советской территории людьми из Советского Союза (вплоть до 1948 г.), – весь этот сложный, трагический процесс неминуемо сопровождался острым переживанием диалектики «своего–чужого», национального и общечеловеческого прежде всего у советского человека. Современный житель Калининградской области до сих пор неоднозначно воспринимает окружающую среду. Например, постройки он разделяет на немецкие, пусть и переделанные, и советские. От них он отличает еще «современную» архитектуру и строительство. Понятие «чужое» в применении к ландшафту и зданиям почти исчезло из его речи, однако в «свое» он вкладывает сегодня больший смысл, вкладывает неоднозначность, которой

© Власов В.И., 2016.

не было полвека назад. По мнению большей части образованного населения области, выраженному в печатных изданиях и в социальных сетях, сохранившуюся часть культурного наследия на территории Калининградской области надлежит по возможности всесторонне изучить, описать в разнообразных исследованиях, а если возможно, то реставрировать и реконструировать. Если в позднесоветский и перестроечный периоды под наледием понимали прежде всего такие монументальные памятники средневековья, как Кафедральный собор в Калининграде, питающие своеобразный отечественный «романтизм», то в наше время в круг интересов любителей и исследователей вошли также явления культуры, искусства и архитектуры XIX и XX вв.

Разнообразие Восточной Пруссии в полной мере открывается при изучении небольших городов. Среди нескольких десятков большое значение имели Эльбинг (Elbing), Алленштайн (Allenstein), Тильзит (Tilsit) и Инстербург (Insterburg). Последние два вошли в состав Калининградской области и носят данные им в 1946 г. современные названия Советск и Черняховск соответственно. Обратим свое внимание к последнему из них. Он расположен восточнее Калининграда на расстоянии 86 км и является административным центром Черняховского района. Население города составляет 37,5 тыс. чел. (2015 г.). Наречен город именем Ивана Даниловича Черняховского, генерала советской армии, командующего войсками 3-го Белорусского фронта.

В ходе Восточнопрусской боевой операции 1945 г. древняя часть Инстербурга была значительно разрушена. Первые мощные авиационные удары по исторической части города нанесли еще в августе 1944 г. англо-американские союзные войска. Штурм города советскими войсками состоялся 22 января 1945 г., после чего Инстербург был взят и в целом завершил свое бытование в прежних границах и разных контекстах. Далее последовала эпоха советского режима, когда крупные следы немецкого («вражеского») прошлого пытались скрыть или уничтожить, хотя и в несколько меньшей степени и не так демонстративно, как это происходило в Калининграде, где исторические сооружения перестраивали, иногда уничтожали полностью (разрушение руин Королевского замка, 1967 г.). В Черняховске фасады зданий, которые предстояло ремонтировать, лишались своего декора. Несмотря на последствия подобных действий, Черняховск остался единственным городом в Калининградской области, в котором сохранилось около 70 % исторической застройки, в том числе остатки двух средневековых замков Инстербург и Георгебург, построенных еще во времена владычества Немецкого ордена. В последние годы город стал привлекать к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. Сюда приезжают специалисты технических и гуманитарных специальностей, прежде всего архитекторы, реставраторы, инженеры, историки. Черняховск сохранил цельный образ прусского города средней величины (Mittelstadt) конца XIX – первой

половины XX столетия. В Германии принято классифицировать города в соответствии с количеством жителей. В городе средней величины проживает от 20 до 50 тыс. В Инстербурге в 1939 г. проживало более полусотни тысяч жителей.

В этой статье хотелось бы уделить особое внимание вопросу об изменении имиджей города. Представление об Инстербурге-Черняховске в настоящий момент характеризуют несколько образов, сложившихся преимущественно на протяжении XX в. у немецких, советских и постсоветских жителей. Выявлю эти образы, начав с XIX и постепенно переходя в XX в. Следует обратить внимание на то, что смутное понятие о прошлом у современных жителей области и города породило множество легенд. Характерная мифологизация локальной и провинциальной истории, по меньшей мере, связана с двумя важными причинами. Во-первых, ее корни кроются в послевоенном времени, когда изучение восточнопрусской истории вследствие идеологических оснований находилось под запретом. Во-вторых, очевидным результатом военных действий стала физическая потеря архивных, библиотечных, музейных и прочих фондов, благодаря которым в полной мере удалось бы восстановить картину прошлого.

ИНСТЕРБУРГ ИМПЕРСКИЙ

Итак, первый образ города был сформирован событиями, произошедшими преимущественно со второй половины XIX в. до 1914 г. Им-

перский Инстербург представал в образе типичного прусского протестантского городка, который населяли мелкие предприниматели, чиновники и, разумеется, солдаты. Военная борьба Пруссии в процессе объединения немецких земель (австро-пруссско-датская война 1864–1866 гг., франко-прусская война 1870–1871 гг.) отразилась на увеличении численности городского гарнизона и строительстве казарм с сопутствующей инфраструктурой (цилиндрическая водонапорная башня, гарнизонная кирха (сейчас православный храм)). Выстроенные из красного кирпича, эти здания окончательно сформировали облик города конца XIX в., в котором, наравне с остальной Пруссией, военное дело являлось главенствующей религией и высоким искусством. В 1860 г. открылось железнодорожное сообщение Кенигсберг–Инстербург–Эйдткунен, позже восточнопруская магистраль была соединена с российскими железными дорогами. Крупнейший железнодорожный узел Восточной Пруссии оснастили современным объектом инфраструктуры, таким как циркульное локомотивное депо – гениальный продукт инженерной мысли 1870-х гг. и памятник промышленной эпохи. Архитектором стал верховный строитель Прусского королевства, инженер Йоганн Вильгельм Шведлер (Johann Wilhelm Schwedler, 1823–1894). Экономика города держалась на развитой пивной промышленности, льнопрядильне, газовом заводе, производстве и обработке сельскохозяйственной продукции. Улицы и площади города представляли собой очень плотную застройку в духе романтического историзма,

здесь также находился известный комплекс зданий королевского тюремного учреждения (1832 г.), построенного по проекту К.Ф. Шинкеля. В 1821 г. К.Ф. Шинкель также стал автором памятника русскому полководцу, генералу-фельдмаршалу М.Б. Барклаю-де-Толли, сохранившегося в современном поселке Нагорное Черняховского района. Благоприятный образ Инстербурга существенно дополняла Королевская гимназия, которая была знаменита на всю Пруссию преподавательским составом. Например, математиком Карлом Косткой (Carl Kostka, 1846–1921) и так называемыми «числами Костки» (*Kostka* 1882: 89–123). Имя другого уроженца города также было известно всей Германии. Вильгельм Йордан (Carl Friedrich Wilhelm Jordan, 1819–1904) – крупный общественный и политический деятель, прославленный писатель, автор «Песни о Нибелунгах» («Die Nibelungen», 1867).

ИНСТЕРБУРГ ВЕЙМАРСКИЙ

В определенной степени веймарский образ города и имперский значительно отличались. Первая мировая война с ее разрушениями послужила причиной масштабного восстановления провинции и стала обстоятельством взаимодействия консервативных традиций и новаторства. Так, после разрушений 1914 г. едва ли не все немецкие провинции сочли своим долгом принять участие в деле восстановления Восточной Пруссии. Казалось, на время это стало национальной идеей. С этого момента Восточная Пруссия перестала рассматриваться как от-

сталое и глухое место для разного рода ссыльных. Город 1920-х гг. – это прежде всего процветающее и притягательное место с современной архитектурой, об историческом значении которой вряд ли впоследствии будет подозревать советский человек, живущий в молодой области Советского Союза. Хотя Инстербург незначительно пострадал от боевых действий, в отличие от других городов он всё же стал идейным центром современной архитектуры и модной жизни. Ставший всемирно известным архитектор Ганс Шарун (Hans Scharoun, 1893–1972) начинал свою карьеру здесь. Вальтер Браш (Walter Brasch, 1892–1966), коллега знаменитого бременского архитектора Фрица Хёгера, осуществил более пятисот архитектурно-строительных проектов в городе (например здание нового рынка в стиле итальянского функционализма). Талантливый ландшафтный архитектор, дизайнер парков и садов Хуго Кауфманн (Hugo Kaufmann, 1888–1970) возглавил в 1917 г. садовое управление Инстербурга, деятельность которого в скором времени стала образцом для подражания во многих городах страны. Вместе с В. Брашем он создал неповторимый спортивный парк, который используется и в настоящее время. Известный инженер гидротехнических сооружений Генрих Вестфаль (Heinrich Westphal, 1889–1945) работал над строительством функционального и одновременно стильного речного порта и сопутствующей инфраструктуры в начале 1920-х гг. Появились современные жилые кварталы и целые образцовые поселения: Шприндт (Sprindt), которое до сих пор негласно зовется среди горожан всё так

же, вместе с авторской церковью архитектора Курта Фрика (Kurt Frick, 1984–1963), а также «Пестрый ряд» (Bunte Reihe) Г. Шаруна. В 1928–1929 гг. были построены современные здания школ в стиле «Новая вещественность» (для мальчиков – Pestalozzischule, для девушек – Mädchenberufsschule), лучшие больницы в провинции, например восточнопрусская клиника для рожениц (Hebammenlehranstalt), директором которой на протяжении долгого времени был известный врач, светило медицинской науки Пауль Вилли Зигель (Paul Willy Siegel, 1884–1957). Высоким уровнем отличалось благоустройство города (Замковый пруд, городской парк), по всей Европе стали известны элегантные конноспортивные сооружения (ипподром), променады вдоль реки и прочее. Для большинства жителей Кенигсберга было модно иметь квартиру в новых районах Инстербурга и проводить здесь выходные дни. Предприятия тяжелой промышленности не нашли себе места среди множества заводов, по-прежнему перерабатывающих продукцию сельского хозяйства, в том числе пивных, а также лесопилен, ткацких и перинных фабрик. Веймарский Инстербург – это город новых казарм, легкой атлетики, конного спорта, современной архитектуры, экспериментальной медицины и невероятно мощного центра притяжения культурной жизни Восточной Пруссии. Общественные инициативы того времени вылились в создание интереснейшей организации – «Союза за приличную архитектуру» (FFAA), который совместно с Художественным союзом определял культурную политику города.

ИНСТЕРБУРГ ПЕРИОДА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Этот период характеризовался единством спорта, военного дела и эстетики. В период гитлеризма на окраинах города было расположено восемь военных частей (вместе с военным аэродромом). Милитаризация Третьего Рейха привела к значительному укреплению Восточной Пруссии. Существующий с 1914 г. аэродром был модернизирован и расширен. В годы Веймарской Республики (1919–1933 гг.), когда провинция оказалась территориально отделена от остальной части государства и являлась полуксклавом, он выполнял особую роль на маршруте следования воздушных полетов из Берлина в Кёнигсберг. В 1943 г. в небо над аэродромом взлетел легендарный турбореактивный истребитель Me.262. За полетом бомбардировщика наблюдало высшее немецкое командование во главе с рейхсканцлером. Визит фюрера привлек внимание к Инстербургу, в том числе в культурных кругах. Город посещают с концертами любимца Гитлера – блистательная исполнительница произведений Бетховена Элли Нэй (Elly Ney, 1882–1968). Необходимо добавить, что Инстербург стал первым восточнопрусским городом, где в 1936 г. по улицам города пошли троллейбусы (в 1944 г. троллейбусный парк был эвакуирован в Данциг). Особое внимание было сосредоточено на физическом развитии граждан. Стадион и спортивный парк города стали самыми современными и лучшими в Восточной Пруссии. Здесь проходят подготовку участники Олимпийских игр

1936 г. в Берлине; а также спортсмены, готовящиеся к выступлению в Хельсинки в 1940 г. (Олимпиада не состоялась). Конный спорт получает невиданную поддержку. Ипподром модернизируют, конноспортивные сооружения становятся одними из лучших в Европе. В 1934 г. Инстербург принимает важного гостя на осенних соревнованиях — рейхсминистра Йозефа Геббельса. Визиты высшего руководства Третьего Рейха также можно объяснить близостью Роминтенской пуши (Rominter Heide) — восточнопрусского рая для охотников, таких как Герман Геринг. Без сомнения, его самолет приземлялся на городском аэродроме, а затем железная дорога доставляла его в реликтовый лес, где еще с конца XIX в. располагалась охотничья усадьба кайзера Вильгельма II. «Гнездо немецкого милитаризма» — именно в такой формулировке небезосновательно предстанет Восточная Пруссия в советской историографии, а Кенигсберг будет именоваться оплотом германского империализма. Другая формулировка назовет немцев «псами-рыцарями», отобравшими обширные балтийские земли у славян (*Грацианский* 1938: 87–111). Данное выражение получило широкое распространение и в массовой культуре. Например, мы можем его встретить в документальном фильме о Калининградской области режиссера Г.А. Левкоева (*Левкоев* 1949).

ЧЕРНЯХОВСК СОВЕТСКИЙ

Черняховск послевоенного периода был известен среди остальных городов области и страны как крупный

железнодорожный узел, сформированный в довоенное время. Город имел большое значение благодаря военному аэродрому с тем же названием — «Черняховск», мощную поддержку которого обеспечивает государство и в наше время. Роль его возрастает в связи с обострением международной обстановки. Его расположение, взлетные полосы, ангары, командно-диспетчерский пункт с вышкой — наследие 1930-х гг. В первое десятилетие после войны город расчищали от руин, восстанавливали коммуникации, строили заводы. В 1960 г. в соответствии с распоряжением Совета министров на базе государственной конюшни был образован Калининградский конный завод №7 (подчиненный непосредственному главному управлению коневодства и коннозаводства страны), на котором продолжали выращивать лошадей тракененской — исконно восточнопрусской — и ганноверской пород. Тем не менее образ советского военного городка яркими красками дополняют 1970-е гг. Впервые генеральный план города (1975 г.), разработанный институтом «Ленгипрогор», предусматривал не восстановительные работы, как было ранее, а новую застройку пятиэтажными домами, а в некоторых случаях — девятиэтажными. Добавлю, что за период с 1945 по 2015 г. было принято четыре генеральных плана города (1951, 1975, 1993, 2010).

Сохранившиеся воспоминания первых переселенцев и фотографии свидетельствуют о том, что до середины 1960-х гг. в центральных кварталах оставались стоять аккуратно расчищенные руины. Места, освободившиеся от старой немецкой

застройки, были предназначены под строительство новыми кирпичными и панельными домами. Обновляя и модернизируя облик города, местные архитекторы окончательно закрепили разрыв между уходящими и возникающими формами, между немецким («вражеским», «фашистским») и советским. Фасады домов лишались чужого немецкого декора, вместо черепицы клали листы шифера, красный кирпич закрашивали. В 1970 г. районный Дом культуры под руководством А.Э. Ивановой получил звание «Лучший Дом культуры РСФСР». Крупные заводы «Техмаш», мясокомбинат и конезавод создавали производственный имидж Черняховска.

В эти годы в городе проводились съемки художественных кинолент: «Двадцать дней без войны» (реж. А.Ю. Герман, 1975 г.), «Трое в лодке, не считая собаки» (реж. Н.Б. Бирман, 1979 г.). Отмечу, что просоветский взгляд определяет Черняховск как тихий, удобный для жизни военных с их семьями военный городок с развитой системой начального и среднего образования, комфортной средой, парком с аттракционами, кинотеатрами, памятниками не только В.И. Ленину, И.Д. Черняховскому, но и А.С. Пушкину, П.И. Чайковскому. Его имидж формируют стабильность, занятость населения, занятия спортом, близость к природе – характерные черты многих советских городов. Однако существовал и другой имидж Черняховска в глазах критически настроенных жителей. Город выступал в роли приукрашенной идиллии. Индивидуальность (сформированная до войны, а также фор-

мирующаяся после) не выражена в советских памятниках, зданиях, а напротив – прослеживается воспроизведение общей советской модели с нарастанием застойных тенденций. Город полон воинских частей, здесь также есть тюрьма особого режима (бывшее здание тюрьмы, построенное по проекту К.Ф. Шинкеля), в которой содержались диссиденты (сейчас ФГУ «Калининградская психиатрическая больница (стационар) специализированного типа с интенсивным наблюдением Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации»).

ЧЕРНЯХОВСК 1990-х гг.

Без сомнения, самой яркой страницей постсоветской истории Черняховска является середина 1990-х гг., время трех международных конных турниров, статус на проведение которых имеют только столицы государств. Однако под влиянием политической эйфории в силу исторических заслуг Инстербурга с официального разрешения Международной федерации конного спорта (Лозанна, Швейцария) российская провинция в лице Черняховска обрела право на проведение таковых. Они открыли для современных горожан и гостей города забытый образ Инстербурга – конной столицы Пруссии. Эти соревнования происходили на старом немецком стадионе в сопровождении театрализованных действий, реконструкции рыцарских турниров. 1995 г. – первый год предпринятой попытки возрождения легендарных турниров, период эйфории по поводу достиже-

ния областью статуса более открытой территории (1991 г.). С 2002 г. вновь созданный конный завод «Георгенбург» стал проводить ежегодные осенние конные соревнования. Добавлю, что Черняховск — один из первых городов в Российской Федерации, который официально стал праздновать День города (1989 г.). По неофициальной традиции, летоисчисление принято считать не с 7 сентября 1946 г., а с 10 октября 1583 г. — дня дарования маркграфом Георгом Фридрихом I (Markgraf Georg Friedrich I., der Ältere, 1539–1603) местечку Инстер (Inster) городских прав и привилегий (*Hennig* 1794: 5). Однако 1990-е гг. ознаменованы также и остротой социальных процессов, и изменениями национального состава населения. Стало заметно значительное пополнение населения региона, выразившееся в вынужденном переселении русскоязычного населения, происходившем в том числе из-за преследований по национальному признаку, из стран бывшего Советского Союза (Казахстана, Киргизии). Прежде всего эмиграция состояла из так называемых «казахских и киргизских немцев», многим из которых впоследствии удалось переехать на постоянное место жительства в ФРГ.

ЧЕРНЯХОВСК СОВРЕМЕННЫЙ

В отличие от советского времени, когда администрация Черняховска могла похвастаться развитием сельскохозяйственной и пищевой промышленности, картина современности последних двадцати лет предстает в ином виде. На протяжении двух десятилетий Черняховск оста-

ется стратегически важным пунктом западной части Российской Федерации (военный аэродром, железная дорога). Заметно отличается городскую администрацию от соседних муниципалитетов активное сотрудничество с Польшей, обмен деловыми контактами, совместные встречи и проекты. Кроме официальной точки зрения имидж города формирует и неформальный взгляд со стороны, извне (из Москвы и Петербурга). Черняховск предстает городом интересных исторических памятников и архитектуры, романтических руин в сочетании с идиллической природой для пристального взгляда информированного посетителя.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Наконец, существует немецкая точка зрения относительно имиджа Черняховска. Она стала формироваться с началом 1990-х гг., когда ностальгия и смягчение политической обстановки способствовали появлению массового немецкого туризма. Прежде всего под немецким туристом понимался бывший житель Восточной Пруссии, сумевший уехать в годы войны или изгнанный после ее окончания. Каким для него казался город? Определенно запущенным, одичавшим, зарастающим и, в конце концов, уходящим в природу. Русские люди жили в их прежних домах и квартирах, всё еще пользовались предметами старого немецкого быта. Пережитком советской эпохи им виделось серое панельное строительство, своенравно инкорпорированное в сохранившееся городское пространство. Несмотря

на негативное описание, ностальгический силуэт немецкого городка витал в воспоминаниях прежних владельцев этой земли (немецких туристов 1990-х гг.). Однако в последние годы всё больше внимания уделяется характерному гостеприимству русского человека, а также стремлению наиболее образованной части общества сохранить угасающее наследие. Немецкие печатные издания с особым интересом наблюдают за процессом осмысления и попытками реновации наследия в Калининградской области, в частности в Черняховске (журнал *Insterburger Brief* – официальный журнал Общины инстербуржцев в Крефельде), немецко-русская газета *Königsberger Allgemeine Zeitung*. Отдельного внимания заслуживает статья в известном издании *Der Spiegel. Geschichte*, посвященная проектным инициативам фонда «Дом-Замок», имеющих прямое отношение к наследию архитектора Ганса Шаруна в Черняховске, которые автор ставит под большое сомнение (*Neef* 2011: 50).

Расширение исторических знаний в среде образованных горожан и гостей города неизбежно приводит к стремлению реставрировать некоторые имиджи прошлого. Корни этого процесса следует искать в остро стоящей проблеме содержательного наполнения локального патриотизма и самосознания в Калининградской области. В послевоенное время область могла гордиться советскими воинами, космонавтами и спортсменами. После перестройки поиски идентичности в узких кругах интеллигенции были связаны с краеведением и экологи-

ей. Стали возникать вопросы, касающиеся восстановления прошлого, реставрации его имиджей. Прямым участником этого процесса в Черняховске стала некоммерческая организация фонд «Дом-Замок» – главный культурный феномен города последних 10–15 лет. Она официально зарегистрирована в 1999 г. Ее основателями стали: Татьяна Иванова (культуролог), Влада Смирнова (культуролог), Алексей Оглезнев (историк), Андрей Смирнов (художник). В 2006 г. благодаря деятельности фонда памятник истории XIV в., замок Инстербург обрел статус памятника федерального значения. До 2010 г. памятник находился в государственной собственности и с 2006 г. велась реализация федеральной целевой программы «Культура России 2006–2011», в рамках которой были произведены первые противоаварийные и консервационные работы на памятнике, была подготовлена проектно-сметная документация на реконструкцию отдельных зданий. В связи с принятием 28.10.2010 г. Калининградской областной думой закона № 502 о безвозмездной передаче в собственность РПЦ религиозных объектов, остатки всех замков перешли во владение РПЦ (Калининградской Епархии), в котором находятся до сих пор. С принятием этого закона федеральная программа была завершена ввиду смены собственника. Вот уже шесть лет работы по консервации и реконструкции приостановлены. Тем не менее деятельность фонда получила высокую оценку со стороны Министерства культуры РФ и правительства Калининградской области, что выразилось в присуждении премий

в области культуры «Подвижники» (2014 г.) и «Признание» (2012 г.). На протяжении семнадцати лет (с 1997 г.), расположившись в стенах средневекового рыцарского замка, участники объединения создают культурную среду города. Фонд всецело использует помещения двух строений; при поддержке частных предпринимателей и иногда администрации города проводит научные конференции, семинары, культурные встречи; реализует международные проекты в области образования.

Таким образом, внутри города с его социально-экономическими проблемами образовалось новое культурное пространство, отмеченное чертами идиллии. С 2009 г. значительного подъема и общественного резонанса достигли профессиональные и гражданские инициативы в области сохранения и развития историко-культурного и в особенности архитектурного наследия Черняховска как источника городского развития (проекты «ИнстерГод» и «ИнстерФорум»). Другими словами, культурологическая деятельность фонда заключается в ревитализации наследия, в приобщении к нему всё большего количества участников, в первую очередь горожан. Иными словами, включение многообразных форм прошлого в современную городскую картину города может рассматриваться в контексте общего процесса принятия «чужого» прошлого и признания неразрывности исторического времени. Интересно, что в большей степени участниками этого процесса становятся приезжие люди. Так, например,

более 400 студентов из вузов Москвы, Петербурга, Казани, Самары, Мюнхена, Тарту, Берлина выбрали Черняховск местом прохождения учебной практики (историки, искусствоведы, архитекторы, гидрологи, гидротехники, ландшафтные дизайнеры). В течение нескольких лет были проведены исследования и составлена проектно-сметная документация на реставрацию объектов культурного значения: башня Бисмарка (арх. Шлихтинг, 1913 г.), «Пестрый ряд» (арх. Г. Шарун, 1921–1924 гг.), циркульное локомотивное депо (инж. Й. Шведлер, 1870 г.), городской парк «Долина стрелков» (ландш. арх. Х. Кауфман, 1925–1928 гг.), парк-кладбище им. Ф. Юнг (ландш. арх. Х. Кауфман, 1917–1918 гг.). Большое значение имеют проекты Вилфрида Фольфа, председателя комитета по охране памятников строительной палаты Берлина; архитектора Натальи Куницкой и ландшафтного архитектора Юргена Венцеля (городской парк, проект реконструкции центральной улицы Ленина). В этом отношении любопытным является интернет-ресурс «ИнстерГОД» (преобразованный в «Округа Камсвикус»), создателем которого является Д.Б. Сухин – известный отечественный и зарубежный исследователь (специалист-архитектор) творчества знаменитого немецкого архитектора, теоретика и практика органической архитектуры Г. Шаруна (ИнстерГОД 2016). Электронный ресурс содержит значительное число текстов докладов различных экспертов на немецком и русском языках, успешно прозвучавших на российских и зарубежных конференциях, а также проектов,

подготовленных специалистами из разных областей исследования для города Черняховска в 2010–2012 гг. С последовавшими позже проектами и их результатами также можно ознакомиться в Управлении муниципального имущества земельных отношений и архитектуры администрации МО «Черняховский муниципальный район». Полный надежд и благих намерений по восстановлению наследия и прежде всего немецкой архитектуры сайт адресован в первую очередь молодым специалистам и студентам. Все же исследования и работы, предшествующие этапу реконструкции, полны лозунгов и обращений, отсылающих нас к периоду восстановления (*Wiederaufbau*) Восточной Пруссии после 1914 г.

Здесь следовало бы обратиться к краткой истории этого явления на территории этой земли в Новое время и обозначить наиболее важные его этапы. Отмечу, что тема восстановления неразрывно связана с вопросами колонизации и переселения.

Восстановление (*Retablissement*) после чумных лет (1709–1710). Этому способствовала политика короля Фридриха Вильгельма I (1688–1740). Он заселял опустошенные чумой земли переселенцами-протестантами из французских провинций, Шотландии, Пфальца, Нассау, Зальцбурга. Основание новых деревень и дворов привело к развитию сельского хозяйства — основного экономического ресурса региона.

Восстановление провинции Восточная Пруссия в период 1915–

1925 гг. Из 44 тыс. уничтоженных военными действиями в 1914 г. зданий полностью восстановлено 33 тыс. (*Lange* 1923: 268). Главными действующими лицами в деле восстановления стали приезжие молодые архитекторы и инженеры.

Восстановление Калининградской области с 1946 до середины 1950-х гг. Тяжесть восстановления легла на прибывших переселенцев из многих областей РСФСР и других стран Советского Союза. До 1948 г. (время принудительной и окончательной депортации) в работах по очистке руин и разминированию также участвовало оставшееся немецкое население. Некоторые из них были приняты на должности врачей, секретарей и т. п.

Итак, эти этапы в целом характеризуют благородные намерения восстановить жизнь в этой провинции, пускай даже стараниями, усилиями и по инициативе людей, не живших на этой земле. Вместе с переселенцами проникали новые идеи, утверждался новый уклад жизни; в конечном счете они формировали другое пространство (архитектура, парки). Диалог между старым и новым велся и в то время.

В 1918 г., когда восстановительные работы в Восточной Пруссии затронули городские пространства, вышел большой иллюстративный альбом с текстовым сопровождением «Городские и загородные дома в Восточной Пруссии» (*Dethlefsen* 1918). Его автором стал искусствовед, историк и философ, хранитель памятников истории в Восточной Пруссии (*Provinzialkonservator / Denk-*

malpflieger) Р.Й. Детлефсен (Richard Jepsen Dethlefsen, 1864–1944). В издании неоднократно выражалась надежда на восстановление городской застройки в духе старой орденской архитектуры, а также загородных поместий XVIII в., как бы адресованная молодым инженерам и архитекторам. Однако упрощение, типизация и недостаток финансовых средств явили совсем иную картину, пожалуй, за редким исключением. Только известному архитектору из Бремена и Дельменхорста (Delmenhorst) Хайнцу Штоффрегену (Heinz Stoffregen, 1879–1929) удалось создать романтический городок в Пруссии с фахверковыми строениями – город Гердауэн (Gerdauen), современный поселок городского типа Железнодорожный. Другая книга Р.Й. Детлефсена стала результатом опыта восстановления: «Руководство по сохранению исторического наследия в 160 тезисах» (Dethlefsen 1927). Идиллические надежды, связанные с преумножением романтического (консервативного) образа Восточной Пруссии, через десятилетие превратились в холодный практицизм, отраженный в этом пособии.

К сожалению, газеты, издававшиеся в Инстербурге в XX в., отсутствуют в архивных собраниях и библиотеках. Периодическая печать могла бы значительно обогатить картину отношения жителей города к современной архитектуре. Предположу, что многие горожане неоднозначно реагировали на модернистскую архитектуру (здания школ, рынка, портовой башни) или же всецело отрицали такое новаторство. Тем не менее количество

подобных архитектурных экспериментов 1920-х гг. всё же было немногочисленным. Во многом благодаря представителям официальной власти в городе распространялись современные идеи, современные конструкции и решения. Так, в частности в 1919 г. известный немецкий архитектор Бруно Таут (Bruno Taut, 1880–1938), уроженец Кенигсберга, стал автором «Призыва к цветному строительству» (Taut 1919: 11). Для оформления фасадов небольших домов в городских поселках (Siedlungen) он предложил использовать яркие цвета. Этот призыв поддержали многие германские архитекторы, директора школ Баухаус и академий искусства, строительные советники. Среди известных имен можно найти Г. Шаруна, а также единственного представителя административной власти в этом списке – обербургомистра Инстербурга Отто Розенкранца (Otto Rosencrantz, 1875–1963). Уже в 1921 г. начались работы по строительству такого поселка («Пестрый ряд» Г. Шаруна) на окраине Инстербурга.

Предметом целого исследования является вопрос отношения современного черняховца к этому неоднозначному, но сохранившемуся наследию. Сегодня красно-кирпичные казармы XIX в. печальным образом приходят в запустение и постепенно обращаются в руины. Несколько районов города застроены панельными домами в советское и кирпичными – в постсоветские времена. За прошедшие с 1991–1993 гг. годы город стремительно поменял свой облик. Появились новые тротуары, заменившие гранитное мощение, оформлены в соответствии

с «европейским стандартом» скверы и площади, выросли то безликие, то вычурные торговые центры, фасады зданий утепляются, получают новые цветовые решения, лишаясь прежней фактуры. Действительно, желание сделать «всё как в Европе» происходит из географического положения региона в пространстве Европейского союза и в первую очередь ориентиром служат соседние республики: Польша и Литва. Это касается скорее реконструкции общественных мест, чем жилого фонда или уникальных исторических памятников Черняховска, сохранение или реставрация которых в большей степени является финансовым бременем для местного муниципалитета. С другой стороны, невозможно не обратить внимание на процесс беспощадного проникновения метастаз глобализации XXI в. в пространство Калининградской провинции. Самые крупные новейшие постройки — это торговые центры. Едва начавшийся в 1990-х гг. процесс свободного поиска местным населением идентичности с включением элементов наследия немецкого прошлого в сложившихся социально-политических условиях обречен на гибель. Отношение современного жителя Калининградской области к немецкому прошлому региона до сих пор остается острым вопросом повседневной жизни. Это отношение может читаться как противоречивое, неоднозначное, сложное, начиная с полного отрицания «немецкого» и заканчивая преклонением перед прошлым, само наличие которого рассматривается как счастливая возможность дистанцироваться от России (культурно и политически).

Современные процессы модернизации в Черняховске (строительство и совершенствование дорог и мостов, создание торговых площадей, кафе, ремонт и перестройка старого жилого фонда) в известной степени отрицают зримые элементы прошлого как отжившие, устаревшие и функционально неудовлетворительные. При этом обоснованием для такого отношения всё еще являются ссылки на то, что всё старое немецкое несет политически консервативные, даже реакционные сообщения. Бытующее среди официальных представителей местной власти утверждение «всё немецкое есть фашистское» нередко доводится слышать в настоящее время. В этом отношении всё громче и очевидней становится тенденция к окончательному преодолению власти старого культурного пространства путем уничтожения его последних следов. Центральное место в этой борьбе занимает проблема внутренних настроений в наиболее состоятельных и образованных слоях и группах общества. Это противоречие проявляется в процессе противостояния, одну сторону которого представляют, на первый взгляд, «романтические силы» (сохранение, консервация, реставрация), другую — силы модернизации, имеющие глобальный масштаб и влияние.

Одновременно с изготовлением огромного числа детально проработанных проектов/прожекторов, посвященных теме восстановления, реставрации городских территорий, архитектурных ансамблей и отдельных памятников истории происходит осуществление

федеральной программы по капитальному ремонту жилых зданий, а также подготовка к чемпионату мира по футболу в 2018 г. (Черняховск выбран одним из туристических центров Калининградской области). Этот процесс обновления и подготовки выявил пренебрежительное отношение к наследию. С утеплением фасадов домов и сменой черепичных крыш открывается дорога к беспощадной типизации, которая отчасти была свойственна и периоду восстановления в 1915–1925 гг. Однако в то время решались другие задачи и другими способами. Исчезают детали, которые играют аттрактивную роль в деле формирования образов-имиджей города. Возникает беспокойство, что глобализация имеет все шансы поглотить локальное своеобразие города вместе с уникальным ландшафтом, создаваемым человеком с XIV в.

В заключение хотелось бы отметить, что решение проблемы сохранения и использования памятников истории неразрывно связано с отношением к наследию современного жителя региона и ставит перед ним ряд острых вопросов:

Вопросы политической воли восстановления в широком смысле (увидим ли мы в скором времени восстановленный Королевский замок в Калининграде или замок Инстербург в Черняховске? Патриотично ли сохранять остатки прошлой культуры?).

Финансовый вопрос (восстановление / реконструкция / реставрация должны оправдывать колоссаль-

ные затраты человеческого труда, финансовые расходы и пр.).

Вопросы реставрации и/или реконструкции (художественные, стилистические, исторические и пр.).

Вопросы профессионализма восстановительных работ (кто будет непосредственно осуществлять их? Есть ли отечественные специалисты в области сохранения, например северного-готической архитектуры и т. д.).

Современный Черняховск живет в ежедневной борьбе за наследие, предметом которого становятся фасады зданий, брусчатое покрытие улиц или даже немецкая тротуарная плитка. Старое, пускай и обветшалое мифологизируется до той степени, когда оно перестает быть «чужим» и становится «своим», пускай неизвестным, непрочитанным и находящимся на некоторой дистанции от реципиента. Принимая и отчасти соглашаясь с исторической данностью, современный житель города или области, большинство населения которой — переселенцы, становится ближе к разгадке вопроса самоидентичности, родины и родного края. Это явление рецепции свойственно не только нашему времени, оно проистекает из периода, последовавшего после окончания войны. Восстанавливая идиллические образы прошлого (без эпидемий, инфляции, военных действий), многие невольно мифологизируют его, таким образом, легче принимая все-таки «чужое» прошлое как часть личной истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Грацианский 1938 – Грацианский Н. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII–XV веках // Историк-марксист. 1938. № 6. С. 87–111.

ИнстерГОД 2016 – ИнстерГОД / Под ред. Д.Б. Сухина. URL: <http://instergod.ru/> (дата обращения 19.07.2016).

Левкоев 1949 – Левкоев Г.А. Калининградская область [Видеозапись]. М.: ЦСДФ, 1949.

Dethlefsen 1918 – Dethlefsen R. Stadt- und Landhäuser in Ostpreußen. München, 1918.

Dethlefsen 1927 – Dethlefsen R. Merkbuch für die Denkmalpflege 160 Leitsätze. Königsberg, 1927.

Hennig 1794 – Hennig A.E. Topographisch-historische Beschreibung der Stadt Insterburg. Koenigsberg, 1794.

Kostka 1882 – Kostka C. Ueber den Zusammenhang zwischen einigen Formen von symmetrischen Functionen // Journal für die reine und angewandte Mathematik. 1882. Bd. 93. S. 89–123.

Lange 1923 – Lange C. Der Wiederaufbau von Ostpreußen // Zentralblatt der Bauverwaltung. Berlin, 1923. N 45–46. S. 268.

Neef 2011 – Neef C. Wir leben unserem Traum // Der Spiegel. Geschichte. 2011. N 1. S. 48–51.

Taut 1919 – Taut B. Aufruf zum farbigen Bauten // Die Bauwelt. Berlin, 1919. N 39. S. 11.

V. Vlassov. Restoration of images of the past in the context of preservation of historical heritage. To the 70 anniversary of the city of Chernyakhovsk (Kaliningrad region)

Key words: renovation, East Prussia, identity, Insterburg, historical heritage, Chernyakhovsk.

The article pays attention to the history of the formal East Prussian city of Insterburg, modern Chernyakhovsk, Russia. The central place is given to the description of historical images and also to a problem of preservation of historical heritage.

REFERENCES

Dethlefsen R. *Stadt- und Landhäuser in Ostpreußen*. München, 1918.

Dethlefsen R. *Merkbuch für die Denkmalpflege 160 Leitsätze*. Königsberg, 1927.

Gratsianskii N. Nemetskaia agressiia v Pribaltike v XIII–XV vekakh. *Istoriik-mark-sist*. 1938. N 6. P. 87–111.

Hennig A.E. *Topographisch-historische Beschreibung der Stadt Insterburg*. Koenigsberg, 1794.

InsterGOD. Ed. D.B. Sukhina. URL: <http://instergod.ru/> (date of access 19.07.2016).

Kostka C. Ueber den Zusammenhang zwischen einigen Formen von symmetrischen Functionen. *Journal für die reine und angewandte Mathematik*. 1882. Bd. 93. S. 89–123.

Lange S. Der Wiederaufbau von Ostpreußen. *Zentralblatt der Bauverwaltung*. Berlin, 1923. N 45–46. S. 268.

Levkoev G.A. *Kaliningradskaia oblast'* [Video]. Moscow: TsSDF, 1949.

Neef C. Wir leben unserem Traum. *Der Spiegel. Geschichte*. 2011. N 1. S. 48–51.

Taut B. Aufruf zum farbigen Bauten. *Die Bauwelt*. Berlin, 1919. N 39. S. 11.

И.В. Белинцева

АРХИТЕКТУРА ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ В КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ ОСМЫСЛЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Ключевые слова: проблема «свой-чужой», Калининградская область, архитектурное наследие, маркеры идентичности, Д. Навалихин, Королевский замок, усадьбы Восточной Пруссии.

Архитектура Калининградской области должна рассматриваться в аспекте преодоления представлений о *Чуждости* сохранившегося архитектурного немецкого наследия, которое переосмысливается как *Свое*. К общепринятым четырем аспектам отчуждения (этнолингвистический этико-вероисповедальный; быто-технологический; пространственно-географический) я добавила пятую составляющую: визуально-художественную, связанную со зрительным восприятием архитектурно-градостроительных форм. Архитектура является материально и физически четко артикулированным носителем исторической памяти, зримым маркером культурной идентичности. Примером неоднозначного и противоречивого отношения к наследию немецкой архитектуры служит содержание двух вариантов кандидатской диссертации (1954 и 1956 гг.) главного архитектора Калининграда послевоенных лет Д. Навалихина. Наряду с «присвоением» *чужого* наследия наблюдается маркирование пространства с помощью исконного *своего* благодаря строительству культурных центров и храмов разных конфессий и вероисповеданий. Одной из актуальных проблем современной истории архитектуры является вопрос изучения и сохранения усадебного наследия. Большинство наиболее значительных господских домов пережили военные действия Второй мировой войны и были утрачены в послевоенные годы.

Калининградская область – западный регион России, территориальное приобретение Советского Союза, полученное в результате победы во Второй мировой войне.

Северо-восточная часть германской имперской провинции Восточная Пруссия вошла в состав СССР в 1946 г. и стала к настоящему времени неотъемлемой частью Российской Федерации. История архитектуры Восточной Пруссии

давно нуждается в проведении систематических научных исследований. На сегодняшний день можно констатировать неравномерность в изучении проблемных вопросов местной архитектурной традиции, постоянное накопление и сбор фактического материала, с преобладанием интереса к средневековью в публикациях историков и краеведов Калининградской области. Зодчество XVII – первой половины XX в., за некоторым исключением, остается вне поля зрения любителей и профессионалов (Тарунов 2012; Каталог объектов... 2013), при том что преимущественно архитектура XIX – начала XX в. составляет основу сохранившейся исторической застройки городов и селений региона, когда-то бывшего чужим, чуждым и враждебным, но ставшим родиной для новых поколений граждан России.

Как справедливо заметил один из современных ученых, востоковед Р. Шукуров, «проблема Чужого и Чуждости <...> превратилась в одну из наиболее интенсивно обсуждаемых проблем гуманитарной мысли» (Шукуров 1999: 9). Концептуальное описание Чуждости, создание непротиворечивой и универсальной модели Чужого в его взаимоотношениях со Своим дискутируется в новой отрасли науки о Другом/Чужом («алологии», «ксенологии»). Архитектура Калининградской области должна рассматриваться в аспекте преодоления представлений о чуждости сохранившегося архитектурного немецкого наследия, которое переосмысливается как *свое*, встраивается в *свой* мир, дополняется исконным

своим. Если это *чужое* почему-либо неспособно встроиться в систему ценностей жителей области, оно безжалостно разрушается под любыми предложениями – меркантильно-экономическими или идейно-политическими. Например, застройка курортов в основном сохранилась и вписана в современный контекст, в то время как господские дома безжалостно уничтожены – из четырехсот усадеб со служебными и хозяйственными постройками уцелели считанные единицы.

Чужость этой земли была обусловлена исторически. Напомню, что старославянское *tŭždĭ*, созвучное современному слову *чуждый*, означало «чужеземный», и было заимствовано славянскими языками из германских наречий. В основе определения лежало слово с балтийским корнем *teuta* (переводимое как *народ*), производное от корня *tew* – быть надутым, мощным. От этого обозначения были образованы этнонимы *Teutoni*, *Deutsch* (Бенавенист 1995: 237).

Образ чужбины возможен не только как враждебный мир, но и как представление о существующем где-то совершенстве. Чужие земли нередко служили парадигмой лучшего мира. В этой роли для европейцев в Средние века выступали Иерусалим и Святая Земля, Константинополь или Индия, таковым было для христиан мифическое пространство конца света – Рай, райские реки. Еще совсем недавно в России в роли возделенной чужбины, места возможного совершенства выступали Северная Америка или страны капиталистического

мира. Калининградская область изображалась как «лучший мир» в «агитках» вербовщиков второй половины 1940-х гг., обращенных к потенциальным новым жителям. Утопические описания идеального города, который вот-вот будет построен в Калининграде, регулярно публиковались в местной прессе с конца 40-х и вплоть до 60-х гг. XX в. (*Brodersen* 2007).

Но реально долгое время доминировало восприятие вновь обретенной территории как враждебной чужбины, неметчины. Посредством печати и радиопередач 1940–50-х гг. пропагандировалось восприятие завоеванного *чужого* наследия как *чуждого*. Значительную роль в процессе осознания чуждости играл подчеркнуто карикатурный образ изгнанного врага, вынужденно оставившего свое «логово фашистского зверя», о чем написано в книге Ю. Костяшова «Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг.» (*Костяшов* 2009).

Негативный образ *чужого* выполнял функции оправдания собственной исключительности, собственного превосходства, подтверждал право на внесение *своего* в сложившуюся культуру *Другого/Чужого*. Активное противостояние *чужому* играло также роль иммунной функции, позволяющей культуре как целостному цивилизационному организму сохранить *собственное* в неприкосновенности.

Чуждость Восточной Пруссии для советских солдат и переселенцев была связана с фактором удаления от сакрального центра, от Родины,

России, Москвы, и с движением к далекой, неизвестной и опасной периферии. Это была «Чужесть» вне «Родного мира», принадлежащая к его внешнему горизонту (*Вальденфельс* 1995: 81), в отличие другой формы «Чужести», возникающей внутри «Родного мира», но принадлежащей к его внутреннему горизонту. Так, попадая в незнакомый, но близкий соседний город, мы не узнаем деталей, но общая структура остается ясной – те же школа, больница, здание администрации, хрущобы, памятники вождям и другие привычные явления и архитектурные знаки. В *чужом* мире отсутствует аспект узнавания, порождающего радостное чувство нежданной встречи, в нем доминирует эффект враждебного, неизвестного.

В формировании представлений о враждебной *чуждости* архитектурного наследия бывшей Восточной Пруссии сработало несколько факторов. Известно, что обобщенное, неиндивидуализированное представление о чужой культуре (а именно таковым оно было у первых переселенцев) всегда пугающее. «Встреча с незнакомым и непонятным *Другим* заставляет готовиться к наихудшему развитию событий. *Другой*, другая культура, которые оказались помещенными на границе *Собственного*, наделяются враждебными и даже агрессивными характеристиками» (*Шукуров* 1999: 24).

Исследователи выделяют «четыре аспекта отчуждения: этно-лингвистический (наш–чужой язык, наша–чужая раса и т. д.); этико-вероисповедальный (свои / чужие

ритуально-мифологические системы и производные от них земные установления и обычаи); быто-технологический (оседлый / кочевой образ жизни, наличие / отсутствие развитого земледелия и городов, искусность / грубость технологий приготовления пищи или бытового поведения и личной гигиены); пространственно-географический (близость / удаленность, долинный / горный, долинный / степной, заморский, заречный и т. п.)» (Шукуров 1999: 25).

Очевидно, что в Калининградской области советского периода можно найти примеры для иллюстрации всех положений данной тетрады: немецкое / русское; капиталистическое / социалистическое; религиозное / атеистическое; высокая технологичность / техническая отсталость деревенских переселенцев. Присутствовал также контрастный пространственно-географический фактор – морской / континентальный.

Я бы добавила к этой общепринятой тетраде пятую составляющую: визуально-художественную, связанную со зрительным восприятием архитектурно-градостроительных форм еще до знакомства с непонятным языком, неизвестными технологиями, специфическими социокультурными отношениями на новой территории.

В подтверждение мысли о знаковой роли архитектуры, которая проявляется неосознанно и спонтанно, приведу несколько цитат. В книге «Восточная Пруссия глазами советских переселенцев», опубликован-

ной по материалам интервьюирования старожилов Калининградской области, записаны слова тех, кто сразу после войны прибыл осваивать новые земли¹. «Даже по развалинам, которые я наблюдала из окна вагона, – вспоминает Анна Андреевна Копылова, – сразу было видно, что это уже не Россия, а Западная Европа <...>. Всё было вокруг интересным, незнакомым, любопытным» (цит. по: Восточная Пруссия глазами... 2003: 57–58). А.В. Целовальникова, приехавшая из Рязани, отмечала первые впечатления: «Когда подъезжали к городу на поезде, поразили дома с черепичной крышей. Было очень необычно. Сразу ощущалось, что здесь жили совсем другие люди. Крыши домов островерхие и красиво выглядели» (Слова А.В. Целовальниковой... 2003: 57). А.А. Гуляева, старожил Калининградской области, поделилась своими давними ощущениями: «Первое время я очень хотела в Россию: здесь всё было чужим. Дома были совершенно непохожими, не такие уютные. Вокруг были леса, много зелени – но всё не так, как на Родине» (цит. по: Восточная Пруссия глазами... 2003: 132).

Основные эпитеты, прозвучавшие при интервьюировании по отношению к новому месту жительства – необычное, *чужое*, не наше, были основаны исключительно на визуальных впечатлениях. Элементы

¹ Книга о советских переселенцах, о жизни немецкого населения на новой российской территории, их последующей депортации была первоначально издана на немецком языке: (Als Russe in Ostpreussen 1999: 176). Первое русское издание книги появилось в 2002 г. в Санкт-Петербурге, второе (исправленное) – в 2003 в Калининграде.

сравнения постоянным рефреном звучали в словах очевидцев. «В России жили в деревянных домах, — говорит Анатолий Семенович Карандеев, — а сюда приехали и как в сказочную страну попали: полы паркетные, печи кафельные, стены крашеные. Краска тогда у нас была редкостью. В России я до этого краски не видел» (цит. по: Восточная Пруссия глазами... 2003: 66–67).

Жительница Калининграда А.И. Рыжова, приехавшая семнадцатилетней девушкой в Кенигсберг, также сравнивала: «Наши церкви, храмы добрей как-то, гостеприимнее. Строгость и угловатость здешних соборов не соответствует нашему русскому характеру <...>. Веет от них каким-то холодом и отчужденностью. В дождливую погоду город производил унылое впечатление. Давил узостью улиц, суровостью построек. В такие дни было ощущение временности пребывания и особенно чувствовалось, что мы — *чужие* здесь» (цит. по: Восточная Пруссия глазами... 2003: 203).

Архитектура является материально и физически четко артикулированным носителем исторической памяти, зримым маркером культурной идентичности, служит одним из способов проявления принадлежности к определенному сообществу. Набор знаков, характер эмблем групповой идентичности зависит от того, на какой основе осуществляется солидарность отдельных членов сообщества. Маркировка может происходить по разным признакам, но ее цель одна — выявить *своих*, отделить их от *чужих*. Большинство сооружений

Восточной Пруссии, созданных на протяжении почти 700 лет, носили подчеркнуто выраженный этнический, конфессиональный и идеологический характер. Средневековые немецкие рыцари и колонисты не просто строили на этой земле готические соборы, мощные крепости, ратуши, городские и сельские дома. С помощью архитектурных образов формировались эталонные образцы нормативного сознания и поведения. Образцовый характер старинных готических зданий подтверждается популярностью в Восточной Пруссии неоготического стиля в архитектуре, который с начала XIX в. стал ведущим государственным стилем. Сооружения с культуuroобразующими функциями (храмы, административные здания, учебные заведения и пр.) строились в этом регионе в течение XIX и в первой половине XX столетия чаще всего с включением элементов кирпичной готики или европейской романтики.

После войны сохранившееся довленное архитектурное окружение не соответствовало ментальности переселенцев из разных регионов Советского Союза. Новые жители «самой молодой» и «самой западной» российской области были в основном выходцами из небольших городков и деревень средне-русской полосы, из Белоруссии, Украины и т. д., принадлежавшими как правило к городскому низовому или деревенскому традиционному слоям отечественной художественной культуры, с совершенно иными социокультурными ценностными установками, нежели те, с которыми они столкнулись в Восточной

Пруссии в аналогичных условиях села или малого города. Это влекло неприятие нового окружения, желание изменить его и «подстроить» под свои нужды по собственному разумению.

Совсем другой подход был принят по отношению к прусскому наследию в соседней Польше. Так, в первых послевоенных книгах, посвященных архитектуре разрушенного на 90% Гданьска, бывшей столицы провинции Западная Пруссия, подчеркивалась «польскость» города, с тем чтобы обосновать необходимость восстановления городского центра в его историческом облике. В предисловии к путеводителю по Гданьску, названному «Гданьск — наш город», изданному в 1946 г., когда город стоял еще в руинах, один из знатоков местной культуры Ян Киларский писал о необходимости для польского читателя «связаться сердцем с этим “нашим городом”», «читать содержание стен этого города, стен, пропитанных польскими законами, ибо они выросли из труда польского пахаря и работника» (Kilarski 1946: 7). Его аргументация в пользу безоговорочного принятия исторического наследия была обоснована просто: «Всё немецкое вытравил в Гданьске огонь страшных пожаров <...>. На строительных лесах уцелевших древних памятников архитектуры, созданных мастерами не-немецкого Запада, возникает новый Гданьск, во всем польский и навсегда принадлежащий Польше» (Kilarski 1946: 9).

Примером неоднозначного и противоречивого отношения к наследию немецкой архитектуры слу-

жит содержание двух вариантов кандидатской диссертации (1954 и 1956 гг.) главного архитектора Калининграда послевоенных лет Д. Навалихина². Опыт работы над пересозданием архитектурно-художественного облика Кенигсберга / Калининграда архитектор обобщил в текстах, которые служат важнейшими источниками при изучении истории строительства города послевоенного периода, несмотря на противоречивые, иногда взаимоисключающие высказывания автора (Навалихин 1954; 1956).

Д. Навалихин писал, что «анализ планировочной структуры и застройки бывшего города Кенигсберга показывает, что бывший немецкий капиталистический город не может и не должен восстанавливаться в ранее существовавшем виде» (Навалихин 1956: 30). Несмотря на столь категоричные выводы тогдашнего главного архитектора города проводимая им реальная практика восстановления выглядела гораздо более терпимой к имевшейся в городе застройке, да и сам Д. Навалихин немало сделал для сохранения архитектурных памятников города.

Во втором варианте диссертации «К вопросу реконструкции центра города Калининграда» (1956 г.) архитектор писал: «Нужно считать целесообразным дальнейшее со-

² Навалихин Дмитрий Константинович, родился 12.10.1911 г. в Москве, учился в Ленинграде (ЛИИКС, 1936; Академия художеств, 1939). Закончил аспирантуру Академии архитектуры СССР в 1947 г. Член Союза архитекторов с 1940 г. Кандидат архитектуры, доцент, участник ВОВ. Сведения приведены из: (Материалы к биографиям... 1989).

хранение отдельных немецких памятников и связанных с историей сооружений в качестве исторических памятников. Реализация этого положения позволит сохранить и восстановить целый ряд представляющих историческую и художественную ценность сооружений и памятников бывшего Кенигсберга в качестве исторических памятников, подчеркивающих специфику и богатое прошлое города. Использование разительного контраста между сооружениями, созданными советскими людьми и наследием бывшего Кенигсберга не только не нарушит в данном случае целостной застройки, но и, несомненно, усилит и обогатит идейно-художественный образ как центра, так и будущего города Калининграда» (Навалихин 1956: 144). Архитектор предлагал вести новое строительство на месте разобранных кварталов с учетом ранее существовавшей планировки, высотных отметок, направлений красных линий улиц. В центре планировалось использовать сохранившиеся дренированные и изолированные от воды основания домов, часто свайного типа, а также готовый строительный материал, добываемый из руин – кирпич, отдельные компоненты для производства крупных блоков и др.

Чтобы обосновать приспособление города для нужд нового населения, Д. Навалихин подчеркнул близость планировочной композиции российских городов (Москвы, Новгорода и др.) и Кенигсберга. Для большинства старых городов было характерно наличие ярко выраженного центрального композиционного ядра в виде кремлей, де-

тинцев, замков, связанных с рекой, холмом, островом и т. д., развитая исторически сложившаяся радиально-кольцевая система планировки.

В течение многих лет шла подгонка архитектуры немецкого города «под себя», под тогдашние представления о «правильном» месте жительства, достойном советского человека. О принципах послевоенной застройки бывшего Кенигсберга подробное исследование написал немецкий автор М. Подель (*Podehl* 2012).

В соответствии с эстетическими вкусами и потребностями новых жителей менялись высотность и силуэт отдельных зданий, вместо разрушенных крутых черепичных кровель делали пологие шиферные кровли, тем самым отказываясь от характерных для европейского строительства мансардных квартир. Ликвидация высоких, крытых черепицей крыш и мансард, служивших характерной приметой архитектурного образа балтийского региона, коренным образом меняла общий облик городского пейзажа, лишая его местной характерности, а в глазах приехавших сюда из России жителей – соответственно признаков нежеланной и чуждой «немецкости».

Отношение к ценности реконструируемых зданий четко соотносилось с эстетическими предпочтениями послевоенной эпохи. К числу неприемлемых как для подражания, так и, равным образом, для восстановления принадлежали непопулярные в советской культуре стили, такие как эклектика, неоготика,

модерн, а также конструктивизм (функционализм) 1920-х гг. Неоготические и конструктивистские сооружения бывшего Кенигсберга стремились перестроить до неузнаваемости. Весьма характерным представляется высказывание Д. Навалихина, писавшего, что «когда необходимо восстановить здание, <...> рекомендуется ослаблять чуждое архитектурное воздействие подобных сооружений, убирая излишние детали, членения, венчания и т. д. Если это позволяет общая планировка района или квартала, можно рекомендовать обстройку подобных зданий новыми корпусами или периметральной застройкой <...>» (Навалихин 1954: 89).

Архитектор обосновал два проекта застройки центра, которые предполагали сохранение остатков Королевского замка. В первом проекте сохранившиеся руины включались в новую структуру гигантского Дома Советов, построенного по образцу московских высотных зданий, с большими порталами, колоннадами, балконами и лоджиями (Навалихин 1956: 144). В другом варианте архитекторы Д. Навалихин и А.В. Максимов предусматривали создание центральной городской административной площади и Дома Советов с северной стороны бывшего Королевского замка, с сохранением его в качестве музея Отечественной войны и штурма Кенигсберга. По мнению авторов, Дом Советов был бы противопоставлен «ранее существующему, чуждому для советской действительности, бывшему королевскому замку». Высота Дома Советов должна была достигать 120–130 м (не менее

150 м от уровня Преголи) и тем самым превосходить сохранный башню Королевского замка, имевшую высоту 96 м. Символический смысл такого противостояния очевиден, однако игра на контрасте двух культур позволила бы сохранить замок.

Хотя в утвержденных проектах Института Гипрогор 1953 и 1957 гг. судьба замка уже фактически была предрешена, вопрос о его сносе дискутировался еще более 10 лет. В большинстве проектов центра города, обсуждаемых, например, на совещании 6–9 октября 1965 г. в Калининграде, учитывалось и обыгрывалось присутствие средневековой крепости (Материалы совещания... 1965)³. Несмотря на протесты общественности, остатки Королевского замка были взорваны. Его окончательное разрушение было знаком перехода к новому варианту отношений к *чуждому* — не приспособлению, а созданию нового *своего*. Современные споры о воссоздании Королевского замка и конкурсы на проекты застройки Королевской горы в Калининграде свидетельствуют о новом витке отношения к бывшему *чуждому* (Белинцева 2015).

После сноса в 1967 г. Королевского замка, средоточия бывлой немецкой власти, на его месте возник Дом Советов — знак социалистического города, олицетворение советской власти. Существующее высотное здание строилось в течение 1970–1990-х гг. по проекту архитектора

³ Материалы любезно предоставлены архитектором В. Кругликовым.

Ю.Л. Шварцбрейма. Образцом послужило новое административное здание в административном центре города Бразилиа / Бразилиа – Дворец Национального конгресса архитектора О. Нимейера (1960 г.) (Кенигсберг–Калининград ^{2006: 156}). Как представляется, сходство здесь не слишком прочитывается, хотя интересен выбор объекта для подражания. Столичный город Бразилиа, средоточие правительственных и административных учреждений страны, вырос в 1956–1960 гг. на абсолютно пустом месте. Это был город без истории. Возведенные в Бразилиа здания известнейших архитекторов выдержаны в стиле интернациональной архитектуры, для которой характерен полный отказ от исторических аллюзий, использование строгих геометрических объемно-пространственных решений, новых материалов и конструкций (Хайт 1986). Подобное решение для Калининграда 1970–1980-х гг. выглядит семантически прозрачным: в городе с длительной строительной традицией былая история отвергалась и игнорировалась.

В архитектуре послеперестроечной Калининградской области отчетливо проявилась положительная реакция сознания на встречу с *чужим*, возникла «контактная зона», интерпространство между несколькими культурными массивами и проявилось имманентное стремление культуры к адекватному овладению *чужим*⁴.

Первыми признаками «присвоения» послужило начало реконструкции средневекового собора на острове Канта и обсуждение проектов регенерации окружающей его застройки, предпринятое впервые на международном семинаре в сентябре 1994 г. (Программа семинара 1994). Восстановленный собор в Калининграде служит знаком отчетливой европоцентристской ориентации населения, выражает их желание прикнуться к традициям европейской культуры, сделать когда-то *чужое* и *чуждое* – *своим*. Трудности, существующие на этом пути, носят не только технический или финансовый характер, но в большей степени знаменуют необходимость осмысления собственных культурных традиций и духовных установок.

В начале III тысячелетия процесс «присвоения» *чужого* наследия идет полным ходом, оно осознается уже как *свое*. Об этом свидетельствует постоянно пополняющийся перечень архитектурных объектов, взятых под охрану, примеры удачной реконструкции отдельных средневековых храмов и усадебных домов.

В последние годы осуществляются профессиональные архитектурные стилизации в духе неомодерна, с разным успехом использующие мотивы немецких строительных традиций, главным образом рубежа XIX–XX вв. Здания с башенками, высокие сложные крыши, покрытые металлочерепицей, отдаленно похожей на старинные черепичные кровли, имитация фахверка и прочие атрибуты немецкой архитектуры стали неотъемлемой частью городского пейзажа.

⁴ История проектирования центра г. Калининграда и иллюстрации представлены в (Попадин, Васютин 2009).

В качестве примеров можно назвать комплекс «Рыбной деревни» в Калининграде, задуманный проектировщиками как этнографический и торгово-ремесленный центр и одновременно как «бизнес-центр европейского уровня» (цит. по: *Малинина* 2009: 54) (Мастерская архитектора А. Башина. Проект 2005 г.). Имитация фахверка в облике отдельных корпусов и круглая башня наподобие маяка призваны манифестировать принадлежность Калининграда к сообществу старинных балтийских городов.

В архитектуре жилых и общественных зданий, построенных в Светлогорске (бывший немецкий курорт Раушен), также использованы декоративно-изобразительные возможности немецкого наследия, например фахверка (железнодорожный вокзал Светлогорск-2, арх. В. Генне, А. Гилямзянов, 2006 г.; гостиница «Братья Люмьер», арх. В. Генне, А. Самаргин, 2008 г.; торговый центр, арх. А. Чечин, 2010 г.). В облике кафе «Вика» на Октябрьской улице Светлогорска (арх. В. Генне, С. Леденёв, 2008 г.) использованы плавные линии общего силуэта и окон, характерные для соседнего здания бывших Теплых купален, построенного в стиле модерн (арх. О.В. Кук, 1907–1908 гг.).

Наряду с «присвоением» *чужого* наследия наблюдается маркирование пространства с помощью искомого *своего*, привнесенного с исторической Родины — из России. Одновременно с приспособлением готических и неоготических церквей для православного богослужения (в пос. Менделеево / Юдиттен,

пос. Родники / Арнау, Правдинске / Фридланд, Черняховске / Инстербург и многих других городах и поселках), в области идет массовое строительство храмов разных конфессий и вероисповеданий. Возводимые церкви служат маркерами этнической и конфессиональной идентичности, храмовые здания обычно выполнены в традиционных узнаваемых формах, закрепленных исторически. В облике православных храмов стилизованы художественные приметы памятников древнерусского зодчества — компактные кубические объемы, полуциркульные позакомарные покрытия, золотые купола на высоких барабанах.

Освященный в 2006 г. в Калининграде Кафедральный собор Христа Спасителя (арх. О. Копылов) ориентирован на образцы владимиросудальской архитектуры XII — начала XIII в. Архитектор на вопрос об облике храма ответил, что если бы он принимал решение о стиле, то выбрал бы «авангардный, который весь из стекла» (Гость номера 2006: 75). Очевидно, что традиционные формы зодчества лучше соответствуют самоидентификации русского населения. Сакральный центр из Москвы перемещается на далекую периферию и возвещает о своем присутствии. Храм во имя Веры, Надежды, Любви и Софии в Багратионовске / Пройсиш-Эйлау (арх. О. Копылов, 1993–1997 гг.) почти досконально воспроизводит облик московских церквей середины — третьей четверти XVII в. (например церкви Николы в Пыжах на Большой Ордынке в Москве, 1670-е гг.), построенных в стиле «дивного узо-

рочья», который был признан прекрасным выражением русского менталитета еще в XIX в.

Другие этносы также возводят визуальные знаки *своего* присутствия на калининградской земле. Армянская церковь была закончена и освящена в 2006 г. во имя Святого Стефана (Сурб Стефанос), одного из первых христианских мучеников, почитаемого в Армении (арх. Р. Азатян)⁵. Формы нового сооружения следуют широко распространенным средневековым армянским образцам (*Белинцева* 2010). Основной объем здания напоминает соборы Ани и Гандзасарского монастыря, барабан купола – церкви Талина, Сисавана и другие храмы Армении. В интерьере церкви в упрощенном виде воспроизведена средневековая конструктивная схема крестово-купольного центрического храма. Современная постройка в Калининграде облицована розовым туфом, привезенным из Армении, что усиливает визуальную связь с древней культурой, как и стоящий рядом хачкар из карельского гранита, созданный калининградским мастером Михаилом Нечаевым. Плоская каменная резьба выполнена в соответствии с древними армянскими правилами, традиционный рисунок креста с виноградной лозой в основании дополнен стилизованным изображением чайки и волны, что символизирует связь Армении с берегами Балтики, где многие армяне обрели новую родину.

⁵ Проект духовно-культурного центра был создан архитектором Рубеном Азатяном, бывшим руководителем архитектурной мастерской Св. Эчмиадзина, знатоком армянской церковной архитектурной традиции.

Исторические формы храма Святого Стефана вносят элементы восточной экзотики в городскую среду бывшего немецкого города, в котором успешно соседствуют «кирхи» довоенного периода, новые православные соборы и современные протестантские молельные дома. Сурб Стефанос стоит напротив православной церкви Святого Герасима Болдинского, таким образом, на Северной горе Калининграда ведется беззвучный диалог не только в интеркультурном, но и в визуальном пространстве улицы.

Напомнить о себе в Калининграде и области стремятся и другие народы. В 2011 г. был заложен первый камень в основание Новой Синагоги, которая должна почти дословно воспроизвести часть разрушенного в Хрустальную ночь 1938 г. здания (проект частичного восстановления выполнен в Калининградгражданпроекте в 2005 г., рук. Копычина-Лоренс) (*Белинцева* 2007). На окраине Южного парка в Калининграде строится здание мечети.

Таким образом, за прошедшие десятилетия в области произошли поэтапные изменения в отношении к *чужому / иному / другому* в архитектуре. Для первого этапа (конец 1940-х – конец 1960-х гг.) характерно приспособление сохранившегося *чужого* и *чуждого* архитектурного наследия с радикальным изменением функций или внешнего облика. Второй этап (1970–1980-е гг.) начинается с разрушения Королевского замка и отличается агрессивным внедрением современного стиля, не считавшегося с существованием местного исторического наследия.

Уважение к *чужому* начинается с созданием свободной экономической зоны в 1990-х гг., обусловлен взрослением поколения, родившегося на этой земле и многими другими факторами (Белинцева 2002). Этот третий этап продолжается в начале III тысячелетия и озаглавлен процессом активного «присвоения» *чужого*, а также включением новых архитектурных маркеров этнической и религиозной идентичности.

Архитектурное наследие Калининградской области достаточно велико и многообразно – от градостроительных комплексов до усадебных домов или небольших деревянных вилл на курортах. Столь же разнообразна и степень сохранности типологически разных ансамблей, отдельных зданий и сооружений: одни требуют лишь текущего ремонта, другие – незамедлительного реставрационного вмешательства профессионалов. Многим памятникам уже ничто не поможет.

Одной из актуальных проблем современной истории архитектуры является вопрос изучения и сохранения усадебного наследия. В России уже давно существует Общество изучения русской усадьбы, очередная конференция на тему «Музеи-усадьбы в прошлом, настоящем и будущем» состоялась 20–21 октября 2016 г. в Москве. Выходят регулярные выпуски сборников статей, посвященных истории усадебной архитектуры, другим проблемам поместной культуры. Усадебное наследие Восточной Пруссии в основном утрачено и практически не изучено, лишь немногие статьи на русском языке

знакомят с историей усадеб (Бахтин 2005; Бахтин, Тарунов 2013; Белинцева 2016). Большинство поместий пережило военное лихолетье, на строительный материал господские дома и хозяйственные постройки были разобраны уже в последующее время. Процесс разрушения продолжается и сейчас. По моим подсчетам, только на территории теперешней Калининградской области существовало более 400 поместий с господским домом, окруженным ухоженным парком, многочисленными хозяйственными сооружениями. В этот список включены поместья XVII – первой половины XX в., в которых сохранились какие-либо усадебные постройки и этот перечень постоянно увеличивается. В «Каталоге объектов культурного наследия Калининградской области», изданном в 2013 г., также указано, что число господских домов, включая средневековые замки и сооружения XVI в., достигало 400, из них в неповрежденном состоянии после войны сохранялось около 220 имений (Каталог объектов... 2013: 86). А.П. Бахтин в статье «Ситуация с памятниками культурного наследия в Калининградской области» утверждает, что «на части бывшей Восточной Пруссии, после 1945 г. отошедшей к Российской Федерации, к 1889 г. имелось около 1100 имений с самыми разными земельным участками – от 200 до 1500 га и больше» (Бахтин 2014: 97). В личной беседе с автором статьи 15 июля 2016 г. главный архивист-историк Калининградской области немного уточнил данные, уменьшив цифру до 800 поместий с господским домом.

Известный исследователь архитектуры Восточной Пруссии Карл фон Лорк, который еще до Второй мировой войны одним из первых начал собирать сведения об расположенных здесь усадьбах, писал, что в 1939 г. в провинции «существовало 1265 хозяйств размером более 200 га, среди которых находилось 262 усадьбы размером более 500 га» (Lorck 1953: 11). Если учитывать, что к России отошла одна треть восточнопрусской территории, то в Калининградской области должно было существовать около 400 усадебных домов.

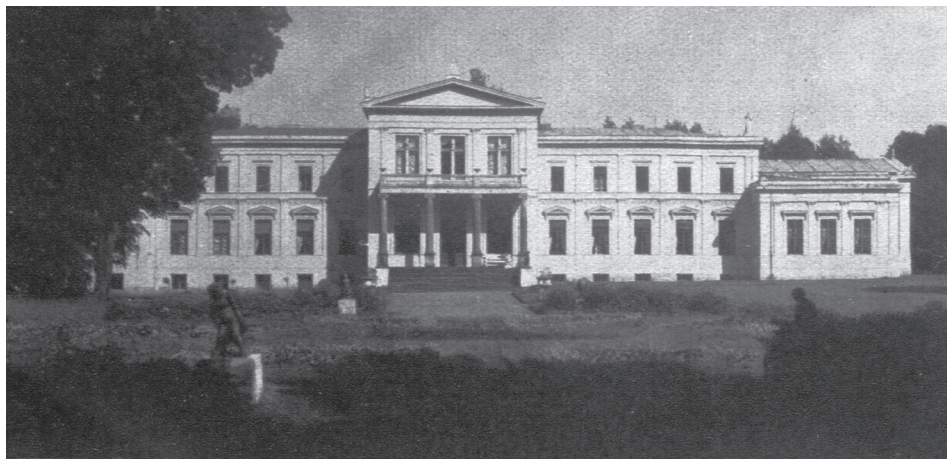
До Второй мировой войны этот регион считался «страной усадебных домов и дворцов», а в настоящее время не существует даже музея местного усадебного быта. Миф о легендарной стране юнкерских поместий превратился в сказания о богатстве и всеобщем процветании Восточной Пруссии. В действительности аграрная провинция Восточная Пруссия была одним из самых бедных регионов Германии и во многом зависела от правительственных дотаций, которые особенно увеличились в 1930-х гг. В это время требовалось укрепить моральный и физический дух главной опоры Германии на ее северо-востоке, усилить военный потенциал провинции.

Строительство сельских усадебных домов при больших хозяйственных комплексах началось не ранее XVII в. Расцвет дворцового строительства наблюдался в Восточной Пруссии в XVIII в., когда появились величественные комплексы в Шлобиттен / Шлобиты (Польша), Фридрихштайн / Каменка, Вальдбург-

Капустигалль / без современного имени и др., принадлежавшие представителям знатнейших фамилий Германии. В первой половине XIX в. строились более скромные поместья, вторая половина XIX и начало XX в. характеризовались тем, что перестраивались, расширялись и делались более комфортабельными обветшавшие дома XVIII в., иногда появлялись новые усадьбы. Многие поместья были обновлены или вновь построены в ходе восстановительных работ после военных действий Первой мировой войны.

Большинство наиболее значительных господских домов пережили военные действия Второй мировой войны и были утрачены в послевоенные годы, процесс незаконной разборки усадебных комплексов продолжается и в наши дни. Как представляется, именно роскошные поместные дома демонстрировали национально-классовую *чуждость* местной культуры новым поселенцам, большинство из которых были сельскими жителями или выходцами из маленьких провинциальных городов. Послепостроечная ситуация в чем-то напоминает отношение к усадебному наследию в России послереволюционных лет, когда безжалостно жгли и грабили поместья, пока государство не приняло меры по спасению «народного достояния».

В деле сохранения и поддержания усадеб важную роль должно играть взаимодействие трех наиболее заинтересованных фигурантов – государства, общественных организаций, частных лиц. Пока в регионе они действуют по принципу, описанному в общеизвестной басне И. Крылова

Байнунен/Ульяновское. Дворец. 1862–1866 гг. Садовый фасад.
Из: Hecht Max. Führer durch Beynunen. Die Kunstschöpfung Fritz von Farenheids.
Vierte vermehrte Auflage. Königsberg, im Selbstverlag, 1930

«Лебедь, рак и щука». В результате – неоправданные разрушения немногочисленных сохранившихся поместных домов. Последний пример – разборка до основания еще недавно стоявшего здания в Лозовом / Подоллен (*Орехов* 2016). Существенный вопрос, который должен быть решен – о роли жилых и хозяйственных зданий бывших поместий в современном обществе и его экономике, формах представления и обязательно – их новых утилитарных функциях, будь то музей, санаторий, показательная ферма, культурный центр, жилье и т. д.

Проблема сохранения усадеб коренится не только в финансово-экономической сфере, но в области науки и образования. В русскоязычной литературе отсутствует даже такой краткий справочник по усадьбам, который составили польские исследователи о поместных домах Восточной Пруссии, оставшихся на территории Польши (*Jackiewicz-Garniec, Garniec* 1999).

В настоящее время действует международный проект виртуальной реконструкции разрушенного замка Фридрихштайн (Каменка, Гурьевского района), возведенного еще в 1709–1714 гг. архитектором Жаном де Водтом. В формате 3D воссоздается практически доскональный облик архитектуры и внутреннего убранства этого знаменитого дворца, принадлежавшего богатейшему прусскому семейству Дона-Шлобиттен.

Усадьба Байнунен привлекла мое внимание необычностью архитектурного облика дворца и сооружений, входивших в состав большого комплекса этого имения (*Белинцева* 2016). Имение Байнунен (ныне поселок Ульяновское вблизи города Озерска, бывший Даркемен) получило широкую известность не только в Восточной Пруссии, но по всей Германии, в середине XIX в., когда богатый землевладелец Фриц фон Фаренхайд построил по собственному проекту взамен обветшавшего уса-

дебного здания огромный дворец. Он разместил в нем большую художественную коллекцию античных слепков, и открыл к ней в определенные дни в летние месяцы доступ для посетителей.

О первых послевоенных годах в Байнунен записаны воспоминания Т.Н. Надеждиной, в которых она также акцентирует проблему *чужести* незнакомой красоты. «Дворец, когда мы приехали (в 1946 г. — И.Б.), еще целый стоял, только в середине его были небольшие разрушения и следы пожара. Каждая комната имела свой цвет. На полках еще стояли статуэтки, вазы, чаши, кувшины и скульптурные портреты. А сколько всего этого лежало на полках разбитым, расстрелянным и раздавленным вместе с мусором!...

К сожалению, не смогли мы это сберечь. *Не наше* всё было, не родное, не наживное... Крушили и разбирали все подряд. Гипсовые статуэтки и стенные лепные изображения дворца толкли в ступках, перемешивали с водой и белили квартиры. Потом зачистили к нам различные бригады и команды с предписаниями от военных. Грузили на машины и подводы всё, что можно было увезти» (цит. по: Овсянов б/д.).

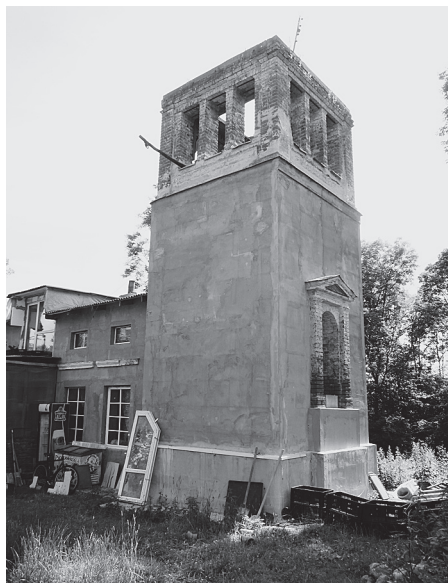
Вплоть до 1950 г. музей был по-прежнему открыт, но из экспонатов сохранились в основном массивные гипсовые слепки. В 1955 г. было получено разрешение взорвать дворец, который к тому времени в народе прозвали «дачей Геринга». От поместного дома долгое время оставались лишь стены. Сейчас со-

Ульяновское/Байнунен. Остатки дворца. Фото автора. Июль 2014 г.

хранился лишь фундамент и подвалы главного здания, а также садовый домик, каменные сараи и амбар в неоготическом стиле, построенные, видимо, в середине XIX в.

Башня садового домика с примыкающими более низкими объемами сохранилась, были предприняты даже попытки привести сооружение в нормальный вид. Но ни о какой профессиональной

Ульяновское/Байнунен. Садовый домик. Фото автора. Июль 2014 г.

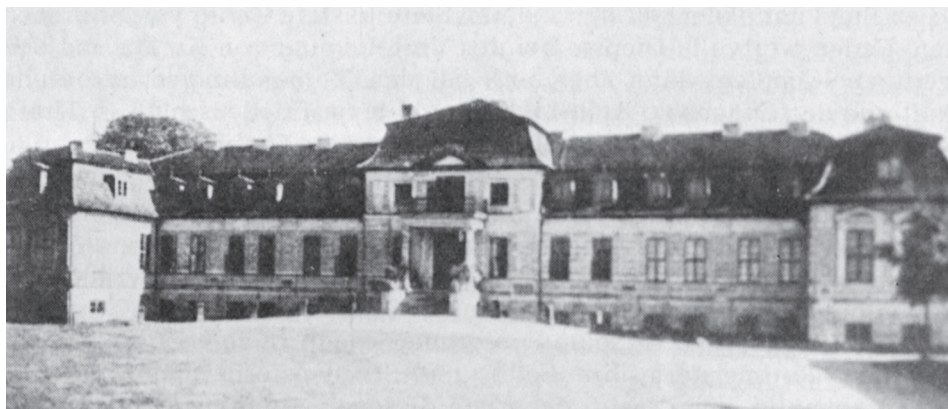
реставрации и предпроектных исследованиях здания говорить не приходится.

В парке на высоком холме было построено хозяйственное здание в стиле средневековых укреплений, длинное сооружение фланкировалось зубчатыми башнями. Эти постройки из красного кирпича частично сохранились. Амбар располагался по одной линии с дворцом. Как и в композиции дворца, два боковых флигеля соединены срединной постройкой. Северная башня

достигает 30 м высоты (100 футов), это сторожевая башня имения. Этот сарай был поврежден во время боев Первой мировой войны, но затем восстановлен (Hecht 1930: 48). Благодаря удачному местоположению здание видно со всех сторон парка, он господствует над всей усадьбой и окружающей местностью. Крепостной облик этого здания, материал из которого он построен — кирпич, не соответствовал стилю антиклизированной архитектуры дворца, дорического паркового павильона и античному собранию,

Ульяновское/Байнунен. Хозяйственная постройка в неоготическом стиле. Общий вид и башня. Фото автора. Июль 2014 г.

Зандиттен/Лунино. Дворец. 1736 г. Из: (Meitsch 1975: 500)

прославившему Байнунен. Но, как известно, античные города были окружены зубчатыми кирпичными стенами и башнями, возможно, Фриц фон Фаренхайд при создании хозяйственного сооружения на периферии имения руководствовался подобными соображениями.

Примеров из истории усадебной архитектуры Калининградской области можно привести множество.

К сожалению, большинство их имеет печальный конец, завершающийся констатацией полного исчезновения поместного дома, а вслед за ним и сопутствующих хозяйственных сооружений. Но есть и немало положительных примеров — усадьба Яблочкино / Локенен, Сосновка / Бледау, Саранское / Лаукишкен и др. Многие сохранившиеся объекты ждут внимания местных властей и реставраторов.

Лунино/Зандитген. Территория усадьбы. Остатки ограды. Фото автора. Июль 2016 г.

Парненен/Красный Яр. Усадебный дом. Из: (Bilder aus dem Kreis... 1989)

Красный Яр/Парненен. Усадебный дом. Фото автора. Июль 2016 г.

Изучение истории архитектуры Восточной Пруссии на территории Восточной Пруссии находится в стадии становления, оно нуждается в дальнейших исследованиях и осмыслении. Перед нами стоит вопрос — должны ли мы изучать историю исчезнувших на глазах наших современников здания или предать их полному забвению?

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бахтин 2005 — *Бахтин А.П.* Господские дома // Памятники истории и культуры. Калининградская область. Т. 2. М., 2005. С. 182–215.

Бахтин 2014 — *Бахтин А.П.* Ситуация с памятниками культурного наследия в Калининградской области // Слово.ру. Балтийский акцент: Сб. ст. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2014. № 1. С. 91–104.

Бахтин, Тарунов 2013 — *Бахтин А.П., Тарунов А.М.* Господские дома Восточной Пруссии // Каталог объектов культурного наследия Калининградской области. М., 2013. С. 80–89.

Белинцева 2002 — *Белинцева И.В.* После-словие. К проблеме «чужого» и «чу-

ждости» в современной архитектурной культуре // *Белинцева И.В.* Архитектурно-градостроительная культура городов Балтики (Гданьск, Калининград, Эльблонг). М., 2002. С. 134–138.

Белинцева 2007 — *Белинцева И.В.* Новая Синагога в Кенигсберге: к проблеме восстановления здания в современном Калининграде // Архитектурное наследие. М., 2007. Вып. 47. С. 243–252.

Белинцева 2010 — *Белинцева И.В.* Армянская церковь в Калининграде: исторические прототипы и новые тенденции // Армения–Россия: диалог в пространстве художественной культуры. Материалы международного симпозиума. 15–16 ноября 2010 г. Тезисы. М., 2010. С. 10–11.

Белинцева 2015 — *Белинцева И.В.* Проблема формирования центра города Калининграда в XX–XXI вв. // Современная архитектура мира: Сб. ст. / Под ред. Н. Коноваловой. Вып. 5. М., СПб.: Нестор-История, 2015. С. 239–260.

Белинцева 2016 — *Белинцева И.В.* Архитектурный комплекс бывшей усадьбы Байнунен в Калининградской области: к проблеме восстановления // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 8. М.–СПб.: Коло, 2016. С. 123–134.

Бенвенист 1995 – *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов / Пер. с французского. М., 1995.

Вальденфельс 1995 – *Вальденфельс Б.* Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» // *Логос. Философско-литературный журнал.* 1995. № 6. С. 77–94.

Восточная Пруссия глазами... 2003 – Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Калининград, 2003.

Гость номера 2006 – Гость номера. Интервью с Олегом Копыловым // Калининградские дома. 2006. № 10 (23), ноябрь. С. 74–77.

Каталог объектов... 2013 – Каталог объектов культурного наследия Калининградской области. М., 2013.

Кенигсберг–Калининград 2006 – Кенигсберг–Калининград. Иллюстрированный энциклопедический справочник / Под. общ. ред. А.С. Пржездомского. Калининград, 2006.

Костяшов 2009 – *Костяшов Ю.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград, 2009.

Малнина 2009 – *Малнина Т.Г.* Рост и структурные изменения современных городов: стратегии архитектурной реконструкции // *Города мира – мир города: Коллективная монография.* М., 2009. С. 48–67.

Материалы к биографиям... 1989 – Материалы к биографиям московских архитекторов – ветеранов труда. М., 1989. Вып. 5.

Материалы совещания... 1965 – Материалы совещания по проектированию центра города Калининграда. Калининградский Горисполком. Калининградское отделение Союза архитекторов. 6–9 сентября 1965 г. Калининград, 1965.

Навалихин 1954 – *Навалихин Д.К.* К вопросу архитектурной реконструкции

города Калининграда: Дис. ... канд. архитектуры. Калининград, 1954 // РГАЭ (ЦГАНХ). Ф. 293. Оп. 3. Д. 220.

Навалихин 1956 – *Навалихин Д.К.* К вопросу реконструкции центра города Калининграда: Дис. ... канд. архитектуры. Т. 1–3. Калининград, 1956 // РГАЭ (ЦГАНХ). Ф. 293. Оп. 1. Д. 221–222.

Овсянов б/д. – *Овсянов А.* Сан-Суси на востоке // http://www.klgd.ru/city/history/almanac/a9_31.php?print=Y (дата обращения 17.02.2015 г.).

Орехов 2016 – *Орехов И.* Прокуратура потребовала наказать виновных в разрушении исторической усадьбы // *Комсомольская правда.* [Калининград]. 2016. 09.07. С. 4.

Попадин, Васютин 2009 – *Попадин А., Васютин О.* Королевская гора в Калининграде: проекты и замыслы по ее застройке. Историко-аналитический обзор. Калининград, 2009. URL: http://www.archikld.ru/publications_3_41 (дата обращения 28.04.2012).

Программа семинара 1994 – Программа международного научно-практического семинара «Проблемы ревитализации историко-архитектурной среды города Калининграда (Кенигсберга)». 22–27 августа 1994 г. Калининград, 1994.

Слова А.В. Целовальниковой... 2003 – Слова А.В. Целовальниковой, приехавшей из Рязани // Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. Калининград, 2003.

Тарунов 2012 – *Тарунов А.М.* Памятники эпохи позднего романтизма в архитектуре Восточной Пруссии // *Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта.* Калининград, 2012. Вып. 6. С. 122–129.

Хайт 1986 – *Хайт В.Л.* Бразилиа // *Хайт В.Л. Оскар Нимейер.* М.: Стройиздат, 1986. С. 68–127.

Шукуров 1999 – *Шукуров Р.М.* Введение, или Предварительные замечания

о чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 9–30.

Als Russe in Ostpreussen 1999 – Als Russe in Ostpreussen. Sowjetische Umsiedler über ihren Neubeginn in Königsberg/Kaliningrad nach 1945. Ostfilder, 1999.

Brodersen 2007 – Brodersen P. Utopia Kaliningrad. Aneignungsstrategie und Repräsentationen in einer sowjetischen Stadt. 1945–1968 // M. Heike, M. Weber (Hrsg.). Durst nach Erkenntnis... Forschungen zur Kultur und Geschichte der Deutschen im Östlichen Europa. München, 2007. S. 139–149.

Hecht 1930 – Hecht M. Führer durch Beynuppen. Die Kunstschöpfung Fritz

von Farenheids. Vierte vermehrte Auflage. Königsberg: im Selbstverlag, 1930.

Jackiewicz-Garniec, Garniec 1999 – Jackiewicz-Garniec M., Garniec M. Palace i dwory dawnych Prus Wschodnich. Dobra utracone czy ocalone. Olsztyn, 1999.

Kilariski 1946 – Kilariski J. Gdańsk – miasto nasze. Gdańsk, 1946.

Lorck 1953 – Lorck C. von. Ostpreußische Gutshäuser. Bauform und Kulturgehalt. Mit einem beschreibenden Verzeichnis der Gutshäuser. 138 Bilder und 20 Textskizzen. Kitzingen/Main: Holzner-Verlag, 1953.

Podehl 2012 – Podehl M. Architektura Kaliningrada. Wie aus Königsberg Kaliningrad wurde. Marburg: Verlag Herder-Institut, 2012.

I.V. Belintseva. Architecture of East Prussia in Kaliningrad region: problems of comprehension and retention

Key words: the problem of “One’s own or Otherness”, Kaliningrad region, architectural heritage, markers of identity, D. Navalikhin, The Royal castle, the estates of East Prussia.

The architecture of the Kaliningrad region should be considered in the aspect of overcoming perceptions of Otherness of the preserved architectural German heritage, which is being reinvented as One’s own. To the standard four aspects of alienation (ethnolinguistic ethico-religious; household technological; spatial-geographic) author added a fifth component: visual artistic, associated with visual perception and architectural urban forms. Architecture is the material and physically articulated bearer of historical memory, a visible marker of cultural identity. An example of an ambiguous and contradictory relationship to the heritage of German architecture is the content of two variants of the PhD thesis (1954 and 1956) by the chief architect of Kaliningrad in the postwar years, D. Navalikhin. One of the urgent problems of modern the history of architecture is the question of research and conservation the estate heritage. The most significant master’s houses survived the hostilities of the Second world war and were lost in the postwar years.

REFERENCES

Als Russe in Ostpreussen. Sowjetische Umsiedler über ihren Neubeginn in Königsberg/Kaliningrad nach 1945. Ostfilder, 1999.

Bakhtin A.P. Gospodskie doma. *Pamiatniki istorii i kul’tury. Kaliningradskaja oblast’*. T. 2. Moscow, 2005. P. 182–215.

Bakhtin A.P. Situatsiia s pamiatnikami kul’turnogo naslediiia v Kaliningradskoi obla-

- sti. *Slovo.ru. Baltiiskii aktsent*: Sb. st. Kalinigrad: BFU I. Kanta, 2014. N 1. P. 91–104.
- Bakhtin A.P., Tarunov A.M. *Gospodskie doma Vostochnoi Prussii. Katalog ob"ektov kul'turnogo naslediiia Kaliningradskoi oblasti*. Moscow, 2013. P. 80–89.
- Belintseva I.V. Posleslovie. K probleme "chuzhogo" i "chuzhdosti" v sovremennoi arkhitekturnoi kul'ture. Belintseva I.V. *Arkhiturno-gradostroitel'naia kul'tura gorodov Baltiki (Gdan'sk, Kaliningrad, El'blong)*. Moscow, 2002. P. 134–138.
- Belintseva I.V. *Novaia Sinagoga v Kenigsberge: k probleme vosstanovleniia zdaniia v sovremennom Kaliningrade. Arkhiturnoe nasledstvo*. Moscow, 2007. Vol. 47. P. 243–252.
- Belintseva I.V. *Armianskaia tserkov' v Kaliningrade: istoricheskie prototipy i novye tendentsii. Armeniia–Rossiia: dialog v prostranstve khudozhestvennoi kul'tury. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. 15–16 noiabria 2010 g. Tezisy. Moscow, 2010. P. 10–11.
- Belintseva I.V. *Arkhiturnyi kompleks byvshei usad'by Bainunen v Kaliningradskoi oblasti: k probleme vosstanovleniia. Restavratsiia i issledovaniia pamiatnikov kul'tury*. Vol. 8. Moscow – Saint Petersburg: Kolo, 2016. P. 123–134.
- Belintseva I.V. *Problema formirovaniia tsentra goroda Kaliningrada v XX–XXI vv. Sovremennaia arkhitektura mira*: Sb. st. Ed. N. Konovalova. In press.
- Benveniste E. *Slovar' indoevropeiskikh sotsial'nykh terminov*. Moscow, 1995.
- Brodersen P. *Utopia Kaliningrad. Aneignungsstrategie und Repräsentationen in einer sowjetischen Stadt. 1945–1968* // M. Heike, M. Weber (Hrsg.). *Durst nach Erkenntnis... Forschungen zur Kultur und Geschichte der Deutschen im Östlichen Europa*. München, 2007. S. 139–149.
- Gost' nomera. Interv'iu s Olegom Kopylovym. *Kaliningradskie doma*. 2006. N 10 (23), noiabr'. P. 74–77.
- Hecht M. *Führer durch Beynahren. Die Kunstschöpfung Fritz von Farenheids*. Vierte vermehrte Auflage. Königsberg: im Selbstverlag, 1930.
- Jackiewicz-Garniec M., Garniec M. *Palace i dwory dawnych Prus Wschodnich. Dobra utraco-ne czy ocalone*. Olsztyn, 1999.
- Katalog ob"ektov kul'turnogo naslediiia Kaliningradskoi oblasti*. Moscow, 2013.
- Kenigsberg–Kaliningrad. *Illustrirovannyi entsiklopedicheskii spravochnik*. Ed. A.S. Przheddomskogo. Kaliningrad, 2006.
- Khait V.L. *Brazilia. Khait V.L. Oskar Nimeier*. Moscow: Stroiizdat, 1986. P. 68–127.
- Kilarski J. *Gdan'sk – miasto nasze*. Gdańsk, 1946.
- Kostiashev Iu. *Sekretnaia istoriia Kaliningradskoi oblasti. Ocherki 1945–1956 gg*. Kaliningrad, 2009.
- Lorck C. von. *Ostproußische Gutshäuser. Bauform und Kulturgehalt. Mit einem beschreibenden Verzeichnis der Gutshäuser. 138 Bilder und 20 Textskizzen*. Kitzingen/Main: Holzner-Verlag, 1953.
- Malinina T.G. *Rost i strukturnye izmeneniia sovremennykh gorodov: strategii arkhitekturnoi rekonstruktsii. Goroda mira – mir goroda: Kollektivnaia monografiia*. Moscow, 2009. S. 48–67.
- Materialy k biografiiam moskovskikh arkhitekto-rov – veteranov truda*. Moscow, 1989. Vol. 5.
- Materialy soveschaniia po proektirovaniu tsentra goroda Kaliningrada. Kaliningradskii Gorispolkom*. Kaliningradskoe otdelenie Soiuza arkhitekto-rov. 6–9 sentiabria 1965 g. Kaliningrad, 1965.
- Navalikhin D.K. *K voprosu arkhitekturnoi rekonstruktsii goroda Kaliningrada*: Dis. ... kand. arkhitekturnoi nauki. Kaliningrad, 1954. RGAE (TsGANKh). F. 293. Op. 3. D. 220.
- Navalikhin D.K. *K voprosu rekonstruktsii tsentra goroda Kaliningrada*: Dis. ... kand. arkhitekturnoi nauki. Kaliningrad, 1956. RGAE (TsGANKh). F. 293. Op. 1. D. 221–222.
- Ovsianov A. *San-Susi na vostoche*. http://www.klgd.ru/city/history/almanac/a9_31.php?print=Y (date of access 17.02.2015).

Orekhov I. Prokuratura potrebovala nakazat' vinovnykh v razrushenii istoricheskoi usad'by // Komsomol'skaia pravda. [Kaliningrad]. 2016. 09.07. S. 4.

Podehl M. *Architektura Kaliningrada. Wie aus Königsberg Kaliningrad wurde*. Marburg: Verlag Herder-Institut, 2012.

Popadin A., Vasiutin O. *Korolevskaia gora v Kaliningrade: proekty i zamysly po ee zastroyke. Istoriko-analiticheskii obzor*. Kaliningrad, 2009. URL: http://www.archikld.ru/publications_3_41 (date of access 28.04.2012).

Programma mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara "Problemy revitalizatsii istoriko-arkhitekturnoi sredy goroda Kaliningrada (Kenigsberga)". 22–27 avgusta 1994 g. Kaliningrad, 1994.

Shukurov R.M. *Vvedenie, ili Predvaritel'nye zamechaniia o chuzhdosti v istorii. Chuzhoe:*

opyty preodoleniia. Ocherki iz istorii kul'tury Sredizemnomor'ia. Moscow, 1999. P. 9–30.

Slova A.V. Tseloval'nikovoi, priekhavshei iz Riazani. *Vostochnaia Prussiiia glazami sovetskikh pereselentsev. Pervye gody Kaliningradskoi oblasti v vospominaniiax i dokumentakh*. Kaliningrad, 2003.

Tarunov A.M. Pamiatniki epokhi pozdnego romantizma v arkhitekture Vostochnoi Prussii. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta*. Kaliningrad, 2012. Vol. 6. P. 122–129.

Vostochnaia Prussiiia glazami sovetskikh pereselentsev. Pervye gody Kaliningradskoi oblasti v vospominaniiax i dokumentakh. Kaliningrad, 2003.

Waldenfels B. Svoia kul'tura i chuzhaia kul'tura. Paradoks nauki o "Chuzhom". *Logos. Filosofsko-literaturnyi zhurnal*. 1995. N 6. P. 77–94.

В.В. Дамье

ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1936 г.: АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПРОТИВ МИФОВ ИСТОРИКОВ

Ключевые слова: анархо-синдикалисты, архивы, Испания, гражданская война, исторические мифы, НКТ.

Предельная политизация способствовала возникновению множества мифов о гражданской войне в Испании 1936–1939, которые до сих пор повторяются многими историками. Особенно живучи мифы об испанских анархистах и их роли в революции и войне. Архивные документы позволяют опровергнуть неверные оценки и показывают, что многие обстоятельства выглядели совершенно иначе, а события происходили совсем не так, как принято утверждать. Так, например, они свидетельствуют о том, что в июле 1936 г. анархо-синдикалисты Каталонии отнюдь не отказались от социальной революции и провозглашения «либертарного коммунизма», но приняли решение отложить эти меры до взятия Сарагосы анархистскими «милициями». Протоколы пленумов, конференций и регионального каталонского конгресса НКТ (февраль–март 1937 г.) из архивов НКТ и ФАИ в Амстердаме опровергают миф, согласно которому большинство членов НКТ и ФАИ поддерживало курс на «антифашистское единство», и против этого возражала лишь небольшая кучка «радикалов». Напротив, происходило непрерывное нарастание радикальных настроений в синдикатах НКТ. Документы показывают, что в действительности «антифашистский фронт» воспринимался как противоестественный как анархо-синдикалистскими массами, так и руководством коммунистов и республиканцев.

Хотя со времени начала Испанской революции прошло уже 80 лет, и за это время, казалось бы, страсти должны были в значительной мере утихнуть, уступив место более

спокойному и взвешенному анализу тех давних событий, временами не покидает ощущение, будто война в Испании происходила только вчера. По крайней мере, если судить по тем спорам, которые ведутся вокруг этой темы в научных

и околонаучных кругах в самой Испании или, скажем, в России. Конечно же, это нельзя считать случайным. В социальном отношении Испанская революция была одной из самых глубоких в XX столетии, пусть даже она и потерпела сокрушительное поражение. Однако слишком многие общественно-политические течения и сторонники самых различных взглядов до сих пор в той или иной степени воспринимают историю гражданской войны в Испании как подтверждение собственных социальных воззрений и концепций.

Неудивительно, что такая предельная политизация способствовала возникновению множества мифов об испанской гражданской войне, которые были подхвачены, растиражированы и до сих пор повторяются многими историками. Особенно не повезло в этом отношении «проигравшим истории» — испанскому анархо-синдикалистскому движению. За него почти некому заступиться, если не считать самих его активистов да всего нескольких профессиональных историков, которых можно почти что пересчитать по пальцам. Между тем мифы об испанских анархистах и их роли в революции и войне весьма распространены и живучи. Они простираются от обвинений в радикальном авантюризме, насилии, массовых репрессиях, принудительной коллективизации, заговорах и подрыве «антифашистского фронта» до, напротив, утверждений, будто анархизм в Испании доказал несостоятельность своих идей и чуть ли не предал революцию.

В небольшом сообщении нет места для разбора всех этих и подобных им мифов и ложных представлений. К сожалению, историки нередко предпочитают следовать устоявшимся представлениям или чересчур безоговорочно верить мемуарам (одни из которых могут быть сомнительными, а к другим, как, например, к воспоминаниям Гарсиа Оливера, следует относиться осторожно-критически). И это вместо того, чтобы обратиться к архивным документам, которые позволяют с легкостью опровергнуть неверные оценки и показывают нам, что многие обстоятельства выглядели совершенно иначе, а события происходили совсем не так, как это принято утверждать.

Я остановлюсь всего на двух проблемах в истории Испанской революции и гражданской войны и попытаюсь показать, как обращение к архивным источникам может существенно изменить наши представления.

Первая тема: какое именно решение было принято испанскими анархо-синдикалистами после подавления военного мятежа в Барселоне 19–20 июля 1936 г.? Практически все без исключения историки утверждают, что в ходе ряда конференций и встреч барселонского и каталонского актива Национальной конфедерации труда (НКТ) и Иберийской анархистской федерации (ФАИ) было почти единодушно решено отказаться от провозглашения либертарного коммунизма и, таким образом, от выполнения решений Сарагосского конгресса НКТ в мае 1936 г. в пользу прочного сотрудничества

с другими так называемыми «антифашистскими силами». Правда, историки расходятся в датах этих совещаний, и не вполне понятно, что именно говорилось на каждом из них. Тем не менее исследователи сходятся во мнении, будто большинство анархо-синдикалистов и анархистов одобрили отказ от провозглашения либертарного коммунизма, т. е. от совершения собственно анархистской социальной революции, хотя, например, ряд очевидцев и участников событий (к примеру Абель Пас или Либерто Кальехас) признавали, что позиция «рядовых» участников движения была иной.

Дело осложняется тем, что протоколы этих встреч до нас не дошли (хотя уже упоминавшийся Гарсиа Оливер утверждает в воспоминаниях, что таковые велись). Зато в архивах НКТ, хранящихся в амстердамском Институте социальной истории, находится весьма любопытный документ, проливающий совершенно иной свет на события. Это протокол расширенного заседания 29 июля Национального комитета НКТ — первого, на котором обсуждалась ситуация в масштабе страны после начала мятежа. В нем, в частности, говорится: «Делегат Каталонской региональной конфедерации описывает борьбу, поддержанную нашей организацией в Каталонии. Из этого сообщения делается вывод, что триумф был достигнут только и исключительно благодаря участию членов НКТ и ФАИ. В настоящее время и как следствие этого триумфа, именно они имеют гегемонию во всех порядках в Каталонии. В населенных пунктах товарищи упорядочивают жизнь во всех от-

ношениях... Далее он формулирует, что большинство членов, как кажется, настроено, вследствие преобладания Организации, идти к установлению Либертарного Коммунизма во всей Каталонии. Он заявляет, что если колонны товарищей, отправившихся в Сарагосу, возьмут этот город, меньшинство уже не будет иметь возможность, как было до сих пор, выносить вес основной массы Организации (т. е. противостоять основной массе членов. — В.Д.). Они, повторяет он, пойдут на установление нашего идеала, не считаясь с тем, в каких условиях находятся остальные региональные конфедерации» (Acta de la reunion... 1936).

Данный документ являет собой самое лучшее свидетельство того, как анархо-синдикалисты в действительности оценивали ситуацию, сложившуюся после Барселонской победы, и того, как они намеревались действовать. Из него следует не только то, что большинство каталонских анархо-синдикалистов выступали за немедленное провозглашение либертарного коммунизма, но и то, что июльские пленумы в Каталонии на самом деле вообще отнюдь не принимали решения об отказе от его провозглашения. Каталонская региональная организация НКТ решила лишь *отложить* этот шаг до освобождения Сарагосы анархистскими «милициями»! Иными словами, решено было пока ничего не решать. Выбор делался в надежде на то, что положение будет меняться к лучшему.

Однако тем самым НКТ и ФАИ сами себя загнали в ловушку. Поставив всё на один-единственный фактор

и связав будущее всей социальной революции с возможностью освободить один город (каким бы важным он ни был), анархо-синдикалисты вступили на путь, который, как вскоре выяснилось, лавинообразно вел к цугцвангу. Им предстояло испытать настоящие потрясение и растерянность, когда обнаружилось, что взять Сарагосу не удастся. Необходимо было срочно определять свой курс в новой, непредвиденной ситуации. Следовало решать, провозгласить ли все-таки либертарный коммунизм, пойдя на анархистскую революцию, несмотря на неудачу прежних планов, или превратить переходное решение об «антифашистском сотрудничестве» в постоянное до самого окончания войны.

Согласно еще одному мифу, большинство членов НКТ и ФАИ отныне поддерживало курс на «антифашистское единство», и против этого возражала лишь небольшая кучка радикалов. Но протоколы пленумов, конференций и регионального каталонского конгресса НКТ (февраль–март 1937 г.) из архивов НКТ и ФАИ в Амстердаме показывают иную картину. Влияние «радикальной позиции» постепенно нарастало в начале 1937 г., по мере того, как анархо-синдикалистов всё более явно загоняли в угол, урезая коллективизацию и разоружая трудящихся. На чрезвычайном региональном конгрессе каталонской НКТ делегаты с мест жаловались, что при принятии политически значимых решений с их синдикатами никто не консультируется. При голосовании за «радикальных» кандидатов сторонники прекращения уступок партнерам по «антифашиз-

му» и выхода из правительства подали более 40 % голосов (12a. Sesión del Congreso 1936–1938).

Делегаты от многих синдикатов в самых резких выражениях критиковали действия правительства Испанской республики, обвинив его в отказе выделять средства Каталонии и саботаже снабжения Арагонского фронта. Министров от НКТ упрекали за невыполнение решений организации. Так, представитель профсоюза свободных профессий заявил, что если Национальный комитет считает сотрудничество необходимым, то оно должно быть честным и искренним. До сих пор оно идет на пользу только ВСТ в ущерб НКТ, что наносит вред курсу революции, подчеркнул делегат профсоюза работников металлургии Барселоны. Он отметил, что министры от НКТ находятся под влиянием «марксистов», а каталонский региональный комитет Конфедерации выразил мнение, что анархо-синдикалистам не нужно представительство в центральном правительстве, а антифашистское сотрудничество должно быть прямым, без посредничества. Для рабочего класса триумф фашизма и марксизма приведет к одинаково губительным последствиям, заявил металлург, ссылаясь на пример России. В поддержку этой позиции выступили синдикаты железнодорожников Лериды, работников сферы распределения Барселоны, работников общественных служб Барселоны (оба последних также обвинили Национальный комитет НКТ в нарушении федералистских норм и недоведении информации до синдикатов), сапожников Ситжеса.

Строители Барселоны объявили, что если сотрудничество не будет честным, его следует прекратить. Представитель работников общественных служб Барселоны призвал к скорейшему проведению национального пленума НКТ, на котором министры должны будут отчитаться о своих действиях и будет принято решение о том, что делать дальше. Делегат профсоюза работников свободных профессий Барселоны отметил, что от образованных после 19 июля революционных органов отказались ради правительственных структур, потребовал отзыва министров от НКТ, если революции по-прежнему будут чиниться препятствия, и поставил вопрос так: «Мы должны спросить себя, находимся ли мы в состоянии революции. Если да, то необходимо перейти к созданию адекватных органов» (Acta de la octava 1936–1938).

Радикальное крыло движения призывало не откладывать революцию до победы, а одновременно вести войну и продолжать углублять революцию. О дальнейшей радикализации настроений анархо-синдикалистской массы свидетельствуют и опубликованные историком Агустином Гильямоном протоколы пленума анархистских групп Барселоны с участием представителей «Либертарной молодежи» и квартальных «комитетов защиты», который заседал 11 и 12 апреля. Он потребовал выхода анархистов из всех правительственных органов, заявил, что «всякая форма правительства реакционна по своей сущности и потому противоречит любой социальной революции» и потребовал созыва 1 мая в Вален-

сии полуостровного пленума ФАИ для выработки конкретных предложений и координации сил по осуществлению данных решений¹.

Стоит отметить, что и противники анархистов в «республиканском лагере» готовились к решающему столкновению. Российский историк Алексей Мастерков обнаружил в Российском государственном военном архиве (РГВА) донесение советского военного специалиста полковника Терёхина, который докладывал в Москву о том, что к началу мая 1937 г. республиканский генеральный штаб разместил бронетанковые войска в Валенсии и на пути к Барселоне, опираясь на якобы имевшиеся сведения «о подготовленном большом мятеже в районах Барселона–Валенсия и в промежуточных городах между ними»².

Все эти документы заставляют пересмотреть представления о якобы прочном «антифашистском фронте», который подрывался «радикалами». На самом деле подобный союз воспринимался как противоположенный как анархо-синдикалистскими массами, так и руководством коммунистов и республиканцев. В этом смысле майские события 1937 г. следует рассматривать не как «сбой», а как логический и неизбежный результат всё более нараставших противоречий между несовместимыми взглядами и позициями сил и течений, которые

¹ Материалы пленума см.: (Guillamón 2011: 181–207).

² РГВА. Ф. 35082. Оп. 1. Д. 73. Л. 162–160 (нумерация страниц обратная). Автор благодарит военного историка Алексея Мастеркова за предоставленную копию документа.

к этому времени уже вели между собой настоящую «гражданскую войну в гражданской войне», с тысячами убитых и раненых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

12a. Sesión del Congreso 1936–1938 – 12a. Sesión del Congreso regional de sindicatos de Cataluña. P. 4–5 // IISG (Amsterdam). CNT (España) Archives. Archivo de la Confederación Regional del Trabajo de Cataluña. 34A. Actas, dictámenes e informes. 1936–1938. N 2. Actas de congresos y plenos regionales. 1936–1938.

Acta de la octava 1936–1938 – Acta de la octava sesión del Congreso regional de sindicatos de Cataluña. P. 3–11 // IISG (Am-

sterdam). CNT (España) Archives. Archivo de la Confederación Regional del Trabajo de Cataluña. 34A. Actas, dictámenes e informes. 1936–1938. N 2. Actas de congresos y plenos regionales. 1936–1938.

Acta de la reunión 1936 – Acta de la reunión del Comité Nacional celebrada el día 29 de julio de 1936. P. 1 // Internationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis (IISG, Amsterdam). CNT (España) Archives. 79B. Actas y resoluciones, plenos y reuniones. 1936. N 1. Acta de la reunión del Comité Nacional. 29-7-1936.

Guillamón 2011 – *Guillamón A.* Los Comités de Defensa de la CNT en Barcelona (1933–1938). De los Cuadros de defensa a los Comités revolucionarios de barriada, las Partullas de control y las Milicias populares. Barcelona: Aldarull Edicions, 2011.

V.V. *Damier.* Spanish revolution 1936: archival documents against the myths of historians

Key words: Anarcho-syndicalists, archives, Civil War, CNT, historical myths, Spain.

An extreme politization has contributed to the emergence of a multitude of myths about the Spanish Civil War 1936–1939 which have been repeated by many historians up to our own times. The myths about Spanish anarchists and their role in the Revolution and in the Civil war are especially tenacious. The archival documents allow us to refute incorrect assessments and prove that many circumstances should be regarded quite differently, and that many events proceeded quite differently from what is claimed in the literature. So they implied that that the anarcho-syndicalists in Catalonia had not in fact taken a decision to refrain from Social Revolution and from proclaiming of “Libertarian Communism”, but decided only to postpone this step until the liberation of Zaragoza by the anarchist “militias”. The minutes of the plenums, conferences and the regional Catalan congress of the CNT (February – March 1937) from the archives of the CNT and FAI in Amsterdam refute the myth, that the majority of members of the CNT and FAI supported the course of “antifascist unity”, which was opposed by only a small clique of “radicals”. On the contrary, there was a constant increasing of the radical positions in the syndicates of the CNT. The documents show that in fact the “antifascist alliance” was perceived as unnatural both by the anarcho-syndicalist masses and by the leadership of Communists and Republicans.

REFERENCES

12a. Sesión del Congreso regional de sindicatos de Cataluña. P. 4–5. *IISG (Amsterdam).*

CNT (España) Archives. Archivo de la Confederación Regional del Trabajo de Cataluña. 34A. Actas, dictámenes e informes. 1936–1938. N 2.

Actas de congresos y plenos regionales. 1936–1938.

Acta de la octava sesión del Congreso regional de sindicatos de Cataluña. P. 3–11. *IISG (Amsterdam). CNT (España) Archives. Archivo de la Confederación Regional del Trabajo de Cataluña. 34A. Actas, dictámenes e informes. 1936–1938. N 2. Actas de congresos y plenos regionales. 1936–1938.*

Acta de la reunión del Comité Nacional celebrada el día 29 de julio de 1936. P. 1. *In-*

ternationaal Instituut voor Sociale Geschiedenis (IISG, Amsterdam). CNT (España) Archives. 79B. Actas y resoluciones, plenos y reuniones. 1936. N 1. Acta de la reunión del Comité Nacional. 29-7-1936.

Guillamón A. *Los Comités de Defensa de la CNT en Barcelona (1933–1938). De los Cuadros de defensa a los Comités revolucionarios de barriada, las Partullas de control y las Milicias populares.* Barcelona: Aldarull Edicions, 2011.

М.Н. Копица

УЧЕБНИКИ НА НОВЫЙ ЛАД: XVIII в. В ЗЕРКАЛЕ ФГОС

Захаров В.Н., Пчелов Е.В. История России. XVIII век. 8 класс. М.: Русское слово, 2015. 232 с.: ил., карт.

Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Курукин И.В., Токарева А.Я. История России. 8 класс, ч. 1 / Методический аппарат составлен А.В. Ивановым, под общ. ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 113 с.: ил., карт.; *Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Курукин И.В., Токарева А.Я.* История России. 8 класс, ч. 2 / Методический аппарат составлен А.В. Ивановым, под общ. ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 129 с.: ил., карт.

Андреев И.Л., Ляшенко Л.М. и др. История России: конец XVII — XVIII век. 8 класс. М.: Дрофа, 2016. 224 с.: ил., карт.

Новый федеральный государственный образовательный стандарт (далее — ФГОС), под который сделаны рассматриваемые линейки учебников, подразумевает смену образовательной цели: вместо передачи суммы знаний — развитие личности учащегося на основе освоения способов деятельности. Главное — не знания, а умение их добывать и ими пользоваться. В связи с этим на уроках предлагается не столько усвоить конкретные знания, как было раньше, сколько научить работать с текстами, схемами, рисунками, для того чтобы отбирать источники, искать информацию, отвечать на вопросы, аргументиро-

вать свою точку зрения, создавать собственные устные и письменные тексты.

Сразу следует признать, что, по моим ощущениям, все учебники требуют доработки, особенно если рассматривать их с позиции нового ФГОС. Слишком мало времени было у авторов и издателей для того, чтобы довести учебники до нужной кондиции. Но коллегам придется принять эту реальность.

Учебники для 8 класса получились разные.

Я глубоко убежден, что учебник может и должен стать частью учебной мотивации, школьники должны за-

© Копица М.Н., 2016.

хотеть его читать, посмотреть, показать родителям, сверстникам. Он должен им понравиться. К сожалению, у нас никто не думает об учебнике с позиции ученика. Посмотрим, чем новые «линейки» могут заинтересовать учителей.

Захаров В.Н., Пчелов Е.В. История России. XVIII век. 8 класс. М.: Русское слово, 2015

Хронологические рамки изучаемой эпохи: 1682–1801 гг. Во всех учебниках они одинаковые, именно этот период школьники изучают в 8 классе по новым ФГОС и Историко-культурному стандарту (далее – ИКС). Выбор вполне резонный, позволяющий увидеть предпосылки петровской модернизации и политическую борьбу, которая ей предшествовала. По содержанию учебник полностью соответствует новым ИКС: внутренняя, внешняя политика, народные движения, экономика, культура. Впечатляет объемом материалов по истории культуры – 9 параграфов. Периодизация, примененная в учебнике, – по царствованиям, не исключая и период дворцовых переворотов, который тоже разделен по царствованиям, включая самые недолгие. Имперская составляющая отечественной истории изложена взвешенно и аккуратно. Разделы Польши подробно и довольно тактично объясняются как внутренними проблемами Речи Посполитой, так и происками Австрии, Пруссии и России, однако специально отмечается тот факт, что Россия не получила ничего из собственно польских земель и вообще не была заинтересована

в разделах Польши. Многонациональному составу империи отводится особое внимание, как и государственной политике в отношении национальных окраин. Отдельный параграф посвящен освоению Новороссии. Упомянуты Башкирские восстания 1704–1711 и 1755–1756 гг. Уделено внимание административно-территориальному делению Эстляндии, Лифляндии и Украины. Достаточно ясно описаны причины, по которым имперское правительство ликвидировало привилегии этих территорий при Екатерине II. Народным восстаниям времен Петра I посвящен целый параграф. Восстание Пугачева обозначается как антикрепостническое, этого термина в тексте параграфа нет, но такое определение вытекает из самой логики изложения. Самозванство «Петра Федоровича» упоминается, но не акцентируется.

В учебнике четыре главы: *Петр I и его эпоха, Россия в эпоху дворцовых переворотов, Расцвет Российской империи, Русская культура, наука, общественная мысль после Петра I*, – разделенные на 32 параграфа. Каждый параграф занимает около 10 страниц, включая вопросы. По сути, это переработанный учебник Е. Пчелова для 7 класса, уже много лет использующийся в школах. Все темы иллюстрированы в основном аутентичными изображениями, относящимися к соответствующему периоду.

Вынести описание культуры в отдельную главу – удачное решение. Есть условия для «погружения» в проблематику, но параграфы по культуре написаны откровенно скудно. Тексты

напоминают энциклопедические статьи. Некоторое разнообразие вносят лишь рубрики «Дополнительный текст», но они встречаются довольно редко. На этом фоне выделяется параграф 28 «Общественная мысль второй половины XVIII века». Он написан занятно, проблематика публицистики описана доступным для детей языком, практически каждый тезис объясняется.

Методическое обеспечение учебника осталось в основном традиционным, т. е. направленным на воспроизводство готовых знаний. В этом не было бы ничего плохого, если бы не декларированные новыми ФГОС принципы развивающего обучения. Традиционные для нашей школы таблицы, направленные на систематизацию знаний, полученных в ходе чтения параграфа, имеют очень низкий КПД, они воспринимаются школьниками как скучные и бесполезные. Качество выполнения этих заданий — соответствующее. Например, после темы, посвященной петровским преобразованиям, школьникам предлагается заполнить таблицу «Преобразования Петра Первого», систематизировав материал по графам «Государственное управление», «Армия и военное дело», «Сословная политика» и т. п. Таблицы в заданиях по теме история культуры способны запросто уничтожить мотивацию учащихся и аннулировать работу даже самого компетентного учителя. В то же время систематизирующая таблица в параграфе 30–31 по теме «Русская художественная культура XVIII в. Архитектура. Скульптура. Живопись», посвященная архитектуре, предполагает, что восьмиклассники

способны выписать и сформулировать основные художественные идеи, принципы, типичные архитектурные формы, элементы, привести примеры известных памятников. Текст параграфа не дает возможности для выполнения задания такого уровня в полной мере. Это помимо того, что такие задания для 14–15-летних подростков в большинстве случаев неподъемны.

Задания со звездочкой (*) напоминают задания для проектов: «Составьте исторический портрет...», «Дайте оценку...», «Объясните...», «Рассмотрите проблему...» и т. п.

Например, задание после параграфа 19 «Восстание Пугачева»: Рассмотрите проблему. Каким остался образ Е.И. Пугачева в народной памяти? Каким его представил А.С. Пушкин в повести «Капитанская дочка»?

Задание это следует признать неудачным: во-первых, Е.И. Пугачев не оставил заметного следа в исторической памяти народа. Во-вторых, даже если его переформулировать и спросить, почему Е.И. Пугачев не оставил о себе исторической памяти в отличие от С. Разина, то вряд ли можно будет получить от школьника адекватный ответ: слишком уж сложен вопрос. А вот вторая часть задания гораздо лучше: «Капитанская дочка» изучается как раз в 8 классе и есть все условия для межпредметных связей и даже межпредметного проекта.

Задания перед параграфом — скорее направляющие, чем проблемные. Проблемное задание предполагает

вопрос, который нужно решить, либо разрешить противоречие, понять причины и т. п.

Пример формулировки проблемного задания всё в том же параграфе 19: «Каким было одно из самых масштабных социальных выступлений в российской истории? Почему некоторые историки называли его крестьянской войной?»

Вторая часть — вполне полезная и соответствует требованиям проблемного задания, а первая часть только запутывает. В самом деле, что должен школьник ответить на вопрос «Каким было самое масштабное социальное выступление?»: Антикрепостническим? Бессмысленным и беспощадным? Жестоким?

В учебнике присутствуют иллюстрации и задания к ним. Качество этих заданий, как и самих иллюстраций, разное. В параграфах, посвященных культуре, иллюстрации в основном вполне годные. Аутентичные времена портреты исторических деятелей, фотографии архитектурных сооружений, картины на сюжеты истории и т. п.

В учебнике есть схемы, что следует отметить как достоинство. Выполнены они вполне традиционно и касаются государственного устройства, органов власти, экономических структур. Карты довольно крупные, снабжены заданиями. Разноуровневой вариативности в заданиях почти нет, они рассчитаны на «крепких середняков». Полагаю, это и будет привлекать учителей.

Рубрика «История в лицах» показала мне удачной: сдержанные, но при этом достаточно развернутые очерки позволяют составить первое впечатление о личности. Возьмем для примера очерк о А.В. Суворове в параграфе 20 «Русско-турецкие войны второй половины XVIII века». Текст объемом примерно в 250 слов дает вполне приличное и не лишнее количество информации для школьника — представление о великом полководце. Скорее хрестоматийное, чем энциклопедическое. То же касается, например, очерка о Е. Дашковой в параграфе 26 «Российская наука в XVIII веке». А вот тексты о Никите Панине и Александре Безбородко в параграфе 21 «Разделы Речи Посполитой и внешняя политика России в конце XVIII века» примерно в три раза короче. Остается непонятным, чем руководствовались авторы при определении объема текстов рубрики.

Откровенно слабое место учебника — разделы с отрывками из источников и «Суждения и оценки». Не делается разницы между современником и потомком, историком, писателем или публицистом. Вместо авторского текста или подборки текстов нам предлагается изложение. Как, например, в параграфе 4 «Преобразования Петра I». В текстах рубрики в некоторых случаях указываются имена конкретных людей, а в некоторых используются обороты: «сейчас ученые признают...» или «по мнению историков...». Прямые цитаты используются изредка и, как правило, имеют очень малый объем, максимум две или три строчки.

Тексты источников в рубрике «Изучаем источник» чрезвычайно урезаны, зачастую состоят из нескольких строк и в таком виде теряют смысл. Слишком короткие отрывки, возможно, удобны для работы на уроке, чтобы проиллюстрировать тезис или суждение, но совершенно не годятся для анализа. В некоторых случаях выдержки из источников и задания к ним вполне приемлемые, хотя и полностью заимствованы из учебников Е. Пчелова издательства «Русское слово» предыдущих изданий.

Этот учебник придется по вкусу в меру склонным к рефлексии и консервативным в методическом плане учителям, которые ценят стабильность больше, чем порыв, и склонны к репродуктивным методическим приемам.

Арсентьев Н.М., Данилов А.А., Курочкин И.В., Токарева А.Я. История России. 8 класс, ч. 1, 2 / Методический аппарат составлен А.В. Ивановым, под общ. ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016

Содержательное наполнение вполне стандартное (т. е. полностью соответствующее ИКС): внутренняя политика, внешняя политика, социальная структура, культура. Изложение периода структурировано по царствованиям, исключение — только период дворцовых переворотов: он объединен в один раздел. Имперский аспект истории представлен в учебнике очень широко: есть тема, посвященная национальной и религиозной политике, отдельный параграф освещает нача-

ло освоения Новороссии и Крыма. Сделан акцент на прогрессивном характере присоединения этих территорий. Отмечается, что национальная и религиозная политика Петра I носила прагматический характер и была подчинена интересам государства. Подчеркивается религиозная и этническая терпимость, присущая Екатерине. Упомянуты акты Петра III и Екатерины II, отменяющие дискриминацию старообрядцев. Обозначена «черта оседлости», но обращается внимание на предоставленную всем иноверцам свободу вероисповедания. Разделы Польши включены в один пункт. Акцентируется тот факт, что Екатерина II пошла на разделы неохотно. Восстание Пугачева трактуется как «антифеодальное». Башкирское восстание упомянуто вскользь, как составная часть пугачевского, однако не оставлено без внимания наступление на башкирские вольности после восстания. Самозванство Е.И. Пугачева упомянуто в контексте других самозванцев, есть специальное задание, посвященное этому феномену. Разделы по истории культуры по сравнению с другими разделами сделаны слабо. Темы почти полностью вынесены на самостоятельное изучение. Тексты, посвященные культуре, в основном содержат перечни имен, памятников. Не совсем понятно: учащимся предлагается принять их к сведению или выучить наизусть? Оба варианта неудовлетворительны. На весь текст «Живопись и скульптура» во 2-й части учебника ровно три иллюстрации. Ситуацию, по идее, должны исправить задания для самостоятельной работы и проектной деятельности.

Но они могут это сделать далеко не всегда. Особенно в тех случаях, когда задание отсылает к тексту или иллюстрациям.

Учебник разделен на два тома, первый заканчивается дворцовыми переворотами и состоит из 16 параграфов и одного текста для самостоятельной работы. Второй — из 10 параграфов и 8 текстов для самостоятельной работы. Решение с двумя томами крайне неудачное, так как материал распределен неравномерно, словари персоналий и терминов находятся во втором томе, это помимо того, что возрастает стоимость учебников. К тому же, в учебнике большие, но никак не задействованные поля.

В учебнике 26 параграфов и 9 текстов для самостоятельной работы, разделенные на 5 глав: *Россия в эпоху преобразований Петра I, Россия при наследниках Петра I, Эпоха дворцовых переворотов, Российская империя при Екатерине II, Российская империя при Павле I, Культурное пространство Российской империи*. Последняя глава почти целиком состоит из текстов для самостоятельного изучения, но остается непонятным, чем эти тексты отличаются от параграфов. Структура и оформление абсолютно идентичны.

Обилие пунктов в некоторых параграфах учебника кажется совершенно ненужным. Структура параграфа, перегруженного пунктами, совершенно неэффективна, она создает эффект помех, информационной ряби и раздражает вместо того, чтобы разъяснять. Это портит впечатление, тем более обидно, что

качество текстов в целом выше, чем у учебника издательства «Русское слово». Иллюстрации мелкие и не сопровождаются заданиями, в некоторых случаях они никак не атрибутированы.

Методическая часть оставляет ощущение незавершенности: как будто остановились посреди дороги между традиционными заданиями, направленными на воспроизведение готовых знаний, и заданиями, которые направлены на формирование интеллектуальных умений и навыков. Главная инновация — это темы для проектной деятельности. Следует признать, что в основном тематика проектной деятельности сформулирована интересно. Это одна из нескольких удач авторского коллектива. Например, в параграфе 6 «Экономическая политика Петра I» учащимся предлагается сравнить экономическое развитие России с развитием европейских стран этого периода, подготовить слайд-экскурсию по каналам, построенным в эпоху Петра, оценить достоверность легенды о том, что Н. Демидов чеканил монеты в подвале Невьянской башни и т. п.

Из методических рубрик следует отметить «Историки спорят». Из нее школьник действительно может почерпнуть нечто полезное. Приводятся две и более точки зрения, которые можно сопоставить и аргументировать. Но и здесь есть за что поcritиковать авторов.

В рубрике к параграфу 2 «Предпосылки петровских реформ» приведены два суждения — С.М. Соловьева из книги «История России

с древнейших времен» («Петр Великий явился не как нечто случайное...» и т. д.) и Н.А. Нарочницкой из книги «Россия и русские в мировой истории» («Почти все удачные начинания Петра имели начала в предыдущие царствования...»). Авторы вообще часто используют цитаты из текстов Н.А. Нарочницкой, а из крупных современных специалистов по XVIII в. два или три раза цитируются только А.Б. Каменский и Е.В. Анисимов. Но, во-первых, С.М. Соловьев и Н.А. Нарочницкая — это все-таки разные уровни. Во-вторых, сопоставлять тут нечего и спорить тут не о чем, в основе суждений один тезис — реформы Петра были обусловлены предыдущим периодом. Продуктивней было бы предложить противоречивые позиции. Иногда встречаются примеры недобросовестного подбора цитат, когда тезис приведен, но аргументы отсутствуют. В рубрике параграфа 22 «Внешняя политика Екатерины II» приведены суждения Н.А. Нарочницкой, А.Б. Каменского и Д. Ливена. Цитаты отечественных историков иллюстрируют содержание параграфа, а цитата из книги «Россия и ее враги с XVI века до наших дней» Доминика Ливена буквально состоит из шести (!) слов: «Россия не состоялась как великая держава...» Никаких аргументов Д. Ливена не приведено, фраза вырвана из контекста. Авторитетный и уважаемый историк превращается в мальчика для битья для российских восьмиклассников. Сходную роль играет и П.Н. Милюков с его выводом: «Ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы». На фоне апологетических суждений других

авторов, приведенных в рубрике, цитата П.Н. Милюкова смотрится инородным телом, что делает его позицию крайне уязвимой для критики, аргументы Милюкова не приводятся.

Не вполне ясными остаются правила цитирования: в одних случаях приводится название книги, откуда взято суждение, в других приводится только фамилия и инициалы автора.

Рубрика «Изучаем документ» прямо вредная, так как в помещаемых в нее текстах не делается различие между историческим источником и отрывком из труда историка. Все их авторы относят к «документам». У школьника может возникнуть ложное представление об исторических документах. Так, в параграфе 11 «Предпосылки петровских реформ» в качестве документа предлагается отрывок из статьи историка М.П. Погодина, и тут же в рубрике «Мнение историка» приводят цитату из книги «Русский стиль» Е.И. Кириченко. В общем, непонятно: почему цитаты историков в одном случае — документы, а в другом — мнения. В ряде случаев в разделе «Документы» одновременно размещаются отрывки из текстов историков и из источников.

Рубрика «История в лицах» в большинстве случаев бессмысленна, ибо содержит только несколько строк о личности. Информативной нагрузки, за редким исключением, почти не несет. Пытаясь выявить связи с курсом всеобщей истории, авторы добавили повсюду иностранных современников, но в тек-

сте параграфов это не получило отражения. Например, «История в лицах» к параграфу 2 «Предпосылки петровских реформ»: Ордину-Нащокину посвящено десять (!) слов, включая фамилию, имя и отчество. Иностранцем современником выбран Бенедикт Спиноза, которому досталось четырнадцать слов. Почему не поместить сюда Эммануэля Сведенборга, например? При такой короткой биографической справке никакой разницы не будет.

Я попытался представить типаж учителя, которого заинтересует этот учебник. У меня не получилось. Может быть, это преданный поклонник издательства «Просвещение»?

Андреев И.Л., Ляшенко Л.М. и др. История России: конец XVII — XVIII век. 8 класс. М.: Дрофа, 2016

Периодизация носит смешанный характер: часть параграфов озаглавлена по правителям, другие — по проблемам. Содержательное наполнение учебника включает все основные сквозные для школьной программы темы: внутренняя политика, внешняя политика, социальное устройство, культура, быт. Правлению Павла посвящен двоянный параграф. Вопросам культуры по сравнению с другими учебниками уделено мало внимания: всего три параграфа. Однако следует признать, что написаны они занимательно, богаты иллюстрациями, знакомят с основными направлениями культуры. Малый удельный вес параграфов по культуре до некоторой степени компенсирует-

ся темами для проектной работы, многие из них находятся на пересечении нескольких тем, в том числе и истории культуры. Все сюжеты, связанные с расширением границ, включением новых земель и народов, распределены по параграфам, посвященным соответствующим сюжетам.

Для осмысления Пугачевского восстания предлагается использовать маловразумительный термин «народная война». Термин этот присутствует в проблемном задании перед соответствующим параграфом. В самом тексте событие обозначено как народное восстание. Башкирские восстания упоминаются вскользь, как пример последствия колониальной политики. При этом в тексте присутствуют и упоминания о сжигании башкирских деревень и массовых казнях. По еврейскому вопросу авторы ограничились упоминанием черты оседлости, без комментариев и оценок. Разделы Польши описаны тактично, подчеркивается неблагоприятная роль России в ликвидации польского государства. При этом отмечается, что присоединение соответствовало интересам украинского и белорусского народов. Тексты параграфов в основном сдержанные, без эмоциональной перегрузки.

Учебник содержит три главы: *Рождение империи, Россия 1725–1762 гг., «Просвещенный абсолютизм»*, разделенные на 25 параграфов, треть из них — двоянные.

Из всех трех линий это — единственный по-настоящему новый учебник. В его методическом обеспечении

в основном воплощены принципы нового ФГОС. Разноуровневые задания, обилие вопросов, прекрасно продуманные темы для проектной деятельности. Учебник можно было бы назвать «методическим супермаркетом».

Не только каждый параграф, но и каждая глава начинается с проблемного вопроса, цитаты из труда историка, списка понятий и персоналий. Каждый параграф состоит из 10 страниц, включает 4–5 пунктов, после каждого из которых дается по 3 контрольных вопроса. Это типические репродуктивные задания вроде вопросов к третьему пункту параграфа 1: «1. Почему Азов стал центром внешней политики в первые годы правления Петра? 2. В чем причины неудачи первого Азовского похода? 3. Что было предпринято для удачного завершения Азовских походов?»

Вопросы и задания после параграфа имеют очень широкую вариативность как по уровню, так и по типологии: хронологические, картографические, концептуальные и т. д.

Вот пример методического оснащения начала параграфа: § 12. «Внешняя политика России в 1741–1762 годах». Проблемный вопрос: «Можно ли утверждать, что внешняя политика России во время правления Елизаветы Петровны была столь же масштабной, как и политика Петра I?» Ниже приводятся термин «коалиция» и персоналии – С.Ф. Апраксин, П.С. Салтыков. Никакой специальной рубрики для персоналий нет. Чтобы охарактеризовать их, придется поработать с текстом па-

раграфа. Биографические справки, как в других учебниках, отсутствуют. Под терминами и персоналиями – линия времени с датами (1741–1743, 1757–1762, 1759). Количество дат, персоналий и терминов меняется, в сдвоенных параграфах иногда доходит до 5–6 элементов в каждой части, но, как правило, не превышает 3–4 элементов. Для 8-го класса количество базовой информации (на уровне задачи запомнить) вполне приемлемое.

После параграфа задания продолжают линию, заданную проблемным вопросом: «Можно ли сравнивать по масштабам и значению Северную войну и русско-шведскую войну 1741–1743 гг.?», «Что изменилось во внешней политике Елизаветы Петровны по сравнению с предыдущим периодом?» и т. п. В темах, связанных с войной или внешней политикой, содержатся блоки заданий к картам. Задания предполагают как ориентирование по карте («Определите, где...»), так и аналитическую работу («Сравните основные направления...»). В целом, следует признать задания к картам удовлетворительными.

В конце параграфов предлагаются варианты ответов на проблемные вопросы. При аргументировании выбранного варианта происходит закрепление изученного на уроке.

Каждая глава тоже имеет подробное методическое оснащение, включающее в себя цитату из труда историка, характеризующую изучаемый период, и проблемный вопрос к главе. Для цитирования используются отрывки из текстов

В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, Е.Ф. Шмурло. Задания в начале и в конце главы взаимосвязаны, что позволяет использовать всю структуру заданий к главам на повторительно-обобщающих занятиях. Как несомненное достоинство следует отметить связь с курсом всеобщей истории, которая прослеживается в вопросах после каждой главы (обычно это вопросы на сравнение: «вспомните из курса всеобщей истории...» и «сравните с Российской империей в этот же период»).

В конце главы – три варианта ответов на проблемный вопрос. В предлагаемых ответах заметна некоторая искусственность. Несмотря на это дидактическую задачу они выполняют: школьникам дается представление о вариативности интерпретаций прошлого, и создаются условия для обобщения и повторения изученного.

Например: проблемный вопрос к главе I «Рождение Российской империи»: «Эпоха Петра I – это продолжение предшествующего периода или новый этап в развитии государства?»

Варианты ответов в конце главы:

«а) Петр I продолжил традиции своих предшественников, реформировал армию, административную систему и экономику. В своих преобразованиях он опирался на достижения предыдущего периода;

б) Действия Петра носили новаторский характер, он отбросил всё, что было сделано до него и начал проводить реформы “с нуля”. В итоге ему

удалось создать модернизированное государство;

в) Однозначно ответить на этот вопрос нельзя. Модернизируя государство, Петр I умело сочетал тенденции прошлого и новаторство. В результате, создав обновленную Россию, Петр сохранил традиции управления, культуры, экономики».

В учебнике есть рубрика «Работа с источником (мнение историка)». Рубрики снабжены заданиями в основном на анализ текста. В качестве источников предлагаются законодательные акты и проекты, письма современников. Мнения, как правило, современных авторов, чаще других используются тексты Н.И. Павленко. Объем и содержание текстов вполне соответствуют уровню предлагаемых заданий. Но рубрика имеется не в каждом параграфе.

Задания для проектной деятельности есть к каждой главе. Для примера 4–5 проектов вполне достаточно. В проекте многое зависит именно от названия, в целом они сделаны интересно: «Петр I – революционер на троне», «Роль гвардии в дворцовых переворотах», «Верховники и их роль в дворцовых переворотах», «Греческий проект Екатерины II», «Екатерина II и Петр I: традиции и новаторство». В каждом разделе предполагается проект по региональной истории.

К недостаткам учебника можно отнести иллюстрации – это в основном портреты. К ним отсутствуют задания, некоторые из них не полностью атрибутированы. Кроме того, иллюстрации и карты

мелковаты. Для карт и иллюстраций это серьезный недостаток.

Следует иметь в виду, что не на все вопросы после параграфов в учебнике есть ответы. Я не уверен, что это большая проблема в условиях современной информационной среды, но это нужно учитывать.

Кто идеальный учитель для такого учебника? Возможно — участник проекта «Учитель для России»?

Учебник «Просвещения» мне показался лучше учебника «Русского слова» в аспекте формирования умений и навыков, но «Русское слово» значительно лучше по содержательной базе и издательско-

му исполнению. Учебник «Дрофы» на голову выше методически, но по сравнению с другими учебниками мало внимания уделено истории культуры. Для учебника «Дрофы» нужны тренинги, где объяснялась бы методика работы с учебником и его методические возможности.

В качестве резюме: если собрать лучшие элементы учебников (методику и компоновку «Дрофы», тексты «Русского слова» и «Просвещения», некоторые удачные находки в заданиях для самостоятельной работы «Просвещения» и т. д.), как пазлы, получился бы идеальный учебник, но так не бывает. И коллегам предстоит выбирать. Если у них еще есть эта возможность.

А.С. Стыкалин

Рец.: Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы / Редколл.: С. Карнер, Е.И. Пивовар, Н.Г. Томилина, А.О. Чубарьян. М.: РОССПЭН, 2015. 952 с.

Прошло уже более четверти века со времени грандиозных геополитических изменений в Европе и мире – распада СССР и советской сферы влияния в Центральной и Юго-Восточной Европе (ЦЮВЕ), ухода в прошлое биполярной ялтинско-потсдамской системы международных отношений, возникшей по итогам Второй мировой войны и предопределявшей на протяжении нескольких послевоенных десятилетий расклад сил на мировой арене. Срок, пожалуй, достаточный для того, чтобы эпоха «бархатных» (а в случае с бывшей Югославией и Румынией и совсем не бархатных) революций и так называемой «смены систем» в европейских социалистических странах стала не только материалом для абстрактных политологических построений и предметом мемуарной литературы, но и темой первых серьезных исторических исследований, основанных на глубоком изучении первоисточников, в первую очередь архивных документов, еще недавно недоступных не только широкому читателю, но и узкому кругу специалистов. Необходимой

предпосылкой для того, чтобы историки могли приступить к более глубокому изучению той эпохи, является введение в научный оборот основного комплекса хранящихся в российских архивах документов, раскрывающих советскую политику в своей сфере влияния в последние годы существования СССР. Первым шагом на этом пути стала публикация в 2012–2013 гг. петербургским издательством «Алетейя» подготовленного в Институте славяноведения РАН двухтомника «Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века», второй том которого охватывает «эпоху Горбачева», период времени с весны 1985 по конец 1991 г. Наряду с опубликованными в конце 1980-х гг. в самих странах ЦЮВЕ материалами (программными документами новых политических партий и массовых общественных движений, публицистикой и т. д.) в тот сборник вошли и ценные архивные документы (прежде всего из архивов бывших социалистических стран), впервые ставшие достоянием отечественного читателя. Российские архивы были представлены в том проекте прежде всего материалами

архива Горбачев-фонда, но не государственным архивами, что, конечно, сужало документальную базу будущих исследований. Рецензируемый нами сборник, выполненный в РГАНИ квалифицированной командой историков и архивистов и сопровождаемый вступительной статьей М.Ю. Прозуменщикова, восполняет этот пробел, что открывает перед будущими исследователями заманчивые перспективы всестороннего глубокого анализа важнейших политических процессов, происходивших в последние годы существования СССР и мировой системы социализма. Научное значение этого проекта, позволяющего поставить изучение рассматриваемой эпохи на прочную документальную базу, таким образом, трудно переоценить.

Рецензируемый сборник отличается многообразием включенных в него источников — здесь и записи бесед М.С. Горбачева и членов партийно-государственного руководства СССР с восточноевропейскими политиками, в том числе лидерами партий и движений, сменивших коммунистов у руля управления бывшими социалистическими странами, здесь и постановления заседаний Политбюро ЦК КПСС, и дипломатические донесения о ситуации в отдельных странах, приходившие из советских посольств, а также информационные и аналитические письма, подготовленные для руководства страны в аппарате ЦК КПСС, Академии общественных наук при ЦК КПСС, академических учреждениях, прежде всего в Институте экономики мировой системы социализма АН СССР

(ИЭМСС). Экономическое и социальное положение в соответствующих странах, настроения политических элит, интеллектуалов и более широких масс, межпартийная борьба, эволюция внешней политики — все эти стороны общественной жизни нашли полное отражение на страницах сборника. По представленным материалам можно проследить всю динамику развития событий от монопольного пребывания у власти компартий, не допускавших никакой политической оппозиции, до возникновения и укрепления в каждой из стран плюралистических политических систем. Лишь очень небольшое количество из предложенных читателю документов публиковалось ранее (в многотомном собрании сочинений М.С. Горбачева, вышеупомянутом двухтомнике «Анатомия конфликтов», а также в академической журнальной периодике). Большинство же документов впервые вводится в научный оборот.

Структура, избранная составителями, представляется оптимальной. Первый раздел составляют документы общего характера, касающиеся всего социалистического лагеря и советской политики в отношении всей сферы влияния СССР. Далее следуют документы по отдельным странам.

Представленные документы дают исследователям богатейший материал для новых и новых размышлений о том, насколько неожиданными для руководства СССР были революционные события в соседнем регионе. Так, применительно к Чехословакии существовали,

видимо, определенные иллюзии, что руководство страны окажется способным осуществить тот необходимый поворот к обновлению, который позволил бы коммунистам удержать власть. В частности, у советской делегации на совещании по экономическим вопросам, состоявшемся в середине ноября 1989 г. (ее возглавлял член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Н.Н. Слюньков), сложилось впечатление, что руководство КПЧ «владеет положением и идет курсом осторожных реформ». Однако не прошло и недели, как в Праге началась «бархатная революция», которая в течение 10 дней смела всю прежнюю систему, настолько утратившую поддержку в обществе, что это в конкретных чехословацких условиях (в отличие от Румынии) удалось сделать довольно безболезненно, без единой капли крови. Надо сказать, что записки, подготовленные для ЦК КПСС специалистами-страноведами, как правило, давали куда более полную и объективную картину положения в соответствующих странах, нежели отчеты делегаций, выезжавших на краткие сроки на те или иные международные форумы. Так, в записке ИЭМСС, подготовленной осенью 1989 г., говорилось о том, что при нынешнем руководстве румынской компартии (во главе ее стоял, как известно, Чаушеску) едва ли можно ожидать сколько-нибудь существенных подвижек во внутренней политике, так как оно пытается изобразить свой курс в качестве «единственно верного варианта творческого применения научного социализма к румынским реалиям». Публикуемые записки в определенной мере раскрывают

роль экспертов ИЭМСС и других профильных научных учреждений в формировании того образа восточноевропейских событий в сознании представителей советского истеблишмента, который, несомненно, влиял на внешнюю политику СССР конца 1980-х гг. По ним можно проследить и за тем, как в советском стратегическом мышлении еще до «бархатных революций» начался процесс пересмотра доктрины «ограниченного суверенитета» (так называемой «доктрины Брежнев»), возникшей по свежим следам августовской военной акции ряда стран Организации Варшавского договора в Чехословакии в 1968 г. и призванной дать своего рода теоретическое обоснование праву СССР и его союзников на силовое вмешательство в той стране советского блока, где возникала угроза слишком сильного отхода от общей линии. Независимо от того, совершались ли в советской внешней политике горбачевской эпохи серьезные ошибки или нет, следует заметить, что в отличие от 1968 г., когда экспертам приходилось в большей мере подлаживаться под официальную точку зрения, в 1989 г., в более раскованной внутривластной обстановке, они давали более адекватную оценку происшедшего и делали более обоснованные прогнозы дальнейшего развития.

Документы рецензируемого сборника показывают, как происходила выработка новой тактики советского руководства в условиях, когда в восточноевропейских странах при широкой поддержке масс к власти пришли еще недавно оппозиционные общественные образования,

которым, как это хорошо понимали в Москве уже в 1990–1991 гг., предстояло определять в обозримой перспективе лицо региона. В ряде документов, например в записке от 26 марта 1990 г., нашли отражение огромные сложности, переживавшиеся бывшими правящими партиями при переходе к реальной многопартийности – партии государственного типа, привыкшие властвовать монопольно, не имея политических конкурентов, не смогли заранее выработать механизмы адаптации к новой ситуации. Материалы сборника дают представление и о мерах, принятых руководством КПСС по поддержанию связей с реорганизованными левыми партиями, оказавшимися в оппозиции.

Как явствует из документов, в Кремле и на Старой площади еще до начала кровавых событий в бывшей Югославии осознавалась угроза «балканизации» международных отношений не только в Юго-Восточной, но отчасти и в Центральной Европе, создания пояса нестабильности вдоль западных рубежей СССР. Не исключалось и выдвижение территориальных претензий к СССР на фоне резкого усиления центробежных тенденций в Советском Союзе (это особенно касалось позиции новой румынской элиты в отношении Молдавской ССР).

Публикуемые документы свидетельствуют о разногласиях в горбачевской «команде» по целому ряду принципиальных вопросов советской политики в отношении стран Восточной Европы. Например, по вопросу о том, насколько

следует форсировать вывод советских войск из Восточной Германии, Польши, Чехословакии и Венгрии. В одной из записок видим ссылку на внешнеполитическую практику США – американская дипломатия, как правило, делала вопрос о ликвидации своих военных баз за рубежом предметом более серьезного торга. Из документов можно получить представление о расхождении в окружении М.С. Горбачева (например между его влиятельным помощником А.С. Черняевым и зав. международным отделом ЦК В.М. Фалиным) в отношении советской тактики в вопросе о единой Германии. Читая документы, кстати говоря, снова и снова задумываешься, а не слишком ли легко согласился М.С. Горбачев на включение единой Германии в НАТО, вероятно, будучи уверенным, что в скором времени НАТО, как и Организация Варшавского договора, уйдет в прошлое, уступив место совершенно новой конфигурации общеевропейской системы безопасности. Как показали дальнейшие события, это было иллюзией. Причем тогдашний руководитель Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) М. Раковский, которого до 1985 г. было принято считать в Москве ревизионистом, не скрывал в беседе с советскими эмиссарами своего удивления по поводу этой необычайной легкости в подходе к одному из наиболее принципиальных вопросов не только общеевропейской, но и мировой политики. Еще более показательно мнение видного деятеля германской социал-демократии Э. Бара, который 21 июня 1990 г. в беседе с сотрудником международного отдела ЦК КПСС В.С. Ры-

киным «высказал обеспокоенность по поводу темпов и способа объединения двух германских государств». Торопливость федерального канцлера Г. Коля он объяснял естественным для лидера правящей партии стремлением в канун грядущих выборов компенсировать внешнеполитическими успехами невыполнение обещаний, данных германскому избирателю в области социальной политики. Иное дело М.С. Горбачев, проявляющий, по мнению Э. Бара, готовность идти на чрезмерные уступки по принципиальным вопросам. «Не думал я, — рассуждал далее Бар в беседе с советским парт-аппаратчиком, — что на склоне лет мне придется больше думать об интересах Советского Союза, чем это делают его представители». Без компромиссов, продолжал он, конечно, не обойтись, «однако Советский Союз ни за какие посулы не должен отказываться от статуса великой европейской державы, соглашаться на ущемление своих прав по сравнению с США» и их западноевропейскими союзниками. Односторонние уступки Москвы, превращающие Польшу, Чехословакию и Венгрию в «атлантическое предполье», лишь укрепят «влияние тех кругов в НАТО, которые отнюдь не горят желанием встать на путь общеевропейского сотрудничества и свертывания противостояния» (Конец эпохи 2015: 450). Вытеснив из Восточной Европы СССР, США вместе с тем оставят на неопределенный срок свои войска в Западной Европе, включая Западную (а теперь уже единую) Германию, ведь они продолжают вести себя как сверхдержава, не собираясь отказываться от взятых на себя ранее бло-

ковых обязательств. Голословные обещания считаться с интересами СССР, резюмировал Э. Бар, после подписания ключевых документов мало будут стоить.

В опубликованных документах нашли отражение объективные трудности с выводом советских войск из стран сферы влияния СССР (включая Восточную Германию). Советская сторона была поставлена перед очень жесткими условиями — передислокацию надо было осуществить в пожарном порядке с учетом того, что любые задержки с выводом советских войск становились источником антисоветских настроений.

Документы, включенные в сборник, дополняют новыми, подчас существенными штрихами известную по другим источникам картину исторических событий в каждой из стран Восточной Европы на исходе 1980-х гг., при переходе от коммунистических режимов к «посткоммунизму». Так, из документов польского раздела выясняется, какие прогнозы делались экспертами (как в СССР, так и на Западе) после прихода к власти летом 1989 г. в Польше первого некоммунистического правительства. Обращают на себя внимание предложения к руководству СССР установить более тесные и неформальные контакты с Л. Валенсой (вплоть до приглашения его на охоту).

Югославский раздел в сборнике — небольшой, но он позволяет проследить нарастание в федеративной Югославии центробежных тенденций, установить, в какой мере

в руководстве СССР ожидали столь драматического развития событий, приведших к распаду югославской федерации в начале 1990-х гг. Читатель получает представление о том, какие шаги предлагались внешнеполитическими экспертами руководству СССР в связи с нарастанием в Югославии сепаратистских тенденций. В некоторых записках обращалось внимание на сходство проблем, переживаемых двумя многонациональными федерациями — СССР и Югославией, предлагалось активнее использовать югославские уроки в поисках адекватных мер, в сложной ситуации 1991 г. направленных на сохранение СССР.

Болгарский раздел интересен не в последнюю очередь тем, что в документах, в нем представленных, раскрывается отношение официальной Москвы к волюнтаристским акциям коммунистических властей Болгарии по изменению этническими турками (гражданами Болгарии) турецких имен на болгарские, а затем и по переселению турок. Посольство СССР в НРБ также еще за долгие месяцы до революционных по содержанию событий конца 1989 г. пришло к выводу о проблематичности подлинного обновления при сохранении старого руководства. Из документов узнаем и о конфликтах конца 1980-х гг. между отдельными странами, не только о венгеро-румынском, спровоцированном ущемлением этнических венгров в Трансильвании, но и о гораздо менее известном у нас экологическом по своему характеру конфликте между Румынией и Болгарией в связи со строительством в придунайском румынском городе

Джурджу, связанном мостом с болгарским городом Русе, химзавода, загрязнявшего окружающую среду.

Будучи хорошо знаком с венгерской исторической литературой, автор этих строк, однако, нашел немало нового для себя в венгерском разделе. Документы, в нем представленные, раскрывают в частности степень остроты противоречий в руководстве Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) весной 1989 г. между консервативным первым секретарем К. Гросом (сменившим на этом посту Я. Кадара в мае 1988 г.) и сторонниками более радикальных реформ во главе с премьер-министром М. Неметом, а также поддержавшими его Р. Ньершем, Д. Хорном, И. Пожгаи и другими влиятельными фигурами в руководстве партии.

Как вытекает из документов, в конце лета 1989 г., за считанные недели до начавшегося обвала системы социализма, советское руководство столкнулось с прямым призывом к применению на практике «доктрины Брежнева». Парадоксальным образом он исходил от румынского лидера Н. Чаушеску. Политик радикально националистического толка, в августе 1968 г. под знаком защиты национальных ценностей решительно отмежевавшийся от силовой акции СССР и ряда его союзников по ОВД в отношении Чехословакии и заработавший на этом немалый внешнеполитический и внутриполитический капитал (растрчивавшийся более десятилетия), по иронии истории превращался теперь в «коммунистического интернационалиста».

В августе 1989 г. Чаушеску обратился к лидерам других европейских социалистических стран с призывом собраться и обсудить положение дел в Польше, создающее угрозу для судеб социализма не только в этой стране, но и за ее пределами¹. Как ЦК ПОРП, так и ЦК КПСС решительно не поддержали инициативы румынского лидера. В ответе ЦК КПСС румынскому руководству от 27 августа 1989 г. отмечалось: «Факт созыва такого форума был бы, несомненно, использован “Солидарностью” и другими оппозиционными кругами как повод представить ПОРП в качестве силы, выражающей не интересы страны, а интересы зарубежных партий и государств. Кроме того, сам ход политических событий в стране объективно лимитирует возможности наших совместных шагов, не вступающих в противоречие с суверенитетом ПНР»². Таким образом, союзник по военно-политическому блоку в ответ на свое прямое обращение получил из Москвы заверение в том, что «доктрина Брежнева» не является в новых условиях актуальной. 22 сентября Горбачев так комментировал позицию румынского лидера в беседе с генеральным секретарем французской компартии Ж. Марше: «Интересно: раньше тов. Чаушеску нажимал на независимость, самостоятельность, невмешательство. Как только возникли осложнения в Польше и Венгрии, он шлет телеграмму

за телеграммой: остановите идущие там процессы. Вот времена изменились! А какие принимать меры? Войска посылать?! Нет, мы за то, чтобы шел обмен мнениями, товарищеские дискуссии по всем вопросам — политическим, экономическим, идеологическим, обмен опытом. И это всё идет» (Горбачев 2010: 96). А 1 ноября, в беседе с новым руководителем СЕПГ Э. Кренцем, советский лидер был вынужден признать, что в первую очередь именно внешнеэкономические факторы и в частности растущая зависимость Польши и Венгрии от Запада и неспособность СССР конкурировать с западными экономиками теперь уже и на восточноевропейском поле, делают неэффективной любую попытку силового воздействия извне на происходящие процессы: «В Венгрии и Польше сейчас сложилось такое положение, что им, как говорится, деваться некуда, настолько они погрузились в финансовую зависимость от Запада. Сейчас кое-кто нас упрекает: куда, мол, смотрит Советский Союз, почему он позволяет Польше и Венгрии “уплывать” на Запад. Мы ведь не можем взять на содержание Польшу» (Горбачев 2010: 373).

С падением в последние месяцы 1989 г. в ряде стран Восточной Европы режимов, не заинтересованных в ревизии оценок прежней советской политики, новые силы, пришедшие к власти, ждали от Москвы официального пересмотра «доктрины Брежнева». После «бархатной революции» в Чехословакии обновленное руководство КПЧ и новое правительство ЧССР высказались за переоценку военной

¹ См. запись его беседы 19 августа с послом СССР Е.М. Тяжельниковым (Конец эпохи 2015: 823–825).

² Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 103. Д. 181. Л. 140–141. См. также: (Constantin 2005).

акции 5 стран-членов ОВД 21 августа 1968 г. Вслед за этим 5 декабря в «Правде» было опубликовано заявление советского правительства: «Мы разделяем точку зрения Президиума ЦК КПЧ и Правительства ЧССР о том, что вступление армий пяти социалистических стран в пределы Чехословакии в 1968 г. не было обоснованным, а решение о нем в свете известных теперь фактов было ошибочным». В тот же день было опубликовано совместное заявление руководителей всех стран ОВД, принявших в августе 1968 г. участие в интервенции. В нем также отмечалось, что ввод войск в Чехословакию явился вмешательством в ее внутренние дела и должен быть осужден³. Новая советская позиция, свидетельствующая об отказе от «доктрины Брежнева», прозвучала и с трибуны партийных форумов. На пленуме ЦК КПСС 9 декабря 1989 г. М.С. Горбачев говорил: «Мы твердо встали на путь товарищеских отношений, невмешательства в дела наших братских партий, тем более стран. И это — путь правильный. Это — один из главных уроков нашей предшествующей деятельности, нашей истории, взаимоотношений с социалистическими братскими странами»⁴. Любопытно, что через две недели, 24 декабря, вопрос о возможном применении Советским Союзом, теперь уже с одобрения США, «доктрины Брежнева»

³ См. в рецензируемом нами сборнике записку Э.А. Шеварднадзе и А.Н. Яковлева и постановление Политбюро ЦК КПСС от 4 декабря 1989 г. «О пересмотре оценки ввода советских войск в Чехословакию в августе 1968 г.» (Конец эпохи 2015: 693–694).

⁴ Цит. по стенограмме пленума: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 342. Л. 39–48.

в целях оказания помощи силам, выступившим в Румынии против Чаушеску, был в осторожной форме поднят послом США в СССР Дж. Мэтлоком в беседе с заместителем министра иностранных дел СССР И.П. Абоимовым. В своей записке, подготовленной по итогам беседы, советский функционер написал: «На этот зондаж американца дал ответ совершенно четкий и недвусмысленный, изложив нашу принципиальную позицию. Заявил, что такой сценарий нами не рассматривался даже теоретически. Мы против любого вмешательства во внутренние дела других государств и намерены твердо и неуклонно следовать этой позиции. Так что американская сторона может считать, что “доктрину Брежнева” мы подарили ей» (Анатомия конфликтов 2013: 554)⁵.

В заключение следует констатировать, что и научные комментарии к публикуемым документам в целом выполнены со знанием дела, с учетом новейшей российской литературы, что встречается далеко не всегда в документальных публикациях по новейшей истории. Недостаточно глубоким можно считать лишь «погружение» комментаторов в перипетии внутриполитической борьбы в отдельных странах Центральной и Юго-Восточной Европы — впрочем, для выполнения этой работы на более высоком уровне потребовалось бы привлечение квалифицированных

⁵ Иронический намек Абоимова на подаренную «доктрину Брежнева» связан с тем, что разговор происходил в дни американской военной акции по свержению режима генерала М. Норьеги в Панаме.

специалистов-страноведов. Не вызывает замечаний уровень проделанной археографической работы.

Рецензируемый сборник документов представляет несомненный интерес для российских и зарубежных историков, политических экспертов, равно как и для более широкого круга читателей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анатомия конфликтов 2013 — Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа: документы и материалы последней трети XX века. СПб., 2013. Т. II.

Горбачев 2010 — Горбачев М.С. Собрание сочинений. Т. 16: Сентябрь–ноябрь 1989. М., 2010.

Конец эпохи 2015 — Конец эпохи. СССР и революции в странах Восточной Европы в 1989–1991 гг. Документы. М., 2015.

Constantin 2005 — Constantin I. Aspecte privind relațiile româno-polone în perioada anilor '80 // *Dosarele Istoriei*. 2005. № 3–4.

REFERENCES

Anatomia conflictelor. Tsentral'naia i Iugo-Vostochnaia Evropa: dokumenty i materialy poslednei treti XX veka. Saint Petersburg, 2013. Vol. II.

Gorbachev M.S. *Sobranie sochinenii*. Vol. 16: Sentiabr'–noiabr' 1989. Moscow, 2010.

Konets epokhi. SSSR i revoliutsii v stranakh Vostochnoi Evropy v 1989–1991 gg. Dokumenty. Moscow, 2015.

Constantin I. Aspecte privind relațiile româno-polone în perioada anilor '80. *Dosarele Istoriei*. 2005. N 3–4.

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ Б.Н. МИРОНОВА «РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ: ОТ ТРАДИЦИИ К МОДЕРНУ»

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дм. Буланин, 2014–2015. 896+912+992 с., 383 табл., 539 ил.

28 апреля 2016 г. Санкт-Петербург, Дом ученых

ОТ РЕДАКТОРА

Характерной чертой современной исторической науки стала антропологизация истории. Историков всё больше интересуют такие вопросы, как уровень жизни, взаимоотношения социальных и национальных групп, массовое сознание, уровень социальной напряженности в обществе и т. д. Новая книга известного историка Б.Н. Миронова отражает эти историографические тенденции, дает глубокий анализ состояния российской государственности и русского общества в предреволюционный период. Во введении к своей капитальной монографии автор следующим образом подводит итоги развития императорской России: «Я по-прежнему оцениваю развитие страны во всех отношениях успешным, политику

правительства — прагматичной, достижения страны весьма значительными <...> вектор движения — как вестернизация и модернизация» (т. 1, с. 12), таким образом, успешное развитие страны «не давало объективных оснований для революций» (с. 11).

Новая книга известного исследователя вызвала интерес не только у историков, но и у экономистов, социологов, географов. Презентация нового издания 28 апреля 2016 г. в Доме ученых Санкт-Петербурга переросла в заинтересованную дискуссию. Редакция обратилась к ее участникам с просьбой поделиться своим мнением о новом издании, а к Борису Николаевичу Миронову — ознакомить читателей с основными выводами капитального издания. Мы публикуем полученные отклики.

© «Историческая экспертиза», 2016.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АВТОРА НА ПРЕЗЕНТАЦИИ КНИГИ

Обсуждаемая книга включает двенадцать глав, посвященных важнейшим проблемам истории Российской империи (колонизации, социальной структуре, демографии, семье, урбанизации, крепостному праву, общине, государству, обществу, праву, уровню жизни, русской культуре в коллективных представлениях), которые рассмотрены в сравнительно-исторической перспективе с остальной Европой. Тринадцатая глава обобщает наблюдения первых двенадцати и показывает, как в процессе модернизации страны всё изменялось в тесном взаимодействии между собой, ставит Россию в контекст европейского развития и демонстрирует, что в период империи происходила конвергенция России и Запада.

Не имея возможности рассмотреть всё содержание книги, я остановлюсь лишь на четырех проблемах — специфике российского государства, уровне жизни, человеческом капитале и исторической психологии, которые трактуются в книге по-новому и имеют принципиальное значение для моей концепции развития имперской России.

Специфика российского государства

В научной и популярной литературе, как и в массовом сознании, широко распространено мнение, что сильное государственное вмешательство во все сферы жизни служило главной помехой для успешного развития России, затрудняло проявление широкой общественной

инициативы в политических и социальных вопросах, препятствовало модернизации и вестернизации. Я приведу данные, которые показывают, что империя отнюдь не была сверхбюрократизирована. Напротив, она страдала от *недоуправления* вследствие дефицита административного ресурса, который приблизительно можно измерить числом чиновников, находившихся на государственной службе и связанных с управлением (их я буду также называть коронными чиновниками).

По числу коронных чиновников или по степени бюрократического присутствия в повседневной жизни населения Московскую Русь и имперскую Россию, по крайней мере до середины XIX в., можно отнести к минималистскому государству — так называют в политологии государство, которое в своей политике руководствуется принципом «пусть всё идет как идет» («laissez faire, laissez passer») — иными словами, государственное вмешательство в экономику и дела общества минимальны. Вот данные о числе коронных чиновников в 1646–1915 гг. за 269 лет (табл. 1).

Число чиновников за 269 лет увеличилось с 1,6 тыс. до 242 тыс.: в 1646 г. — насчитывалось всего лишь 1640 чиновников, при Петре I — 4550, в конце царствования Николая I — 122 тыс. — на 74 млн населения, проживавшего на территории в 20 млн км²!!! Как могла столь малочисленная бюрократия вмешиваться во все сферы повседневной жизни простых людей!?

Поскольку за эти годы территория страны увеличилась в 1,7 раза, а на-

Таблица 1

Численность чиновников (классных и канцеляристов) в Российской империи в 1646–1915 гг.

Годы	Чиновники			Чиновники, %		Население, млн чел.	Число чиновников на 1000 чел. населения		
	класс.	канц.	итого	класс.	канц.		класс.	канц.	итого
1646	887	753	1640	54	46	7,0	0,13	0,11	0,24
1698	3092	1890	4982	60	40	14,0	0,22	0,14	0,36
1726	954	2213	4550	21	49	16,3	0,14	0,14	0,28
1763	1344	4270	5614	24	76	23,5	0,06	0,18	0,24
1796	10000	–	–	–	–	38,2	0,26	–	–
1807	27500	–	–	–	–	41,3	0,67	–	–
1847	61500	35000	96500	64	36	68,1	0,90	0,52	1,42
1857	90200	32100	122300	74	26	73,8	1,22	0,44	1,66
1897	–	–	145200	–	–	126,7	–	–	1,15
1897–1900	–	–	151618	–	–	129,8	–	–	1,17
1901–1905	–	–	181502	–	–	140	–	–	1,30
1906–1910	–	–	192754	–	–	151,1	–	–	1,28
1911–1914	–	–	238810	–	–	162,7	–	–	1,47
1914	–	–	241932	–	–	165,7	–	–	1,46
1915	–	–	242800	–	–	172,1	–	–	1,41

Источник: (Миронов 2014–2015, т. 2: 431)

селение – в 23,5 раза, необходимо взвесить число чиновников на населении и территории. В табл. 2 показано изменение числа чиновников в России, Франции, Великобритании, Германии и Австро-Венгрии на 1 тыс. жителей в XVI – начале XX в.

По величине коронного административного аппарата Россия отставала от всех ведущих западноевропейских стран. Например, от Франции в 1665 г. – в 11 раз, и в 5 раз в XIX – начале XX в. Если мы взвесим число чиновников, кроме населения, также и на территории (табл. 2), то отставание окажется еще больше. Например, в 1910-е г. Россия отставала в 19 раз от Австро-Венгрии, в 43 раза

от Франции и в 103 раза от Великобритании.

Слабость государственного аппарата вплоть до середины XIX в. не позволяла коронным властям осуществлять целенаправленное, рациональное, рассчитанное на перспективу реформирование страны и порождала практику управления, принимавшего во внимание текущие обстоятельства и сиюминутные насущные требования и потребности общества. Лишь с середины XIX в., когда аппарат был более или менее укомплектован достаточным числом образованных и компетентных чиновников и одновременно (*также государством*) были созданы эффективные органы общественного

Таблица 2

**Число чиновников в России, Франции, Великобритании, Германии
и Австро-Венгрии на 1 тыс. жителей в XVI — начале XX в.**

Страна	1560-е гг.	1665 г.	1750-е гг.	1800-е гг.	1910–1913 гг.
Франция	2,50	2,56	...	5,08	7,30
Великобритания	0,25	—	...	1,56	8,20
Германия	0,67	...	6,13
Австро-Венгрия	5,05
Россия	...	0,23	0,24	1,06	1,53
Франция–Россия		11,1		4,9	4,8

Источник: (Миронов 2014–2015, т. 2: 435)

самоуправления в лице земств и городских дум, появилась реальная возможность модернизировать страну. Благодаря этому всего за полвека страна достигла огромного прогресса, на достижение которого наиболее развитым европейским странам потребовались век-полтора.

Даже после Великих реформ, когда началось активное вмешательство государства во все сферы жизни населения, опорой государственной

политики являлись органы самоуправления. Соотношение числа полицейских от короны и от крестьян (сотских и десятских) отражает распределение полицейских обязанностей между крестьянами и коронной властью. Напомню, что полицейские обязанности в то время были весьма широкими и распространялись на хозяйственную деятельность, финансы и другие сферы повседневной жизни. Данные табл. 3 показывают ведущую

Таблица 3

**Сельская полиция в 46 губерниях Европейской России в 1880, 1888
и 1904 гг.**

Параметры	1880 г.	1888 г.	1904 г.
Число уездов	471	471	471
Сельское население, млн чел.	63,2	70,8	89,8
Число сельских обществ, тыс.	120,7	115,4	105,5
Территория, тыс. км ²	4768	4768	4768
Число коронных полицейских	6866	7003	7212
Число десятских и сотских (крестьянских полицейских)	531 900	402 500	
Число сотских и десятских на 1 коронного полицейского	77,7	57,6	...
Число сельских обществ на 1 коронного полицейского	17,6	16,5	14,7
Число крестьян на 1 коронного полицейского, тыс.	9,2	10,1	12,5
Число км ² на 1 коронного полицейского	696	683	663

Источник: (Миронов 2014–2015, т. 2: 450)

роль самоуправления в делах повседневной жизни крестьянства.

В 1880 г. на территории в 4,8 млн км² с населением в 63,2 млн чел. насчитывалось лишь около 7 тыс. коронных полицейских и 532 тыс. сотских и десятских — в 78 раз больше, чем коронных. Один коронный полицейский контролировал в среднем 78 десятских и сотских, 18 сельских обществ, которые включали 72 населенных пункта, 9,2 тыс. крестьян и 696 км² территории. При отсутствии телефона, телеграфа, Интернета и при том, что большая часть представителей сельского самоуправления была неграмотной, очевидно, что вся нагрузка по поддержанию общественного порядка лежала на самих крестьянах.

На мой взгляд, разговоры о полицейском характере якобы сверхбюрократического российского государства в любой период его истории до 1917 г. — не имеют под собой серьезного основания. В действительности коронная полиция, как и коронная администрация, была малочисленной. Она справлялась со стоящими перед ней задачами только благодаря органам самоуправления. Все другие сферы крестьянской жизни — экономика, право и суд, культура, социальные отношения, социальное обеспечение и т. д. — также управлялись главным образом самими крестьянами.

Последствия коронного недоуправления были многообразными и серьезными. Среди них особое значение имели шесть:

1. Принцип управления «пусть всё идет как идет».
2. Сильное самоуправление.
3. Церковь как соучастник государственного управления и связующее звено между властями и народом.
4. Крепостное право и коллективная ответственность.
5. Трудности реформирования и проведения целенаправленной и рациональной правительственной политики.
6. Отсутствие взаимодействия и взаимопонимания между верхами и низами, отношения между которыми часто напоминали игру в «Испорченный телефон»

Уровень жизни

В отличие от моей монографии «Благосостояние населения и революции», где анализировалось изменение уровня жизни населения в целом и, значит, преимущественно крестьянства, составлявшего львиную долю жителей, в «Российской империи» впервые в историографии рассмотрено изменение уровня жизни других основных категорий населения. Я построил индексы потребительских цен, номинального и реального жалования чиновников, офицеров, зарплаты рабочих и доходов духовенства за 200 лет. Приведу лишь итоги итогов (табл. 4).

В XVII и начале XVIII в. чиновники в основном «кормились от дел» (за

Таблица 4

Реальное жалование и столовые чиновников и офицеров высших, средних и низших рангов в 1764–1900-е гг. (руб. в год, в ценах 1913 г.)

Классы	1760-е гг.	1790-е гг.	1810-е гг.	1830-е гг.	1860-е гг.	1880-е гг.	1900-е гг.
Чиновники							
IV	14 621	6212	1939	2190	5747	6940	10 915
V–VIII	4386	1920	727	821	2759	3545	4645
IX–XIV	1570	676	230	260	580	979	1391
Среднее жалование всех чиновников	2180	943	331	374	1002	1474	2039
Индекс (1760-е гг. = 100)	100	43	15	17	46	68	94
Офицеры							
IV	7584	3233	1747	3459	3879	5636	5784
V–VIII	1808	890	724	1490	2234	2698	3712
IX–XIV	550	353	266	526	749	892	1405
Среднее жалование всех офицеров	1014	548	397	793	1119	1360	1946
Индекс (1760-е гг. = 100)	100	54	39	78	110	134	192
Различия в окладах офицеров и чиновников (офицеры = 100)							
IV	193	192	111	63	148	123	189
V–VIII	243	216	100	55	124	131	125
IX–XIV	285	192	86	49	77	110	99
Среднее жалование	215	172	83	47	90	108	105

Источник: (Миронов 2014–2015, т. 3: 231)

счет «почестей», «поминок», или платы за работу от просителей). Петр I предпринял попытку ввести повсеместно фиксированное жалование для чиновников. После его смерти вследствие финансовых трудностей денежное жалование для большинства чиновников было отменено, произошло формальное возвращение к принципу «кормление от дел», и оно существовало до 1763 г. Екатерина II при введении денежного содержания, высшим чинам установила высокое жалование, средним чинам – приличное и низшим – достаточное. Но благополучие продолжалось недолго. Рост цен и инфляция подрывали благосостояние, потому что жалование но-

минально не изменялось до 1845 г. В низшей точке, в 1810-е гг., покупательная способность жалования снизилась почти в 6 раз сравнительно с начальным уровнем. У средних и мелких чиновников не хватало средств даже для удовлетворения насущных потребностей, а у канцелярских служащих реальное жалование упало до уровня, едва ли совместимого с жизнью. Очевидный дефицит удовлетворялся за счет кормления от дел, которое в новых условиях приняло форму взяток, подарков и подношений. Они и в последней трети XVIII в. не выходили совсем из употребления, но в первой половине XIX в. снова стали нормой, правда, не формально-

правовой, а нормой повседневной жизни. По отзывам современников, взятки с точки зрения чиновной морали являлись обычным явлением и не встречали осуждения окружающих. Правительство, включая императора, эту печальную необходимость осознавало, чем объяснялась снисходительность в отношении к взяточникам.

Во второй четверти XIX в. финансовая система укрепилась, курс рубля и цены на товары и услуги стабилизировались, падение покупательной способности жалования прекратилось. Одновременно правительство примерно раз в 20 лет стало повышать оклады.

В результате всех пертурбаций в начале XX в. годовое содержание бюрократии по своей покупательной способности приблизилось к начальному уровню 1763 г. При этом у гражданского генералитета реальное жалование понизилось на треть, у младших чиновников (военный эквивалент обер-офицерских чинов) — на 13 %, а у средних (в штаб-офицерских чинах) на 6 % возросло, т. е. практически осталось на начальном уровне. Это всё, что могло сделать правительство для бюрократии — на большее средства отсутствовали.

Динамика реального жалования офицеров была аналогичной с чиновниками. Существенное отличие состояло в том, что правительство быстрее и адекватнее реагировало на его снижение путем повышения окладов. Однако в 1810-е гг. и покупательная способность офицерского жалования упала почти в 3 раза. Но благодаря повышению окладов

в последующие годы, в начале XX в. (1900-е гг.) жалование офицеров повысилось почти в 2 раза сравнительно с уровнем 1760-х гг. Верховная власть заботилась об офицерах больше, чем о бюрократии. Она прекрасно понимала, что недовольный офицерский корпус представлял несравненно большую опасность, чем обиженная бюрократия, потому что мог устроить государственный переворот, понизить боеспособность армии, не поддержать власть в случае внутренних беспорядков.

Неустойчивость реального жалования чиновников и офицеров в отдельные периоды стимулировала развитие коррупции в разных ее видах — среди бюрократии — взятки и подношения, среди офицеров — так называемые «безгрешные доходы». Что это такое? В армии командиры подразделений, начиная с командира роты, имевшие самостоятельные хозяйственные функции (покупка лошадей и продовольствия, строительство казарм, устройство на работу солдат в частный сектор и т. п.), имели возможности выгадывать на всякого рода военно-хозяйственных операциях. В некоторых случаях подобная деятельность принимала криминальный характер, но чаще всего ограничивалось более эффективным использованием отпускаемых от казны средств, экономия от которого и шла в пользу командиров. Это было почти законным, во всяком случае начальники смотрели на это сквозь пальцы. В конце XVIII — первой половине XIX в. считалось, что должность командира полка приносила доход, примерно равный доходу от поместья в 1000 душ. Безгрешные доходы после во-

енной реформы 1874 г. уменьшились, но оставались значительными. К сожалению, учесть их величину невозможно.

Материальное положение духовенства в период империи систематически и существенно улучшалось (табл. 5). В среднем для всех категорий духовенства реальные доходы возросли в 7 раз. Доходы священнослужителей приблизились к заработкам людей умственного труда — младших офицеров и чиновников, учителей школ. Церковнослужители имели более скромный достаток, но всё же, как минимум, выше среднего уровня сельского и городского населения.

В целом уровень жизни у различных социально-профессиональных

групп в период империи изменялся по-разному, и конечные итоги оказались различными. У чиновников высшая точка в оплате труда была пройдена в 1760-е гг., у рабочих — в 1850-е гг., те и другие в 1913 г. лишь вернулись к высшему уровню, который у них был прежде. Доходы крестьянства, духовенства и жалование офицеров достигли максимального уровня в начале XX в. (1900-е гг.). Двукратный рост содержания офицерам и семикратный рост доходов духовенства лишь уравнивал их с чиновниками, в то время как доходы крестьян выросли в 2 раза. Словом, правящие верхи как-то слабо, не по-марксистски, эксплуатировали крестьян и рабочих, вследствие чего различия в доходах у всех нивелировались, а не возрастали.

Таблица 5

Заработная плата у рабочих, содержание (денежное жалование и столовые) у чиновников и офицеров и доходы духовенства в 1760–1900-е гг. (руб., в среднем в год, в ценах 1913 г.)

Показатели	1760-е гг.	1790-е гг.	1800-е гг.	1810-е гг.	1830-е гг.	1850-е гг.	1860-е гг.	1900-е гг.
Годовая заработная плата промышленного рабочего мужского пола	160	213	243	286	326	345	300	318
Годовая оплата петербургского плотника (за 240 рабочих дней)	142	188	215	253	288	305	265	281
Годовое жалование поручика	521	298	272	251	514	561	727	995
Годовое жалование прапорщика	416	246	226	197	360	408	455	936
Годовое жалование чиновника XII–XIII классов	1300	552	397	172	195	283	559	1390
Годовое жалование канцелярских служащих	542	236	199	86	97	132	182	307
Годовой доход священника	180	191	267	–	–	–	588	1242
Годовой доход дьякона	120	127	178	–	–	–	392	828
Годовой доход церковнослужителя	60	64	89	–	–	–	196	414

Источник: (Миронов 2014–2015, т. 3: 264)

Человеческий капитал России за 1000 лет

Есть разные измерители величины человеческого капитала, наиболее простой — уровень грамотности. В табл. 6 показана динамика грамотности россиян от X — середины XIII в. до настоящего. Как видим, в течение почти восьми столетий, с X до конца XVIII в., грамотность выросла всего на 3 % — с 1 до 4 %. В XIX в. грамотность стала расти быстрее. Но к 1917 г. составила у обоих полов лишь 43 %, в том числе 58 % у мужчин и 29 % у женщин. На Западе грамотность и уровень образования до середины XX в. были значительно выше.

Приведенные данные о грамотности отражают динамику умения читать и писать, но не показывают

изменение уровня знаний: подавляющее число грамотных до 1926 г. обладало только элементарными знаниями, с конца 1920-х гг. значительное, а с 1970 г. преобладающее число людей имело полное и неполное среднее образование, и значительное число — высшее. При сравнении данных о грамотности за разные годы мы по необходимости уравниваем тех, кто умел только читать, с теми, кто приобрел более обширные знания и навыки в начальной, средней и высшей школе. Поэтому для более адекватной оценки изменений в человеческом капитале используем более эластичный показатель — среднее число лет обучения каждого гражданина (табл. 7).

Основываясь на приведенных данных, можно сказать, что в 1797 г.

Таблица 6

Развитие грамотности в России в XIII–XX вв. (% грамотных в возрасте 10 лет и старше)

Период	Сельское население			Городское население			Все население		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
X — середина XIII в.	2–3	–	1–1,5	12–13	–	6–7	2–3	–	1–1,5
Конец XVII в.	4	–	2	13–14	–	8–9	4–5	–	2–2,5
1797 г.	5	2	3,5	21	5	13	6	2	4
1847 г.	15	8	11	45	24	35	18	9	13
1897 г.	35,5	12,5	23,8	66,1	45,7	57,0	40,3	16,6	28,4
1917 г.							58	29	43
1920 г.	52,4	25,2	37,8	80,7	66,7	73,5	57,6	32,3	44,1
1926 г.	67,3	35,4	50,6	88,0	73,9	80,9	71,5	42,7	56,6
1939 г.	91,6	76,8	84,0	97,1	90,7	93,8	93,5	81,6	87,4
1959 г.	99,1	97,5	98,2	99,5	98,1	98,7	99,3	97,8	98,5
1970 г.	99,6	99,4	99,5	99,9	99,8	99,8	99,8	99,7	99,7
1979 г.	99,6	99,5	99,6	99,9	99,9	99,9	99,8	99,8	99,8
2002 г.	99,4	98,3	98,8	99,9	99,6	99,7	99,7	99,3	99,5
2010 г.	–	–	–	–	–	–	99,8	99,6	99,7

Источник: (Миронов 2014–2015, т. 3: 488)

**Среднее число лет обучения одного человека в возрасте 10 лет и старше
за счет всех видов образования в 1797–2010 гг.**

1797 г.	1807 г.	1817 г.	1827 г.	1837 г.	1847 г.	1857 г.	1867 г.	1877 г.	1887 г.	1897 г.
0,127	0,148	0,179	0,222	0,270	0,320	0,367	0,435	0,516	0,592	0,762
1907 г.	1917 г.	1927 г.	1937 г.	1947 г.	1957 г.	1967 г.	1977 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
0,930	1,112	1,502	3,376	5,442	6,048	6,974	7,861	8,833	9,770	10,100

Источник: (Миронов 2014–2015, т. 3: 489)

средний россиянин провел за партой 46 дней, в 2010 г. — 3686 дней или в 80 раз больше времени, чем 300 лет назад и, следовательно, объем его знаний тоже увеличился примерно в 80 раз.

Историческая психология

Безграмотность подавляющего большинства населения страны, существовавшая в течение нескольких веков, имела серьезные последствия. Обычно они сводятся к тому, что, закрывая доступ к книге и любой печатной продукции, безграмотность препятствовала людям приобщиться к сокровищнице мысли и знания, созданной человечеством. Но это слишком узкий взгляд. Грамотность и как умение читать и писать, и как сумма знаний оказывает более существенное воздействие на личность, ее внутренний мир, самосознание и познавательные процессы.

Само по себе развитие навыков чтения, письма и счета повышает на порядок умственные способности человека, в особенности ребенка, обладающего пластичной психикой и способностью легко усваивать новые образцы мышления. Без освоения навыков чтения, письма и счета способность абстрактно

мыслить вовсе не появляется. Абстрактное мышление и способности совершать формальные логические операции приобретаются не тотчас после того, как человек научится читать, писать и считать, а после длительного школьного обучения. Именно образование делает мышление более богатым, содержательным, общим, более абстрактным, дисциплинированным и застрахованным от ошибок.

Известный швейцарский психолог Жан Пиаже (1896–1980) установил, что современный европеец в своем интеллектуальном, или когнитивном, развитии проходит четыре качественно различные стадии. Они последовательно сменяют друг друга, и каждая из них опирается на достижения предыдущих: 1) сенсомоторная стадия в возрасте от рождения до 18 месяцев — знание о внешнем мире основано преимущественно на информации, воспринятой через органы чувств (глаза, уши, кожу, нос и язык); 2) дооперационная стадия в возрасте от 18 месяцев до 5 лет — способность размышлять об объектах и событиях, встречавшихся в личном опыте, но отсутствующих в данный момент, и мысленно представлять их в виде картин, звуков, образов, слов и в других формах; 3) стадия кон-

кретных операций в возрасте 6–11 лет — дети производят конкретные логические операции, посредством которых преобразуют получаемую ими информацию; например, они могут упорядочивать объекты по определенному признаку (ранжирование палочек по длине) или отнести объекты к категориям (роза, ландыш, гвоздика и т. п. — цветы) и др. 4) стадия формальных операций в возрасте от 12 до 15 лет.

Только на четвертой стадии человек овладевает абстрактным мышлением, благодаря чему может размышлять не только о наличных, но и о гипотетических ситуациях — что могло бы быть. Но четвертая стадия появляется не стихийно, а в результате продолжительного и систематического школьного обучения. Она вовсе не появляется или появляется в ограниченной степени у людей бесписьменных культур, в медленно развивающихся традиционных обществах и у неграмотных и малограмотных людей письменных цивилизаций. Например, в США даже в последней трети XX в. до 30 % людей не достигали стадии формальных операций.

Появление абстрактного мышления в свою очередь развивает такие умения человека, как самоконтроль и саморегуляция, способность размышлять о мыслительных процессах своих и других людей, заниматься самоанализом и самокритикой, анализировать свои поступки в прошлом, связывать их с реальностью настоящего и мысленно переноситься в собственное будущее, рассуждать на высоком моральном уровне. Социальные психологи

установили: малообразованные люди легче поддаются внушению и манипулированию. Малообразованный человек легче подчиняется авторитетам; мыслит стереотипами; навязываемые ему стереотипы усваивает бессознательно, без размышления и очень прочно. Благодаря этому сообщество малограмотных людей, с одной стороны, твердо поддерживает традиции и существующий общественный порядок, с другой — легко поддается воздействию пропаганды, агитации и пиару, что повышает вероятность манипулирования. Это классическим образом проявилось во время революции 1917 г.

В начале XX в. образованные люди, имевшие дело с малограмотными рабочими и крестьянами, отмечали конкретно-образный стиль их мышления, низкую способность к обобщениям и абстрактному мышлению. Например, малограмотные понимали самодержавие как произвол администрации, а не как государственное устройство; их патриотизм воплощался не в идеале русской нации или российского государства, а в конкретном понимании «родины» как родного и знакомого места, по которому они испытывали ностальгические чувства. Нередко революционеры включали в прошения, петиции и наказания рабочих, солдат и крестьян политические требования, которые они либо вовсе не понимали, либо не видели в них революционного характера. Например, в петицию 9 января 1905 г., с которой петербургские рабочие шли к царю, Георгий Гапон под давлением социал-демократов и эсеров без проблем включил

политические требования, в принципе исключавшие саму возможность принятия петиции царем — созыв Учредительного собрания, политические свободы и даже отделение церкви от государства, о чем рабочие не имели понятия.

Исторический взгляд на познавательные процессы, внутренний мир и самосознание позволяет многое понять в поведении крестьян и рабочих, в том числе в политическом поведении, что сделано в специальном разделе книги.

Некоторые идеи, высказанные в моей книге, на первый взгляд, входят в противоречие с точкой зрения моих коллег, в том числе, вероятно, и присутствующих на сегодняшнем заседании. Но дело, может быть, не в том, что кто-то из нас прав или неправ, а в том, что наши идеи часто дополняют друг друга. Как сказал Блез Паскаль 350 лет назад: «Мир сложен, и поэтому одной истины всегда мало. Любая истина, взятая в отрыве от дополняющей ее истины, — всего лишь полуправда».

Э.Л. ФАЙБУСОВИЧ, С.Ю. КОРНЕКОВА:

В течение последнего десятилетия мы с большим интересом знакомимся с яркими публикациями Б.Н. Миронова. Сильное впечатление производит новое произведение исключительно плодovitого и оригинально мыслящего ученого-историка. Этот труд весом и в буквальном, и в переносном смысле. Высокую оценку проделанной работы дали участники обсуждения этого капитального труда в Доме уче-

ных. Понятно, что эти выступления были краткими. Нам представляется, что желательна была бы более развернутая оценка данного замечательного произведения. Не будучи историками, мы не считаем возможным высказываться по всем затронутым в трехтомнике вопросам. Ограничимся только теми разделами, которые в той или иной степени близки географической науке или к пограничной с ней тематике и входят в сферу наших профессиональных интересов и компетенции.

Материал перечисленных ниже глав дает основание для положительной оценки произведения с географической точки зрения и для дискуссии. Мы выскажем свою точку зрения по следующим разделам: в т. I введение «Концепции и парадигмы в современной истории географии», гл. 1 «Колонизация и ее последствия», гл. 3 «Демографическая модернизация», гл. 5 «Город и деревня в процессе модернизации». В т. III наибольший интерес вызывает гл. 11 «Уровень жизни». Именно эти главы близки нам по своему содержанию. Что касается остальных частей произведения, то должны признаться, что бегло просмотрели главы первого и третьего тома и не успели к моменту написания отзыва прочитать второй том.

Тем не менее у нас сложилось впечатление об исключительной оригинальности подходов Б.Н. Миронова к оценке многих сторон истории Российского государства. При этом можно высоко оценить доказательность выдвигаемых положений, опирающихся на обширный

статистический материал. Сложный по сути текст читается легко, так как написан прекрасным русским языком без варваризмов и без претенциозного наукообразия, поэтому книга доступна для широкого круга читателей. Географам приятно констатировать факт, что среди цитируемых Б.Н. Мироновым авторов около двадцати пяти представителей русской географической науки.

Мы высоко оцениваем содержание книги с точки зрения возможного использования в своей научной работе и в учебном процессе. Для одного из авторов (Э.Ф.) наибольший интерес представляет рассмотрение проблем взаимодействия общества с природой (гл. 1), проблемы городов —геоурбанистика (гл. 5) и политическая география (гл. 11). Другого автора (С.К.) более всего интересуют проблемы оценки уровня жизни и исторические аспекты географии потребления (т. III, гл. 11). Мы уже использовали результаты работы Б.Н. Миронова в преподавании курса «Политическая география» (изданы методические указания по данному курсу для студентов СПбГЭУ). Готовится к печати практикум по курсу «Социально-экономическая география», где нашли применение данные по потреблению, в том числе продовольствия, из книги Б.Н. Миронова. Далее мы хотим обратить внимание на некоторые дискуссионные моменты и наиболее яркие сюжеты произведения.

В первой главе отдельные разделы посвящены природным условиям и ресурсам — «Природные ресурсы:

богатые или бедные?» и рассмотрению гипотезы Р. Пайпса — Л.В. Милова (в разделе «Демографический и географический детерминизм»). Завершается тема географического детерминизма в разделе «Роль географической среды в российской истории». В доказательство справедливости своей оценки Б.Н. Миронов приводит большой статистический материал, отраженный в четырех содержательных таблицах. Текст и анализ таблиц убеждают в правильности выводов автора, однако есть несколько возражений. Во-первых, на с. 222 указывается, что в советской историографии долгое время отрицалось скольконибудь существенное влияние географической среды на экономику, общество, культуру. И только с конца 1980-х гг. появляются работы, в которых стало подчеркиваться большее, а иногда и решающее значение среды обитания. В действительности перелом в советской географии к оценке роли географической среды стал возможным уже во второй половине 50-х гг., в частности, в 1966 г. Э.Л. Файбусович защитил кандидатскую диссертацию по проблеме взаимодействия общества с природой, в которой говорилось о необходимости учета влияния природной и географической среды на развитие общества. Б.Н. Миронов критикует позицию историка Л.В. Милова, связывающего отсталость сельского хозяйства России с неблагоприятными природными условиями (т. I, с. 228–251). Хотя данные, приводимые в табл. 1.33 самим Б.Н. Мироновым, скорее доказывают правоту Л.В. Милова, чем позицию автора книги. Так, в табл. 1.33 Б.Н. Миро-

нов указывает, что Екатеринославская губерния в конце XIX в. имела вегетационный период на целый месяц более длительный, чем Архангельская губерния, а Волынская губерния даже более чем на 1,5 месяца превосходила ту же Архангельскую губернию. Соответственно, число рабочих дней в Волынской губернии также превосходило количество рабочих дней в Архангельской губернии в полтора раза. Это не могло не отражаться на эффективности сельскохозяйственного производства. Из этого следует работа Л.В. Милова в вопросе о влиянии природной среды на сельскохозяйственную деятельность. В действительности решающую роль играет не только продолжительность вегетационного периода, но и такой показатель, как сумма активных температур (сумма среднесуточных температур выше $+10^{\circ}$). Что касается южных губерний, то их низкие показатели урожайности определяются в значительной степени частыми засухами, но, к сожалению, соответствующих данных Б.Н. Миронов не приводит.

Весьма спорным является утверждение автора, что «география оказывает определяющее влияние на экономическое и социальное развитие только в примитивных социумах, а в цивилизованном – контрольный пакет на стороне негеографических факторов» (т. 1, с. 269). К сожалению, зависимость жизни общества от стихийных природных явлений остается сильной даже при самом высоком уровне цивилизации. Более того, усиление технологического воздействия на природу приводит к тому, что, говоря словами Ф.

Энгельса, «природа мстит». И мы, живущие в XXI в., сталкиваемся с этой мезью практически постоянно.

Чрезвычайный интерес вызывает раздел о национальной политике в Российской империи, в частности о положении евреев. Любопытна табл. 1.27 (т. 1, с. 188) о национальном составе ссыльных революционеров в 1907–1917 гг. В числе ссыльных 43,5 % приходилось на русских, 17,6 % – на поляков и 15,8 % – на евреев. Как тут не вспомнить строки А.И. Куприна, который писал о том, что в царской армии солдат учили: что у страны есть враги внешние и «внутренние». К последним относились поляки, жидаи и «стюденты». Совпадение с табл. 1.27 полное!

В т. 3 в гл. 11 собран потрясающе интересный материал об уровне жизни населения России. Почерпнув из разных источников данные, Б.Н. Миронов представляет интересные таблицы полученных результатов. Например, табл. 11.1 «Структура затрат петербургских рабочих на отдельные виды товаров и услуг 1907–1908 гг.», табл. 11.3 «Основные статьи расходной части бюджета петербургских рабочих в 1907–1908 гг. на члена семьи в месяц». Выясняется, что расходы на пищу семейных рабочих составляли две трети всех расходов. Столь же интересна и табл. 11.6 (с. 186) «Покупательная сила средней месячной зарплаты плотника в Петербурге с 1711 по 2003 г.» по 13 видам продуктов. По данным этой таблицы можно сделать вывод, что по некоторым позициям по сравнению с 1913 г., в частности по говядине,

гречневой крупе, растительному маслу покупательные возможности плотника были больше, чем в 1985 г.

В табл. 11.52 приводятся данные о составе и калорийности питания крестьянства в 13 губерниях Европейской России в 1896–1915 гг., потреблении в год (в кг) и в день (в г) по 10 видам продуктов. Выясняется, что потребление на душу составляло 698 г в день хлебных продуктов, 51 г мяса, 3,2 г масла коровьего и 8,5 г сахара. Такие нормы потребления устроили бы современных диетологов. Любопытно, что при этом калорийность рациона была 3337 ккал/сутки, что намного превышает современные рекомендуемые нормы для большинства населения.

Мы осознаем, что ограниченность по объему и затронутой тематике в данном отзыве не позволяет читателю оценить книгу автора в целом. Уверены, что в плане собственно исторических исследований труд Б.Н. Миронова содержит значительный объем новейшей информации, оригинальную трактовку важнейших событий истории и процессов развития нашего Отечества, что позволяет считать автора выдающимся ученым, обществоведом России.

М.А. КЛУПТ:

Я хотел бы остановиться вначале на одном из самых интересных аспектов обсуждаемой книги – той ее части, которая касается философии и методологии истории. Примерно полтора десятилетия назад мне довелось выступить в этом же зале

на обсуждении «Социальной истории России..» Бориса Николаевича. Я тогда выразил надежду, что теория модернизации не станет новой единственно верной концепцией исторического развития. Похоже, мои надежды оправдались, и книга, которую мы сегодня обсуждаем, – одно из подтверждений этого.

Мне очень понравилось введение, в котором анализируются основные концепции и парадигмы современной историографии. Помимо всем известных формационной и цивилизационной концепции автор относит к их числу модернизационную, мир-системную и синергетическую концепции, а также институционализм и постмодернизм. Главным, однако, является не сам список этих концепций, а принципиальная установка на методологический плюрализм, заявленная во введении.

Как мне представляется, излишне ревностное следование какой-либо одной из названных концепций всегда чревато натяжками при объяснении исторических фактов. В моем представлении пусть и грубые, но в главном точные метафоры социальной истории можно найти в математических теориях распознавания образов и нечетких множеств. Социальную историю можно отождествить с многомерным пространственно-временным континуумом, разделенным на сегменты с весьма размытыми границами. У каждого из этих сегментов своя структура, свои закономерности функционирования и задача историка, а шире – любого исследователя – экономиста, социолога,

демографа и т. д., рассматривающего историческую динамику, найти ту концепцию (или комбинацию концепций), которая наиболее адекватна для описания того, что происходит в данном сегменте. В этом отношении мой исследовательский опыт совпадает с тем, о чем пишет во введении Борис Николаевич. В целом же, конечно, и разделение пространственно-временного континуума на сегменты и выбор наилучшей концепции представляют собой не только науку, но и искусство, недаром ведь у истории есть своя муза.

Мне также хотелось бы сделать несколько критических замечаний и, в частности, заступиться за цивилизационную концепцию. Как представляется, при сравнении цивилизационной и модернизационной концепций автор, быть может сам того не замечая, использует различные стандарты. Говоря о модернизационной концепции, Миронов, по-моему вполне справедливо, подчеркивает ее эволюцию, в ходе которой «теоретики неомодернизационной версии ревизовали такие принципиальные характеристики модернизационного процесса, как необратимость, прогрессивность, <...> однолинейность, закономерность, случайность» (с. 41). В результате этого «концепция позволяет рассматривать и соответственно анализировать общество как реальный, живой, разнородный, многоуровневый, вариативно реагирующий на вызовы среды субъект истории» (там же). Иными словами, способность модернизационной концепции к обновлению рассматривается Мироновым как ее досто-

инство, что на мой взгляд опять-таки вполне оправдано.

В отношении цивилизационной концепции, между тем, Миронов использует иной подход. Он, конечно же, прав, говоря, что цивилизационная концепция сегодня уже далеко не та, что была во времена Данилевского, Шпенглера и Тойнби. Однако подобная эволюция оценивается им далеко не столь положительно, как эволюция модернизационной концепции. Указывается, что цивилизационная концепция в результате такой эволюции «утрачивает своеобразие» и часто сочетается «иногда явно, порой имплицитно» с модернизационной концепцией (с. 47–48). На мой взгляд, определенное движение модернизационной и цивилизационной концепций навстречу друг другу – симметричный и в общем-то позитивный для историко-социологической методологии процесс, и считать его «плюсом» для первой концепции и «минусом» второй нет оснований.

Мне также хотелось бы выразить несогласие с тезисом о том, что «демографические процессы являются автономными от политических процессов, последние не оказывают на демографическое поведение заметного долгосрочного влияния» (с. 625). По-моему, это просто получившая хождение среди демографов (не всех, конечно) догма, сторонники которой либо не знают, либо отказываются замечать реальные факты. Приведу один пример. Рождаемость в Германии на протяжении всего периода после Второй мировой войны, а это уже 70 с лишним лет, остается ниже, чем во Фран-

ции. Сейчас суммарный коэффициент рождаемости (если не вдаваться в статистические тонкости — число детей, рожденных в среднем одной женщиной за ее жизнь) составляет во Франции около 2, в Германии — около 1,4. Между тем в период между двумя мировыми войнами дело обстояло противоположным образом — Франция отставала от Германии и это, кстати, было одной из главных причин «одержимости» французских политиков идеей повышения рождаемости. Причиной семидесятилетних послевоенных различий в демографическом поведении французов и немцев (а этим различиям, по-моему, и сейчас не видно конца) являются именно политические процессы.

Генерал де Голль еще до окончательного разгрома фашизма — в марте 1945 г. заявил о том, что Франция нуждается в ближайшие годы в рождении 12 млн здоровых малышей и без этого превратится в «гаснущий светоч». Франция, если говорить о сути, а не о политкорректных формулировках, сохранила пронаталистскую демографическую политику до настоящего времени. В разгромленной и оккупированной Германии проведение подобной политики было немислимым, ибо ассоциировалось с пронаталистской политикой нацистов. Потом была еще и вторая переломная точка — Франция начиная с 1970-х гг. сумела перестроить свою демографическую политику таким образом, чтобы помочь работающим женщинам сбалансировать родительские и профессиональные обязанности. А Германия «застряла» на своей послевоенной модели семейной поли-

тики, ориентированной на одного кормильца. Кстати говоря, ко всем заявлениям о том, что увеличение числа родившихся в России с 1480 тыс. в 2006 г. до 1944 тыс. в 2015 г. (т. е. почти на треть) якобы никак не связано с демографической политикой, что «политика одного ребенка» в Китае якобы никак не отразилась на сегодняшней численности его населения и т. д., я бы тоже посоветовал относиться со здоровой долей скептицизма.

Впрочем, я, по-моему, уже слишком долго говорю про соотношение демографических и политических процессов. Все-таки это далеко не центральная тема книги, которую мы сегодня обсуждаем. Я хотел бы поблагодарить Бориса Николаевича за его замечательный труд, вызывающий огромное уважение. Борис Николаевич дал всем нам замечательный пример преданности науке в далеко не худшие, но, уж конечно, и не самые простые для нее времена

М.В. ДРУЗИН:

Возможно, скажу банальную вещь, но книга Бориса Николаевича среди прочих ставит своей целью ответ на вопрос, который уже почти столет волнует не только историков — что случилось с Россией в 1917 г.

Многие исследователи, занимающиеся изучением отечественной истории конца XIX — начала XX в., так или иначе приходят к этой проблеме. Возникает противоречие, когда исследуемый сегмент истории показывает вроде бы положитель-

ную динамику, свидетельствующую о прогрессивном развитии страны в последние предреволюционные десятилетия, а результат этого исторического процесса в виде революции 1917 г. должен, казалось бы, свидетельствовать об обратном.

Вся советская историография второй половины XX в. была призвана (советской властью) ответить на вопрос о предпосылках и причинах Февраля и Октября 1917 г. Правда, ответ был готов заранее, его необходимо было лишь всесторонне обосновать, показать, во-первых, почему на смену капитализму неминуемо должен прийти социализм, а во-вторых – что к 1917 г. в России имели место глубинные противоречия в экономике, не дававшие возможности дальнейшего развития капитализма, что последний исчерпал свои инструменты и должен был отправиться на свалку истории.

И тем не менее, ряд советских историков, погрузившихся в тему, в период, в источники, честно проанализировав все факты, пришли к несколько иным выводам. Так появилось «Новое направление» в советской исторической науке в лице И.Ф. Гиндина, К.Н. Тарновского, В.В. Адамова и др. За свою научную позицию им пришлось заплатить немалую цену.

Сегодня, когда идеологической заданности в исторической науке нет, присутствуют сложившиеся стереотипы или «правила» исторического исследования, нередко отвергающие новые методологии, методы и методики. И в этом смысле Борис Николаевич выступает «новона-

правленцем», планомерно показывая на широком и разнообразном историческом материале, как работают используемые им методы исторического исследования, какие они дают результаты.

В итоге принципы и методология исторического познания, а также три огромных тома текста Бориса Николаевича Миронова позволили ему дать свой ответ о причинах революции 1917 г. Показывая позитивную динамику развития различных сфер экономической и социальной жизни, успехи модернизации в России конца XIX – начала XX в., Борис Николаевич именно в этом прогрессе и видит причину революции: когда система динамично развивается, она постоянно находится в состоянии изменения своей структуры. А такие структуры, как известно, наименее прочны. В условиях воздействия внешних негативных факторов при постоянной борьбе внутри себя, модернизируемая система находится в зоне повышенного риска. Для Российской империи таким негативным внешним фактором стала Первая мировая война, пережить которую она не смогла.

С.В. КУЛИКОВ:

Чтение последней работы Бориса Николаевича Миронова наводит на размышления по поводу как затронутых им тем, так и судеб отечественной историографии истории Российской империи. Долгое время субъектами историографического процесса были личности отдельных историков, и наблюдалось это не только в доисторические вре-

мена, в эпоху «отца истории» Геродота, но и тогда, когда появляется история как наука в современном смысле слова. В Западной Европе это XVI в., в России — XVIII. Еще в XIX в. в России, да и на Западе история как наука ассоциировалась именно с именами отдельных историков — достаточно вспомнить нашу классическую триаду: Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и... иже с ними. С усилением институционализации истории как науки, с развитием в ней научных школ одновременно с расширением охвата изучаемых тем и обогащением понятия «исторический источник» наступило неизбежное следствие всего этого — специализация истории, разветвление единого потока на десятки, сотни, тысячи ручьев, ручейков и струек. Это не означало, что роль личности в истории не только как процессе, но и как науке перестала быть актуальной, это означало прежде всего, что если научный синтез являлся возможным и в XX в., то в рамках не одной, а нескольких методологий, и историку, стремившемуся не затеряться в мелкотемье, оставалось выбрать одну из методологических схем. Обратной стороной подобного выбора было то, что историк оказывался заложником выбранной методологии, подгоняя под нее, подчас абсолютно неосознанно, живую фактуру исторических реалий, выпячивая то, что соответствовало данной схеме, и отсекая то, что ей противоречило. Эта ситуация усугублялась усилением, особенно в XX в., давления на академическую науку пресса государственной идеологии, что наблюдалось и, в той или иной мере, наблюдается до сих пор

во всех странах, претендовавших или претендующих на роль великих научных держав.

Выход из описанной ситуации наиболее внятно, но отнюдь не впервые артикулировала школа Анналов, осознавшая необходимость междисциплинарного похода, на базе которого стало возможным восстановление «разрушенной храмины» — возвращение через «тотальную историю» к большой истории и к историку как субъекту историографического процесса. В СССР и постсоветской России наметившаяся тенденция до сих пор еще пробивает себе дорогу, поскольку оставшиеся в отечественной исторической науке от советского периода научные кланы в большей степени испытали на себе давление господствовавшей идеологии, а потому способствуют не столько передаче, сколько извращению традиций, будучи замешаны на имплицитно присутствующей приверженности «единственно верному учению», густо одобренной мотивацией не научного, а бытового характера. Неудивительно, что в отечественной историографии много историков, но нет Историков, много книг, но нет Книг, причем, естественно, не может быть и речи о создании культга конкретного Историка и его Книги — речь идет о необходимости большей персонификации историографического процесса, чего в постсоветской историографии с ее отказом от свободы творчества в пользу теперь уже не «учения», а клана, до сих пор почти не наблюдается. Между тем новые научные направления создаются, сама наука как целое развивается преимущественно отдельными учеными, пусть и опирающимися

на результаты деятельности всей совокупности своих предшественников и коллег. Более того, существование научных кланов — нормальное явление с точки зрения социологии науки, но противоречит ей засилье научных кланов либо отсутствие равновесия между принципами кланового и индивидуального творчества.

Б.Н. Миронов и его последний трехтомный труд, абсолютно свободный от марксистско-ленинских догм, является доказательством того, что постсоветская историческая наука способна освободиться от господства кланов, а значит — у нее есть не только великое настоящее, но и столь же великое будущее. Достоинства трехтомника, не просто фундаментальной работы, но того, что можно без тени преувеличения назвать научным подвигом, очевидны для всякого, кто обратился или обратится к творению самого читаемого историка современной России. Здесь необходимо отметить высокий уровень методологической культуры Б.Н. Миронова, который, пожалуй, как мало кто из ныне здравствующих историков Российской империи владеет, и в теоретическом, и в прикладном смысле, инструментарием современных методологий. Хорошо известно, что вся мировая литература вертится вокруг нескольких трафаретных сюжетов, и историческая наука в этом смысле мало отличается от литературы, используя несколько парадигм, рассмотренных автором в начале т. 1, хотя среди них почему-то блистательно отсутствует элитистская парадигма, даже как часть иной парадигмы.

Как и ранее, едва ли не самая сильная сторона Б.Н. Миронова-историка, проявившаяся на пространстве всего созданного им нарратива, но детерминированная его методологической индивидуальностью — сочетание традиционных методик исторического исследования и методик, подразумевающих работу с массовыми источниками. Конечно, нельзя «поверить алгеброй гармонию», но, раз уж история как наука становится на рельсы междисциплинарности и если в этом, точнее — в социологизации истории заключается едва ли не главный залог ее дальнейшего развития, то при написании Big History без особого внимания к большим цифровым рядам обойтись, очевидно, невозможно. Впрочем, вызывает вопрос декларируемая автором известная иерархизация уровней истории как науки, при которой так называемой событийной истории отводится последнее место. Между тем несомненно, что событийная история присутствует и в плоскости истории больших периодов, опирающейся в конечном итоге на те самые «презренные» события, произошедшие в конкретное время, в конкретном месте и в конкретной последовательности. С другой стороны, выявление мега-тенденций возможно и в плоскости событийной истории, и дело здесь не в ее более «низкой» природе, а в уровне мастерства данного исследователя — кто-то из-за деревьев не видит леса, а кто-то и в капле росы видит отражение вселенной! В конце концов, сам же Б.Н. Миронов подтверждает существование мега-тенденций не только многочисленными таблицами, но и еще более много-

численными данными событийной истории, не говоря уже о тщательно подобранном визуальном ряде. Вероятно, уровни историописания с гносеологической и эпистемологической точек зрения равнозначны, что, собственно, и доказывается на каждой странице мироновского нарратива.

Грандиозный по своей фундаментальности трехтомник — настоящий научный прорыв, который расшатывает устои многих несостоятельных историографических традиций — прежде всего концепта о тотальном кризисе как итоге истории Российской империи и причине ее падения. Тем заметнее дань, отдаваемая Б.Н. Мироновым некоторым историографическим традициям, достойным если не ниспровержения, то по крайней мере пересмотра — в частности традиции, возводящей начало Российской империи к царствованию Петра I Великого, действительно формально провозгласившего свою державу империей. Однако еще в 1950-х гг. выдающийся российский историк барон Б.Э. Нольде, находившийся в эмиграции, выдвинул и обосновал концепцию, согласно которой фактически, а не *de jure* история России как империи начинается не с Петра I, а с Ивана IV Грозного, присоединившего к Московскому царству в 1550-х гг. Астраханское и Казанское ханства и начавшего присоединять Урал и Сибирь. Именно с Ивана IV прежде моноконфессиональная и моноэтническая Московия стала превращаться в поликонфессиональную и полиэтническую Россию — именно в многонациональную империю.

Вопрос о степени развития Российской империи, особенно в начале XX в., находится в центре внимания Б.Н. Миронова, и решается им исходя, в частности, из такого бесспорного критерия, как сравнение России с тогдашними европейскими государствами. Но тут возникает вопрос: а что с чем сравнивать?

Поставленный вопрос — отнюдь не праздный, поскольку, отвечая на него, Б.Н. Миронов основывается на точке зрения, также достойной ревизии. Дело в том, что в начале XX в., да и ранее заморские колонии европейских государств рассматривались как неотъемлемая часть территории данного государства. «Колонии, как бы широки ни были их права самоуправления, — писал самый авторитетный английский государствовед В. Энсон, — составляют часть Британской империи и зависят от нее» (Энсон 1914: 299). «Нидерландское королевство, — гласила ст. 1 Основного закона Нидерландов, — состоит из территории в Европе, равно как из колоний и владений в других частях света» (Основной закон Нидерландского королевства 1905: 278). Согласно ст. 2 Португальской хартии, «территорию Королевства Португальского и Альгарвского» составляли владения «в Европе», «в Западной Африке» и на ее «восточном берегу», а также «в Азии» (Португальская Конституционная хартия 1905: 353). Соответственно, и подданными европейских монархов являлись не только представители титульных наций, но и коренных народов колоний, а потому сами британцы, по крайней

мере британская правящая элита, рассматривали острова в качестве части «*Rex Britannica*», «Большой Британии», Британской империи. То же самое было характерно и для правящих элит остальных европейских стран, имевших колонии. Но если это так, то насколько методологически корректно сравнивать Российскую империю с точки зрения любых показателей с островной Англией, а не с Британской империей в целом?

«Огромному большинству народов, населяющих нашу Империю, — писал Д. Гобсон в конце XIX в., — мы не даровали действительных прав самоуправления, и не только не имеем серьезных намерений сделать это, но и не питаем серьезной уверенности в возможности сделать это. Из 360 000 000 британских подданных, живущих за пределами своей родины, не более 10 000 000, или, другими словами, всего лишь 1/37 часть пользуется фактически самостоятельностью в вопросах законодательства и управления. Политические и гражданские свободы, поскольку они опираются друг на друга, для преобладающего большинства британских подданных просто не существуют» (Гобсон 2010: 102). «Меньше 5% населения нашей Империи, — отмечал Дж. Гобсон в другом месте, — обладают сколько-нибудь ценной частью тех политических и гражданских свобод, которые составляют основу британской цивилизации. Кроме 10 000 000 британских подданных в Канаде, Австралии и Новой Зеландии, очень незначительная часть их наделена правом само-

управления даже в области самых жизненных для нее вопросов» (Гобсон 2010: 104). То же самое наблюдалось и в большинстве других европейских империй.

В отличие от европейских империй в России избирательное право с 1905 г. имели практически все населявшие ее народы, и это было результатом сознательной политики правящей элиты во главе с Николаем II. Получается, что в данном случае Российская империя сравнительно с европейскими являла собой пример не догоняющего, а перегоняющего развития! Особенно если принять во внимание, что только сейчас граждане стран Британского содружества наций имеют те же самые избирательные права, т. е. могут избирать и избираться в английский парламент, которые жители российских окраин и колоний получили еще 100 лет назад.

Конечно, на части территории Российской империи в начале XX в. действовало Положение 14 августа 1881 г. «О мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», предусматривавшее два вида исключительного положения — усиленной и чрезвычайной охраны. Однако степень их распространения зависела от уровня революционного движения, резко усилившегося в 1905–1907 гг. Тем не менее, в Указе 12 декабря 1904 г. Николай II объявил о необходимости отмены Положения 1881 г., в 1905–1906 гг. ее подготовкой занималось образованное царем Особое совещание под председательством графа

А.П. Игнатьева, благодаря чему в начале 1907 г. правительство П.А. Столыпина с согласия Николая II внесло во II Государственную Думу законопроекты «О пересмотре исключительных законоположений» и «О неприкосновенности личности и жилища и тайны переписки». Эти законопроекты, не рассмотренные II Думой, правительство вносило затем в III Думу, откуда они перешли в IV Думу, в которой застряли до Февральской революции 1917 г. Следовательно, в данном случае, как и во многих других, народное представительство Российской империи выступало в роли тормоза реформаторского процесса. Пока Дума «думала», правительство в 1907–1910 гг. смягчило или отменило исключительное положение в 130 местностях, а административной высылке, главному атрибуту Положения 1881 г., подвергло в 1908 10 060 чел., а в 1909–1911, т. е. в 5 раз меньше (Выступление П.А. Столыпина 1991: 263). Наконец, не дождавшись окончания работы IV Думы, Николай II Указом от 27 августа 1913 г. отменил исключительные законоположения, причем режим чрезвычайной охраны сохранялся только в Ялте и Ялтинском уезде, а усиленная охрана — в столицах и столичных губерниях, Одессе, Николаеве, Ростове-на-Дону и некоторых других промышленных городах. Остальная территория Российской империи подчинялась «правилам для местностей, не объявленных на исключительном положении» (Дякин 1988: 158). Как же обстояло дело с распространением нормального порядка управления в других империях?

В порядке убывания к 1914 г.¹:

- в Британской империи нормальный порядок управления распространялся на одну сотую территории империи,
- в Бельгийской империи — на одну семьдесят седьмую,
- в Датской империи — на одну пятидесятью,
- в Нидерландской империи — на одну пятидесятью,
- в Португальской империи — на одну двадцать пятую,
- во Французской империи — на одну двадцать вторую,
- в Итальянской империи — на одну восьмую,
- в Германской империи — на одну седьмую,
- в Испанской империи — на одну седьмую.

Неудивительно, что в начале XX в. самая большая жемчужина в короне Британской империи, Индия, — представляла собой «военную деспотию, в которой голос народа, хотя и не заглушаемый правителями, едва ли является конституционной силой» (Ольстон 1905: 90). Следовательно, и здесь Российская империя не догоняла, а перегоняла европейских соседей!

¹ Пропорции между площадями метрополий и колоний подсчитаны по: Александров Б.А. Колониальные владения империалистических государств. М.: «Соцэкгиз», 1937. С. 9, 11.

Непреодолимое значение трехтомника Б.Н. Миронова в том, что в нем помимо прочего автор обозначил актуальность использования компаративного подхода при оценке степени развития Российской империи на всех этапах ее истории. Б.Н. Миронов подвел итоги применению методов компаративного исследования в предыдущей историографии истории России, внес свой самый весомый (по сравнению с предшественниками) вклад и в этой области и, что не менее важно, наметил захватывающие перспективы использования компаративного подхода как одного из наиболее объективных критериев оценки степени развития Российской империи не только в политической, но и в социальной, экономической, культурной и прочих сферах. Действительно, одно сравнение, применительно хотя бы к началу XX в., экономик Российской империи и, например, Британской или Нидерландской империй, а не Англии и Нидерландов, даст поистине головокружительные результаты... В этом состоит, вероятно, главное достижение Б.Н. Миронова как самого выдающегося российского историка современности: в своем последнем творении он ставит не точки, а многоточия и, чуждый околонациональной спеси, открытый для конструктивной дискуссии, приглашает идти по проложенной им дороге вслед за ним, вместе с ним, дальше него. Как говорится: «Feci quod potui, faciant meliora potentes» («Я сделал всё, что мог, кто может, пусть сделает лучше»).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Выступление П.А. Столыпина 1991 – Выступление П.А. Столыпина. 31 марта 1910 г. // Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия... Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. М., 1991.

Гобсон 2010 – Гобсон Дж. Империализм. М., 2010.

Дякин 1988 – Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьейимперии системы. Л., 1988.

Ольстон 1905 – Ольстон Л. Очерк современных конституций. Введение к изучению политической науки. СПб., 1905.

Основной закон Нидерландского королевства 1905 – Основной закон Нидерландского королевства 30 ноября 1887 г. // Современные конституции. Т. 1. Конституционные монархии. СПб., 1905.

Португальская Конституционная хартия 1905 – Португальская Конституционная хартия 29 апреля 1826 г. // Современные конституции. Т. 1. Конституционные монархии. СПб., 1905.

Энсон 1914 – Энсон В. Английская корона, ее конституционные законы и обычаи. СПб., 1914.

REFERENCES

Alston L. *Oчерk sovremennykh konstitutsii. Vvedenie k izucheniiu politicheskoi nauki*. Saint Petersburg, 1905.

Anson W. *Angliiskaia korona, ee konstitutsionnye zakony i obychai*. Saint Petersburg, 1914.

Diakin V.S. *Burzhuziia, dvorianstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eiun'skoi sistemy*. Leningrad, 1988.

Hobson J. *Imperializm*. Moscow, 2010.

Osnovnoi zakon Niderlandskogo korolevstva 30 noiabria 1887 g. *Sovremennye konstitutsii. T. 1. Konstitutsionnye monarkhii*. Saint Petersburg, 1905.

Portugal'skaia Konstitutsionnaia khartiia 29 apreliia 1826 g. *Sovremennye konstitutsii*. T. 1. *Konstitutsionnye monarkhii*. Saint Petersburg, 1905.

Vystuplenie P.A. Stolypina. 31 marta 1910 g. Stolypin P.A. *Nam nuzhna Velikaia Rossiia... Polnoe sobranie rechei v Gosudarstvennoi Dume i Gosudarstvennom Sovete. 1906–1911*. Moscow, 1991.

И.И. ВЕРНЯЕВ²:

Одна из основных особенностей обсуждаемой книги — ее междисциплинарность. Автор использует подходы социальной, экономической, политической, визуальной истории, этнографии, демографии, социологии, политологии и психологии. Исследователь создал масштабную, многомерную, динамическую модель истории Российской империи, ее движения «от традиции к модерну» в демографическом, экономическом, социальном, правовом, культурном и психологическом аспектах.

Для меня как этнографа особенно важной была проблематика, связанная с анализом этноконфессиональной политики империи и трансформацией традиционных социокультурных систем. В рамках данной группы проблем обсуждаемая монография известного историка является ценным источником первичных данных, их глубокого аналитического осмысления и обобщающих моделей.

Одну из ключевых тем обсуждаемой книги можно обозначить как исследование принципов, а также

² Текст выступления подготовлен в соответствии с грантом Российского научного фонда. Проект № 15-18-00119.

своего рода «технологий» управления этноконфессиональным разнообразием, имперской интеграции и модернизации традиционных обществ и «национальных окраин». Автором определены три группы долговременных принципов имперской политики в этой сфере: 1) сохранение статус-кво, использование косвенного, непрямого управления, предоставление широкой автономии присоединяемым территориям и проживающим там этническим группам, в особенности на первых этапах интеграции; 2) включение национальных элит в систему управления империи, сотрудничество с ними имперского центра, преобладание социальной ассимиляции над собственно этнической, важность прежде всего политической лояльности интегрируемых обществ и их лидеров; 3) этническая и конфессиональная толерантность, отсутствие по большей части правовой дискриминации по национальному или конфессиональному признаку. В целом, эти принципы автор определяет как парадигму «имперского этнопатернализма».

Этот тип «национальной политики», политики управления этноконфессиональным разнообразием определялся, как показал Б.Н. Миронов, в значительной степени объективными факторами. Стремительно расширяясь, империя на протяжении многих десятилетий находилась в состоянии «недоуправления национальными окраинами», которое обуславливалось в свою очередь дефицитом ресурсов, недостаточным развитием транспортно-коммуникационной и иной инфра-

структуры, недостатком кадрового обеспечения управленческой сферы. Не обладая достаточными ресурсами и инфраструктурой, имперский центр не имел возможности быстро, в рамках единой модели интегрировать и унифицировать разнообразие присоединяемых территории, этнические группы, их социокультурные и правовые системы. Поэтому имперская политика была достаточно гибкой, прагматичной, приспособляющейся и учитывающей специфику сложившихся хозяйственных моделей, социальных структур, правовых норм и культуры присоединяемых народов, опирающейся нередко на местные властные иерархии и их мобилизационные возможности.

Конкретизируя принципы и подходы имперской этноконфессиональной политики, можно выделить ряд своего рода имперских управленческих «технологий», позволявших осуществлять как «сборку» имперского пространства, так и постепенную, достаточно гибкую и непрямолинейную интеграцию регионов и этнических групп.

Б.Н. Миронов вводит понятие «промежуточных, компромиссных институтов», пишет о «симбиозах старых и новых институтов». Часть такого рода промежуточных «компромиссных институтов» на языке этнографической науки можно было бы обозначить также как «неотрадиционные». Конструирование на базе эндогенных социокультурных, правовых и потестарных систем своего рода «неотрадиционных институтов» обеспечивало относительную стабильность в ре-

ализации процессов имперской интеграции, формировало преемственность и тем самым предотвращало разрушительную деструкцию социальной ткани в процессах интеграции и модернизации. Имперские администраторы при активном участии местных элит на основе взаимодействия и компромисса формировали своего рода обобщенную модель региональных институтов управления, права, значимых социальных и конфессиональных институтов и практик, легитимировали и тиражировали эту симбиотическую модель в рамках интегрируемого региона. Тем самым ресурсы, потенциал, возможности мобилизации и самоуправления территориально-общинных, региональных, родоплеменных и этнических систем инкорпорировались в имперское целое.

Процессы интеграции в имперское пространство запускали также процессы формирования своего рода обобщенных, над-локальных форм этнических/национальных культур и соответствующей идентичности. Империя, реализуя в регионах совместно с сообществами и их элитами интеграционные стратегии, создавая широкую сцену для взаимодействия между различными группами населения, была своего рода лабораторией над-локальных национальных культур и идентичности.

Рассматривая с точки зрения этнографа опыт Российской империи в ходе модернизации традиционных структур, следует заметить, что современная этнография оказалась от излишне холистских

взглядов на общества традиционного типа. Холистский взгляд подразумевает, что все подсистемы традиционного общества, как то хозяйственная модель, социальные структуры, обычно-правовые нормы, духовная культура и др., жестко взаимосвязаны, однозначным образом коррелируют друг с другом, прямолинейно соответствуют друг другу. Исследования процессов модернизации традиционных обществ, их интеграции в современные экономические и социально-политические системы показали, что, например, многие традиционалистские институты (родоплеменные, территориально-общинные, патрон-клиентские, кастовые и др.) могут вполне сочетаться с активной и успешной адаптацией обществ с такими социальными структурами в современной индустриальной и постиндустриальной экономике, политическом процессе. То же касается и традиционной духовной культуры, традиционалистских ментальных установок, которые нередко сочетаются с эффективным участием в современных экономических, социальных и политических процессах и институтах. Соответственно реформаторам нет необходимости осуществлять своего рода тотальную трансформацию всех подсистем общества традиционного типа, одновременно и в исторически короткие сроки. Такого рода тотальные трансформации, как показывает опыт и российского государства, и других стран, нередко приводят к социальной деструкции. Наличие устойчивых социальных структур традиционного типа не означает автоматически, что общество при их сохранении

будет невосприимчиво к технологическим и экономическим трансформациям. Успех нередко ждал те государства и тех реформаторов, которые умели актуализировать, задействовать потенциал устойчивых традиционных социальных структур и мобилизационные возможности традиционных элит в своих модернизационных проектах. Проделанный Б.Н. Мироновым всесторонний анализ российских имперских технологий интеграции и модернизации обществ и институтов традиционного типа, процессов их успешного и неуспешного реформирования открывает широкие возможности для проведения межстрановых и межрегиональных сравнительных исследований.

Важной технологией управления этноконфессиональным разнообразием имперской интеграции стали процессы конфессионализации, легитимации существующих в империи религий и религиозных сообществ, включение их в систему государственного управления. Такими признанными религиями были по большей части вероисповедания достаточно крупных этнических групп Российской империи. Признание вероисповедания фактически означало и наделение определенной правовой субъектностью этнических групп. Вероисповедное и этническое в системе имперских категорий было тесно взаимосвязано. Как отмечает Б.Н. Миронов, «конфессиональная толерантность имела принципиальное значение, поскольку империя вплоть до начала XX в. оставалась или, по крайней мере, сохраняла ряд фундаментальных характеристик

“конфессиональной империи”, где “привязка” подданного к той или иной конфессии выступала одним из средств социального контроля». Конфессионализация подразумевала признание религий и соответствующих религиозных сообществ как коллективных субъектов, конфессиональных корпораций, формирование государственной правовой базы их функционирования, покровительство им, защиту, признание особого статуса, прав и привилегий духовных лиц. Вместе с этим конфессионализация включала правовую регламентацию организационного устройства, социальных и религиозных практик церковного сообщества, административный надзор и управление со стороны соответствующих государственных ведомств, наделение духовных лиц обязанностями, включая передачу исполнения части собственно государственных функций, функций метрического учета, социального, морального, административного контроля над паствой, обеспечения связей между паствой и государственными структурами, формирование у верующих представлений о легитимности имперской власти.

Важной особенностью русского опыта управления этноконфессиональным разнообразием, механизмом имперской интеграции стала практика создания некоторых преимуществ этническим группам национальных регионов страны, предоставление особого правового статуса «инородческому» населению, обеспечения их рядом льгот и привилегий. В монографии на конкретных примерах

и в целом показаны механизмы обеспечения этих преимуществ — налоговые преференции, широкие права в сфере самоуправления, институционализация местных институтов, вложения в инфраструктуру.

Еще одной важной чертой имперской «инженерии», исследованной Б.Н. Мироновым, было преобладание в процессе имперской интеграции социальной, а не этнической ассимиляции. Можно сказать, что эта социальная технология заключалась в распространении общероссийской сословной матрицы на вновь присоединяемые национальные территории. При этом можно обратить внимание, что в ходе этой ассимиляции и сама сословная матрица приспособлялась к существующему разнообразию, как бы «вбирая» его в себя. В результате в рамках общероссийских сословий формировались своего рода субсословные категории (как, например, «кочевые инородцы», приравненные к государственным крестьянам, но по ряду аспектов правового статуса и особенностей системы управления имеющие свои особенности). В результате в Российской империи по мере инкорпорации новых территорий постепенно складывалась полиэтноконфессиональная по своему происхождению имперская элита. Сама по себе принадлежность к той или иной религии и национальности не создавали социальных барьеров, не были препятствием для социальной интеграции, в том числе для продвижения в различные управленческие, элитарные и профессиональные группы.

Подводя итог чтению «глазами этнографа» новой фундаментальной монографии Б.Н. Миронова, следует выразить уверенность, что эта книга с учетом ее принципиальной полидисциплинарности, уникального богатства проблематики и подходов, новизной многих исследовательских моделей и результатов на долгие годы станет для всей

социально-гуманитарной научной среды важным «социальным институтом» — широким пространством коммуникации, споров, обсуждений, выдвижения гипотез и формирования новых интерпретаций российской истории имперского периода, сложного пути от «традиции к модерну».

М. В. Медоваров

ПЕРЕОСМЫСЛИВАЯ ВЕЛИКИЕ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Рец.: *Христофоров И. А.* Крымская война и Великие реформы Александра II в российской истории. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 197 с.

Количество исследований, посвященных реформам Александра II и контрреформам Александра III, к настоящему времени достигло астрономических значений. Ориентироваться в этом океане научной литературы нелегко даже специалистам по истории России XIX в., не говоря уже о массовом читателе. Поэтому необходимость в научно-популярной книге, которая бы фиксировала состояние изучения этой эпохи на данный момент, ощущалась весьма остро. Подготовленный при поддержке РГНФ труд известного историка И. А. Христофорова (Институт российской истории РАН) во многом позволяет удовлетворить эту давно назревшую потребность.

В предыдущих монографиях исследователя нашли отражение два частных, хотя и очень значимых вопроса: крестьянская реформа и олигархическая оппозиция Александру II среди высшего дворянства (*Христофоров* 2002; 2011). Тем не менее уже в них затрагивался ряд концептуальных

моментов и чувствовался определенный уклон в сторону рассмотрения истории России сквозь призму процессов модернизации и вестернизации. Новая научно-популярная книга И. А. Христофорова целиком построена на теоретическом осмыслении Великих реформ как способа модернизации Российской империи.

Тон всей книге задают первые же страницы, где автор критически рассматривает ряд уже устаревших концепций модернизации и «отстающего развития», прежде всего А. Гершенкрона и его последователей, известных русскому читателю по недавнему труду М. М. Крома (*Кром* 2015). Явному «экономическому» уклону Гершенкрона И. А. Христофоров противопоставляет институционалистский подход, отводящий центральную роль в проведении реформ и их характере давно сложившимся социально-политическим условиям Российской империи (с. 4–15).

Характеризуя последние годы правления Николая I и военные неудачи

в Крымскую войну, автор, как нам представляется, несколько сгущает краски (с. 15–28). В самом деле, удивительно не то, что под натиском войск четырех крупнейших держав спустя целый год упорного противостояния была потеряна половина Севастополя и ряд городов на азовском и черноморском побережье, а то, что в общем и целом Российская империя устояла и успешно отбила атаки противника на всех остальных фронтах. Против абсолютизации изрядно мифологизированного технического отставания России от Англии и Франции в последние годы не раз высказывались такие историки, как М. М. Шевченко, В. Э. Багдасарян, Д. А. Николаев, поэтому представляется некорректным искать причину краха николаевской системы в военной сфере.

И. А. Христофоров отмечает, что в 1812 г. Наполеон I дошел до Москвы, однако русское общество осталось единодушным и стабильным, и ни о каких реформах вопрос даже не поднимался. Наполеон III в 1855 г. дошел лишь до Крыма, однако же недовольство николаевским режимом во всех фракциях образованного общества было столь велико, что всеобщая жажда реформ вынудила Александра II (который сам по натуре был более чем консервативен) отказаться от продолжения курса своего отца. Именно общественное сознание, по мнению И. А. Христофорова, сделало неизбежным начало реформ (с. 28–31). Вывод историка звучит достаточно жестко: «Итак, причинами реформ не были ни массовое движение крестьян, ни кризис власти. Роль “триг-

гера”, “спускового крючка” действительно сыграло, как традиционно считается в историографии, поражение в Крымской войне» (с. 74).

Проводить преобразования было суждено двум поколениям чиновников, выросших и воспитанных при Николае I, получивших «технократическое», как сейчас бы сказали, образование и воспринявших идеи западного экономического (но не политического!) либерализма. Особое внимание И. А. Христофоров уделяет «лабораториям мысли» «либеральных бюрократов», показывая, каким был круг чтения, общения, идейных влияний в центрах интеллектуальной жизни России при Николае I: в университетах, Училище правоведения, салонах и кружках, научных обществах, межведомственных комиссиях (с. 57–65).

Выросший в этой интеллектуальной среде бюрократический «либерализм», о котором невозможно говорить иначе как в кавычках применительно к реформаторам вроде братьев Милютиных, фактически представлял собой смесь представлений о необходимости проведения преобразований сверху твердой рукой правительства с элементами сен-симонистского утопического социализма (с. 31–39). Вполне справедливо замечание И. А. Христофорова о том, что граница между понятиями «либерал» и «консерватор» в эпоху Великих реформ в России спуталась, однако мы не можем согласиться с его предложением считать «настоящими консерваторами» не только собственно К. П. Победоносцева, В. П. Мещерского

и позднего М. Н. Каткова, но и «аристократическую оппозицию» в лице В. П. Орлова-Давыдова, А. П. Безобразова и В. Д. Скарятин (с. 39–42). С нашей точки зрения, следует отличать вопрос о том, кого называли «либералом» и «консерватором» в тот период, от вопроса о том, кого следует считать либералами и консерваторами с точки зрения принятой в современной науке типологии общественно-политической мысли (Медоваров 2012). Во втором случае, безусловно, следует признать, что программа газеты «Весть» или курс П. А. Шувалова были выражением позиции либеральных аристократов («олигархов», «космополитов») и ничего общего с консерватизмом не имели.

Именно с особенностями личностей реформаторов, а также самого Александра II (с. 66–74, 80–82) начинается свое изложение хода реформ И. А. Христофоров, попутно опровергая старые концепции «первой революционной ситуации» и «кризиса крепостнического хозяйства» (с. 75–79).

«В мировой историографии не так много работ, авторы которых рассматривали бы русскую политическую философию в широком компаративном контексте», — отмечает И. А. Христофоров (с. 43). Он пытается заполнить этот пробел, показывая органичное сочетание в сознании русских «просвещенных бюрократов», воспитанных в николаевские годы, представлений о благотворной роли самодержавия с горячей приверженностью к либеральному содержанию «реформ сверху». В конкретно-исторических

условиях тогдашней России единственным способом проведения таких реформ вопреки сопротивлению помещиков неизбежно становилось усиление бюрократического государственного аппарата и особый акцент на развитие местного самоуправления (с. 43–48, 82–84).

И. А. Христофоров рассматривает общий ход и некоторые нюансы крестьянской реформы (с. 84–90, 99–110) в тесной связи с финансовыми преобразованиями (с. 90–98). Констатируя факт отсутствия желаемых результатов спустя два-три десятилетия после отмены крепостного права, историк считает, что причиной пробуксовки реформы явилось непонимание ее авторами дальнейшей перспективы — в 1861 г. они просто не имели никакой ясной картины желаемого отдаленного будущего. Нельзя, впрочем, упускать из виду известное высказывание либерального министра народного просвещения А. В. Головнина о том, что после реформы 1861 г. становится неизбежной крестьянская революция «в царствование внука нынешнего государя»... Поэтому, когда И. А. Христофоров высказывает мнение, что реформа могла бы быть более удачной, если бы она сопровождалась постепенным разрушением общины и отсутствием страха власти перед пролетаризацией крестьян, то вряд ли с этим можно согласиться. Пролетаризация крестьян и коммерциализация земли — плоды внедрения капитализма в сферу землевладения — являлись наиболее разрушительным бичом в самых разных странах, как отмечал еще И. Валлерстайн (Валлерстайн 2001: 70–74).

Рассмотрение земской реформы на фоне изменений в структурах исполнительной власти на местах (с. 110–120) сменяется в труде И. А. Христофорова анализом судебной реформы (с. 122–129). И вновь крайне спорным представляется тезис автора о том, что ее радикализм был более благотворным, чем если бы она оказалась столь же половинчатой и более органичной для русского общества, как реформы крестьянская и земская.

Крайне высокой оценки заслуживает раздел книги, посвященный общественно-политической мысли России 1860–1870-х гг. (с. 129–143). Автору удается удачно вписать русских либералов и социалистов, почвенников и славянофилов, конституционалистов и радикалов в контекст европейской мысли, найти для них аналоги в зарубежных странах. В свете всё еще непривычных для российской исторической науки штудий по интеллектуальной истории большое значение имеет тезис И. А. Христофорова о том, что часто идейное размежевание между различными лагерями в России обуславливалось социальным происхождением, сословной, а то и вовсе семейно-клановой близостью тех или иных мыслителей.

Другая тема, ставшая чрезвычайно модной в последнее десятилетие в России – проблематика империи и национализма. И в этом случае И. А. Христофоров демонстрирует нюансированный подход к проблеме, показывая, как националистическая риторика служила реформаторам из числа «просвещенных бюрократов» и как преломлялся курс

власти при Александре II на Кавказе, в Польше, в Средней Азии (с. 48–54, 143–153).

Рассмотрение второй половины правления Александра II, начиная с выстрела Каракозова и заканчивая Берлинским конгрессом и убийством императора, в рассматриваемой книге носит схематичный, фактографический характер (с. 153–179).

Отказываясь как от абсолютизированного противопоставления политики Александра III курсу его отца, так и от другой крайности (подчеркивания континуитета между двумя царствованиями и отрицания самого термина «контрреформы»), И. А. Христофоров приходит к выводу, что уместнее говорить о правлении Александра III как о частичной корректировке существующих реформ без отмены какой-либо из них (с. 55–56, 180–182). Принципиальным отличием царствования Александра III, по мнению исследователя, было не столько изменение реальной ситуации в стране, сколько поворот в сторону последовательного консерватизма в господствующей идеологии и связанный с этим акцент на сохранении крестьянской общины как удобного для государства полицейского инструмента, дополненного институтом земских начальников (с. 182–196). Представляется крайне значимым вывод И. А. Христофорова о том, что великий консервативный поворот был не столько навязан сверху, сколько естественным образом вызрел в русском обществе еще до 1881 г.: не только консерваторы, но и значительная часть либералов и народни-

ков желала уберечь патриархальный образ жизни крестьян от хищнического капитализма. И хотя в оценке данного факта мы расходимся с уважаемым автором, но сама констатация того, что уже не в первый раз изменение общественных настроений предшествовало изменению политики руководства России, заслуживает особого внимания и свидетельствует о силе, которую идейное влияние и печатное слово демонстрировали в России и в 1855, и в 1863, и 1877, и в 1881 гг.

Завершая рассмотрение труда И.А. Христофорова, еще раз подчеркнем, что он весь пронизан нитями компаративного подхода. Автор убежден, что смысл реформ может быть понят лишь в контексте становления мировой системы индустриального и финансового капитализма в 1850–1860-х гг., которые он называет «первой глобализацией» (с. 66). Термин более чем спорный: начиная с эпохи Великих географических открытий и Россия, и весь мир уже прошли через несколько стадий глобализации. Но в середине XIX в. действительно произошел качественный технологический скачок, который позволил Великобритании, Франции и отчасти США навязать открытие рынков и политической системы всем странам мира, которые до тех пор еще оставались относительно закрытыми. Данный процесс И. Валлерстайн называл «вовлечением» в современную мир-экономику тех частей мира, которые ранее в нее не входили. Поэтому, на наш взгляд, плодотворным может считаться только сравнение России с другими странами, в которые развитый индустриальный ка-

питализм пришел по преимуществу извне на англо-французских штыках, а не с теми странами Европы, где преобладали внутренние источники капиталистического развития. Близкие аналоги процессов, происходивших в России при Александре II, среди европейских стран можно обнаружить только у ближайшей соседки – Румынии, как это показано в недавней статье В.Н. Виноградова (*Виноградов 2016*).

Именно с учетом данной оговорки место эпохи Великих реформ в истории России предстает в новом свете. В самом деле, завершивший Крымскую войну Парижский мир навязал формально победившей Османской империи столь же унижительные условия, как и Российской, начавшиеся там реформы второй волны танзимата подчас были близки к российским (вплоть до создания органов местного самоуправления), но оказались куда менее эффективны, что продемонстрировала война 1877–1878 гг. В ослабленные полукolonии после аналогичного вмешательства Англии и Франции к 1860 г. превратились также Китай и Персия. Два государства (причем христианских), закрывавшихся от глобального рынка, были уничтожены путем прямой интервенции и убийства их лидеров: Эфиопия в 1868 г. и Парагвай в 1870 г. На этом фоне лишь России и Японии удалось не только отбить первоначальный военный натиск извне в 1850-х гг., но и провести реформы, позволившие стать конкурентоспособными странами в новую эпоху. Именно в таком контексте становится по-настоящему ясна заслуга как русских военачальников,

сорвавших в Крымскую войну планы Пальмерстона, так и реформаторов «первой волны» рубежа 1850–1860-х гг., благодаря компетентности которых Россия смогла относительно благополучно и мирно пережить непростой и болезненный период трансформации. Написанная живым, увлекательным языком книга И. А. Христофорова, адресованная массовому читателю, заставляет лишний раз задуматься об этом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Валлерстайн 2001 — Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001.

Виноградов 2016 — Виноградов В. Н. Монархии румынских Гогенцоллернов и Романовых: черты сходства и различия // Славяноведение. 2016. № 1. С. 13–18.

Кром 2015 — Кром М. М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Медоваров 2012 — Медоваров М. В. Эволюция представлений А. А. Киреева о либерализме и консерватизме // Из истории русской общественной мысли XVIII–XX веков: Сборник научных статей. К 70-летию профессора В. А. Китаева. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2012. С. 53–64.

Христофоров 2002 — Христофоров И. А. «Аристократическая» оппозиция Вели-

ким реформам (конец 1850-х — середина 1870-х гг.). М.: Русское слово, 2002.

Христофоров 2011 — Христофоров И. А. Судьба реформы: русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830-е–1890-е гг.). М.: Собрание, 2011.

REFERENCES

Khristoforov I. A. "Aristokraticheskaia" opozitsiia Velikim reformam (konets 1850-kh — seredina 1870-kh gg.). Moscow: Russkoe slovo, 2002.

Khristoforov I. A. Sud'ba reformy: russkoe krest'ianstvo v pravitel'stvennoi politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830-e–1890-e gg.). Moscow: Sobranie, 2011.

Krom M. M. *Vvedenie v istoricheskuiu komparativistiku: uchebnoe posobie*. Saint Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015.

Medovarov M. V. Evoliutsiia predstavlenii A. A. Kireeva o liberalizme i konservatizme. *Iz istorii russkoi obshchestvennoi mysli XVIII–XX vekov. Sbornik nauchnykh statei. K 70-letiiu professora V. A. Kitaeva*. Nizhniy Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2012. P. 53–64.

Vallerstain I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiia v sovremennom mire*. Saint Petersburg: Universitetskaia kniga, 2001.

Vinogradov V. N. Monarkhii rumynskikh Gogentsollernov i Romanovkh: cherty skhodstva i razlichii. *Slavianovedenie*. 2016. N 1. P. 13–18.

Medovarov M. V. Rethinking the Great Reforms of Alexander II in the Global Context

«ОТКРЫТАЯ КНИГА БЫТИЯ»

Рец.: Суд над цареубийцами. Дело 1 марта 1881 года / Под ред. В.В. Разбегаева. Т. I: Заседания Особого Присутствия Правительствующего Сената 26–29 марта 1881 года. Стенографический отчет. Первое критическое издание. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2014. (Историко-революционный архив). Вып. 2. Т. I. 306 с.

Суд над цареубийцами. Дело 1 марта 1881 года / Под ред. В.В. Разбегаева. Т. II: Показания и прочие документы подсудимых. Показания свидетелей. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2014. (Историко-революционный архив). Вып. 2. Т. II. 302 с.

1 марта 1881 г. партия «Народная воля» после ряда неудачных попыток привела в исполнение смертный приговор императору России Александру II. Цареубийство, суд и казнь цареубийц – события громадного исторического значения. «Слово и дело» А.И. Желябова и его сподвижников, увенчавшиеся взрывом на Екатерининском канале, на долгие годы определили вектор общественно-политического развития России.

Растерянность власти, напряжение и нервозность русского общества, беспримерный интерес западной публики к «преступлению века» обстоятельно исследованы в работах П.А. Зайончковского (*Зайончковский* 1964), Н.А. Троицкого (*Троицкий* 1982), Ю. Сафроновой (*Сафронова* 2014) и других историков.

Истинный масштаб трагедии 1 марта 1881 г. осознавали лишь самые проницательные современники со-

бытия. Большинство же образованного русского общества задавалось мучительными вопросами о причинах и последствиях цареубийства, о политических убеждениях народовольцев, их нравственном облике. На эти, как и на многие другие вопросы, пытались ответить и несколько поколений историков. Неудивительно, что материалы по «делу первоапрельцев», самому громкому политическому процессу в дореволюционной России, почти полтора столетия вызывают жгучий интерес ученых, публицистов, писателей, политиков, общественных деятелей.

Процесс по делу цареубийц проходил 26–29 марта 1881 г. на закрытых заседаниях Особого присутствия Правительствующего Сената (ОППС), судебного органа, учрежденного 7 июня 1872 г. для рассмотрения государственных преступлений в Российской империи. Отчет о процессе со значительными цензурными сокращениями публиковал «Правительственный вест-

ник» (Правительственный вестник 1881). Затем в том же или еще более искаженном виде эти материалы перепечатывались центральной и местной прессой России. В течение 25 лет эти публикации оставались единственным доступным источником информации о процессе по делу 1 марта 1881 г.

История России второй половины XIX столетия богата политическими процессами. Логично, что важнейший, если не главный, источник сведений о деятельности народников – стенографические отчеты судебных заседаний, эта, по меткому выражению А.И. Желябова, «открытая книга бытия» русских революционеров. Между тем издание этих материалов и по сей день продвигается очень тяжело. В 1906 г. знаменитый В.Л. Бурцев сетовал: «До сих пор у нас очень мало еще издано политических процессов» (Процесс 16 террористов 1880: 235). Словно услышав его, Л.Г. Дейч во вступительной статье к изданному им «Делу 1 марта 1881 г.» осторожно намекнул, что появление полного стенографического отчета знаменитого судебного процесса – дело ближайшего будущего. Соратник А.И. Желябова и С.Л. Перовской по «Земле и воле» наивно полагал, что «по прошествии четверти века, истекшего со времени 1-го марта 1881 г., читатель вправе ждать беспристрастного отношения к этому событию» (Дело 1-го марта 1881 г. 1906: 390). Семьдесят лет спустя Н.А. Троицкий, обстоятельно исследовавший и судебный процесс над царевубийцами и отклики на него в российском и западном общественном мнении, досадовал,

что «главный источник – стенографические отчеты о процессах» представлен очень скудно (Троицкий 1982: 10). Действительно, в советский период были изданы только два полных стенографических отчета о политических процессах над народниками: материалы о покушении Д.В. Каракозова и по делу А.И. Ульянова с товарищами. Как отметил Н.А. Троицкий, «именно эти два отчета <...> и являются действительно полными стенографическими отчетами. Все остальные печатались с цензурными купюрами либо <...> в пересказе очевидца» (Троицкий 1978: 14). Вопрос о научном издании полного стенографического отчета по делу о царевубийстве 1 марта 1881 г. даже не поднимался.

За четверть века постсоветской истории России дело издания материалов по процессу первомайцев, как, впрочем, и каких-либо других стенографических отчетов о политических процессах второй половины XIX в., так и не сдвинулось с мертвой точки. Как видим, романтик революции Л.Г. Дейч напрасно ожидал «беспристрастного отношения к событиям» 1 марта 1881 г.

Вплоть до выхода в свет рецензируемого издания специалисты, обращаясь к судебным материалам по делу первомайцев, вынуждены были довольствоваться либо официальной версией «Правительственного вестника», либо отдельным изданием тех же материалов.

Изданное более ста лет назад патриархом российского освободитель-

ного движения Л.Г. Дейчем «Дело 1-го марта 1881 г.» следует считать прямым предшественником рецензируемого издания. Отдавая должное первому публикатору отчета по делу первоапрельцев, отметим, что, конечно, эти сокращенные и процеженные цензурой материалы искажали истинную картину события. Вряд ли даже самый дотошный читатель мог извлечь из этого плода цензурного террора достоверное знание о деятельности «Народной воли», ее программных требованиях и нравственном облике цареубийц. Собственно, сам ход судебных прений предстает на страницах первого издания стенографического отчета в крайне недостоверном виде, что, думается, хорошо понимал и сам Л.Г. Дейч.

Полноценного отчета по делу цареубийц пришлось ждать более ста лет. Столь долговременный «простой» не был случайностью, ведь в советский период существовала прекрасно отлаженная система академического издания памятников истории и литературы, требующих кропотливой редакторской работы, высокой квалификации публикаторов, сил и времени. Например, знаменитая «Повесть временных лет» увидела свет дважды в течение полувека, а на три издания «Переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским» потребовалось всего двенадцать лет.

Факт, что в стране победившего социализма, несмотря на официальный культ «пламенных революционеров», отношение к теоретическому наследию народников было достаточно скептическим, а к

террору как методу политической борьбы и особенно самому факту убийства царя-освободителя — очень настороженным.

И всё же свершилось: через 135 лет после суда над организаторами и участниками казни Александра II вышел в свет двухтомник, содержащий полный стенографический отчет и другие документы по делу цареубийц.

Прежде всего отметим высочайший профессионализм составителей издания. Для воссоздания исходного текста стенографического отчета использовались гранки «Правительственного вестника», хранящиеся в фондах ГАРФ. Этот источник, как подчеркнул редактор «Суда над цареубийцами» В.В. Разбегаев, никогда не использовался историками. Однако, как выяснилось, не все гранки сохранились в полном объеме. Возникшие лакуны восполнялись обращением к текстам «Правительственного вестника», рукописного протокола судебного заседания, выпискам из стенографического отчета заседания 27 марта 1881 г. и архивным оригиналам документов. Перекрестный анализ источников позволил не только реконструировать первооснову отчета, но и выделить имеющиеся в источниках разночтения, вплоть до мельчайших. В ряде случаев незначительные, на первый взгляд, текстуальные расхождения имеют знаковый характер. Как, например, в случае с программным заявлением А.И. Желябова на заседании 29 марта. В тексте «Правительственного вестника» лидер «Народной воли» называет событие 1 марта 1881 г.

«преступлением», как бы соглашаясь с прокурором Н.В. Муравьевым. Восстановленный оригинал дает иное прочтение. Желябов уточнял: «*наш факт* (курсив наш. — А.С., Ю.С.) — событие 1 марта — нужно рассматривать как событие историческое, <...> это не факт, а история» (т. I, с. 246). Для представителя государственного обвинения царевубийство — «чудовищное преступление», для революционера Желябова — шаги истории. Такой взгляд на суть дела лидер исполнительного комитета «Народной воли» последовательно и твердо отстаивал на протяжении всего процесса, о чем с протокольной точностью свидетельствуют представленные в издании выступления, заявления и реплики А.И. Желябова.

Это лишь один, скромный пример того как цензура в угоду властям «редактировала» судебный отчет по делу первоапрельцев. В целом, опубликованный в рецензируемом издании текст стенографического судебного отчета по делу о царевубийцах минимум на треть больше и неизмеримо содержательнее предшествующего.

В первом томе «Суда над царевубийцами» представлен корпус документов, имеющих непосредственное отношение к заседаниям ОППС 26–29 марта 1881 г., включая обвинительный акт, приговор и другие источники.

Очень сильное впечатление оставляет детальная картина царевубийства 1 марта. Свидетельские показания, фотокопии документов, великолепно исполненные акварели

художника-любителя С.С. Насветича, очевидца процесса и казни царевубийц, с потрясающим реализмом воссоздают картину трагедии. Перед нами словно репортаж с места события, опоздавший к читателю более чем на сто тридцать лет.

Центральное место в первом томе занимает идейное противостояние власти в лице государственного обвинителя Н.В. Муравьева и народо-вольцев, главным образом А.И. Желябова.

Над пафосом пятичасового монолога прокурора иронизировал еще Л.Г. Дейч (Дело 1-го марта 1881 г. 1906: 401). Ныне читатель может и сам по достоинству оценить речь Н.В. Муравьева. Мы же выделим лишь основные тезисы его выступления.

Не юридическая, а политическая задача для российского самодержавия была основой основ на процессе по делу 1 марта. В юридическом отношении дело оказалось весьма простым. Следствие представило все доказательства вины подсудимых, которую они по большей части не отрицали. Однако убийство Александра II вызвало беспрецедентный общественный резонанс. В России и за рубежом напряженно ждали, чем ответит русский абсолютизм на вызов революционеров. Чтобы сохранить лицо, правящие верхи должны были продемонстрировать твердую волю и способность поддерживать закон и порядок в стране, выставив «террористов-фантиков» в самом неприглядном виде. И власти не ошиблись, назначив Муравьева на роль главного об-

винителя по делу цареубийц. «Установку» сверху прокурор исполнял столь усердно, что даже председательствующий на процессе сенатор Э.Я. Фукс впоследствии признавал значительные «передержки» в выступлении Н.В. Муравьева (Суд идет! 1926: 208).

В соответствии с поставленной задачей обвинение сосредоточилось на доказательстве нелепости и беспочвенности идей и аморализме цареубийц. Муравьев эмоционально, но не всегда убедительно, а порой и вопреки собственной логике отрицал существование в России революционной партии. В его трактовке исполнительный комитет «Народной воли» — кучка «демагогов», «соединение вожаков», фанатиков террора, увлекшихся западными лжеучениями, а их партия — фантом, призванный устрашить и запугать власть и общество (т. I, с. 188, 217). Конечной целью цареубийц, по Н.В. Муравьеву, было не благо народа, а вакханалия политических убийств.

В утрированном виде представил обвинитель и шестерых подсудимых. А.И. Желябов — позер и демагог, сумевший запугать и подчинить подельников; Т.М. Михайлов — услужливый и недалёкий исполнитель чужой воли, «грубый, неразвитый, малограмотный»; Г.М. Гельфман — «неинтеллигентная еврейка», почему-то возроптавшая на историческую власть; Н.И. Кибальчич, сын священника, отрекшись от родовых корней, обратил во зло данные ему способности; Н.И. Рысаков — юнец, «слабый характером», «увлеченный пестрой шумихой о страданиях на-

рода», целиком поддавшийся злой воле Желябова. Что же касается С.Л. Перовской, то ее личность и поступки «нравственное чувство» Николая Валерьяновича «отказывалось понимать» вовсе.

Трудно судить, какое впечатление произвела речь Муравьева на слушателей, но опубликованный текст не отнесешь к шедеврам судебного красноречия. По сути это подредактированный и разбавленный собственными умозаключениями «поток сознания», лившийся на русского читателя из официозной прессы той поры. И уж до неприличия банально «диагностировал» прокурор «общие родовые черты» подсудимых. По его мнению, на путь террора их привели не условия жизни, борьба за политические свободы, репрессии властей, гибель товарищей, а «отсутствие семейных связей» и плохое влияние школы (т. I, с. 207).

Одной из главных задач многочасовой речи Н.В. Муравьева было подавить волю народовольцев. Враждебная атмосфера в зале суда, predeterminedность смертного приговора, невозможность ответить на выпады обвинения — всё это действительно могло сломить волю самого сильного человека. И несмотря на это все подсудимые, за исключением Н.И. Рысакова, держали себя с исключительным достоинством. Чтобы убедиться в этом, стоит вчитаться в короткое последнее слово С.Л. Перовской, первой женщины в России, приговоренной к смерти по политическому обвинению. Ни грамма фальши, рисовки, попытки вымолить себе право на жизнь.

Реконструированный текст отчета показывает, что цензура целенаправленно вымарывала из него именно те фрагменты, которые подсудимые считали наиболее важными. Это касается прежде всего разъяснения народовольцами целей и задач партии, их взглядов на состояние России, обоснование террора как вынужденного средства борьбы с режимом, в условиях политической несвободы. Цензурному гнету подсудимые подвергались и на самом процессе. Э.Я. Фукс, безмолвно выслушав пятичасовую речь прокурора, 19 раз (!) прерывал выступление А.И. Желябова. Тем не менее лидер «Народной воли», отказавшийся от адвоката, сумел сказать то, что хотел.

Желябов аргументированно, порой иронично, опроверг домыслы, что задача партии «состоит в расчищении пути через частые политические убийства», а «доказательства от Муравьева» справедливо определил как «комбинацию совершенно произвольную», от которой «остается один только кровавый туман» (т. I, с. 248–249).

В целом первый том, помимо богатого фактического материала, дает читателю понимание всей драмы идейно-политической борьбы, представленной в судебных материалах.

А завершают картину, придают ей цельность и дополнительные краски «основные материалы предварительного следствия», составившие второй том. Все эти документы — показания свидетелей и подсудимых, прошения, другие источни-

ки — впервые введены в научный оборот. Каждый из этих документов уникален, а в совокупности — это огромное поле для аналитической работы специалистов, шанс увидеть и понять далекую эпоху для читателя. В краткой рецензии невозможно не только охарактеризовать, но и перечислить помещенные во втором томе документы. Остановимся лишь на одном аспекте. Можно по-разному относиться к идейному наследию и личностям революционеров-народников. Это дело вкуса, предпочтений и политических убеждений. Но мы уверены: тот, кто прочтет хотя бы просьбу Н.И. Кибальчича передать по назначению его проект воздухоплавательного аппарата, его письма к Александру III и особенно прощальное письмо С.Л. Перовской к матери, не сможет, оставаясь честным человеком, быть единомышленником Н.В. Муравьева и считать народовольцев хладнокровными политическими убийцами, стремившимися свергнуть Россию в кровавый хаос.

Публикацию корпуса документов двухтомника предваряет солидное по объему предисловие Г.С. Кана (т. I, с. IX–LII). Автор дает обзор движения народников от мирной пропаганды к террору, биографические очерки участников процесса, высказывает собственные суждения о деятельности и людях партии «Народная воля». Г.С. Кан совершенно верно указывает на искаженное восприятие событий 1 марта не только в сознании обывателей, но порой и в среде профессиональных историков (т. I, с. IX). Однако вряд ли можно согласиться с авторской оценкой *итогов* деятельности

«Народной воли». «К негативным последствиям деятельности “Народной воли” можно отнести тот факт, что крайне консервативная группировка в правительстве во главе с К.П. Победоносцевым воспользовалась цареубийством, чтобы “заморозить” всякие реформы и ликвидировать даже те небольшие островки либерализма, которые существовали при погибшем монархе», — полагает Г.С. Кан (т. I, с. XLVII).

Будет ошибкой утверждать, что после 1 марта власть «ликвидировала» все «островки либерализма» в стране. Вспомним, что не был затронут суд присяжных, функционировало, пусть и в усеченном виде, местное самоуправление, пробивались к читателю либеральные издания, например «Русское богатство», набирала силу земская интеллигенция. Полагаем, что именно память о взрыве на Екатерининском канале остужала консервативный пыл Александра III, так и не решившегося с корнем вырвать все ростки либерализма в империи. Столь же ошибочно винить народовольцев в том, что цареубийство прервало движение власти к политической реформе. С этим мнением ряда историков не спорил бы и прокурор Н.В. Муравьев. На процессе цареубийц он убеждал публику, что «социально-революционная партия <...> постоянно препятствовала Правительству идти прямым и светлым путем реформ» (т. I, с. 220).

Нет реальных оснований полагать, что правительство Александра III накануне его гибели было готово к демонтажу абсолютизма. Считать псевдоконституцию М.Т. Лорис-Ме-

ликова началом серьезной политической реформы — значит выдавать желаемое за действительное. Что же касается политики Александра III, то общеизвестно, что его архаично-консервативное мирозерцание вызрело задолго до 1 марта 1881 г. и не изменилось бы даже в случае естественной кончины августейшего родителя.

В заключение хотелось бы выделить еще несколько очевидных достоинств рецензируемого издания. Отметим превосходное полиграфическое издание двухтомника. Книга не развалится после первого же чтения. Каждый из двух томов снабжен именным указателем и прекрасными иллюстрациями.

Стоит выразить искреннюю и глубокую благодарность издательству, всем, кто причастен к публикации первого полного издания стенографического судебного отчета по делу 1 марта 1881 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дело 1-го марта 1881 г. 1906 — Дело 1-го марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др. (Правительственный отчет). СПб., 1906.

Зайончковский 1964 — *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х гг. М., 1964.

Правительственный вестник 1881 — Правительственный вестник. 1881. № 67-75.

Процесс 16-ти террористов 1906 — Процесс 16-ти террористов (1880). СПб., 1906.

Сафронова 2014 — *Сафронова Ю.* Русское общество в зеркале революционного

террора. 1879–1881 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Суд идет! 1926 – Суд идет! 1926. № 4.

Троицкий 1978 – *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882. М.: Мысль, 1978.

Троицкий 1982 – *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1982.

REFERENCES

Delo 1-go marta 1881 g. Process Zheliabova, Perovskoi i dr. (Pravitelstvennyi otchet). Saint Petersburg, 1906.

Pravitelstvennyi vestnik. 1881. N 67–75.

Process 16-ti terroristov (1880). Saint Petersburg, 1906.

Safronova U. *Russkoe obchestvo v zerkale revolyutsionnogo terror. 1879–1881 godi.* М., 2014.

Sud idet! 1926. N 4.

Troitskii N.A. *Bezumstvo khrabrykh. Russkie revolyucioneri i karatelnaya politika tsarizma.* Moscow: Mysl', 1978.

Troickiy N.A. «*Narodnaya volia*» *pered tsarskim sudom (1880–1894).* Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1982.

Zayionchkovskiy P.A. *Krisis samodergavia na rubege 1870–1880-kh gg.* Moscow, 1964.

ОБСУЖДЕНИЕ КНИГИ Л.Г. ПРАЙСМАНА

В.М. Рынков, А.Ю. Суслов

Рец.: *Прайсман Л.Г.* Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2015. 536 с.

Имя Леонида Григорьевича Прайсмана, израильско-российского историка, выпускника истфака Московского педагогического института им. В.И. Ленина, хорошо известно в научном сообществе. В сферу его научных интересов входит изучение терроризма в революционном движении в России, история политических партий в России, история евреев в России в XIX–XX вв. Он автор известной работы «Террористы и революционеры, охранники и провокаторы» (М., 2001) и ряда интересных статей. В последнее время Л.Г. Прайсман обратился к истории Гражданской войны в России.

Увлеченность автора темой, его искреннее желание разобраться в сути происходивших событий чувствуется с первых страниц. Книга написана ярко, живо, эмоционально. Герои российской Гражданской войны для Л.Г. Прайсмана – не отвлеченные персонажи, а живые люди, отношение к которым автора

мы ощущаем на каждом шагу. В этом и достоинство, и недостаток исследования. Достоинство в том, что, как писал М. Блок, «способность к восприятию живого – поистине главное качество историка» (Блок 1986: 27). Однако от эмоциональной окрашенности портретов участников Гражданской войны для историка недалеко до пристрастности, когда личные симпатии и антипатии мешают научному восприятию этого очень сложного периода российской истории.

Исследование Л.Г. Прайсмана состоит из пяти глав. Первая из них посвящена восстанию чехословацкого корпуса в 1918 г. и участию чехословаков в Гражданской войне в России. Во второй главе рассматривается создание Народной армии Комуча и боевые действия на Волге в 1918 г. Третья глава повествует о восстании рабочих Ижевского и Воткинского заводов и их вооруженной борьбе с Крас-

ной Армией. О Комитете членов Учредительного собрания, его создании, структуре, аграрной и финансово-экономической политике, участии мусульманского населения в политической жизни и военных действиях говорится в четвертой главе монографии. Наконец, пятая глава посвящена анализу взаимоотношений между различными правительствами на востоке России, Уфимскому Государственному совещанию в сентябре 1918 г. и установлению режима Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака 18 ноября 1918 г.

Важно понять, каков предмет исследования, его хронологические, территориальные рамки, позволяет ли структура монографии оптимально раскрыть заявленную тему? К сожалению, автор оставил читателя в неведении относительно данных вопросов.

Между тем ответ на них далеко не очевиден. Дело в том, что «третий путь» (или «третья сила») в Гражданской войне, вынесенный в заголовок книги Л.Г. Прайсмана, традиционно связывается с деятельностью партии социалистов-революционеров. Однако концепция третьего пути формулируется эсерами после колчаковского переворота (на истории которого книга Л.Г. Прайсмана завершается) — в начале 1919 г. московским бюро ПСР, а затем на конференции эсеровских организаций, действовавших на территории Советской России, провозгласившей борьбу как против большевиков, так и против «буржуазно-помещичьей реакции» (Партия социалистов-революционеров... 2000: 420–421).

На IX Совете ПСР в июне 1919 г. это решение подтверждается: «...ни большевизм, ни реакция не в состоянии разрешить основного противоречия русской жизни. Его может разрешить только третья сила... Партия остается на своих прежних позициях. Партия самостоятельно ведет свою борьбу и с реакцией и с большевизмом» (Партия социалистов-революционеров... 2000: 456–457).

Опираясь во многом на оценки событий, данные российскими социалистами, значительная часть исследователей связывают деятельность Комуча в 1918 г. с демократической альтернативой в российской Гражданской войне («демократической революцией», как пишет Л.Г. Прайсман). Однако «третий путь» этим далеко не исчерпывается. Поэтому было весьма уместно дать в работе общий очерк истории партии социалистов-революционеров после октября 1917 г. в контексте формирования и эволюции программы «третьего пути» как альтернативы и большевистской власти, и белым режимам. Попутно отметим, что автор называет ПСР «правыми» (с. 10), что вряд ли можно считать корректным — партии с таким названием никогда не существовало. Представителей ПСР называли «правыми эсерами» большевики и левые эсеры, а сами социалисты-революционеры считали, что существует одна партия — ПСР.

Вторая часть заглавия книги — «демократическая революция» — воспринимается как заявка на новое понимание событий 1918 г. на Волге. Но Л.Г. Прайсман, отбрасывая широко используемый и обсуждаемый

историками концепт «демократической контрреволюции» (иногда в кавычки берется только слово «демократическая»), нигде не пояснил свое видение ни революционного процесса, ни места Комуча в нем. Мы не обнаружим внятных формулировок, что же автор подразумевает под «демократической революцией», какими силами она представлена, как соотносится с Временным правительством, советской властью и Белым движением. Подобный способ введения в научный оборот новой дефиниции едва ли можно признать удачным. Умолчанием Л.Г. Прайсман рискует оставить своего читателя в недоумении — то ли этот новаторский подход является общепринятым и не нуждается в пояснениях, то ли это просто опечатка в названии книги.

Структура монографии тоже не способствует раскрытию авторского замысла. Если она посвящена Комучу, что вполне можно подумать после знакомства с введением, второй и четвертой главами, то почему же события в Прикамье, связь с которым у Самары была эпизодическая, представлены очень детально и даже заслужили отдельной главы, тогда как оренбургские казаки показаны как внешняя сила? Между тем существовал назначенный из Самары «Комитет уполномоченных от членов Учредительного собрания на территории Оренбургского казачьего войска, Оренбургской губернии и Тургайской области». Он являлся региональным органом Комуча, проводил его политику с существенной поправкой на местные условия и действовал до 11 декабря 1918 г. Об этом в книге даже

не упомянуто. Непонятно почему книга начинается с подробнейшего описания истории возникновения Чехословацкого корпуса, сразу охватывает территорию от Германского фронта до Владивостока, а такие ключевые для раскрытия темы исследования проблемы, как советская политика в Поволжье, вызревание внутренних причин противостояния части населения большевистскому режиму в изучаемом регионе, формирование антибольшевистского подполья находятся на дальней периферии авторского внимания? Последняя глава уводит в сторону от собственно событий в Поволжье. Можно согласиться, что история создания Директории генетически связана с Комучем. Но, увлекшись ее описанием, автор никак не показал финал Комуча. Заслуживающая куда большего внимания эпопея трагического исхода из Поволжья населения сведена лишь к отступлению армии, а «агония» центральных и местных органов власти Комуча после падения Самары и вовсе проигнорирована.

Введение к работе Л.Г. Прайсмана начинается с весьма категоричного заявления: «...книга посвящена важному, но практически совершенно не изученному этапу русской революции и Гражданской войны» (с. 9). С этим трудно согласиться — Комуч имеет достаточно серьезную историографическую традицию, о чем автор сам так или иначе упоминает в дальнейшем. О Комуче немало писали и непосредственные участники событий (социалисты-революционеры, меньшевики, чехословаки, деятели Белого движения и др.), и историки разных направлений.

Это обстоятельство отражено в известных историографических публикациях Г. Лелевича (*Лелевич* 1922: 225–229; 1924: 366–373), А.Л. Литвина (*Литвин* 1982: 111–119; 1988; 1990), С.Б. Скибинской, С.Ю. Малышевой (*Малышева* 1991), А.А. Коробкина (*Коробкин* 2002: 140–156; 2003), В.А. Лапандина (*Лапандин* 2006а) (к слову, в справочнике В.А. Лапандина приводится информация о 1468 трудах) и др. Историографии вооруженного выступления Чехословацкого корпуса посвящено исследование А.Н. Валиахметова, (*Валиахметов* 2005), ижевско-воткинскому восстанию — статьи А.С. Верещагина (*Верещагин* 2000: 289–298; 2015: 110–117) и Е.Г. Ренёва (*Ренёв* 2014а: 63–96; 2014б: 221–257). К сожалению, ни одна из этих работ в книге даже не упомянута; единственное историографическое исследование, попавшее в поле зрения автора, — это статья В.Г. Бортневского 1990 г.

Не лучше обстоят дела и с анализом автором многих научных работ по истории «третьего пути» в Гражданской войне. Наиболее известные труды советских историков, посвященные различным аспектам Гражданской войны в Поволжье, — статьи и монографии Ф.Г. Попова, Л.М. Спирина, В.В. Гармизы, К.В. Гусева, А.Л. Литвина, Е.И. Медведева и др. — в исследовании проигнорированы. Безусловно, советская историческая наука являлась частью структуры власти как гармонично вписанный в систему тоталитарного государства и приспособленный к обслуживанию его идейно-политических потребностей компонент. Но сами исследования проводились

все-таки в соответствии с научными принципами. «Отрицая методологические основы прошлых исследований, — справедливо подчеркивает А.А. Литвин, — присущую той поре мифологизацию и явную фальсификацию, невозможно игнорировать приводимые в них достоверные факты, основанные на их анализе выводы» (*Литвин* 2003: 7). К сожалению, характеризуя советскую литературу 1950–1980-х гг., Л.Г. Прайсман ограничивается кратким замечанием: «...появились работы, посвященные Гражданской войне на Волге, “демократической контрреволюции”, социальной политике Комуча, его отношению с крестьянством» (с. 15). Автор не замечает, что противоречит здесь собственному тезису о Комуче как совершенно неизученном этапе русской революции.

Предельно кратко проанализирована современная историография, которая по сравнению с советским историографическим наследием выглядит как настоящий прорыв. Касаясь публикаций последних лет по истории Белого движения, автор отмечает, что «главным их недостатком является упрощенный подход к проблемам Гражданской войны, восхваление наиболее реакционных кругов в Белом движении и всяческое очернение демократических сил и, в первую очередь, ПСР» (с. 14). Такой вывод подкрепляется цитатами из резолюции съезда представителей различных изданий, требующих «верности идеалам белого дела». Автор, на наш взгляд, и сам предельно упрощает картину современной исторической науки. Разумеется, были и есть работы,

где поиск истины подменяется апологией Белого движения, либо его противников. Но нельзя на основании резолюции, вынесенной какой-то частью даже не историков, а «представителей печатных и электронных изданий», распространять такие оценки на всю российскую историческую корпорацию. Этот подход невольно напоминает методы работы некоторых советских историков – специалистов по критике «буржуазной историографии», которые иногда подбирали явно маргинальные и невысокого качества работы зарубежных авторов и на этом основании давали характеристику целым научным направлениям.

Источниковую основу работы составили многочисленные эмигрантские публикации и их современные переиздания, материалы из фондов двух американских архивов – Архива Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете (Hoover Institution on War, Revolution and Peace) и Бахметьевского архива русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете, а также фонды Государственного архива Российской Федерации. При этом мемуарным свидетельствам участников событий, как опубликованным, так и неопубликованным, автор придает приоритетное значение. Ряд из них, например воспоминания С.А. Елачича и Д.М. Михайлова, впервые вводится в научный оборот.

Но в целом источниковую базу исследования трудно признать достаточной для разностороннего

и объективного раскрытия изучаемой темы. В Поволжье, Прикамье и Оренбуржье, т. е. на территории, фактически или номинально подконтрольной Комучу, выходило около 60 газет и журналов, содержащих феноменально широкий спектр разнообразных источников, позволяющих проследить описанные в монографии события с различных точек зрения, перепроверить достоверность сведений, извлекаемых из делопроизводственных документов и источников личного происхождения. Из почти полутора тысяч сносок в монографии Л.Г. Прайсмана можно обнаружить только двенадцать отсылок к шести газетам периода Гражданской войны, из которых три издавались на контролируемой Комучем территории. К официальному изданию поволжского правительства («Вестник Комуча») автор обращается единственный раз (с. 498). Хотя нельзя не отдать должное усилиям автора по выявлению источников мемуарного характера, опубликованных в эмигрантской прессе.

Из делопроизводственных документов, также весьма богато отражающих тему, в монографии использованы несколько отчетов, воинские приказы, протоколы Финансово-экономического совета. Последние проанализированы автором детальнее и тщательнее, чем его предшественниками.

Автор демонстрирует несколько весьма необычных для профессионального историка «приемов» использования источников. Если опубликованный ранее документ встречался автору в архиве, то

ссылка делается на архивный документ. Факт публикации в этом случае игнорируется. Именно так автор обращается с нормативной базой Комуча, которую обильно цитирует или излагает во второй и четвертой главах. Приказы Комуча опубликованы как минимум трижды (*Лапандин* 2006б; *Сафонов* 2008: 257–370; *Журналы* 2011), но автор, судя по неточностям в приводимых цитатах, больше доверяет своим выпискам. Первую из упомянутых публикаций – сборник документов, изданный В.А. Лапандиным, – автор использует, но только в том случае, если нужный документ не обнаружил в архиве.

То же самое происходит и с мемуарами. В общей коллекции рукописей Бахметьевского архива автор использовал рукопись воспоминаний В.М. Зензинова, дважды опубликованную в России (*Зензинов* 1995: 11–26; *Партия социалистов-революционеров в первые годы советской власти...* 2006: 3–34), из документов ГА РФ извлек опубликованный текст В. Теплоухова о событиях в Челябинске летом 1918 г. (с. 60) (*Теплоухов* 2001: 323) и брошюру В. Голечека (*Голечек* 1919).

Автор неоднократно говорит о необходимости критически использовать мемуарные источники. Но делает он это сугубо избирательно. Например, из воспоминаний И.А. Майского использованы негативные оценки противников Комуча (с. 197), извлечен обширный фактический материал (с. 293, 362–363, 431). Но в ряде случаев Л.Г. Прайсман позволяет себе не согласиться с мемуаристом, сочтя его

данные преувеличенными, либо преуменьшенными, искаженными (с. 134, 222, 426). Сам источник при этом назван «сомнительными» и «советским». Примечательно, что никаких аргументов в пользу иной, нежели у И.А. Майского, версии событий историк не приводит. Между тем речь идет о численности Народной армии (с. 134), количестве жертв подавления антикомучевского восстания рабочих Иващенковских заводов (с. 222), т. е. о проблемах, имеющих богатейшую историографию.

Во второй главе обильно цитируются мемуары А.Г. Ефимова, В.М. Молчанова и Д.И. Федичкина. Эти источники изобилуют недостоверными сведениями, а то и просто домыслами, а последний, кроме того, подвергся при издании существенному редактированию, подчас серьезно искажившему первоисточник в угоду политической конъюнктуре (*Ренёв* 2011: 158–161, *Коробейников* 2014: 168–220). Историк «добросовестно» позаимствовал у упомянутых мемуаристов изрядное количество фактических ошибок, построив третью главу в значительной мере на их описаниях (с. 234, 251, 263, 279–280).

Историю военного и государственного строительства Комуча Л.Г. Прайсман излагает на основе мемуарно-исследовательских произведений В.Г. Архангельского, П.Д. Климушкина, В.И. Лебедева, С.Н. Николаева, С.А. Щепихина и других авторов, сотрудничавших с пражским журналом «Воля России», а позже переиздавших часть своих статей отдельно книгой

(Гражданская война 1930). Все они входили в руководство Комуча и в конце 1920-х гг. целенаправленно создавали коллективную официальную, даже можно сказать, официозную историю Комуча. Л.Г. Прайсман предпринял серьезные усилия для выявления неопубликованных произведений упомянутых авторов, а также реконструкции и введению в научный оборот той документальной базы, которую они использовали при подготовке своих публикаций. Всё это позволило ему расширить и усилить некогда созданную ими концепцию Гражданской войны на Волге в 1918 г.

Из противников Комуча и одновременно непосредственных свидетелей поволжских событий Л.Г. Прайсман активно обращается только к мемуарам С.А. Елачича. Данный источник выбран неспроста. Мемуары этого известного самарского общественного деятеля содержат едкие и, по признанию Л.Г. Прайсмана, несправедливые, пропитанные злобной ненавистью, выпады против лидеров Комуча (с. 346), охотно им цитируемые как доказательство кадетской необъективности. Лишь однажды он позволил себе воспроизвести аргументы, использованные С.А. Елачичем для обоснования негативной оценки политики Комуча в урегулировании квартирного вопроса (с. 300).

Из мемуаров И.С. Ильина извлечено описание посещения им своего разграбленного имения в июне 1918 г. Первоисточник содержит трогательный рассказ привязанного к своим личным вещам человека, не держащего, однако, зла

на погромщиков, к тому же избилующий тонкими наблюдениями за особенностями крестьянской психологии. Но в монографии этот эпизод показан совершенно в другом контексте (с. 312–314). Ему предшествует двухстраничное описание случаев расправ помещиков над крестьянами. Л.Г. Прайсман утверждает, что привел лишь несколько свидетельств, а источники ими просто избилуют. Правда, все его примеры, во-первых, относятся к Южному Уралу, во-вторых, взяты не из источников, а из монографии И.В. Нарского, который в свою очередь привел не документальные свидетельства, а сводку материалов прессы, касавшихся в том числе и бесчинств отрядов «неизвестной окраски» и межнациональных столкновений (с. 310–312) (*Нарский* 2001: 230–232), цитаты из которых без оговорок попали на страницы монографии Л.Г. Прайсмана. Довершает впечатление цитата из приказа Комуча № 124, в котором автор слово «посевщики» заменяет на «помещики» и приписывает Комучу публичные угрозы «применить карательные меры в случае новых разгромом бывших помещичьих и других частных хозяйств» без ссылок на источник (с. 310). В таком обрамлении описанный И.С. Ильиным случай представлен свидетельством реакционных устремлений поволжских помещиков, хотя в тексте мемуаров на это нет и намёка.

Зато внимание историка совершенно не привлекла хорошо аргументированная критика внутренней политики Комуча в мемуарах А.П. Аничкова, К.Н. Никлютина

и даже у того же И.С. Ильина. Между тем упомянутые авторы показывали ее как ошибочную и заведомо обреченную на поражение. К слову сказать, другое произведение И.С. Ильина, в котором он описывает Сибирь осенью 1918 г. и раздает неллицеприятные оценки деятелям сибирской контрреволюции, использовано Л.Г. Прайсманом в полной мере.

В качестве сенсационной архивной находки автор монографии представил план мемуаров А.С. Степанова (Иванова), который, как он утверждает, может пролить свет на многие эпизоды острейшей борьбы за власть на востоке России. Ведь автор данного плана утверждает, что с конца мая 1918 г. являлся участником тайной военной организации, скрывшимся от правосудия участником убийства А.Е. Новоселова и входил в узкий круг лиц, активно готовивших государственный переворот в Омске 18 ноября 1918 г. Несложно обнаружить, что за предлагаемым планом скрывается явная мистификация. Делом об убийстве А.Е. Новоселова занималась следственная комиссия, восстановившая имена и убийц, и попустителей. Но А.С. Степанов среди них не значился. Об омских событиях сентября–ноября 1918 г. мемуарист-мистификатор мог знать только понаслышке.

На наш взгляд, мемуарное наследие времен Гражданской войны представлено в монографии односторонне, пристрастия автора сказались на подборе круга источников и характере работы с ними. Повлияли они и на выводы.

Склонность автора к упрощениям и преувеличениям обнаруживается уже в первой главе. Касаясь челябинского эпизода 14 мая 1918 г. (конфликту на вокзале между чехословаками и австро-венгерскими военнопленными, который привел к выступлению Чехословацкого корпуса), он указал, что «этому столкновению, в котором ни с той, ни с другой стороны не участвовало ни одного российского подданного, суждено было сыграть колоссальную роль в истории Гражданской войны в России» (с. 21). Завершается первая глава утверждением, что «в начальный период Гражданской войны в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке очень часто русские не участвовали в боях ни с той, ни с другой стороны. Гражданская война велась на территории России, но со стороны белых в основном воевали чехи и словаки, а со стороны красных – венгры и австрийцы...» (с. 55–56). Причины Гражданской войны в России сложны и многообразны, и автору стоило бы уделить больше внимания анализу общей внутриполитической ситуации в стране в конце 1917 – первой половине 1918 г.

Весьма спорно выглядит тезис автора о принципиальных различиях между представителями «демократического» лагеря (Л.Г. Прайсман называет здесь имена социалистов-революционеров Н.Д. Авксентьева и В.М. Зензинова) и такими фигурами, как И.А. Михайлов, А.В. Колчак, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий. По мнению Прайсмана, при «всей колоссальной разнице между этими деятелями», для Авксентьева и Зензинова «главным была Россия

как единое государство», «они предпочитали лучше потерять власть», чем способствовать конфликту в антибольшевистском лагере; их оппоненты «думали, в первую очередь, об интересах своей группы, партии, лагеря и готовы были на всё для достижения своих целей, ни в малой степени ни считаясь с тем, какой жуткой опасности они подвергают Россию» (с. 435). Однако буквально через страницу автор характеризует А.В. Колчака как честного, «страстно» любящего Россию человека, правда, политически наивного и ничего не понимающего «ни в политике, ни в государственном устройстве, ни в людях, ни в военных делах» (с. 437). Более того, автор словно бы не замечает огромный массив мемуарных и иных свидетельств, в котором упреки в групповщине, партийности и отсутствии государственного мышления адресованы как раз эсеровским лидерам. В результате расстрелы рабочих и крестьян в Поволжье, неоднократно упоминаемые Л.Г. Прайсманом, не мешают ему считать лидеров Комуча истинными поборниками демократии, а сам политический режим «демократическим», тогда как политические убийства в Сибири являются для него достаточным основанием, чтобы не сумевших их предотвратить политиков обвинить в реакционности.

Исследование Л.Г. Прайсмана оставляет больше вопросов, чем дает ответов. Автор с современных позиций пробует реанимировать эсеровские взгляды на события лета – осени 1918 г. в Поволжье. Он собрал, систематизировал ис-

точники, в которых социалисты пытались показать, а подчас и критически переосмыслить свою роль в Гражданской войне, постарался упрочить доказательную базу, с помощью которой эсеровские лидеры обосновывали возможность и необходимость «третьего пути» в Гражданской войне. Автор сделал это со всеми свойственными этой позиции противоречиями, но в яркой и доступной форме. На сегодняшний день его монография является наиболее полным и фундаментально разработанным представлением эсеровского историко-партийного взгляда на события 1918 г. на востоке России. В этом заключается положительный итог научной работы, за которую мы должны быть признательны автору.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Блок 1986 – *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986.

Валиахметов 2005 – *Валиахметов А.Н.* Чехословацкий корпус в России (1917–1920): историография: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2005.

Верещагин 2000 – *Верещагин А.С.* Парадоксы историографии Ижевско-Воткинского восстания // Академик П.В. Волобуев. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000.

Верещагин 2015 – *Верещагин А.С.* Ижевско-воткинское восстание 1918 года: старые проблемы и новые интерпретации // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. 2015. № 2 (76).

Голечек 1919 – *Голечек В.* Чехословацкое войско в России. Иркутск, 1919.

Гражданская война 1930 – Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. Прага, 1930.

Журналы 2011 – Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Учредительного собрания. Июнь–октябрь 1918 года / Отв. ред. Б.Ф. Додонов. М., 2011.

Зензинов 1995 – Зензинов В.М. Борьба российской демократии с большевиками в 1918 году. Москва–Самара–Уфа–Омск: Воспоминания // Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995.

Коробейникова 2014 – Коробейников А.В. Об истории появления и достоверности книги А.Г. Ефимова «Ижевцы и воткинцы в борьбе с большевиками» // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 7 (24).

Коробкин 2002 – Коробкин А.А. Современная историография «демократической контрреволюции» восточной части России // Россия в XX в.: история и историография: сб. науч. ст. Екатеринбург, 2002.

Коробкин 2003 – Коробкин А.А. Отечественная историография «демократической контрреволюции» (лето–осень 1918 г.) в России: Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2003.

Лапандин 2006а – Лапандин В.А. Эсеровские политико-государственные образования в России в годы Гражданской войны: историко-библиографическое исследование отечественной литературы 1918–2002 гг. Самара, 2006.

Лапандин 2006б – Лапандин В.А. Эсеровские политико-государственные образования в России в годы Гражданской войны: Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (июнь 1918 – янв. 1919 г.): исторические источники. Самара, 2006. Т. 1–2.

Лелевич 1922 – Лелевич Г. Обзор литературы о самарской Учредилке // Пролетарская революция. 1922. № 7.

Лелевич 1924 – Лелевич Г. Литература о Самарской Учредилке: (Обзор второй) // Пролетарская революция. 1924. № 8–9.

Литвин 1982 – Литвин А.Л. Советская историография краха «демократической» контрреволюции в России // Вопросы истории. 1982. № 1.

Литвин 1988 – Литвин А.Л. Советская историография Гражданской войны в Поволжье. Казань, 1988.

Литвин 2003 – Литвин А.А. Общественно-политическое движение в Поволжье. Конец XIX – начало XX в. Российская историография. Казань, 2003.

Литвин, Скибинская 1990 – Литвин А.Л., Скибинская С.Б. Современная англо-американская историография Гражданской войны в Поволжье. Казань, 1990.

Мальшева 1991 – Мальшева С.Ю. Гражданская война в Поволжье. 1918 год. Историография: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991.

Нарский 2001 – Нарский И. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

Партия социалистов-революционеров... 2000 – Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: В 3 т. М., 2000. Т. 3. Ч. 2.

Партия социалистов-революционеров... 2006 – Партия социалистов-революционеров в первые годы советской власти / Публ. Ю.Г. Фельштинского и Г.И. Чернявского // Вопросы истории. 2006. № 6.

Посадсков 2003 – Посадсков А.Л. Историография Чехословацкого корпуса в России: смена эпох и эволюция взглядов (1920–2000 гг.) // История белой Сибири: Мат. 5-й межд. науч. конф. Кемерово, 2003.

Ренёв 2011 – Ренёв Е.Г. Воспоминания Д.И. Федичкина как источник изучения антибольшевистского восстания (8 августа – 8 ноября 1918 г.) // Вестник Удмуртского университета. 2011. История и филология. Вып. 3.

Ренёв 2014а – Ренёв Е.Г. Советская историография 20–30-х годов о вооруженных силах Ижевско-Воткинского

восстания // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 3(20).

Ренёв 2014б — Ренёв Е.Г. Поздняя советская историография о вооруженных силах Ижевско-Воткинского восстания // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2014. № 7.

Сафонов 2008 — Сафонов Д.А. Между империей и республикой советов: местные власти на Южном Урале в 1917–1918 гг. Оренбург, 2008.

Теплоухов 2001 — Теплоухов К.Н. Челябинские хроники. 1899–1924 / Сост. и науч. ред. В.С. Боже. Челябинск, 2001.

REFERENCES

Bloch M. *Apologija istorii, ili Remeslo istorika*. Moscow, 1986.

Glochek V. *Chechoslovackoe voisko v Rossii*. Irkutsk, 1919.

Grazhdanskaia vojna na Volge d 1918 g. Sbornik Pervij. Praha, 1930

Jurnaly zasedanii, prikazy i materialy Komiteta chlenov Uchreditel'nogo cobrania. Ijun'—oktiabr' 1918 goda. Ed. B.F. Dodonov. Moscow, 2011.

Korobeinikov A.V. Ob istorii pojavlenija i dostovernosti knigi A.G. Efimova «Izhevtsy i Votkintsy v bor'be s bol'shivikami». *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj rekonstruktsii*. 2014. № 7 (24).

Korobkin A.A. *Otechestvennaja istoriografija «demokraticeskoi kontrrevoljucii» (leto – osen' 1918 g.) v Rossii*: Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 2003.

Korobkin A.A. *Sovremennaja istoriografija «demokraticeskoi kontrrevoljucii» vostochnojchasti Rossii. Rossija v XX u.: istorija i istoriografija: Sb. nauch. st.* Ekaterinburg, 2002.

Lapandin V.A. *Jeserovskie politiko-gosudarstvennye obrazovanija v Rossii v gody grazhdanskoj vojny: istoriko-bibliograficheskoe issledovanie otechestvennoj literatury 1918–2002 gg.* Samara, 2006.

Lelevich G. *Obzor literatury o samarskoj Uchredilke. Proletarskaja revoljucija*. 1922. N 7.

Lelevich G. *Literatura o Samarskoj Uchredilke: (Obzor vtoroj)*. *Proletarskaja revoljucija*. 1924. N 8–9.

Litvin A.A. *Obshhestvenno-politicheskoe dvizhenie v Povolzh'e. Konec XIX – nachalo XX v. Rossijskaja istoriografija*. Kazan', 2003.

Litvin A.L. *Sovetskaja istoriografija kraha «demokraticeskoi» kontrrevoljucii v Rossii. Voprosy istorii*. 1982. N 1.

Litvin A.L. *Sovetskaja istoriografija Grazhdanskoj vojny v Povolzh'e*. Kazan', 1988.

Litvin A.L., Skibinskaja S.B. *Sovremennaja anglo-amerikanskaja istoriografija grazhdanskoj vojny v Povolzh'e*. Kazan', 1990.

Malysheva S. Ju. *Grazhdanskaja vojna v Povolzh'e. 1918 god. Istoriografija*: Dis. ... kand. ist. nauk. Kazan', 1991.

Narskij I. *Zhizn' v katastrofe; Budni naseleina Urala v 1917–1922 gg.* Moscow, 2001.

Partija socialistov-revoljucionerov. Dokumenty i materialy. 3 vols. Moscow, 2000. Vol. 3. Part 2.

Partija socialistov-revoljucionerov v pervye gody sovetskoj vlasti. Publ. Ju. G. Fel'shtinskij, G.I. Chernjavskij. *Voprosy istorii*. 2006. N 6.

Posadskov A.L. *Istoriografija Chechoslovackogo korpusa v Rossii: smena jepoh i jevoljucija vzgljadov (1920–2000 gg.)*. *Istorija beloju Sibiri: mat. 5-j mezhd. nauch. konf.* Kemerovo, 2003.

Ренев Е.Г. *Vospominania D.I. Fedichkina kak istochnik izuchenia antibol'shevistskigi visstania (8 avgusta – 8 noiabrja 1918 g.)*. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. 2011. *Istoria i filologija*. Vyp. 3.

Ренев Е.Г. *Sovetskaja istoriografija 20–30-h godov o vooruzhennih silah Izhevsko-Votkinskogo vosstania. Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj rekonstruktsii*. 2014. N 3 (20).

Ренев Е.Г. *Pozdnijaja sovetskaja istoriografija o vooruzhennih silah Izhevsko-Votkinskogo vosstania. Idnakar: metody istoriko-kul'turnoj rekonstruktsii*. 2014. N 7.

Safonov D.A. *Mezhdu imperiej i respublikoj sovetov: mestnye vlasti na Uzhnom Urale v 1917–1918 gg.* Orenburg, 2008.

Teplouhov K.N. *Cheliabinskie hroniki. 1899–1924.* Comp., ed. V.S. Bozhe. Cheliabinsk, 2001.

Valiahmetov A.N. *Chehoslovackij korpus v Rossii (1917–1920): istoriografija: Dis. ...* kand. ist. nauk. Kazan', 2005.

Vereschagin A.S. *Paradoksi istoriografii Izhevsko-Votkinskogo vosstania.* Akademik

P.V. Vilobuev. Neopublikovannye raboty. Vospominania. Stat'i. Moscow, 2005.

Vereschagin A.S. *Izhevsko-Votkinskogo vosstanie 1918 goda: starye problmy i novye interpretatsii. Vestnik Vostochnoj ekonomiko-iuridicheskoj gumnitarnoj akademii.* 2015. N 2 (76).

Zenzinov V.M. *Bor'ba rossijskoj demokratii s bol'shevikami v 1918 godu.* Moskva–Samara–Ufa–Omsk: Vospominanija. *Rossija antibol'shevistskaja: Iz belogvardejskih i jemigrantskih arhivov.* Moscow, 1995.

ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Вполне доброжелательный тон, с которого рецензия начинается («Увлеченность автора темой, его искреннее желание разобраться в сути происходивших событий чувствуется с первых страниц. Книга написана ярко, живо, эмоционально. Герои российской Гражданской войны для Л.Г. Прайсмана – не отвлеченные персонажи, а живые люди, отношение к которым автора мы ощущаем на каждом шагу. <...> Как писал М. Блок, “способность к восприятию живого – поистине главное качество историка”») и которым заканчивается («Он (автор) собрал, систематизировал источники, в которых социалисты пытались показать, а подчас и критически переосмыслить свою роль в Гражданской войне, постарался упрочить доказательную базу, с помощью которой эсеровские лидеры обосновывали возможность и необходимость “третьего пути” в Гражданской войне. Автор сделал это со всеми свойственными этой позиции противоречиями, но в яркой и доступной форме. На сегодняшний день его монография является наиболее полным и фундаментально разработанным представлением эсеровского историко-партийного взгляда на события 1918 г. на востоке России. В этом заключается положительный итог научной работы,

за которую мы должны быть признательны автору»), резко противоречит ее основной части, где монография подвергается предвзятой и зачастую неаргументированной критике. Безальтернативное восприятие истории и признание закономерностью победы большевизма и большевистской революции насаждали всю советскую историю и живут и поныне .

Некоторые упреки, такие как: «Предельно кратко проанализированная современная историография...» являются вполне правомерными, и при следующем издании книги это будет обязательно учтено. Но, как сказал на презентации книги 25 декабря 2015 г. в культурном центре Фонда «Новый мир» известный российский историк, профессор РАН-ХиГСа при Президенте РФ К.Н. Морозов: «Все эти догмы, все эти выводы были высечены в граните. Они остались в историографии, они остались в умах. Защищено было огромное количество кандидатских и докторских диссертаций. Они остались в умах 25 лет, после того, как рухнул Советский Союз, а серьезных, фундаментальных исследований по 1917 году и Гражданской войне, которые отошли бы от советских традиций, до сих пор нет».

В моей книге более 500 страниц и, как любезно подсчитали

рецензенты, почти полторы тысячи сносок со ссылками на источники и литературу. Когда меня упрекают в том, что я не использовал такие-то источники, не рассмотрел подробнее такие «ключевые проблемы», как роль оренбургского казачества, советская политика в Поволжье, формирование антибольшевистского подполья и т. п., я могу только возразить, что не ставил перед собой задачи написать всеобъемлющую историю Гражданской войны на Волге. Тематика моего исследования — «Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 г. на Волге», и отбор материала был подчинен необходимости раскрыть *эту* тему.

Рецензенты упрекают меня «в несколько необычных для профессионального историка “приемах” использования источников». С точки зрения рецензентов, пользоваться архивными источниками, которые уже были опубликованы, является недостатком. Признаюсь, мне трудно понять такую логику; мне представляется, напротив, желательным для профессионального историка обращение к первоисточникам, стремление по возможности брать информацию из первых рук.

Меня также обвиняют в том, что в главе, посвященной восстанию рабочих Ижевского и Воткинского заводов, цитируются мемуары А.Г. Ефимова, В.М. Молчанова и Д.И. Федичкина, которые якобы «изобилуют недостоверными сведениями». При этом опять-таки ни одного примера фактической ошибки не приводится. О том, что автор

широко использует никогда ранее не публиковавшиеся материалы об Ижевско-Воткинском восстании из Архива института Гувера (Стэнфордский университет), рецензенты скромно умалчивают.

Не могу согласиться с уважаемыми рецензентами, когда в ответ на мое утверждение: «Книга посвящена важному, но практически не изученному этапу Русской революции и Гражданской войны» они заявляют: «О Комуче немало писали и непосредственные участники событий (социалисты-революционеры, меньшевики, чехословаки, деятели Белого движения и др.), и историки разных направлений». Однако нельзя не отметить тот факт, что количество научных работ о правительстве А.И. Деникина на Юге России или Верховном управлении Северной области и Временном правительстве Северной области значительно превышает количество работ, посвященных Комучу, что, кстати, следует и из приведенного рецензентами списка литературы. А тексты, написанные непосредственными участниками событий, разумеется, представляют собой материал для изучения, но не более того. В том-то и состоит проблема, что, несмотря на ряд ценных публикаций, в научной литературе до сих пор отсутствовала попытка всестороннего изучения и даже четкого выделения такого феномена, как демократическая революция на Волге.

У рецензентов, вызывает недоумение само это определение, вынесенное в заголовок книги — «Демократическая революция». С их точки

зрения, «демократическая контрреволюция» более точно отражает положение вещей. О том, что этот термин был впервые использован И.М. Майским – членом правительства Комуча, управляющим Ведомством труда, перешедшим позднее на сторону большевиков, а в феврале 1921 г. принятым в РКП(б), – который в посвященной Комучу книге «Демократическая контрреволюция» постарался всячески опорочить своих бывших соратников и порадовать своих новых друзей, рецензенты предпочитают не вспоминать, но невозможно не заметить сходство их взглядов со взглядами советских историков, для которых революция могла быть только большевистской, а все попытки борьбы с большевизмом – контрреволюцией разных (не столь уж отличных друг от друга) мастей. Я, конечно, «предельно упрощаю», но не показательно ли это соответствие мировоззрения современных историков большевистской дуалистической картине мира?

Объективно неважно, что сама концепция «третьего пути», как справедливо указывают авторы рецензии, была сформулирована эсерами в начале 1919 г. Моей задачей как историка было показать, что деятельность Комуча, равно как и народные выступления на Волге, объективно – независимо от самооценки – противостояла как большевистской линии, так и реакционной, и фактически предлагала отличную от них обеих программу развития России.

Автор, пишут рецензенты, «предельно упрощает картину совре-

менной исторической науки», обвиняя современных российских историков за «восхваление наиболее реакционных кругов в Белом движении и всяческое очернение демократических сил и, в первую очередь, ПСР». Нельзя, продолжают они, делать такой вывод «на основании резолюции, вынесенной какой-то частью даже не историков, а “представителей печатных и электронных изданий”». Однако я исхожу в своих оценках из знакомства с современной историографией Гражданской войны в целом, «Резолюция печатных и электронных изданий» упомянута лишь как наиболее показательный документ, без обвиняков предлагающий историкам руководствоваться следующим принципом: «...основным критерием оценки <...> деятелей прошлого должны служить верность идеалам Белого дела и Российской Государственности или их предательство, сотрудничество с внутренними врагами России». Приводя эту цитату в своей книге, я сразу же указываю, что меня пугает здесь не ориентация на Белое движение как таковая, а жесткая идеологическая заданность. Во главу угла ставятся не научная объективность, исследовательский талант, стремление максимально приблизиться к раскрытию исторической правды, а верность заранее определенной идеологической установке. А уважаемым рецензентам, прежде чем пренебрежительно отзываться о подписавших эту резолюцию, следовало бы ознакомиться с ее текстом, опубликованным в книге (Белое дело 2005). Вот лишь некоторые имена: А.В. Ганин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Института славяноведения РАН, автор более 300 научных публикаций, в том числе восьми монографий на русском языке, двух на болгарском и сербском; Р.Г. Гагкуев, доктор исторических наук, составитель книг военно-исторической серии «Белые войны», координатор проекта «Белые войны», автор и составитель более 150 научных работ, 12 монографий и сборников документов; В.Ж. Цветков, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры новейшей отечественной истории МГПУ, главный редактор исторического альманаха «Белое дело», автор монографии «Белые армии Юга России» и большого количества статей.

Апологетическое отношение авторов рецензии к реакционным тенденциям Временного Сибирского правительства, режиму Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака, о чем свидетельствует содержание книги Рынкova В.М. «Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918 — 1919)» говорит о соответствии их взглядов взглядам советских историков, для которых революция могла быть только большевистской. Невнимательное прочтение книги привело к тому, что авторство приводимого в книге «Плана воспоминаний» А.С. Степанова (Иванова), обнаруженного автором в Архиве института Гувера (Стэнфордский университет), в котором подтверждается роль И. Михайлова в убийстве А.Е. Новоселова или участие А.В. Колчака в заседании: «Центра тайной военной организации около 15 ноября 1918 для обсуждения плана переворота» (*Сте-*

панов б/д.: 1), они отождествили с другим Степановым — командиром 1-го Чешского полка и, установив непричастность этого второго Степанова к событиям в Омске, объявили указанный документ «явной мистификацией». Но перепутать двух Степановых при сколько-нибудь добросовестном чтении невозможно — достаточно заглянуть в указатель имен в конце книги, где соседствуют «Степанов, Александр Петрович» и «Степанов (псевд. Иванов), Александр Степанович».

Рецензенты ставят в вину автору, что, рассматривая военное и государственное строительство Комуча, он опирался на произведения, написанные рядом членов руководства Комуча, которые «в конце 1920-х гг. целенаправленно создавали коллективную официальную, даже можно сказать официозную историю Комуча». Даже если принять этот упрек, совершенно непонятно, почему включен в этот список С.А. Щепихин — начальник полевого штаба Поволжского фронта. Полковник (с 24.12.1918 г. — генерал-майор) С.А. Щепихин служил в армии Комуча как военный специалист, для которого главным врагом был большевизм. Он дал самую нелюбимую оценку как военным деятелям Комуча, например управляющему военным ведомством Н.Н. Галкину, так и политическим деятелям, например В.И. Лебедеву, являвшемуся фактически политическим комиссаром штаба Народной Армии, а также общей политике Комуча. Щепихин отправил в сентябре 1918 г. послание генералу М. Алексею, в котором, как пишет Деникин, содержался

«горячий привет» «всем его сотрудникам» и касательно их прибытия выказывалось нетерпение, вызванное «не только военной, но, пожалуй, в большей степени и политической конъюнктурой» (я привожу эту цитату в своей книге: (*Прайсман* 2015: 151). Этот якобы «член руководства Комуча» мечтал о том, чтобы на смену Комучу пришел режим генералов Алексеева и Деникина, а в дальнейшем верой и правдой служил Колчаку.

Автор выражает искреннюю благодарность рецензентам за то, что они указали ему на ошибку при цитировании приказа Комуча №124, когда вместо слова «посевщик» было опубликовано «помещик», но уверяет, что никаких злонамеренных помыслов, приписываемых ему, он не имел. Заодно рецензенты обвиняют автора, что он «приписывает Комучу публичные угрозы “применить карательные меры в случае новых разгромов бывших помещичьих и других частных хозяйств” без ссылок на источник». Мне кажется, что я достаточно ссылался на источники, но, идя навстречу желанию рецензентов, приведу выписку из приказа Комуча «Об использовании частновладельческих посевов»: «...В случае посягательств на посевы обращаться к помощи воинских сил Народной армии...» (ГА РФ. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 1. Л. 88). Немного странно, что автора монографии, являющегося, с точки зрения рецензентов, представителем «эсеровского историко-партийного взгляда», обвиняют в клевете на Комуч по поводу защиты помещичьих земель, но это уже на совести рецензентов, больше озабоченных количеством обвине-

ний, нежели взаимной согласованностью оных.

Как и многим российским ученым, рецензентам очень трудно признать, казалось бы, неоспоримый факт: что столкновению между чехословацкими легионерами с венгерскими военнопленными на челябинском вокзале 14 мая «суждено было сыграть колоссальную роль в истории Гражданской войны в России» (*Прайсман* 2015: 21), что «вся Транссибирская магистраль с ответвлениями на востоке России от Пензы до Тихого океана находилась под их (чехословацким. — Л.П.) полным контролем» (*Пайнс* 1994: 311). Видимо, им трудно признать и то, что большая часть территории России была за два месяца освобождена от власти большевиков именно чехословацким корпусом — конечно, с помощью офицерских и эсеровских организаций, крестьянских и казачьих восстаний. Начальник оперативного отдела штаба Народной Армии подполковник П.П. Петров (с декабря 1919 г. — генерал-майор) писал о том, в чем русские обвиняли чехов: «Чехов обвиняют как бы в вовлечении русских в невыгодное дело» (*Петров* 2003), т. е. в 1918–1919 гг. никто не сомневался, что именно чехи сыграли основную роль в освобождении колоссальных пространств России от Тихого океана до Волги, но многие считали, что это не нужно, а лучше было бы безропотно страдать под большевистским режимом. И уж совсем я не в состоянии понять, почему, с точки зрения рецензентов, Колчак не мог быть деятелем, который думал «в первую очередь об интересах своего лагеря», и в

то же время «честным, страстно любящим Россию человеком»? Для Колчака и многих других деятелей Белого движения императорская Россия была единственно возможной, и ни о какой другой России они и слышать не хотели, а компромиссы с такими людьми, как Н.Д. Авксентьев и В.М. Зензинов, им казались немислимыми.

Нет возможности, да и необходимости отвечать на все обвинения рецензентов. Я остановился только на главных и, как мне представляется, симптоматичных. Вопрос о моих личных симпатиях к историческим деятелям прошлого мне представляется второстепенным, но беспристрастный читатель моей книги увидит, что мне далеко не всё нравится в деятельности Комуча, что утопизм, узкую партийность, личные амбиции некоторых его лидеров я расцениваю как факторы, серьезно помешавшие успеху «демократической революции». Подлинные мои симпатии, скорее, на стороне рабочих Ижевска и Воткинска, на стороне каппелевцев — тех, кто действительно пытался спасти гибнущую страну. В любом случае, мой труд носит исторический характер и заслуживает оценки как таковой, а не как отражение идей давно сошедшей с исторической сцены партии. Конечно, никакой ученый в своей работе не свободен до конца от личных пристрастий, но я стремился к объективному позна-

нию прошлого, а не к «разработке эсеровского историко-партийного взгляда». В нелепости такой характеристики сказалась собственная тенденциозность моих уважаемых рецензентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белое дело 2005 — Белое дело. II съезд представителей печатных и электронных изданий. Материалы научной конференции «Белое дело в Гражданской войне в России» 1917–1922 гг. М., 2005.

Пайнс 1994 — *Пайнс Р.* Русская революция. Ч. 2. М., 1994.

Петров 2003 — *Петров П.* Борьба на Волге // 1918 на Востоке России. М., 2003. С. 42.

Прайсман 2015 — Прайсман Л.Г. Третий путь в Гражданской войне. Демократическая революция 1918 г. на Волге. СПб., 2015.

Степанов б/д. — *Степанов А.С.* План воспоминаний // НИА. Petr Vrangeli Collection. В. 1.

REFERENCES

Beloe delo. II s'ezd predstavitelei pechatnykh i elektronnykh izdaniï. Materialy nauchnoi konferentsii "Beloe delo v Grazhdanskoi voine v Rossii" 1917–1922 gg. Moscow, 2005.

Paips R. Russkaia revoliutsiia. Part 2. Moscow, 1994.

Petrov P. Bor'ba na Volge. 1918 na Vostoke Rossii. Moscow, 2003. S. 42.

Praisman L.G. Tretii put' v Grazhdanskoi voine. Demokratskaia revoliutsiia 1918 g. na Volge. Saint Petersburg, 2015.

Stepanov A.S. Plan vospominanii. NIA. Petr Vrangeli Collection. В. 1.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В публикуемой в Вашем журнале рецензии на книгу Л.Г. Прайсмана по моей вине допущена серьезная ошибка, справедливо отмеченная автором рецензируемой монографии в своем ответе. Александра Степановича Степанова я принял за Александра Петровича Степанова. Однако это обстоятельство не меняет общей оценки «Плана воспоминаний» А.С. Степанова (Иванова) как источника крайне сомнительного. Автор монографии не привел ни биографических данных об этом человеке, ни сведений источниковедческого характера об использованном двухстраничном тексте. Он выявил в источнике ряд недостоверных утверждений (с. 508), но при этом вполне доверяет ему во всем

остальном. Подробности убийства А.Е. Новоселова и подготовки государственного переворота 18 ноября 1918 г. группой офицеров и правых политиков нашли отражение в ряде судебно-следственных, эпистолярных и мемуарных источников. Все эти материалы неоднократно анализировались исследователями (М.В. Шиловский, Н.С. Ларьков, В.И. Шишкин и В.А. Шулдяков), признаны в целом достоверными, позволяют восстановить относительно непротиворечивую картину событий и фамилии участников. Но автор «Плана воспоминаний» никем не упоминается.

В.М. Рышков

В.А. Солонарь

Рец.: *Fitzpatrick Sh. On Stalin's Team: The Years of Living Dangerously in Soviet Politics. Princeton: Princeton University Press, 2015. xi, 384 pp.*

Шила Фитцпатрик — быть может, самый знаменитый и заслуженный историк сталинского Советского Союза, пишущий на английском языке. Родившаяся в 1941 г. в семье австралийского левого активиста и радикального историка, она выросла, по ее собственным словам, в «некотором смысле в просоветской» атмосфере. В 50-х и 60-х гг. Фитцпатрик училась в университете Мельбурна, а затем в английском Оксфорде, где изучала русскую историю и язык¹. Поскольку в то время русская история была для Запада «terra incognita», Шиле пришлось самой находить тему для докторской диссертации и оттачивать свои исследовательские навыки методом проб и ошибок. Она окончательно сложилась как историк во время ее стажировки в Советском Союзе в 60-х гг., где ей посчастливилось почерпнуть бесценные сведения о советской истории межвоенного периода у некоторых представителей тогдашней московской либеральной интеллигенции, включая потомков отдельных коммунистических лидеров. Ее первая книга, посвященная деятельности Народного комиссариата просве-

щения при А.В. Луначарском, стала настоящим методологическим прорывом для своего времени, поскольку впервые показала раннее советское общество не как полностью подавленное партией-государством, но как полное сил и творческой энергии, которая «била ключом» (were bubbling-up) (Fitzpatrick 1970).

Книга принесла Фитцпатрик известность в англоязычном академическом мире, и в 1972 она получила престижную должность в Университете Чикаго. В начале ее карьеры Фитцпатрик воспринимали как лидера ревизионистского историографического течения, подчеркивавшего значение автономных акторов (агентов, как говорят на английском — agencies) в советской истории, а не только всемогущего, как утверждала господствующая до того времени «тоталитарная» школа социологии и политологии, государства-партии. Понятно, что такой ревизионистский подход открывал захватывающие перспективы для исследований самых разнообразных сторон советской общественной жизни, о которых до этого на Западе практически ничего не было известно. Однако он же был чреват и опасностью игнорирования сталинского контроля и наивной, некритической интерпретации советских официальных источников, особенно предназна-

© Солонарь В.А., 2016

¹ См. ее интервью журналу *Baltic Worlds*, издаваемому Центром балтийских и восточноевропейских исследований университета Södertörn в Стокгольме, доступном на <http://balticworlds.com/a-leading-lady-in-soviet-studies/>, датированное 30 мая 2016 г.

ченных для широкой публики (а к архивным источникам доступа в тот период практически не было), которые были переполнены прямой ложью и грубыми манипуляциями. Интуиция Фитцпатрик уберегла ее от ошибок, допущенных другими ревизионистами. Ее сосредоточенность на социальной истории в начале 20-х, а потом и 30-х гг. позволила избежать необходимости опираться на ограниченный и ненадежный круг источников, а потрясающая работоспособность, исключительный писательский дар и неиссякаемая любознательность привели к написанию целого ряда прекрасных книг по истории культурной революции в СССР, по социальной истории советской деревни в период после коллективизации, по истории советской городской жизни и массовой культуры в 30-х гг.² Неизменной особенностью исследовательницы является ее пронизательная интерпретация первоисточников, которые она рассматривает в широком историческом и культурном контексте, постоянно демонстрируя способность уловить их полисемантическую и вовлеченность в социальный диалог на многих уровнях. В то же время Фитцпатрик проявляет скептицизм к различного рода новомодным литературным теориям, навязывающим, по ее мнению (с которым я согласен), жесткие правила чтения источников, иногда преднамеренно игнорируя вопрос о том, до какой степени то или иное высказывание советского человека в контроли-

руемом властью формате отражало его личную позицию.

До недавнего времени Фитцпатрик избегала собственно политической истории, за единственным исключением — брошюры «Русская революция», первое издание которой вышло в 1982 и которая затем два раза подвергалась переработке (Fitzpatrick 1982). Эта маленькая книга (чуть более 200 страниц малого формата) оказалась настолько популярной в англоязычных колледжах, где преподается советская история, что с тех пор не прекращалось ее издание новыми тиражами. Первое, что бросается в глаза при чтении — оригинальное понимание самого феномена революции, который она описывает как процесс, начавшийся захватом власти большевиками и продолжавшийся до окончания сталинских чисток. Такое понимание приобретает смысл лишь если принять во внимание, что носителем революции Фитцпатрик считает большевистскую партию в целом. По ее мнению, эта партия была поражена своего рода революционной горячкой, которой она и заразила все российское общество. Болезнь-революция прошла несколько этапов: за Октябрьским переворотом и Гражданской войной последовал НЭП, своего рода ремиссия, а затем новый революционный кризис — сталинский великий перелом начала тридцатых. Только когда старая партия погибла в огне великой чистки 1936–1938 гг., советское общество стабилизировалось, организм излечился от революционной лихорадки.

² См. (Fitzpatrick 1979; 1992; 1994; 1997; 1999; 2005), а также несколько сборников статей под ее редакцией.

Интерпретация Фитцпатрик поражает смелостью и оригинальностью. Она также оказалась весьма продуктивной, увязав единой нитью приход большевиков к власти и «великий перелом» начала 30-х, который в подходах других ведущих ревизионистов, например Стивена Коэна, был, скорее, сталинской прихотью, чем следствием большевистской идеологии и этоса. Книга перенесла внимание с действий отдельных лидеров и их решений на динамику социальной группы — большевистской партии — в целом. В этой книге акцент автора на социальной истории достиг своего логического завершения: социальная история как бы подменила собой историю политическую, упразднив последнюю.

Возможно, знаменуя собой высшее достижение Фитцпатрик как концептуализатора советской истории, эта книга тем не менее ясно указывает и на ограниченность социальной истории в отрыве от истории политической. В особенности это проявилось в авторской трактовке великих чисток как некоего стихийного пожара, пожравшего и большевистскую партию и носимый ею вирус. Фитцпатрик сравнивает это чудовищное явление с якобинским террором в 1793–1794 гг. во Франции и последовавшим за ним термидорианским переворотом, добившим остатки якобинцев; оба эти явления Фитцпатрик считает взаимосвязанными, частью одного и того же пожара, в котором погибли якобинцы как носители революционной лихорадки. Хотя и весьма суггестивное, такое сравнение мистифицирует сталинскую великую

чистку, которая никак не была ни «стихийной», неконтролируемой катастрофой, ни событием, уничтожившим коммунистическую партию в том же смысле, в каком термидорианский переворот положил конец якобинцам как политической группе. В конечном счете такая трактовка (быть может, следовало бы сказать, «намек на трактовку») не объясняет, а скорее затрудняет понимание этой трагедии.

Вполне возможно, что такой взгляд на происхождение и сущность великой чистки отражал мнение ревизионистских историков, которые в конце 70 — начале 80-х гг. попытались распространить интерпретацию советской системы как полицентричной на объяснение великой чистки 1936–1938 гг. Наиболее последовательно этот взгляд был изложен в книге Арча Гетти, которая была написана на основе докторской диссертации, защищенной им в 1979 г. в Бостон-колледже (Getty 1985). Книга Гетти произвела в свое время огромное впечатление и оставалась весьма популярной, пока открытие советских архивов в 90-х гг. не доказало ее полной несостоятельности. Гетти сам впоследствии отказался от своей первоначальной интерпретации, однако даже в пересмотренном виде его взгляды не выдерживают критики (Хлевнюк 2015: 218).

После «Русской революции» Фитцпатрик вернулась к социальной истории, неизменно сторонясь политической. В 2012 г. она возвратилась в Австралию и с тех пор занимает должность профессора в Университете Сиднея, продолжая

активно публиковать книги, статьи и сборники. Последняя книга Фитцпатрик «О команде Сталина» — знаковая в ее исследовательской деятельности, потому что впервые после «Русской революции» она возвращается к проблеме великой чистки — центральному, наиболее трагическому событию сталинской эпохи, и потому что здесь впервые она выступает как политический историк.

Сказав это, я должен немедленно оговориться, потому что, обращаясь к политической тематике, Фитцпатрик всё же в значительной степени остается историком социальным, и отсюда ее интерес не только к Сталину и его политике, но именно к его команде, к группе единомышленников, на которых он опирался, которыми манипулировал, которых терроризировал, и от которых в то же время по крайней мере отчасти зависел. В этом смысле Фитцпатрик остается верной тому базовому для нее подходу, который ставил в центр внимания не личность, а группу, не идеологию в «чистом» виде, а именно то, как эта идеология ощущалась, переживалась и воплощалась в действиях группы. Тем не менее, в отличие от «Русской революции», революцию в новой книге делает не вся партия, а только ее верхушка — «команда Сталина» — и это одно свидетельствует о существенном сдвиге в авторском понимании того, как делалась история при Сталине.

Книга эта не вполне академическая. Сразу бросается в глаза отсутствие детальных ссылок, которые представлены скорее как расширенная

библиография к отдельным главам. Однако в смысле академической строгости выводов, которые базируются на годах исследовательской работы, — это вполне «научная» (беру это слово в кавычки, потому что не люблю его из-за его претенциозности) монография. Первоисточниками выступают как архивные — опубликованные и неопубликованные — документы, так и воспоминания членов команды — В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Н.С. Хрущева и А.И. Микояна, их детей и других членов их семей. Последняя группа источников используется, однако, для реконструкции не столько политических событий (например роли того или иного члена команды в репрессиях), а для восстановления социальной жизни команды, ее общего климата.

Каково же происхождение сталинской команды и кто в нее входил? Как показывает Фитцпатрик, Сталин стал создавать ее в последние годы жизни Ленина, когда он уже был генсеком, но далеко еще не полновластным хозяином партии. Сталин не выдумал тут ничего нового, а просто следовал «заветам Ильича», который, запретив на X съезде партии фракции, немедленно принялся укреплять свою и с ее помощью управлял партией и страной. Сталинская команда и была первоначально его фракцией. Он создал ее из своих друзей-«кавказцев» и военных, с которыми сошелся на Южном фронте во время Гражданской войны. «Кавказцами» сталинские соратники назывались не потому, что они были таковыми по своему этническому происхождению, а потому что участвовали

в революционном движении в Закавказье, даже если были этническими русскими, как, например, Сергей Киров. Итак, костяк фракции помимо Кирова составили Серго Орджоникидзе, Климент Ворошилов, Анастас Микоян. По разным причинам к ним примкнули и другие коммунисты, которых выделяло из членов других фракций несколько качеств: среди них было больше тех, кто провел годы революционного подполья в России, а не в эмиграции. Это были русские: бывший дворянин Валериан Куйбышев, мещанин Вячеслав Молотов, крестьянин Михаил Калинин, еврейский ремесленник Лазарь Каганович, грузинский крестьянин Лаврентий Берия, латвийский рабочий Ян Рудзутак. Состав группы менялся, некоторые ее члены выбывали, другие вовлекались в нее (например А.А. Жданов и Г.М. Маленков). Границы команды только частично совпадали с формальным членством в Политбюро ЦК, которое всегда включало лиц, не обладавших статусом особо доверенных Сталина. Только некоторые провели в непосредственной близости от Сталина десятилетия, пережили его, управляли страной в период перехода к постсталинской эпохе и инициировали десталинизацию. С уходом в вынужденную отставку Хрущева (включенного в состав команды в середине 1930-х гг.) и Микояна последние члены команды покинули советский политический Олимп.

Итак, команда была, она демонстрировала удивительную для сталинской эпохи стабильность и играла существенную роль в политике страны, несводимую к роли про-

стых подпевал Сталина, утверждает Фитцпатрик. Подозреваю, что многие серьезные историки не согласятся с этим утверждением, противопоставив ему тезис о всевластии Сталина и о его окружении как беспрекословных исполнителях его воли и капризов. Не знаю, кто в этом споре будет прав и, честно говоря, ответ на него, каким бы он ни был, не представляется действительно важным. Гораздо интересней проследить, к каким выводам, новым наблюдениям привели Фитцпатрик ее попытки прочитать историю сталинской эпохи, поставив в центр внимания команду вождя. И вот тут нас ожидает целый ряд блестящих идей и настоящих открытий.

Но вернемся к периоду формирования команды, т. е. к началу 20-х. Что привело ее членов к Сталину? Не только оппортунизм и ставка на наиболее вероятного лидера, но и страх перед фракционной борьбой в партии в период, когда страна едва примирилась с новой властью и находилась во враждебном «капиталистическом» окружении. Страх был реальным и во многом обоснованным. Члены команды считали, что Сталин благодаря своим политическим и организационным данным был наиболее способен сохранить единство партии, укрепить режим, придать ему целеустремленность и динамизм. Во многом благодаря поддержке команды, говорит Фитцпатрик, Сталину удалось победить в борьбе с Троцким, а затем и с «объединенной левой оппозицией» и с «правыми». Эта же команда помогла ему сохранить — при помощи невероятно жестоких мер — контроль над стра-

ной в период «великого перелома», поставившего СССР на грань новой гражданской войны.

Какова же была роль членов команды, что именно они делали? Историк показывает, что они выполняли роль «кураторов», по поручению Политбюро — фактически Сталина — управлявших целыми отраслями экономики, администрацией, регионами, армией, образованием и культурой. Еще до снятия «правого» Алексея Рыкова с поста председателя СНК в 1930 г. (напомним, при Ленине это был главный пост в стране), сталинцы курировали всё, что им поручал Сталин от имени партии. Члены команды хотя и имели некоторую специализацию, например Ворошилов — армия, Микоян — торговля, в принципе были готовы к переброске с одного «участка» на другой для «устранения недостатков» и обеспечения политического контроля. В своем большинстве они были людьми энергичными, работоспособными, хотя и не очень образованными, но, как говорится, способными учиться на ходу. При любых обстоятельствах Сталин, однако, оставлял контроль над госбезопасностью за собой, и это давало ему возможность контролировать не только страну и партию, но и команду.

Одним из наиболее интересных аспектов этой книги является трактовка роли команды в большой чистке. Причины чистки Фитцпатрик отказывается обсуждать подробно, ограничившись указанием на высказанные современниками и историками суждения по этому вопросу (стремление Сталина и его

сторонников истребить подозреваемых в принадлежности к «пятой колонне» накануне приближавшейся, по общему мнению, войны, шпиономания, желание избавиться от «антисоциальных элементов», которые упрямо отказывались исчезать, несмотря на «построение социализма в основном» и т. п.). Историк просто замечает, что «мы никогда не получим окончательного ответа на вопрос о том, каковы были цели Великих чисток», и здесь мы явственно слышим отзвук ее прежнего сравнения этого события с некоей стихийной, неконтролируемой силой, которое мы уже зафиксировали при обсуждении «Русской революции». Однако буквально в следующем предложении Фитцпатрик продолжает: «Единственное, что мы можем с некоторой уверенностью утверждать, состоит в том, что в той степени, в какой чистки имели какой-либо политический смысл, этот смысл был тот, который придал им Сталин. Команда проследовала за ним» (р. 115). Несмотря на осторожность формулировок, Фитцпатрик здесь как бы нехотя соглашается с тем, что сторонники концепции тоталитаризма говорили с самого начала, а именно: Сталин был инициатором и проводником чисток. Ревизионисты были неправы.

«Команда проследовала» за Сталиным в том смысле, что не всем чистка была по душе, некоторые колебались и даже выражали сомнение, но в конце концов все сочли за лучшее согласиться. Оно и понятно: поскольку некоторые члены команды сами сгнули во время чисток — например Ян Рудзутак и Станислав

Косиор — немного нужно было ума, чтобы понять, насколько опасно было сопротивляться Сталину в данных обстоятельствах (в другие периоды обсуждения в команде было несколько более свободными). И всё же страх был не единственным мотивом. В конце концов, все члены команды разделяли убеждение Сталина, что только бескомпромиссная борьба с «врагами» спасет непопулярный режим от краха, и по меньшей мере некоторые, как, например, Лазарь Каганович, считали, что колеблющиеся — а кто не колебался, даже на самом вер-ху, и хотя бы только в душе? — тоже представляли собой реальную угрозу, и вполне разумно было избавиться от них. И всё же Сталину приходилось прилагать усилия, чтобы убедить команду поддержать его решения о жестоких расправах, особенно когда это касалось видных представителей правящей верхушки. Его методом, говорит Фицпатрик, было «дозирование», т. е. постепенная, медленная подготовка команды к предстоящей расправе с еще недавним коллегой, а ныне «разоблаченным врагом»: вначале посеять сомнения, сообщив о поступившем сообщении из ГПУ/ОГПУ/НКВД о шпионских связях обреченного, но вопрос не обсуждать, потом спровоцировать предложение от какого-нибудь особенно «твердого» члена команды о необходимости исключения из партии и ареста «врага», потом направить для ознакомления новые данные, поступившие из того же источника, и наконец подвести дело к тому, что члены команды сами потребуют прекратить этот триллер, удалив успешную всем поднадоесть жертву,

чтобы поскорее о ней забыть. Всё это было возможно, конечно, именно потому, что Сталин единолично курировал «органы», которые неизменно оставались его личным домом.

Понятно, что в таких случаях, т. е. когда дело касалось высоких партийных начальников, компрометирующая информация, поступавшая из органов, была именно такого свойства, которую Сталин приказывал им добыть. На вопрос, зачем ему это было нужно, Фицпатрик дает тот же ответ, который с самого начала предлагали и наблюдатели, и многие историки, не склонные к ревизионистским изыскам: паранойя. Это, конечно, то самое объяснение, от которого Фицпатрик старалась уйти на протяжении большей части своей исследовательской деятельности, при котором центральным действующим лицом является не социальная группа, а именно личность, обладающая колоссальной властью. Советскую историю оказалось всё же невозможно объяснить без пристального внимания к одному человеку, одновременно завораживающему и ужасающему, как взгляд удава. Политическая история торжествует над скептиками, уже столько раз объявлявшей ее устаревшей.

Но вернемся к фитцпатриковскому пониманию личности Сталина. Она описывает его не только как параноика и манипулятора, но, как я уже сказал, признает за ним политические и организационные таланты, а также считает его убежденным коммунистом-большевиком. С точки зрения Сталина,

репрессии были необходимы для торжества большевистского проекта, и он действительно верил в разрушительную деятельность врагов на всех уровнях. Даже членов своих двух семей (по линии двух жен) он отправил в тюрьмы, лагеря и на расстрелы, потому что считал, что они завязали опасные связи и тем самым стали вредны для дела партии. Нет оснований считать, что такая необходимость доставляла ему удовольствие, но кодекс революционной чести, как он его понимал, определенно требовал от него ставить «общественное» благо выше личного. Аналогичным образом он ожидал от всех членов команды, что и они не будут заступаться за своих друзей и близких, если последние станут угрозой для «общего дела». Их аресты, заключения и расстрелы не обязательно были еще одним методом Сталина манипулировать своими соратниками; они могли отражать его ожидания, что и другие члены команды, так же как и он, должны были безукоризненно следовать этому кодексу, безропотно снося личные трагедии во имя общих великих целей.

Тут, конечно, может возникнуть вопрос: а какое всё это имеет значение? Если Сталин был организатором и проводником чисток, а другие члены команды следовали за ним, так ли уж нужно нам знать, что они при этом чувствовали и как в таких условиях могла функционировать команда? Как показывает Фитцпатрик, понимание того, что командный дух в ближайшем окружении Сталина сохранился даже после чисток, важно по целому ряду причин. Во-первых, толь-

ко с учетом этого обстоятельства мы можем объяснить слаженную работу членов команды во время Второй мировой войны, которая серьезно способствовала успешной мобилизации ресурсов для военных нужд и победе над врагом. Оно также помогает прояснить, почему и каким образом члены команды сумели предотвратить новую чистку, которую Сталин затевал в последние месяцы своей жизни. Как предполагает Фитцпатрик, члены команды пришли к выводу, что хотя первыми жертвами намечавшегося кровопускания должны были стать Молотов и Микоян, за ними вскоре должны были последовать и остальные. Представив общий фронт защиты членов команды, они заставляли Сталина изыскивать новые методы для того, чтобы этот фронт разорвать. Оттянув время, команда дождалась смерти вождя, которого некоторые из них к тому времени ненавидели, а другие всё еще чтили, но все боялись. Это спасло партию и страну от новой волны расправ.

Наконец, и это одна из самых интересных частей книги, Фитцпатрик обращает наше внимание на успешность и относительную безболезненность перехода к постсталинской эпохе. Это как раз тот момент, когда впору воскликнуть: как же так, ведь мы всегда это знали, но никогда не воспринимали этот факт как нечто, требующее объяснения! Между тем хорошо известно, что смерть диктатора в странах с чрезвычайно централизованной и репрессивной системой управления часто приводит к нестабильности и конфликтам, особенно если, как это было со Сталиным, диктатор

не оставил явного наследника. То, что этого удалось избежать — за исключением расправы над Берией и его подчиненными, события столь же отвратительного, сколь и трагического, но всё же едва ли вызывающего сожаление в сравнении с возможными альтернативами — несомненная заслуга команды и свидетельство ее слаженности, сохранения между ее членами минимума взаимного доверия.

Еще более поразительной была способность команды немедленно приступить к важным реформам внутри страны, которые давно назрели, но были абсолютно невозможны при Сталине, блокировавшем даже намеки на них. Реформы коснулись политики цен, особенно на сельскохозяйственные товары, инвестиций, сферы культуры, но в особенности репрессивной практики, включая постепенную «разгрузку» ГУЛАГа. Все эти меры, утверждает Фитцпатрик, отражали консенсус в команде, даже если были разные мнения относительно того, как далеко и как быстро следует идти.

Освобождение и реабилитация политических заключенных неизбежно ставила вопрос о виновных за массовые нарушения закона, и подталкивала к тому, что позже получило название десталинизации. В этом вопросе Фитцпатрик предлагает интерпретацию, расходящуюся с наиболее распространенной хрущевской версией, согласно которой он протолкнул одобрение своего «секретного» доклада на XX съезде через Президиум ЦК вопреки сопротивлению твердолобых сталинистов, в первую очередь Кага-

новича и Ворошилова. Фитцпатрик приводит свидетельства того, что доклад секретаря ЦК Петра Поспелова, который незадолго до этого был уполномочен исследовать архивы на предмет масштаба репрессий, шокировал членов команды, которые знали многое и в разной степени, но далеко не всё. Стенограмма заседания президиума от 9 февраля 1956 г., на котором был одобрен хрущевский «секретный доклад», говорит Фитцпатрик, не подтверждает хрущевской версии, но зато свидетельствует о дискуссиях относительно того, какие именно акценты следует расставить в докладе и какие сталинские преступления обозначить (в этом вопросе Микоян был радикальнее Хрущева, предлагая включить преступления периода коллективизации, которые Хрущев обошел молчанием). Таким образом, историк подводит к выводу (воздерживаясь, однако, от его однозначного формулирования), что десталинизация была в гораздо большей степени, чем мы привыкли думать, коллективным предприятием, нежели героическим актом Хрущева (р. 242–245).

Но как же тогда быть с антипартийной группой, т. е. с коалицией твердолобых сталинистов, которые в июне 1957 попытались отстранить Хрущева от власти, поскольку были не согласны с его политикой, в частности с десталинизацией? Это неверная трактовка событий, основанная на версии самого Хрущева, утверждает Фитцпатрик. На самом деле, ситуация была намного сложнее. Хотя некоторые члены команды действительно были недовольны тем, как далеко зашел Хрущев

в своей критике Сталина, не это подтолкнуло противников Хрущева к действиям, а его грубость, многочисленные ошибки, вульгарность его речи и оскорбительное поведение на публике — словом, всё укрепляющееся убеждение, что он не мог управлять страной. Однако Хрущев переиграл своих критиков, поменяв тему разговора. Собрав пленум ЦК, на котором преобладали его союзники, Хрущев обрушился на критиков с обвинениями в соучастии в сталинских преступлениях. Он знал, что у него были возможности так поступать, потому что во время чисток он находился в Киеве, а не в Москве, и его подписей не было на большинстве расстрельных листов, которые в то время Сталин давал визировать членам политбюро, находившимся поблизости. Это, конечно, не означало, что Хрущев не был виновен в расправах над другими категориями «врагов», в частности когда в качестве первого секретаря ЦК компартии Украины он возглавлял жестокую кампанию по подавлению украинского националистического восстания на западе республики. В конце концов хрущевская атака на своих противников как на виновных в сталинских преступлениях была не более чем его «блестящим ходом», позволившим ему сместить внимание членов ЦК с его для всех очевидных промахов на проблему ответственности его критиков за преступления сталинской эпохи, которой он цинично манипулировал в своих интересах (р. 248–251).

Устранение антипартийной группы от власти в 1957 г. положило конец сталинской команде как

неформальному институту власти. Оно также позволило Хрущеву еще более консолидировать свою власть над партией и страной. Но оно не отменило того бесспорного факта, что Хрущев был грубым и малообразованным человеком, импульсивным руководителем, больше полагавшимся на импровизацию и интуицию, чем на расчет и политическое планирование. Когда в октябре 1964 г. он был освобожден от всех занимаемых постов своими собственными выдвигенцами, его критики и преемники повторили в его адрес те же самые обвинения, которые озвучили члены антипартийной группы в 1957 г.

Надеюсь, мне удалось показать, насколько смела и богата материалами эта удивительная книга выдающегося историка. Я не уверен, что все интерпретации Фицпатрик абсолютно справедливы, но ни минуты не сомневаюсь в том, что книга заслуживает публикации на русском языке, и что читатели найдут ее столь же полезной, сколь виртуозно написанной. Внимательное чтение принесет множество других удивительных открытий и осветит иные стимулирующие мысль подходы и оценки, которые я оставил в стороне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Хлевнюк 2015 — *Хлевнюк О.* Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ, 2015.

Fitzpatrick 1970 — *Fitzpatrick Sh.* The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, 1917–1921. Cambridge University Press, 1970.

Fitzpatrick 1979 – *Fitzpatrick Sh.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1932. Cambridge University Press, 1979.

Fitzpatrick 1982 – *Fitzpatrick Sh.* The Russian Revolution. 1st ed. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1982; 2nd revised ed. – 1994; 3rd revised ed. – 2007.

Fitzpatrick 1992 – *Fitzpatrick Sh.* The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia. Cornell University Press, 1992.

Fitzpatrick 1994 – *Fitzpatrick Sh.* Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford University Press, 1994.

Fitzpatrick 1997 – *Fitzpatrick Sh.* Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989. University of Chicago Press, 1997.

Fitzpatrick 1999 – *Fitzpatrick Sh.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. Oxford University Press, 1999.

Fitzpatrick 2005 – *Fitzpatrick Sh.* Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton University Press, 2005.

Getty 1985 – *Getty J.A.* Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938. New York: Cambridge University Press, 1985.

REFERENCES

Fitzpatrick Sh. *The Commissariat of Enlightenment. Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, 1917–1921.* Cambridge University Press, 1970.

Fitzpatrick Sh. *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1932.* Cambridge University Press, 1979.

Fitzpatrick Sh. *The Russian Revolution.* 1st ed. Oxford, U.K.: Oxford University Press, 1982; 2nd revised ed. – 1994; 3rd revised ed. – 2007.

Fitzpatrick Sh. *The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia.* Cornell University Press, 1992.

Fitzpatrick Sh. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization.* Oxford University Press, 1994.

Fitzpatrick Sh. *Accusatory Practices: Denunciation in Modern European History, 1789–1989.* University of Chicago Press, 1997.

Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s.* Oxford University Press, 1999.

Fitzpatrick Sh. *Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia.* Princeton University Press, 2005.

Getty J.A. *Origins of the Great Purges: The Soviet Communist Party Reconsidered, 1933–1938.* New York: Cambridge University Press, 1985.

Khlevnyuk O. *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya.* Moscow: AST, 2015.

С.Е. Эрлих

«КРИВОЕ ГОРЕ» В ПАНОРАМЕ «ГЛОБАЛЬНОЙ ПАМЯТИ»

Рец.: Эткин А. Кривое горе: Память о непогребенных / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.: ил. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»). ISBN 978-5-4448-0508-4 ISSN 1815-7912

В мире, живущем сегодняшним днем, память (взгляд на прошлое с точки зрения настоящего) теснит историю (взгляд на прошлое с точки зрения будущего). Для историка остается едва ли не единственный способ попасть в поле общественного внимания, не «поступаясь принципами» науки, — писать историю памяти. Александр Маркович Эткин пишет историю памяти «трех поколений» — раннесоветских отцов, их позднесоветских детей и постсоветских внуков — о «жертвах советских репрессий» (с. 4)¹.

Автор, психолог по образованию, работает с памятью инструментами психоанализа. Постулируется, что травматический опыт нации, загнанный в подвалы психики, разрушает ее коллективную личность. Необходимо извлечь переживаемую в настоящем времени *травму* из подсознания, осознать ее как *горе* — память о прошлом и таким образом обрести национальное душевное здоровье. В нашей стране

не было создано условий для полноценной проработки прошлого. Цензура советского Сверх-Я привела к тому, что память о репрессиях прорывалась в публичную сферу *странным*, «кривым», *жутким* образом в произведениях авторов, которые «писали научные и ненаучные труды, сочиняли музыку или рисовали» (с. 13). В постсоветское время, считает Эткин, ситуация не претерпела принципиальных изменений. Наше горе о жертвах сталинского террора «и сейчас кривое» (с. 14).

Избранный подход позволяет писать оригинальную историю памяти, полную неожиданных наблюдений. Жанр книги можно определить как интеллектуальную провокацию. Создается впечатление, что автор умышленно вызывает читателя на спор. Считаю, что способность порождать дискуссии по актуальной проблеме является неоспоримым достоинством работы Эткина.

«Основной фокус книги направлен на литературу» (с. 13), которая рас-

смачивается в качестве кривого зеркала русского террора: в литературных текстах «катастрофическое прошлое» поэтически преобразуется, «память превращается в воображение» (с. 35). Ограничивая анализ преимущественно текстами авторов «первого ряда», Эткинд следует не только в русле ленинской метафоры «великий писатель — зеркало» (*Ленин* 1968). За ней проглядывает хрестоматийный герценовский образ великой русской литературы — «единственной трибуны», которая в отсутствие «общественной свободы» выражает общественное мнение «кривым» эзоповым языком (*Герцен* 1954).

В основу анализа положена «бинарная оппозиция»: травма–горе.

В одном случае Эткинд различает «травму» — «ответ на состояние, в котором оказалось Я», и «горе» — «ответ на состояние Другого» (с. 27, 36). Различие по основанию Я–Другой накладывается на временной параметр «поколений». Указывается, что «первое поколение потомков» жертв мучается травмой. Последующие поколения испытывают горе (с. 13). Разделение травмы и горя исключительно между поколениями потомков, на мой взгляд, не совсем корректно. При таком подходе круг «людей травмы» необоснованно сужается. Его следовало бы расширить за счет выживших жертв советского террора, а также их родственников, друзей, коллег и прочих современников.

Вместе с тем Эткинд предлагает различение травмы и горя по другому основанию, которое не сопрягается

с первым. В данном случае он отталкивается от идей Фрейда, утверждавшего, что если травматический опыт не преобразуется в воспоминание о прошлом, то он повторяется в «качестве нынешнего переживания» (с. 28). Травма переживается здесь и сейчас, вытесненное вновь и вновь возвращается в виде «жуткого» (с. 30). Задача психотерапии состоит в трансформации травмы, мучительно переживаемой в настоящем времени, в горе — память о прошлом². «Работа горя», т. е. переработка травмы, в чем-то схожа с приемом «остранения», разработанным русским формализмом (с. 37). Путем остранения травма-повторение преобразуется в горе-воспоминание. Эта трансформация подразумевает два этапа — «раскопки» и «театр». Незнание причин и обстоятельств жертвоприношения постоянно берedit рану (др. греч. — «травма»). «Раскопки» — узнавание прошлого — создают предпосылки для изживания травматических страданий. Для продуктивной работы горя одного знания недостаточно. Необходим «театр» — предание публичности результатов «раскопок»: погребение останков, установка памятников, создание ритуалов поминовения. Без публичности работа национального горя не может считаться завершённой, выздоровления общественного организма не происходит (с. 25–26).

В данном контексте «кривое горе» Эткинда, которое «длится в настоящем» (с. 66), является фрейдовским «нынешним переживанием», т. е.

² Другой психолог — Людмила Петрановская предлагает сходный подход «переработки травмы» к памяти о Великой Отечественной войне. См.: (*Петрановская* 2011).

травмой. Непроработанное прошлое «преследует россиян» (с. 66). Опыт ГУЛАГа «угрожает повториться и оттого выглядит пугающим и необъяснимым» (с. 22). Дети и внуки жертв террора неспособны «остранить» травму-повторение, превратить ее в горе-воспоминание. Выходит, что характер коллективной памяти о советском терроре не претерпел качественных изменений в сравнении с советскими временами. В таком случае различие горя и травмы как своей и чужой боли (с. 27, 36), а также разнесение их по «поколениям» (с. 13) теряют смысл. Оба психологических состояния являются принадлежностью либо Я, либо Мы. Горе, как и травма, является не межсубъектным отношением, а внутрисубъектным процессом. Искреннее переживание боли Другого делает его частью Мы. Именно в формировании «своей» Мы-идентичности через разделение с предками общей боли и стыда, через умножение совместной радости и гордости³ состоит смысл коллективной памяти.

Из двух предложенных трактовок взаимодействия пары «травма-горе» *интра*-субъектный подход представляется более убедительным, чем *интер*-субъектный. «Умножая сущности», автор, на мой взгляд, напрасно осложняет работу читателя по усвоению понятийного аппарата исследования.

Представление о *процессе* переработки травмы в горе обнаруживает временное измерение памяти,

делает ее легитимным объектом исторического исследования. Историки должны быть благодарны Эткинду за плодотворную проекцию понятий психологической науки на «междисциплинарное» поле исторической памяти.

На основе психоаналитической теории пишется история переживания травмы террора.

ГУЛАГ, по мнению Эткинда, отличался от нацистских лагерей смерти целью – низведения жертв путем безостановочных пыток до животного состояния «мучимой жизни» (с. 46, 49). Экономические соображения не играли роли в ходе репрессий: «Не логика производства, а логика пытки определяла жизнь и работу ГУЛАГа» (с. 45). Аргументом в пользу такой интерпретации является крайне низкая производительность подневольного труда (с. 46). Трудно согласиться с этим положением. Рабский труд широко использовался не только ведущими державами древности, но и в передовой капиталистической экономике США. Низкая производительность труда окупалась низкими расходами на рабочую силу. ГУЛАГ в этом смысле мало отличался от классических латифундий. Экономические соображения в работе машины репрессий играли не последнюю роль. Смеем также предположить, что главной целью террора было не мучение узников, а запугивание оставшихся на «воле».

Среди обстоятельств «дления» травмы в настоящем Эткинд отмечает «незнание» и «неузнавание».

³ Ср. типичное заявление внуков и правнуков солдат Великой Отечественной войны: «Мы победили Гитлера!».

Объявление «десяти лет без права переписки» было утонченным издевательством палачей над жертвами и их близкими. Не зная о судьбе оказавшихся по другую сторону решетки, люди лишались возможности оплакать погибших и начать новую жизнь. Автор пишет о многолетних усилиях Надежды Мандельштам узнать обстоятельства смерти своего мужа (с. 71–72). Преодоление травмы до сих пор тормозится «мучительной неопределенностью» памяти о репрессиях. В публичном дискурсе «плавают» на порядок отличающиеся данные о числе жертв. До сих пор нет полного списка погибших и палачей (с. 21).

Мотив неузнавания жертв после их возвращения домой воскрешает образ Одиссея-странника (с. 70). В данном случае неузнавание было взаимным. Советский Одиссей, замученный блужданием по островам ГУЛАГа, возвращаясь на Итаку, был не в состоянии узнать Пенелопу и Телемака. Классический пример — конфликтные отношения Анны Ахматовой со Львом Гумилевым после его возвращения из лагеря. Эткинд приводит примеры из истории собственной семьи, мемуаров и беллетристики (с. 67–87). Надо признать, что он зафиксировал важный феномен травматической памяти. Вместе с тем нельзя согласиться с трактовкой, что родной человек становился чужим исключительно из-за «катастрофического разрыва» жизненного опыта (с. 78), отсутствия в культуре признанных моделей вербализации травмы, ужасных мук, пережитых узниками ГУЛАГа, и мучительного страха «вольных» оказаться за решеткой.

Следует отметить, что во взаимном отчуждении родных и близких огромную роль сыграл мотив предательства. Одним из изощренных инструментов террора была круговая порука. Советские люди, подобно древним иудеям, хором восклицали: «Пусть кровь Его падет на нас». Ритуал всеобщего осуждения «врагов народа» никому не оставлял возможности остаться «чистеньким». Коллеги жертв обязаны были если не «заклеймить» вслух, то молча «поднять руку» (А. Галич). Родственникам, в том числе школьникам, предписывалось отречься «перед лицом своих товарищей». Когда Ахматова говорила, что сейчас встретятся две России, то, несомненно, в число «сажавших» она включала и тех, кто на собраниях осуждал и отрекался.

В «Кривом горе» фильм Алексея Германа «Хрусталева, машину» (1998) анализируется как кошмар, который преследует режиссера — сына благополучного сталинского писателя-лауреата Юрия Германа. Эткинд указывает на предательство юного героя фильма, фактически совершившего фрейдовское отцеубийство (с. 213). Герман-отец был обласкан властью, репрессии обошли его стороной. Но пионер Алеша Герман, скорее всего, присутствовал при душераздирающих сценах отречения от родителей. Жуткое переживание предательства не могло не проецироваться на себя. Много лет спустя оно прорвалось в «антисталинском» фильме.

Важный мотив неизбывной травмы репрессий связан с тем, что «высокопоставленные» жертвы

прежде принадлежали к классу палачей. Эткинд безосновательно сужает эту группу, представляя ее исключительно репрессированными работниками репрессивных органов сталинского режима (с. 18). В действительности практически вся большевистская номенклатура участвовала в «красном терроре» в годы Гражданской войны и соучаствовала в терроре сталинском. В частности, большинство представителей правящего слоя с «пониманием» относились к не затрагивающему их лично террору деревни: насильственной коллективизации, раскулачиванию, голодомору.

Травматические переживания детей репрессированной номенклатуры выпадают из поля зрения автора. Например, произведения Булата Окуджавы и Василия Аксенова (с. 75–77) анализируются вне «номенклатурного» контекста. Это не может не удивлять. Ведь во многом усилиями родственников репрессированной большевистской верхушки была создана опирающаяся на «секретный доклад» Хрущева влиятельная версия памяти о терроре: миф о «старых большевиках», блестящей «ленинской гвардии», расстрелянной «сталинскими палачами». Образ благородных «комиссаров в пыльных шлемах» столь же далек от реальности, как и миф о «гении всех времен и народов». Обе концепции препятствуют переработке памяти в горе. Невнимание к теме жертвоприношения палачей создает впечатление, что Эткинд до конца не преодолел мифологию советских шестидесятников. Он пишет о СЛОНе (Северные лагеря особого назначения) как символи-

ческом начале сталинского ГУЛАГа (с. 15–17), но забывает указать, что этот «архипелаг» был основан при Ленине. Есть что-то «фрейдистское» в том, что имя «Ильича», насколько можно судить по именному указателю, «вытеснено» из текста «Кривого горя».

Шестидесятническая смысловая рамка – противопоставление триумфа Великой революции трагедии Большого террора – просто напрашивается при анализе двух выдающихся фильмов 1960-х гг.: козинцевского «Гамлета» (1964) и рязановского «Берегись автомобиля» (1966). На мой взгляд, это самый интересный сюжет рецензируемой книги (с. 173–203).

Эткинд сопоставил фильм Григория Козинцева с его литературными и мемуарными работами. Выяснилось, что режиссер сближал тень отца Гамлета с призраком из «Манифеста коммунистической партии» (с. 184). В такой трактовке под именем Клавдием подразумевается Сталин, уничтоживший настоящих коммунистов. Благородный Гамлет оказывается «типичным представителем» поколения детей «ленинской гвардии». Сегодня такая интерпретация Шекспира может показаться вульгарной. Но Козинцев – еврей из черты оседлости, действительно воспринимал революцию как освобождение, двадцатые годы – как время безграничных возможностей для самореализации. 1930-е, положившие конец космополитической эстетике авангарда и ставшие началом политики государственного антисемитизма, осмысливались как социальная катастрофа. Травматическая

природа постановки Козинцева усугубляется тем, что «шестидесятники», в отличие от Гамлета, не посмели отомстить живому Сталину и невротически мстят его тени во имя призрака коммунизма.

Эльдар Рязанов вступил в бахтинский диалог со своим учителем Козинцевым. Юрий Деточкин — это Гамлет, который мстит за поколение большевистских отцов бюрократическим наследникам Сталина. Он похищает у них автомобили и переводит вырученные деньги в детские дома. Вставной, как и в пьесе Шекспира, спектакль, где Гамлета играет тот же, что и у Козинцева, актер — Иннокентий Смоктуновский, задуман не только в качестве дерзкого «трибюта» забронзовевшему классику. Подобно Флоберу Рязанов заявляет: «Гамлет — это мы, поколение шестидесятников, наследники ленинской гвардии». Не случайно мать Деточкина поет песню коммунаров «про паровоз». Об отце ничего не говорится. Для пронизательного советского зрителя этой «фигуры умолчания» было достаточно, чтобы понять: отец сгинул в мясорубке Большого террора. Подобно Гамлету, заплатившему жизнью за свою месть, Деточкин за свои попытки восстановить справедливость оказывается в лагере.

У Рязанова Деточкин возвращается из заключения к верной невесте. Эткиндр находит «свое» кинопродолжение судьбы рязановского героя. Гамлет-Деточкин перевоплощается в Георгия Ивановича (он же Гога, Гоша, он же Юрий, Гора, Жора) из фильма Владимира Меньшова «Москва слезам не верит» (1979).

Следует согласиться, что по многим признакам слесарь-интеллигент Гога сидел и, скорее всего, «за политику». Его финальное примирение с начальственной возлюбленной может свидетельствовать, что в «застойные» 1970-е шестидесятники признали провал своих наивных попыток восстановить «ленинские нормы».

В своем изобретательном анализе данных фильмов Эткиндр прошел мимо ряда очевидных интерпретаций, потому что он реконструирует память шестидесятников, игнорируя их собственную «рационализацию» травматического прошлого.

Советская «карта памяти», представленная в «Кривом горе», изобилует лакунами. По моему мнению, это объясняется тем, что «основной фокус» исследования направлен не просто на литераторов «первого ряда», но, за исключением Шаламова и Солженицына, на тех, кого в постсталинское время называли «либералами». Полностью исключен «официоз». Но ведь даже увенчанная Ленинской премией «Поднятая целина» дает важный материал о том, как власть стремилась обосновать «прогрессивное значение» репрессий в отношении русского крестьянства. Отсутствуют и постоянные оппоненты советских «либералов» — писатели-«деревенщики», которые предлагали свое понимание травмы террора. Для них она воплощалась в «геноциде русского народа» силами «инородцев» и включала ужасы революции, раскулачивания, голода. «Инородец» Сталин, осуществивший насильственную коллективизацию,

необъяснимым образом представал восстановителем русских «национальных ценностей».

Необходимо уточнить, что в среде «либералов» конкурировали разные версии памяти о терроре. В диссидентских кругах палач-Сталин воспринимался как верный ученик садиста-Ленина. Но писатели-диссиденты могли транслировать свою концепцию памяти исключительно через каналы сам- и тамиздата. Их общественное влияние было невелико. Несравнимо большими возможностями формирования коллективной памяти располагала «совписовская» фронда. Для «конструктивной оппозиции» имена Ленина и «старых большевиков» оставались святыней до конца 1980-х. Нобелевский лауреат Светлана Алексиевич, наряду со многими «прогрессивными» литераторами, писала эссе о пламенном революционере Дзержинском. «Либералы», как, впрочем, и «деревенщики», могли высказываться по теме травмы исключительно эзоповым языком. Анализ игры в кошки-мышки с вялой брежневской цензурой мог бы дать богатый материал для исследователя, приверженного психоаналитическим подходам, и представить детализированную картину советской памяти о терроре.

«Колониальный», используя терминологию Эткинда, дискурс представлен преимущественно партией «либералов». В то же время дискурс «туземцев» вообще не рассматривается. Это удивительно, так как автор ссылается на Бродского, который определил трагедию советского террора как «гибель хора»

(с. 134). Медиевисты вынуждены реконструировать картину мира «простецов» по косвенным данным. Исследователь советского времени находится в несравнимо более выигрышном положении. Опубликованы, в том числе и в интернете, многочисленные мемуары, дневники, письма, а также документы «устной истории». Обращение к «низовым» источникам позволило бы, в частности, составить список «топосов» террора, зафиксировать влияние социальных различий на функционирование травматической памяти, использовать более тонкие временные настройки. Например, динамика представлений поколения «жертв» могла быть «шкалирована» путем группировки источников по времени ареста их авторов, по периодам написания мемуаров и т. д. Как можно делать обоснованные заключения об «особенностях» национальной памяти, не сравнивая представления выдающихся творцов со взглядами отнюдь не «безмолвствующего большинства»?

Все эти замечания не отменяют основного вывода Эткинда, что память о терроре являлась основной травмой советского общества.

Никак не могу согласиться с его «переносом» этой ситуации в постсоветское время. Советская память характеризовалась разными подходами к одной травме. Сегодня споры идут о том, какое из двух событий – сталинский террор или крушение СССР – является травматическим. Для тех, кто считает 1991 г. «величайшей трагедией XX века» (В. Путин), сталинская эпоха – это время триумфа, осмысливаемое прежде

всего как апогей мирового могущества, воплотившийся в победе над Гитлером. Ужасы сталинского террора для них — это неизбежная цена Победы. Тем же, кто скорбит по жертвам репрессий, Ельцин, взгромоздившийся на танк 19 августа, представляется символом преодоления темного прошлого.

Подавляющее большинство, пресловутые 84%, солидарны с заявлением Путина. Можно понять людей, страдания которых после 1991 «обострились выше обычного». Межэтнические конфликты, дискриминация русскоязычных в бывших «национальных республиках», грабительская приватизация, массовая потеря работы и заработка — эту трагедию нельзя назвать «оптимистической». Разумеется, масштаб постсоветских бедствий и насилия несопоставим с раннесоветским террором. Но это *собственный* опыт современного поколения. Как писал циничный доктор Чехов: «Прищепи вам дверью палец, так заорете во всё горло». Собственная боль лишает способности сострадать предкам, замученным Сталиным.

Мазохистская любовь к «вождю» усугубляется тем, что перестроечная критика сталинизма предшествовала демонтажу СССР. Травматический опыт заставляет делать вывод: «Вследствие, значит, по причине этого». Никакие «аргументы и факты» не способны повлиять на убеждение травмированных, что советская эпоха была «золотым веком» русского народа.

Современное состояние «глобальной памяти» (с. 61) является еще

одной из предпосылок «всенародной любви» наших современников к Сталину. Эткиндр упоминает, что в годы холодной войны «память о жертвах советских репрессий», воскрешаемая западными интеллектуалами, являлась одним из инструментов противостояния «советской экспансии» (с. 61). Традиция «инструментализации» памяти в международной политике продолжается. Сегодня для многих государств Восточной Европы концепция полувекковых страданий от двух «тоталитаризмов» — немецкого и русского — стала основой исторической политики (Миллер 2016). Объявляя себя главными жертвами XX столетия, идеологи «стран-лимитрофов», требуют материальной поддержки от развитых государств Евросоюза и компенсаций от Российской Федерации, отрицают значение Холокоста как основы солидарной памяти Западной Европы, замалчивают активное участие своих соотечественников в истреблении евреев и в других видах сотрудничества с нацистами.

Советско-германский пакт 1939 объявляется единственной причиной Второй мировой войны. Мюнхенский договор 1938 в публичном дискурсе отсутствует. Менеджеры исторической политики Восточной Европы «забывают», что Польша и Венгрия расчленили Чехословакию вместе с нацистами в 1938–1939, Литва в союзе с Гитлером и Сталиным в 1939 делила Польшу, Венгрия и Болгария вместе с СССР в 1940 аннексировали части румынской территории. Мы видим, что мелкие восточноевропейские хищники середины прошлого ве-

ка активно участвовали в грабеже соседей при попустительстве демократических правительств Великобритании и Франции, при участии нацистской Германии и сталинского СССР.

Подобно странам Восточной Европы союзники СССР по антигитлеровской коалиции тоже не торопятся признаваться в своих преступлениях. Съезд народных депутатов СССР в 1989 осудил пакт Молотова–Риббентропа. Парламенты Великобритании и Франции до сих пор не осудили Мюнхенский договор. Официально не осуждены британско-американские бомбардировки Дрездена и атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки.

В ситуации дисбаланса глобальной памяти, когда в международном дискурсе предпосылок, хода и последствий Второй мировой войны существуют исключительно преступления нацизма и сталинизма, в России не может произойти оздоровление памяти о сталинском терроре. Призывы к национальному покаянию будут восприниматься как уловка «геополитических» соперников. В глобальном мире врачевать национальную память возможно только общим покаянием всех государств – членов мирового сообщества, покаянием в преступлениях, совершённых против своих сограждан и граждан других стран. У всех, в том числе у государств – образцов демократии есть свои скелеты в шкафу. Признание своих преступлений поможет им, как и другим, улучшить моральный климат в обществе и в политике.

Для начала можно покаяться в грехах середины XX в. Решение такой задачи потребует больших усилий от международного коллектива историков, журналистов, политиков. Кажущийся утопизм предприятия не должен пугать: «Будьте реалистами, требуйте невозможного!».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Герцен 1954 – *Герцен А.И.* О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 7. С. 198.

Копосов 2011 – *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛО, 2011.

Ленин 1968 – *Ленин В.И.* Лев Толстой как зеркало русской революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во политической литературы, 1968. Т. 17. С. 206–213.

Миллер 2016 – *Миллер А.* Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // Гефтер. 2016. 29 апреля. URL: <http://gefeter.ru/archive/18391> (дата обращения 21.09.2016).

Петрановская 2011 – *Петрановская Л.* Непережитая война, или 70 лет борьбы народа с одной травмой // Фома. 2011. №6 (98). URL: <http://foma.ru/neper-ezhitaya-voyna-ili-70-let-borbyi-naroda-s-odnoy-travмой.html> (дата обращения 21.09.2016).

REFERENCES

Gertsen A.I. O razvitiu revoliutsionnykh idei v Rossii. Gertsen A.I. *Sobranie sochine-nii*: 30 vols. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1954. Vol. 7. P. 198.

Koposov N. *Pamiat' strogogo rezhima: Istoriia i politika v Rossii*. Moscow: NLO, 2011.

Lenin V.I. Lev Tolstoi kak zerkalo russkoi revoliutsii. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochi-*

nenii. Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury, 1968. Vol. 17. P. 206–213.

Miller A. Politika pamiati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuiu kul'turu pamiati. *Gefter*. 2016. 29 apreliia. URL: <http://gefter.ru/archive/18391> (date of access 21.09.2016).

Petranovskaia L. Neperezhitaiia voina, ili 70 let bor'by naroda s odnoi travmoi. *Foma*. 2011. N 6 (98). URL: <http://foma.ru/neperezhitaya-voyna-ili-70-let-borbyi-naroda-s-odnoy-travmoy.html> (date of access 21.09.2016).

А.И. Рупасов

«ГЖИБОВСКОМУ УДАЛОСЬ СОЗДАТЬ ВПЕЧАТЛЕНИЕ НЕКОЙ РЕЛАКСАЦИИ...»

Рец.: *Урбаньска И. Вацлав Гжибовски. Посол Польши в СССР (1936–1939). Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2013. 236 s.*

История дипломатии — исключительно интересная область. Довольно редко объектом исследования становятся исполнители воли политических верхов. Если кто-то из них и удосуживается особого внимания, то до взыскующего тайн читателя доходит лишь некий небольшой текст в виде статьи, не способствующий удовлетворению запроса. Исключения действительно редки, например, великолепная монография Михаэля Йонаса, посвященная посланнику Германии в Финляндии Виперту фон Блюхеру. Обращение Ивоны Урбаньской к личности Вацлава Гжибовского, польского посла в СССР в 1936–1939 гг., можно было бы только приветствовать. Пребывание на таком посту в годы, когда европейская атмосфера была насыщена предчувствием катастрофы, в центре которой могла оказаться Польша и интересы которой необходимо было отстаивать в столице

вполне вероятного противника, грозило оказаться либо непосильным бременем, либо обернуться прижизненной славой. Так почему же этот последний посол Второй Республики только сейчас нашел своего биографа? Работа Урбаньской дает, на наш взгляд, исчерпывающий ответ, которого, впрочем, не замечает сам биограф.

Для монографии Ивоны Урбаньской характерна явная торопливость в изложении, когда слабое знание советско-польских отношений камуфлируется обращением к сюжетам общеизвестным, но весьма отдаленным от рассматриваемых ею вопросов (например к гражданской войне в Испании). В тех же случаях, когда автор обращается именно к своему герою, то от страницы к странице растет вереница вопросов, на которые ответа в книге не найти. Если декрет Президента Польской Республики о назначении Вацлава Гжибовского

послом в СССР был издан 1 июля 1936 г., то вызывает сомнения вероятность его встречи в Москве уже на следующий день с заместителем наркома НКВД Н.Н. Крестинским (с. 18). В противном случае желательным было объяснить исключительную спешность приезда и столь же исключительную спешность приема на Кузнецком мосту (в НКВД), поскольку «ситуация застоя» (с. 24), о которой пишет Урбаньска, определенно не могла быть ее причиной. Ссылка в данном случае на «Заключительный рапорт посла Польши в Москве В. Гжибовского министру иностранных дел А. Залескому от 6 ноября 1939 г.» наводит на мысль о том, что посла могла несколько подвести память. В действительности же в публикации сообщения о назначении (не декрета!) в Законодательном вестнике (sic!) МИД Польши (*Dziennik urz dowy...* 1936: 171) не приводится дата декрета президента, а только сообщается, что с 1 июля 1936 г. Гжибовски назначается послом в СССР. Урбаньска оставляет в стороне и вопрос, почему Варшаве потребовалась смена посла в СССР. Оценка внутривластной ситуации в Польше на рубеже 1935–1936 гг. явно представляется ей излишней, хотя именно обстановка, а не только плохое состояние здоровья посла Юлиуша Лукаевича (в январе 1936 г. он уехал из Москвы в отпуск и не выражал желания возвращаться в советскую столицу, а в конце концов добился поста в Париже) объяснила бы многое.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что Урбаньска уклоняется от тех оценок личности

Гжибовского, которые циркулировали в самом польском обществе. Будет уместным в данном случае привести агентурную оценку личности Гжибовского, полученную Иностранным отделом Главного управления государственной безопасности НКВД в сентябре 1936 г. от одного из польских информаторов: «Характеристика посла ГРЖИ-БОВСКОГО: очень способный, интеллигентный, ловкий, хитрый человек. Интриган, оппортунист без твердых убеждений. Раньше был близок к крестьянской партии. В последнее время сотрудничал с группой “полковников”. Предан Беку. Поддерживает дружеские отношения со Славекком и Пасхальским. Бонвиван и бабник. Будучи послом в Праге, вел античешскую политику, также борьбу против советских и французских влияний, был сторонником раздела Чехословакии. Хороший юрист. Обладает крепкими нервами».

Ивона Урбаньска не видит необходимости объяснить читателю, почему вскоре после своего приезда в Москву Гжибовский отправился в довольно длительное путешествие по Украине. 22 августа 1936 г. посол выехал на Украину и вернулся в советскую столицу только в начале октября. В действительности Гжибовски не скрывал с момента своего приезда в Москву, что намерен заняться подробным изучением СССР путем путешествий по стране. Кроме того, в Киеве, куда направил свой путь Гжибовский, с января 1936 г. должность польского генерального консула оставалась вакантной. Повышенный интерес польского правительства к ситуации

на Украине и особая обеспокоенность советской стороны, вызванная эти интересом, были оставлены Урбаньской без комментариев. В связи с этим не может не обращать на себя внимание содержание беседы Гжибовского с заместителем министра иностранных дел Я. Шембеком, состоявшейся в ноябре 1936 г. Гжибовский тогда сказал, что у него относительно мало работы и это позволяет ему больше читать и изучать проблему (Урбаньска не уточняет, о какой проблеме идет речь — то ли о политике СССР в отношении гражданской войны в Испании, то ли о внутривосточной ситуации в СССР) (с. 28).

Казалось, стоило бы обратить внимание на некоторые факты из биографии Гжибовского и попытаться прокомментировать их. Не упоминая, в каком году ее герой поступил в высшее учебное заведение (можно только догадываться, что это был Ягеллонский университет), Урбаньска определенно полагает, что смена Гжибовским одного университета за другим (в Кракове, Вене, Оксфорде, Флоренции, а также по неизвестным причинам оставшемся неупомянутым Киеве) позволила будущему дипломату обзавестись фундаментальными знаниями, правда, не совсем ясно, в каких областях и в какие годы. Упомянув об участии Гжибовского в польско-советских мирных переговорах, она оставляет читателя в неведении, чем тот занимался в течение нескольких последующих лет — весьма интересных в истории Польши. *Возвращение* Гжибовского к политической жизни в 1925 г. обернулось активным участием в создании новой

политической партии — «партии Труда» (*Partia Pracy*), генеральным секретарем которой он был избран и одним из создателей которой стал Казимеж Бартель, занявший пост премьера после установления режима санации (майского государственного переворота 1926 г., совершенного Пилсудским, к подготовке которого Гжибовский был причастен). Тогда почему Гжибовского, этого, казалось бы, преуспевающего политика и к тому же «пилсудчика» (он занял пост директора кабинета председателя совета министров Бартеля) фактически выдавливают из Варшавы, отправляя возглавлять дипмиссию в Праге (назначение, по его собственным словам, застало его врасплох), где и оставляют на долгие 9 лет, и только после смерти Пилсудского на краткий срок возвращают в Варшаву, чтобы отправить послом в СССР? Сугобо политические и организаторские таланты Гжибовского оказались невостребованными? Или возникли некие сомнения в его политической благонадежности? Урбаньска не предпринимает даже робкой попытки объяснить уход своего героя с политической арены.

Те немногочисленные цитаты из рапортов Гжибовского в МИД, из его бесед с вице-министром Я. Шембеком, которые приводит Урбаньска, невольно подталкивают к выводу, что у склонного к художественному воплощению своих взглядов посла чувство всегда было на полшага впереди мысли, да и не всегда продуцировало таковую. Именно это, пожалуй, было основной причиной исключительно слабого анализа им ситуации не только в критиче-

ские месяцы конца 1938 – 1939 гг., но и в целом интенций советской внешней политики. Можно только предположить, что И. Урбаньска понимала это, но не рискнула обратить внимание читателя на данное обстоятельство. Явную ее склонность комментировать только общеизвестные факты можно воспринимать как пожелание читателю не рассчитывать на то, что ему не придется утруждать себя дополнительным анализом приводимой информации. В этом отношении, например, великолепно своим содержанием пространная цитата из беседы Гжибовского с Шембеком, состоявшейся в начале ноября 1936 г. Констатируя огромный динамизм («идейный империализм») в качестве основной характеристики советского государства, который позволит СССР самому в будущем «выбрать момент атаки», Гжибовски тогда подчеркнул, что «абсолютно неправильным является убеждение, что для СССР война является чем-то непопулярным и нежелательным». В качестве объяснения этого тезиса посол выдвинул следующее: «В советском обществе не существует мелкой буржуазии, которая в результате военных действий может потерять не только жизнь, но и имущество. Основную массу составляет бедное, несчастное и доведенное до нищеты крестьянство, для которого война может быть единственным выходом, дающим надежды на улучшение их быта» (с. 67). Приписанная советскому крестьянству имманентная тяга к внешней агрессии волей-неволей оказывается у Гжибовского основным доказательством неустрашимой агрессивности СССР. Про-

тивдействие с польской стороны, полагал он, должно заключаться в максимальном вооружении Польши и укреплении националистического движения в Грузии, на Кавказе, на Украине, в Туркменистане и т. д. (с. 68).

В качестве обоснования своего вывода о дозревшей «до будущих радикальных перемен» внутриполитической ситуации в СССР Гжибовски приводил (используя публикуемые на Западе статьи Троцкого) процесс формирования нового управленческого слоя, «контраст между кристаллизирующейся нравственностью и революционной фразеологией» (проявлением этого контраста было сохранение за деньгами роли основного критерия в разделении общества), нестабилизированные отношения между ВКП(б) и Коминтерном (данный тезис – единственный заслуживший комментария Урбаньской, считающей, что в рассматриваемый период (1936–1939) увеличивалась роль Коминтерна в советской дипломатии!), плановая экономика и т. д. (с. 85–86). Только развитие негативных внутренних процессов, помимо желания правящих кругов («основным содержанием, логикой и ведущей идеей всех начинавший нынешнего режима в России является агрессивная экспансия»), может создать трудности в реализации завоевательной программы и даже сделать ее невозможной, утверждал в феврале 1937 г. Гжибовски (с. 88–89), избегая анализа внешнеполитической ситуации, в которой находился в то время СССР. И. Урбаньска вынуждена была признать, что «ориентация Гжибовско-

го в советской внешней политике спорна» (с. 98).

Нескрываемая симпатия Урбаньской к своему герою приводит к тому, что негативная оценка Гжибовского одним из мэтров польской историографии Войцехом Матерски («Даже не верится, что в столь исключительно трудный для Второй Республики Польша момент, во главе московского представительства стоял человек, не соответствующий реалиям времени, утопист и фантаст», — писал тот), не позволяет ей пойти дальше, чем выразить некоторое удивление в отношении пожелания Гжибовского о возвращении Польши к границам 1772 г., высказанного в конце 1938 г. Только удивление, поскольку «в большинстве рапортов, представленных Гжибовским, выводы и наблюдения скорее основаны на глубоком проникновении в ситуации того времени, а посол вырисовывается [как] личность, относительно трезво оценивающую окружающего (*sic!*) его действительность» (с. 153). Едва ли в этом случае стоит соглашаться с мнением Марека Корната, объяснявшего подобные «неудачные» высказывания посла его «литературной манерой». В конечном счете эта «литературная манера», в основе которой лежали укоренившиеся в сознании Гжибовского предрасудки и эмоции, излишне часто обуславливала ложные выводы.

Хаотичное описание советско-польских отношений после наступления в них осенью 1938 г. «релаксации» ставит под сомнение глубокое знание автором книги документов и историографии. Остается неясным

даже вопрос, было ли стремление к упомянутой «релаксации» со стороны СССР обусловлено реальной заинтересованностью в развитии отношений или же «значение Польши во внешней политике СССР резко упало»? (с. 178). Особенно если учесть, что Урбаньска присоединяется к оценке, которую дает, например, В. Матерски, бесед Литвинова с Гжибовским в начале апреля 1939 г. (с. 182–183). Восторги И. Урбаньской по поводу великолепного знания Гжибовским Советской России, глубокого понимания им социально-политических процессов, с неизбежностью должны померкнуть от разбросанных по тексту эпизодов, над которыми автор не считает нужным задуматься или, что вполне можно предположить, намеренно уклоняется от комментария, дабы облик героя книги не поблек.

В частности, после трех лет пребывания в СССР, даже если бы у польского посла не было другого круга собеседников кроме представителей дипкорпуса, принять за чистую монету комплимент главы советского правительства и члена Политбюро ЦК ВКП(б) В.М. Молотова, более того, оценивать отношение этого человека к себе как доверительное в мае 1939 г. (!) мог только лишенный элементарного политического чутья человек. Словесные кружева автора книги оказываются настолько непривлекательно сплетенными, что подозрения в отношении дипломатических талантов Гжибовского только усиливаются: «Видимо, Гжибовски всё же замечал некоторую игру и лицемерие советской дипломатии... Но хотя он

подходил критически к советским манифестациям добрососедских советско-польских отношений, ему не удалось разгадать двусмысленность поступков Сталина и Молотова по отношению к Польше» (с. 195). Иными словами, Гжибовски не разделял оценки ситуации, которые ему доводилось слышать в ходе бесед с французским и английским послами в Москве, более ясно отдававшими себе отчет в происходящем. В конце июня 1939 г. Гжибовски настойчиво доказывал Я. Шембеку, что германо-советский союз невозможен, так как Россия не может допустить победы Германии и согласиться на русско-германскую границу (с. 198), а 29 августа 1939 г. (!) убеждал свое руководство, что германо-советский пакт имеет только тактическое значение и не определяет позицию СССР в случае конфликта, он есть лишь отправная точка для «дальнейшей игры»: «На самом деле подписание пакта значительно облегчило нашу ситуацию <...> Гитлер терпит фиаско» (с. 205–207).

Поскольку в рецензируемой монографии не указано имя переводчика, можно предположить, что перевод на русский был сделан самой Ивоной Урбаньской. Этим, вероятно, и объяснимо удивительно большое количество не только опечаток, но и использование несвойственных русскому языку выражений и понятий: «советская пенетрация в Центральную Европу», петрактации и негоциации (в смысле – переговоры), фреквенция выборов в СССР (посещаемость), кондиции советского государства, темп петрактаций, инцидентальное

значение, «проехать автомобилем по Украине», вице-комиссар иностранных дел СССР, противоздушные пушки и т. д. Спешка в подготовке книги к печати проявляется буквально на каждой странице. Так, например, в книге утверждается, что на выборах в Судетах в 1938 г. партия Генлейна получила поддержку 2/3 населения Германии (!) (с. 112). Станным образом Эдуард Фредерик Линдли Вуд, виконт Галифакс из главы Форин Офиса в 1938–1940 гг. превратился в «управляющего МИД» Великобритании. Нет сомнений, что в 1938 г. главой польского МИД был Ю. Бек, но возникает вопрос, каким образом директор кабинета министра иностранных дел Томаш Михал Лубеньский предстает в качестве «Председателя Кабинета министров иностранных дел»? (с. 37). Президент Польши оказался удостоенным двух разных фамилий – Шьмигль-Рыдз (с. 16) и Рыдз-Шмигль (с. 124). Остается неясным, кем всё же была задержанная советскими властями Валерия Янковская – хозяйкой казино или атташе посольства Польши в СССР (с. 46). За какие заслуги «хозяйка казино» получила должность атташе? Допущенная на с. 130–131 неточность поставит читателя в тупик, поскольку на состоявшейся в Мюнхене 29–30 сентября 1938 г. конференции было решено, что Чехословакия *передает* Судетскую область Германии с 1 по 10 сентября 1938 г. Автор настолько запутанно излагает ход осенних переговоров 1938 г. Гжибовского в НКВД об урегулировании двусторонних отношений, что в конце концов стал путать М.М. Литвинова с его замом В.П. Потемкиным (с. 139). Оста-

ется без ответа вопрос, чем было обусловлено напутствие, которое получил Гжибовски от руководства в Варшаве перед возвращением в Москву в апреле 1939 г. — «сохранять сдержанность в отношениях с Германией» (с. 185). Имеющей академическую степень выпускнице университета Николая Коперника в Торуне недопустимо не знать основные факты истории Польши. Трудно предположить, что кто-то из ее коллег отнесет обретение Польшей независимости к 1920 г.

За последнюю четверть века в России было опубликовано значительное количество материалов и документов, касающихся польско-советских отношений. Подавляющее число этих публикаций прошло мимо внимания Ивоны Урбаньской, «научные увлечения» которой «связаны прежде всего с историей польской дипломатии в межвоенном периоде, с особым учетом на отношения между СССР

и Польшей». К сожалению, вышедшая в 2016 г. биография В. Гжибовского, автором которой является профессор Марк Корнат, была для нас недоступна (Kornat 2016). Быть может, несколько позднее будет написана рецензия и на нее. Остается надеяться, что известный польский историк представит читателям заслуживающий большего внимания и меньшей критики текст.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Dziennik urzędowy... 1936 — Dziennik urzędowy Ministerstwa spraw zagranicznych (Официальный журнал МИД). 1936. № 7.

Kornat 2016 — Kornat M. Wacław Grzybowski. *Ambasador w Moskwie (1936–1939)*. Warszawa, 2016.

REFERENCES

Dziennik urzędowy Ministerstwa spraw zagranicznych. 1936. N 7.

Kornat M. *Wacław Grzybowski. Ambasador w Moskwie (1936–1939)*. Warszawa, 2016.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В № 3 (23) журнала «Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки» за 2011 г. была опубликована статья кандидата педагогических наук, зав. кафедрой общих гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Орехово-Зуевского филиала РосНОУ С.А. Ганиной «Феномен детства в древней и средневековой Руси: социально-философский анализ».

С сожалением приходится констатировать, что эта статья является откровенной компиляцией нескольких текстов других авторов: В.В. Долгова, Л.Ф. Обуховой, Л.К. Нефедовой (*Долгов* 2006; 2007; 2008; *Обухова* 1998; *Нефедова* 2005). Большая часть заимствована из текстов В.В. Долгова (в скобках отметим, что сам В.В. Долгов умудрился дважды опубликовать практически одну и ту же статью в разных изданиях (*Долгов* 2006; 2008), но это уже другая история). В целом количество заимствований от общего объема текста статьи С.А. Ганиной выглядит следующим образом (см. рис.).

Теперь посмотрим, что представляет собой текст, предположительно являющийся авторским. Он фактически является пересказом чужих работ и не содержит ни одной ори-

гинальной идеи. С первоисточниками автор не работала вовсе. Сноски на использованные публикации при этом даны не всегда корректно, кроме того заметно, что для С.А. Ганиной научные исследования (*Трубачев* 2009) и художественно-публицистические сочинения (*Белов* 1982) выступают в равных «весовых категориях». Некоторые ссылки даны явно формально, «для галочки» (даже без указания конкретных страниц) и не содержат материалов, относящихся к обозначенной теме статьи (*Громыко* 1986).

Таким образом, не говоря об этической стороне дела, научная ценность статьи С.А. Ганиной равна нулю. К автору даже нет никаких особых вопросов: здесь всё ясно, так как этот случай плагиата, увы, не единственный¹. К чести редакции журнала «Вестник Нижегородского университета», она довольно быстро отреагировала на наше письмо от 20.06.2016 г. и уже 22.06.2016 г. приняла решение разместить информацию о некорректных заимствованиях в электронной версии издания².

¹ http://www.terrahumana.ru/archiv/11_04/11_04_39.pdf (дата обращения 21.09.2016).

² [http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2011_3\(23\)/11.pdf](http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik_soc/99990201_West_soc_2011_3(23)/11.pdf) (дата обращения 21.09.2016).

Однако хотелось бы, чтобы эта история послужила для журнала, входящего в перечень ВАК, серьезным уроком. Ведь заподозрить плагиат, а потом и убедиться в его наличии, как показывает наш опыт, способен даже внимательный студент-первокурсник.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белов 1982 – Белов В. Лад. Очерки о народной эстетике. М., 1982.

Громько 1986 – Громько М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986.

Долгов 2006 – Долгов В.В. Детство в контексте древнерусской культуры XI–XIII вв.: отношение к ребенку, способы воспитания и стадии взросления // Этнографическое обозрение. 2006. № 5.

Долгов 2007 – Долгов В.В. Быт и нравы Древней Руси. М., 2007.

Долгов 2008 – Долгов В.В. Детство как социальный феномен в контексте древнерусской культуры XI–XIII вв.: отношение к ребенку и стадии взросления // Социальная история. Ежегодник, 2007. М., 2008.

Нефёдова 2005 – Нефёдова Л.К. Феномен детства в основных формах его репрезентации (философия, миф, фольклор, литература): Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Омск, 2005.

Обухова 1998 – Обухова Л.Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М., 1998.

Трубачев 2009 – Трубачев О.Н. История славянских терминов родства и древнейших терминов общественного строя. М., 2009.

REFERENCES

Belov V. Lad. *Ocherki o narodnoi estetike*. Moscow, 1982.

Gromyko M.M. *Traditsionnye normy povedeniia i formy obshcheniia russkikh krest'ian XIX v.* Moscow, 1986.

Dolgov V.V. *Detstvo v kontekste drevnerusskoi kul'tury XI–XIII vv.: otnoshenie k rebenku, sposoby vospitaniia i stadii vzrosleniia*. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2006. N 5.

Dolgov V.V. *Byt i нравы Drevnei Rusi*. Moscow, 2007.

Dolgov V.V. *Detstvo kak sotsial'nyi fenomen v kontekste drevnerusskoi kul'tury XI–XIII vv.: otnoshenie k rebenku i stadii vzrosleniia*. *Sotsial'naia istoriia*. *Ezhegodnik*, 2007. Moscow, 2008.

Nefedova L.K. *Fenomen detstva v osnovnykh formakh ego reprezentatsii (filosofia, mif, folklor, literatura)*: Avtoref. dis. ... d-ra filios. nauk. Omsk, 2005.

Obukhova L.F. *Detskaia psikhologiya: teorii, fakty, problemy*. Moscow, 1998.

Trubachev O.N. *Istoriia slavianskikh terminov rodstva i drevneishikh terminov obshchestvennogo stroia*. Moscow, 2009.

В.В. Ведерников

ЧРЕЗ ЗВУКИ ЛИРЫ И ТРУБЫ. Субъективные заметки об Общероссийском историческом собрании

Событие, о котором я решил написать, казалось бы, должно было стать знаковым в истории исторической науки. Шутка ли, впервые за много лет в Москве собрались историки всей России. А между тем оно прошло почти незамеченным. Оживленных дискуссий по поводу его работы что-то не слышно, более того, его участники (а ими «по должности» были все выступавшие на конференции, посвященной началу Великой Отечественной войны) не смогли ничего сказать ни о подготовке, ни о ходе этого грандиозного мероприятия. Речь идет о Общероссийском историческом собрании, которое прошло в Москве 22 июня этого года. Судя по программе, помимо обычных мероприятий этикетного характера (возложение венков, вручение грантов и общественных наград), оно включало также пленарное заседание и работу четырех секций. Собственно, работа первой секции никаких вопросов не вызывает. «Секцией» волею организаторов стала международная конференция

«75 лет начала Великой Отечественной войны: на грани катастрофы». Ее программа обнародована, а о работе конференции охотно рассказали нашему журналу один из ее организаторов к. и. н. Д.В. Суржик и руководитель одной из секций д. и. н. В.Н. Барышников, интервью с которым опубликовано в текущем номере. Но, конечно, никаких проблем, связанных со статусом корпорации историков, конференция не обсуждала, да и вряд ли это должно было входить в ее задачи. Мои попытки получить информацию от руководителей Военно-Исторического общества успехом не увенчались. Поэтому о ходе пленарного заседания я мог судить лишь по обнародованному (с некоторыми сокращениями) тексту выступления на нем д. и. н., министра культуры В.Р. Мединского (*Мединский* 2016). Изложение выступлений в прениях мне удалось обнаружить на сайте журнала «Международная жизнь» (*Торин* 2016). Изложение явно неполное, так как компания Grata, участвовавшая в подготовке мероприятия, сообщает на своем сайте о выступлении в рамках проекта

© Ведерников В.В., 2016.

Иосифа Кобзона (Общероссийское историческое собрание 2016), текст которого, к сожалению, обнаружить не удалось.

Уже состав выступавших наводит на мысль о том, что положение дел в исторической науке вряд ли было главной проблемой. Из тех, кто поднимался на высокую трибуну (а судя по отчету, выступило 9 человек), к исторической корпорации относились лишь двое — д. и. н. Мединский и научный директор РВИО д. и. н. М.Ю. Мягков. Думаю, что к сообществу историков еще рано относить назначенного два года назад директором Государственного центрального музея современной истории России журналиста и профессионального политика, защитившего диссертацию на тему управления этническими процессами современной России И.Я. Великанову, как и писателя и государственного деятеля, ныне возглавляющего научный совет Военно-Исторического общества, В.Е. Чурова, являющегося, по его собственным словам, «историком-любителем» (История выборов... 2016).

У корпорации историков действительно существуют серьезные проблемы, нуждающиеся в обсуждении. Но если судить по программе собрания, они были обсуждены в рекордный срок. Полтора часа длилось пленарное заседание и столько же — работа секций.

Своеобразным послесловием мероприятия послужила встреча президента В.В. Путина с представителями Общероссийского историческо-

го собрания, которая состоялась в тот же день, 22 июня, в 17:40 (Встреча Президента 2016). Мне трудно судить, по какому принципу была составлена делегация, присутствовавшая на этом мероприятии: были ли эти люди делегированы собранием или, возможно, кандидатуры были намечены администрацией президента. К сожалению, не обнародован даже полный список участников встречи. Судя по видеозаписи, в зале находилось чуть более 30 человек, а выступали 13, из них 6 представляют российскую академическую науку, 6 — писатели, режиссеры, художники, 1 — иностранный ученый.

Итак, деятели культуры и искусства были, по меньшей мере, не менее активны, чем деятели академической науки. По какому же принципу сформировался контингент участников собрания? Понять это невозможно. Участники конференции были отобраны по профессиональному признаку организационным комитетом. Судя по программе, это около 200 человек. У меня нет сомнений в их профессионализме, но могут ли специалисты, изучающие войну, представлять антиковедов, медиевистов, историков России? Поскольку конференция носила международный характер, непонятно, могли ли зарубежные гости быть полноправными участниками российского мероприятия.

Но конференция была лишь одной из секций собрания, а число его участников (или, по сообщению прессы, «экспертов») составило более 500 человек. Кто же эти таинственные 300, кого они представ-

ляли и каким образом оказались участниками форума? Почему было совершенно проигнорировано Вольное историческое общество, не получившее приглашения? Ответа на эти вопросы я не нашел. Но хотелось бы надеяться, что организаторы сочтут возможным дать нам эту информацию.

Судя по тому, что почти полностью было обнародовано лишь одно выступление — министра культуры, и само оно носило установочный характер, собрание представляло собой некоторое подобие московских земских соборов, которые были, по словам В.О. Ключевского, «совещанием правительства с собственными агентами» (*Ключевский* 1988: 358), а задача такого совещания заключалась в первую очередь в том, чтобы дать директивные указания представителям научного сообщества. Не случайно в выступлении министра Мединского неоднократно звучало слово «пропаганда», что неудивительно в устах человека, который долгое время успешно руководил PR-агентством «Я», признанным лучшим в 1997 г. Итак, мероприятие это — встреча историков с носителем государственной власти, для того чтобы озвучить и привести в действие механизмы исторической политики. Что ж, у нашей страны есть богатый опыт подобных встреч. На память приходит первый съезд историков-марксистов (1928), Совещание историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г., Всесоюзное совещание по вопросу о мерах улучшения подготовки научно-педагогических кадров по историческим наукам (1962). Кстати, последний форум объединил более

2 тыс. участников, поэтому собрание на Поклонной горе вряд ли правильно называть «первым в истории» и «крупнейшим» (см.: Всесоюзное совещание 1963: 3; *Мединский* 2016; *Левыкин* 2016).

Можно указать те сквозные темы, которые были общими для трех предыдущих совещаний. Это утверждение новых идеологем и борьба с «фальсификаторами» как внутри исторического сообщества (ими поочередно были представители старой, немарксистской школы, затем сторонники «покровщины» и наконец догматики, противившиеся разоблачению «культы личности»), так и с деятелями зарубежья (буржуазные историки, представители фашистской историографии, антикоммунисты и реваншисты). Некоторые из тогдашних выступлений и сегодня звучат весьма актуально. Например, академик Б.Н. Пономарев на Совещании 1962 г. прямо указывал, что «Сегодня, когда реакционные силы Запада ведут возню вокруг “объединения Европы”, появляется множество “исследований”, доказывающих, что в основе всего исторического развития лежит идея “интеграции”», которую, разумеется, надо было подвергнуть жесткой критике (*Пономарев* 1963: 3). Постоянно обсуждались вопросы, связанные с созданием научно-популярной и учебной литературы.

Перекликаются ли эти темы с вопросами, поставленными перед участниками собрания министром культуры? На первый взгляд, только частично. Министр крайне отрица-

тельно оценил «навязчивые идеологические шаблоны в оценке тех или иных событий и личностей», противопоставив идеологии пропаганду «исторической правды». Однако разительным противоречием с курсом на деидеологизацию выглядит утверждение докладчика, что «история — политика, повернутая в прошлое». Поразительно, что этот тезис вульгарной марксистской историографии 1920-х гг. берет на вооружение убежденный противник большевизма! Но каковы же критерии этой самой «правды». Допустимо ли наличие различных научных концепций, не совпадающих друг с другом? Что такое исторический факт, который должен стать критерием подлинного знания? Рефлексий по этому поводу мы не обнаружим. Выступивший в прениях писатель Чуров несколько наивно заметил: «Из истории ничего нельзя вычеркивать. Ее лишь можно дополнять вновь открывшимися сведениями, пополняющими картину прошлого. В ней не должно быть провалов и умолчаний» (*Торин* 2016). Думаю, что В.Е. Чуров путает факт как объективное событие, имевшее место в прошлом, с научно-историческим фактом, который является частью исследовательской работы историка и зависит от методологии, целей и задач исследователя и т. д.

Как же совместить поиск исторической правды с несомненной идеологизированностью, ведь история — это опрокинутая в прошлое политика? Очень просто. Очевидно, что «истиной» обладает ограниченный круг исследователей, которые не просто борются с фальсифика-

циями истории, но с теми фальсификациями, которые направлены «в ущерб интересам России»¹.

Рецензируя докторскую диссертацию В.Р. Мединского, А.Н. Лобин обратил внимание на следующий нехитрый методический прием диссертанта: «Метод Мединского — вещать с высоты человека, знающего “как было на самом деле”. <...> Откуда же Мединский знает, как было “на самом деле”? Всё очень просто — он сопоставляет между собой сообщения разных путешественников. Если иностранец описывает негативные качества русских — то он обязательно врет, а если позитивные — значит пишет исключительно правду, и только правду» (*Лобин* 2012). Очевидно, именно этот «метод», не исторический, а пропагандистский, и должен стать основой исторической политики. По крайней мере, это продемонстрировал докладчик, полемизируя с некими не названными прямо «фальсификаторами», которые «панфиловцев пересчитывают». Совершенно непонятно, кого имел в виду министр культуры: литературного ли критика В. Кардина, еще полвека назад усомнившегося в мифе, созданном усилиями корреспондента «Красной звезды» В. Кривицкого,

¹ Полное название известной комиссии, созданной указом президента Д.А. Медведева, — «Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». Значительная часть ее состава — не профессиональные историки, а чиновники и политические деятели. Отмечу, что в эту комиссию входил член Генерального совета партии «Единая Россия» В.Р. Мединский, руководитель Администрации президента РФ Н.Е. Нарышкин и академик А.О. Чубарьян, активно участвовавшие в работе собрания.

или главного военного прокурора А.Ф. Катусева, автора весомой публикации в «Военно-Историческом журнале» в 1990 г., а может быть, историков Н. Петрова и О. Эдельман, опубликовавших в 1997 г. справку-доклад о 28 панфиловцах? Возможно, объектом критики является член Научного совета Военно-Исторического общества С.В. Мироненко, по инициативе которого на сайте ГАРФ помещена указанная справка (*Афанасьев* 1948)?

За что подверглись критике оппоненты — понять решительно нельзя. Казалось бы, обнародование документов о подлинных событиях как раз отвечает критерию поиска «правды» и борьбы с «фальсификациями». Или министр видит в этом покушение на память о войне? Но знание правды никоим образом не принижает подвиг народов Советского Союза. Более того, именно историческая правда не позволила создать ореол вокруг зачисленного в «герои-панфиловцы» И.Е. Добробабы (Добробабина), который, попав в плен, служил в полиции, за что и был осужден. Но на волне перестройки он попытался добиться реабилитации. Обладая неплохим даром рассказчика, Добробаба красочно описывал журналистам свои ратные подвиги. И только благодаря тщательной работе Главной военной прокуратуры он не был реабилитирован.

Напомню слова А.Ф. Катусева: «Массовый подвиг всей роты, всего полка, всей дивизии безответственностью не совсем добросовестных журналистов приуменьшили до масштабов мифического взвода» (*Катусев* 1990: 67). «Мы должны воздать

должное не мифическим героям, а героям настоящим», — говорит С.В. Мироненко в интервью, которое публикуется в текущем выпуске нашего журнала. Поэтому крайне странно выглядят выводы, которые сделал от имени своих оппонентов докладчик: «Не 28 их было — значит, и вовсе не было. И никто танки немецкие не жег. И Гитлер, стало быть, взял Москву. А мы сегодня себе только кажемся. Потому что тогда и нас нет» (*Мединский* 2016). Как это похоже на болезненную реакцию Л.И. Брежнева, который сетовал: «Подвергается критике в некоторых произведениях, в журналах и других наших изданиях то, что в сердцах нашего народа является самым святым, самым дорогим. Ведь договариваются же некоторые наши писатели (а их публикуют) до того, что <...> не было 28 панфиловцев, что их было меньше, чуть ли не выдуман этот факт» (Рабочая запись... 1996: 111–112).

Думаю, что противоречие между фактом и мифом не может не опутить историк-профессионал. И не случайно, вновь затронув тему 28 панфиловцев на встрече с президентом, научный директор РВИО М.Ю. Мягков сказал: «Вообще, были ли там 28 панфиловцев, сегодня нам утверждают, вообще не было таких героев. Это действительно так» (Встреча Президента 2016).

Вполне понятно, что государство, заинтересованное в формировании социальной памяти, регулирует коммеморативные практики, разрабатывает стандарты школьных учебников и т. д. В «мягком» регулировании этих процессов я не вижу

ничего необычного. Тревожит другое. Все без исключения участники Сопения и встречи с президентом говорили о приоритете военно-патриотического воспитания, а его ядром является память о Великой Отечественной войне. Нисколько не отрицая необходимости работы поисковых отрядов, сохранения памяти о погибших воинах, искренний и чистый порыв участников акции «Бессмертный полк», хотел бы спросить: а не слишком ли узко поставлена задача? Неужели забыта великая русская культура, наука, просвещение? Президент, как мне кажется, верно заметил: «Ни одна страна, ни один народ не должен жить прошлым и купаться в своем героизме бесконечно» (Встреча Президента 2016).

Я живу в центре Санкт-Петербурга. Совсем недалеко находится изящный Львиный мостик, который так любят туристы. В июле исполнилось 190 лет со дня его открытия. Юбилей, конечно, не крупный, но почему бы не использовать его как повод, чтобы вспомнить создателей этого маленького шедевра? Руководитель пресс-службы Военно-Исторического общества В. Кононов с гордостью говорил о том, что установлено более тысячи мемориальных досок в тех школах, где учились Герои Советского Союза. Это, несомненно, важное и полезное дело, которое действительно вызывает у учащихся чувство сопричастности. Но вот совсем недалеко от меня находится дом, в котором до революции жил пионер цветной фотографии С.М. Прокудин-Горский. К сожалению, это место не отмечено ни памятным знаком, ни

мемориальной доской, хотя не так давно отмечалось 150-летие со дня рождения великого изобретателя. А сколько таких мест, таких полузабытых имен по всей России!

На встрече с президентом председатель Российского исторического общества с гордостью напомнил, что оно недавно отметило свое 150-летие. Нет ли здесь если не прямой фальсификации, то изрядного лукавства? То, прежнее общество, прекратило свою деятельность в 1918 г., а нынешнее было учреждено в 2012 и является, в сущности, новой организацией. Но уж если основатели говорят о правопреемстве, то почему бы не вспомнить широкую общественную и благотворительную деятельность основателя Императорского русского исторического общества А.А. Половцова? Его имение Рапти в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии после революции было национализировано, а в загородной усадьбе размещался дом отдыха НКВД, отчего и совхоз получил имя Дзержинского. Во время войны усадьба сгорела, но остались хозяйственные постройки, в одной из которых располагается небольшая сельская библиотека, где есть небольшой стенд, посвященный владельцу усадьбы. К сожалению, ни местные жители, ни библиотекарь, самоотверженно сохраняющая память об истории села, которое в этом году отметит свое 400-летие, ничего не знают о деятельности Русского исторического общества, что, в общем-то понятно. Так, может быть, Обществу стоит помочь сельчанам, хотя бы подробнее рассказав об их

знаменитом земляке? В центре поселка стоит бюст Ф.Э. Дзержинского. Не думаю, что его необходимо демонтировать. Он — тоже память о прошлом этих земель. Но почему бы в библиотеке не поставить с помощью общества бюст А.А. Половцова? Думаю, это было бы важным шагом в деле восстановления исторической памяти.

Итак, Собрание, поднявшее тему борьбы за «правду», сделавшее упор на пропаганду, вполне вписывается в традиции, заложенные в уже далеких 1928, 1944 и 1962 гг. И, тем не менее, разница есть.

Советской власти всё же нужны были профессионалы. Участниками тех давних форумов были М.Н. Покровский, Е.В. Тарле, М.В. Нечкина, М.Н. Тихомиров и другие крупные историки. В то же время мне трудно представить в числе представителей актера Н.К. Черкасова, скульптора Н.В. Томского или писателя А.Н. Толстого. Кроме того, историкам позволяли затрагивать корпоративные проблемы, связанные с развитием образования, повышения качества диссертационных работ и т. д. Судя по ходу нынешнего собрания, говорить о назревших проблемах было некогда. Каким-то чудом Н.А. Макарову, директору Института археологии РАН, удалось поставить вопрос о необходимости включить археологию в качестве отдельной квоты в номенклатуру специальностей высшего образования. Голос профессионального сообщества историков если и прозвучал, то почти шепотом, заглушенный звуками военных маршей. Марш победил Клио.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Афанасьев 1948 — *Афанасьев Н.* Справка-доклад главного военного прокурора Н. Афанасьева «О 28 панфиловцах». 1948, 10 мая. URL: <http://www.statearchive.ru/607> (дата обращения 22.09.2016).

Всесоюзное совещание 1963 — Всесоюзное совещание историков. I. Пленарные заседания 18–19 декабря [1962 г.] // Вопросы истории. 1963. № 2.

Встреча Президента 2016 — Встреча [Президента В.В. Путина] с участниками Общероссийского исторического собрания. 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52201> (дата обращения 22.09.2016).

История выборов... 2016 — История выборов в современной России стала одной из тем научно-практической конференции Историко-архивного института РГГУ. 2016. URL: <http://www.rcoit.ru/miv/ekskursii-v-cikrf/detail.php?ID=32825> (дата обращения 22.09.2016).

Катусев 1988 — *Катусев А.Ф.* Чужая слава Ивана Добробабы // Военно-исторический журнал. 1990. № 9.

Ключевский 1988 — *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. II. Лекция XL // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1988. Т. II. С. 358.

Левыкин 2016 — *Левыкин А.* Выступление директора Государственного исторического музея А. Левыкина на встрече с президентом В.В. Путиным 22 июня 2016 // Встреча [Президента В.В. Путина] с участниками Общероссийского исторического собрания. 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52201> (дата обращения 22.09.2016).

Лобин 2012 — *Лобин А.Н.* Пещерное источниковедение. 2012. URL: http://scep sis.net/library/id_3155.html (дата обращения 22.09.2016).

Мединский 2016 — *Мединский В.Р.* Не надо гоняться за фальсификаторами, у нас

есть своя история [Речь В.Р. Мединского на открытии Общероссийского исторического собрания. 22 июня 2016] URL: <http://histrf.ru/biblioteka/book/nie-nado-ghoniatsia-za-falsifikatorami-u-nas-iest-svoia-istoriia> (дата обращения 22.09.2016).

Общероссийское историческое собрание 2016 – Общероссийское историческое собрание. 2016. URL: <http://grata-adv.ru/obshherossiyskoe-istoricheskoe-sobranie> (дата обращения 22.09.2016).

Пономарев 1963 – Пономарев Б.Н. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории // Вопросы истории. 1963. № 1.

Рабочая записка... 1996 – Рабочая записка заседания Политбюро ЦК КПСС 10 ноября 1966 г. // Источник. 1996. № 2.

Торин 2016 – Торин А. Общероссийское историческое собрание. «Будем достойны наших предков». 2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15534> (дата обращения 22.09.2016).

REFERENCES

Afanas'ev N. *Spravka-doklad glavnogo voennogo prokurora N. Afanas'eva "O 28 panfilovtsakh". 1948, 10 maia.* URL: <http://www.statearchive.ru/607> (date of access 22.09.2016).

Istoriia vyborov v sovremennoi Rossii stala odnoi iz tem nauchno-prakticheskoi konferentsii Istoriko-arkhivnogo instituta RGGU. 2016. URL: <http://www.rcoit.ru/miv/ekskursii-v-cikrf/detail.php?ID=32825> (date of access 22.09.2016).

Katusev A.F. Chuzhaia slava Ivana Dobrobaby. *Voenno-istoricheskii zhurnal.* 1990. N 9.

Kliuchevskii V.O. Kurs russkoi istorii. Ch. II. Lektsiia XL. Kliuchevskii V.O. *Soch.:* V 9 t. Moscow, 1988. Vol. II. P. 358.

Levykin A. Vystuplenie direktora Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia A. Levykina na vstreche s prezidentom V.V. Putinyim 22 iunია 2016. *Vstrecha [Prezidenta V.V. Putina] s uchastnikami Obshcherossiiskogo istoricheskogo sobraniia.* 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52201> (date of access 22.09.2016).

Lobin A.N. *Peshchernoe istochnikovedenie.* 2012. URL: http://scepsis.net/library/id_3155.html (date of access 22.09.2016).

Medinskii V.R. *Ne nado goniat'sia za falsifikatorami, u nas est' svoia istoriia [Rech' V.R. Medinskogo na otkrytii Obshcherossiiskogo istoricheskogo sobraniia. 22 iunია 2016].* URL: <http://histrf.ru/biblioteka/book/nie-nado-ghoniatsia-za-falsifikatorami-u-nas-iest-svoia-istoriia> (date of access 22.09.2016).

Obshcherossiiskoe istoricheskoe sobranie. 2016. URL: <http://grata-adv.ru/obshherossiyskoe-istoricheskoe-sobranie> (date of access 22.09.2016).

Ponomarev B.N. Zadachi istoricheskoi nauki i podgotovka nauchno-pedagogicheskikh kadrov v oblasti istorii. *Voprosy istorii.* 1963. N 1.

Rabochaia zapis' zasedaniia Politbiuro TsK KPSS 10 noiabria 1966 g. *Istochnik.* 1996. N 2.

Torin A. Obshcherossiiskoe istoricheskoe sobranie. "Budem dostoiny nashikh predkov". 2016. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15534> (date of access 22.09.2016).

Vsesoiuznoe soveshchanie istorikov. I. Plenarnye zasedaniia 18–19 dekabria [1962 g.]. *Voprosy istorii.* 1963. N 2.

Vstrecha [Prezidenta V.V. Putina] s uchastnikami Obshcherossiiskogo istoricheskogo sobraniia. 2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52201> (date of access 22.09.2016).

В.Н. БАРЫШНИКОВ: «ДИАЛОГ ВОЗМОЖЕН, ЕСЛИ МЫ ХОТИМ ДРУГ ДРУГА УСЛЫШАТЬ»

22–23 июня в Москве прошла Международная конференция «75 лет начала Великой Отечественной войны: на грани катастрофы», которая проводилась при финансовой поддержке РГНФ (проект 16-01-14021). Своими впечатлениями об этом мероприятии поделился участник конференции, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Нового и Новейшего времени СПбГУ Владимир Николаевич Барышников. Беседовал В.В. Ведерников.

В.В. Владимир Николаевич, Вы активно участвуете в различных международных мероприятиях, поэтому хотел бы вас спросить, в чем была особенность московской конференции.

В.Б. Тема Второй мировой войны крайне актуальна. В прошлом году, когда отмечалось 70-летие Победы, мне удалось принять участие в ряде научных мероприятий, связанных с этим событием. Это конференция «Наша общая победа», которую проводил Институт всеобщей истории во главе с академиком А.О. Чубарьяном, там тоже присутствовали иностранные гости, и по масштабу она напоминает ту конференцию в которой я недавно участвовал. Уникальная и весьма представи-

тельная конференция проходила 7–8 мая 2015 г. в Гданьске. Там рассматривались альтернативные (и достаточно спорные) концепции Второй мировой войны. Был организован научный форум в Новороссийске, ну и наконец, уже осенью 2015 г. я был на конференции, посвященной Второй мировой войне в Словакии. Так что действительно есть с чем сравнить.

Особенность этой конференции заключается, как мне представляется, в том, что она стала частью Общероссийского исторического собрания. Организаторами научного мероприятия выступили Российское военно-историческое общество (оно и было инициатором Исторического собрания), Институт всеобщей истории, Научно-исследовательский институт военной

© «Историческая экспертиза», 2016.

истории, Военная академия генерального штаба вооруженных сил РФ, Российское общество историков-архивистов, а также Центральный музей Великой Отечественной войны. Именно в стенах этого музея и проходила основная рабочая часть конференции. Международная составляющая конференции, конечно, присутствовала, но нельзя сказать, что она носила масштабный характер.

На пленарном заседании обратил на себя внимание доклад д. и. н. Владимира Олеговича Печатнова (МГИМО), посвященный деятельности советских дипломатических представителей в США и Великобритании в первые дни войны. Оказывается, в отличие от советского военного командования, дипломаты не имели соответствующих разработок на случай начала боевых действий с Германией. Растерянность проявили советские дипломаты в США, а вот в Великобритании, во многом благодаря деятельности посла И.М. Майского, довольно быстро удалось наладить сотрудничество.

Мне еще запомнился доклад старшего научного сотрудника Зала имен Института памяти жертв Катастрофы и героев Сопротивления, доктора наук Арона Ильича Шнеера. Кстати сказать, он потом участвовал и во встрече с президентом В.В. Путиным. А.И. Шнеер коснулся современной историографии Великой Отечественной войны в Израиле. Там хорошо понимают весь трагизм и героизм войны. Выступление было очень ярким, сильным. В кулуарах я поговорил с до-

кладчиком, обратив его внимание на то, какую большую роль в защите и обороне Ленинграда сыграли службы противовоздушной обороны. В частности, у нас был развернут целый батальон радарных установок. К концу войны они могли улавливать немецкие самолеты уже за двести километров до Ленинграда, и не только улавливать, но и определять их типы. Вот почему Ленинград не был разрушен, хотя линия фронта проходила буквально вблизи городской черты. А ядро батальона составляли граждане Советского Союза еврейской национальности. Мой собеседник знал об этом. Поэтому хочу отметить, что любое научное мероприятие важно не только научными докладами, но и кулуарными встречами, неформальными обменами мнениями. И, как мне кажется, в этом отношении эта конференция была весьма и весьма удачна.

В.В. Вы были не просто участником конференции, Вы руководили работой одной из ее секций «Вооруженное противоборство на фронтах в начале Великой Отечественной войны». Как проходила работа секции?

В.Б. Всего секций было восемь но, как мне кажется, именно наша была ключевой. Мы рассматривали не предысторию Великой Отечественной войны, не дипломатические события, не события, связанные с деятельностью тыла, а начало Великой Отечественной войны в достаточно широком контексте. На нашей секции было заявлено довольно много докладов – 31, а работали мы всего один день, даже

не один, а половину дня, поэтому смогли заслушать только 15 докладов. Среди докладчиков были представители ближнего и дальнего зарубежья — Словакии, Таджикистана, Белоруссии, Литвы, Армении. Для меня весьма интересным был доклад Алексея Михайловича Литвина, доктора исторических наук, профессора Института истории Национальной академии наук Белоруссии, где он затрагивал вопросы, связанные с деятельностью советской кавалерии на территории Белоруссии летом 41 года. Я знаю, что, конечно, этот род войск уже отмирал в период Великой Отечественной войны. Известно, что когда началась Вторая мировая война, поляки бросили против немецких танковых дивизий свою кавалерию. И это, конечно, дало печальный результат. Танковая группа Гудериана буквально прорвалась к Восточной Пруссии через Данцигский коридор. И журналисты после наступления увидели просто кровавое месиво. Танки раздавили польскую кавалерию.

Но из выступления Алексея Михайловича стало понятно, что советские кавалерийские части действовали достаточно эффективно. Вообще я должен сказать, что из работы нашей секции вырисовывается один важный вывод. На самом деле в 1941 г. Советский Союз сорвал план «Барбаросса». Его провал обозначился уже летом, а осенью и зимой 41 года стало ясно, что ни по одному направлению — ни на севере, ни в центре, ни на юге немецкое командование не выполнило поставленную задачу. Немцы не смогли взять Ленинград, не смог-

ли взять Москву, не смогли, наконец, прорваться к Кавказу. И даже первые приграничные сражения показывали примеры мужественного сопротивления. Этому был посвящен интересный доклад ученого из Литвы Юриуса Тракшялиса.

В.В. Я слушал его выступление на конференции, посвященной Первой мировой войне. Знаю, что он много делает, чтобы сохранить память о российских и советских воинах, павших на земле Литвы в ходе двух мировых войн.

В.Б. Да. И он действительно показывает, каковы были события первых четырех дней войны, связанные с боевыми действиями на территории Литвы.

Очень интересным был доклад Константина Константиновича Семенова (Дом русского зарубежья, Москва). Он затрагивал вопросы, связанные с белыми эмигрантами в рядах испанской дивизии на Восточном фронте. Мне хорошо известны работы Константина Константиновича, анализирующие деятельность интернациональных сил в войсках СС в годы Второй мировой войны. В своем докладе он приводил достаточно любопытные сведения, связанные с деятельностью Голубой дивизии на Ленинградском фронте. Он указывал на то, что белые эмигранты активно использовались в качестве переводчиков. Как я понял из его доклада, им всё же до конца не доверяли. У меня возник вопрос, насколько эффективной была деятельность белой эмиграции в составе этой Голубой дивизии, но, к сожалению, из-за

хронического дефицита времени у нас практически не было возможности организовать дискуссию.

Несомненным успехом организаторов стало участие в работе архивистов. Уже на пленарном заседании вызвал интерес доклад начальника Центрального архива Министерства обороны РФ Игоря Альбертовича Пермякова. Он сообщил, что сейчас в архиве открыт доступ к трофейным документам, а это создает уже довольно рельефную картину начала Великой Отечественной войны. У нас на секции выступали отец и сын – Александр Михайлович и Андрей Александрович Плехановы. А.А. Плеханов (ГАРФ) сделал довольно интересное сообщение об особых отделах НКВД СССР, которые обеспечивали режим секретности в начале войны. Я занимаюсь историей Финляндии во Второй мировой войне и хочу заметить, что когда началась Великая Отечественная война, то никаких тайн для финнов просто не было. Они буквально все радиообмены между частями перехватывали, расшифровывали и, таким образом, знали буквально всё о советских войсках. Но уже осенью 41 года мы изменили шифры, поменяли коды, в результате финское командование перестало получать информацию о советских частях.

В.В. Сейчас мы стали свидетелями настоящих войн национальной памяти. Конференция открывала возможность для диалога историков разных национальных школ. Были ли попытки найти консенсус по каким-то вопросам? Или

история всегда останется «политикой, опрокинутой в прошлое»?

В.Б. На примере этой конференции трудно сделать какие-то выводы, поскольку ее участники были в основном единомышленниками. К сожалению, очень часто возникает такая ситуация, когда оппоненты просто не хотят слушать друг друга. Сколько бы ты ни говорил, ни рассказывал или ни касался каких-то сюжетов, которые только что открыл, они не будут восприниматься. Тут будет глухая стена, и за эту стену выйти практически невозможно. Это я почувствовал на конференции в Гданьске, в мае 2015 г., когда были совершенно четкие политические установки. А здесь никаких политических задач не было, люди стремились изложить свои изыскания, и это во многом получилось. На этой конференции я не заметил большой конфронтации между исследователями, а вот, скажем, на конференции, которая прошла в прошлом году в Институте всеобщей истории, было жесткое противостояние между историками из Армении и Азербайджана. Каждый из представителей этих республик пытался доказать, что именно его страна внесла самый весомый вклад в Победу. Приведу и такой пример. На предыдущей конференции выступал румынский представитель. Он излагал представления, сложившиеся еще в эпоху Чаушеску, о том что вступление Румынии в войну с нацистской Германией после восстановления в Бухаресте 23 августа 1944 г. ускорило окончание Второй мировой войны. А вот на этой конференции д. п. н. С.М. Назария, представитель Республики Молдова, крити-

чески проанализировал концепции румынской историографии.

В.В. Иными словами диалог все-таки возможен?

В.Б. Диалог возможен, конечно, если мы хотим друг друга услышать. Если мы не услышим оппонента, то этого диалога не получится.

В.В. На Ваш взгляд, излишняя идеологизация вредна для истории?

В.Б. Так она была всегда вредна. Не только сейчас, а вообще, в любых моментах.

В.В. Тут мы с вами единомышленники. Большое спасибо за беседу!

КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСКУССТВО И ВЛАСТЬ»

27 июня 2016 г. в Белом зале Российского института истории искусств (Зубовского) состоялась конференция «Искусство и власть». Ее организатор — сектор изобразительных искусств и архитектуры, руководимый Иваном Дмитриевичем Чечотом.

Революционная роль, которую сыграла власть в истории русского искусства, заставляет обратить на эту тему особое внимание. Когда киевский князь Владимир крестил Русь, по воле власти языческому варварству славянских племен были привиты идеи высокой и утонченной цивилизации византийского христианства. Когда царь Петр начал свои реформы, власть не останавливалась ни перед чем, чтобы средневековая культурная парадигма восточно-византийского типа уступила место новоевропейской западной. Во время революции и Гражданской войны благодаря помощи власти модернизм стал доминирующей художественной силой в России и совершил последнюю в истории русского искусства великую революцию.

Но тема отношений искусства и власти не только важна, но и сложна. Об этом говорит противоречивость тех мнений, которые на этот счет

бытуют в современном гуманитарном знании. Кто-то утверждает, что искусство и власть суть одно и то же, что искусство всегда про власть (не важно, политическую или эстетическую), а власть — одна из форм искусства. Кто-то считает, что, если вопрос «искусство и власть» рассматривать строго, то он должен быть сведен к сферам социально-экономических отношений, где власть фигурирует как заказчик-покупатель, а искусство представлено либо художником-исполнителем (добуржуазная эпоха) либо художником-продавцом (капитализм). Есть и те, для кого такого вопроса вообще не существует, так как, по их мнению, власть всегда следует своим имманентным законам, а искусство своим, и их связь носит исключительно формальный характер.

Учитывая как важность, так и сложность темы отношений искусства и власти, организаторы конференции нацеливались на то, чтобы обсудить ее в возможно более широком историческом и теоретическом аспектах.

Одним из главных предметов обсуждения на конференции стала тема отношений искусства и власти в эпоху расцвета фашистских режимов в Европе. Фашизм, ставший после Первой мировой войны одной из ведущих политических

сил Европы, был насквозь пропитан эстетическим духом и имел при этом широчайшие культурные связи. Одним из свидетельств этого можно считать позднюю эстетическую публицистику русского историка искусства Павла Муратова. Как показал в своем докладе профессор кафедры истории западноевропейского искусства Института истории СПбГУ Анатолий Рыков, в этих текстах можно обнаружить прямую апелляцию к тем самым идеям, на которых были основаны центральные мифы европейского фашизма. Возможность таких ситуаций в эстетических кругах довоенной Европы показывает, как сильно общество недооценивало опасности превращения эстетических ценностей в политические идеи. С другой стороны, пример безобидного влечения Муратова к тем же самым формам красоты, что увлекали творцов нацистских обществ, позволяет понять, чем качественно отличается фашизм от «муратовщины». Как показал опыт восхождения и упадка фашизма в европейской истории, достаточно было добавить к муратовскому эстетизму идею насилия, чтобы из этой смеси немедленно родился фашизм.

Другая тема конференции — взаимоотношения художественного модернизма и власти. Чаще всего пишущие на эту тему ограничиваются либо вопросом об ангажированности авангарда советской властью, либо историей притеснений его со стороны той же власти, либо рассказом о том, как художественный миф русского авангарда воплотился в сталинизме. Старшим научным сотрудником Института истории ис-

кусств Алексеем Бобриковым была сделана попытка исследовать эти отношения на материале экспортных советских художественных проектов конца 20-х — начала 30-х гг. Их опыт показывает, что даже в тот период, когда внутри страны уже доминировали художественные принципы соцреализма, на Западе советская власть продолжала отправлять авангардные по стилю проекты (выставки, художественные и пропагандистские издания). На этом примере видно, как эффективно советская власть умела *дифференцировать* свои отношения с авангардом, нейтрализуя его революционный потенциал в одних случаях, и используя его в других. В свою очередь готовность представителей русского авангарда сотрудничать с властью на таких условиях делает очевидной их неготовность отрефлексировать факт политического манипулирования собой. Само же по себе использование властью новейшего искусства в интересах внешней политики не единично. Похожая вещь произошла с модернизмом в Америке в период холодной войны, когда непопулярный в американском обществе и неблизкий самой власти язык новейшего искусства получил значительную поддержку со стороны государства. Этот язык стал частью проекта пропаганды американской идеологии свободы (как антитезы тоталитаризма) в расколовшейся на два политических лагеря Европе.

На примере венгерского театра старшим преподавателем кафедры финно-угорской филологии филологического факультета СПбГУ Оксаной Якименко были рассмо-

трены особенности взаимоотношений искусства и власти в условиях застоя и в постсоветскую эпоху. История этих отношений представляет собой пример того, как сначала искусство использовалось в политических целях, а затем власть стала предметом эстетических спекуляций. В советское время венгерские театры, особенно удаленные от столицы, прямо или косвенно позволяли себе задевать самые злободневные темы национальной и политической истории страны, высказывая тем самым откровенно антиправительственные вещи. Постановки такого рода имели огромную популярность у венгерской театральной публики, которая прямо считывала в его образах актуальные для себя политические смыслы. Таким образом, в это время искусство превращалось в политическое оружие. Постсоветская эпоха породила обратную ситуацию, когда политика стала орудием эстетики. Характерным примером такого рода является история конфликта двух ведущих современных театральных режиссеров Венгрии — Аттилы Виднянского и Арпада Шиллинга. Будучи причастен к распределению театральных грантов, Виднянский сумел прекратить финансирование театра своего коллеги. Таким образом, власть была применена как средство борьбы в театральных разборках.

Иван Чечот поставил вопрос о тех законах, которые заставляют искусство и власть идти навстречу друг другу. В своем докладе он показал, что готовность власти инвестировать в искусство значительные ресурсы объясняется тем, что она находит в его формах необходимую для себя

точку опоры. Особенностью власти является функциональный характер ее существования. Она всегда направлена на самовоспроизведение, и таким образом является функцией самой себя. Поскольку в ней ничего нет кроме этой необходимости, она всегда находится в состоянии некой тотальной внутренней несвободы. В отличие от власти настоящее искусство свободно от любых функций и представляет собой самоценное высказывание художника. Власть нуждается в свободных структурах искусства как в точке опоры, той условной инстанции, от имени которой она могла бы осуществлять свою функцию, т. е. творить самое себя. Этот момент делает искусство объектом интереса власти.

Открытость искусства к сотрудничеству с властью, его готовность плодотворно работать во имя власти объясняются теми условиями, которые власть предлагает искусству, «давая» ему задание. Как бы власть ни вмешивалась в дела искусства, она никогда не нарушает *свободы* тех внутренних порядков, которые организуют его формы. Поскольку власть в искусстве интересуется именно эта свобода, даже осуществляя перманентную опеку над ним, она никогда *по-настоящему* не нарушает его права на самоопределение. Поэтому искусство с готовностью принимает вызов власти, и способно остаться собой (прекрасным искусством) даже в тех случаях, когда получает задание от самых чудовищных форм власти.

В докладе старшего научного сотрудника Российского института истории искусств Александра

Королева был поставлен вопрос о типологии художественных форм, обязанных своим происхождением встрече искусства и власти. Проблема построения такой типологии заключается в том, что с точки зрения *стиля* образцы связанного с властью искусства радикально отличаются друг от друга. Здесь и идеалистическое искусство, и натурализм, и абстрактные формы, и реалистические, и высокий художественный уровень, и слабый, и правдивое искусство и насквозь фальшивое, и крайний индивидуализм, и безличный стиль. Также не решают проблему типологии данные социальной и политической истории. Интересы власти и искусства пересекались и в условиях просвещенного правления, и варварского, и во время демократии, и при деспотизме, и при сильной прогрессивной власти, и при слабой реакционной. В результате рождается мнение, что отношения искусства и власти могут быть описаны только как ряд отдельных, не связанных между собой эпизодов. Чтобы преодолеть это заблуждение и представить историю отношений искусства и власти в ее единстве, была предложена идея типологии, основанная на понятии воли.

Понятие *политической воли* широко применяется в исторических науках. *Художественная воля* — понятие менее известное, но оно также обладает необходимым научным статусом, являясь одной из важнейших идей искусствоведческой науки. Таким образом, те случаи, когда пути искусства и власти пересекаются в истории — через государственный заказ или административное реше-

ние, как в советскую эпоху, или через знаки внимания и личное внушение, как в эпоху ренессанса или барокко, — следует понимать как *случаи столкновения политической и художественной воли*. В истории воля — это вполне материальная *сила*, способная изменять вещи и отношения между ними. Также у воли есть точка приложения и *линия действия*. Если две воли сталкиваются, они будут либо совпадать по направлению, либо перекрывать друг друга, их силы будут либо гасить друг друга, либо увеличивать. Исходя из этого, отношения искусства и власти можно описать как *диалектические*. Если художественная воля и политическая воля совпадают, они рожают синтез, если нет — противоречие. С этой точки зрения все выявляемые примеры взаимодействия искусства и власти *вне зависимости от типа власти и стиля* будут представлять собой явление диалектики художественной и политической воли. Таким образом, возникает идея диалектической типологии искусства и власти.

Согласно этой типологии образцами диалектического *синтеза искусства и власти* будут явления, подобные архаической Спарте и русскому революционному авангарду. Неразличимость общественно-политического устройства Спарты и художественной структуры стиля V в. древнегреческого искусства была сформулирована в статье немецкого поэта и эссеиста Готфрида Бена «Дорический мир. Исследование об отношениях искусства и власти» (1934). Автор блестяще показал, что принцип дорического стиля — это воплощенный в художественной

форме дух власти, а подчиненный идее доминирования общественный строй архаической Спарты — это явление высшего эстетического порядка, матрица *стиля* в искусстве.

В период Октябрьской революции и Гражданской войны в России, символом которых стало пронизанное духом абстрактной модернистской эстетики политическое деление людей на красных и белых, также имел место синтез искусства и власти. Для большевиков модернизм стал сверхэффективным пропагандистским оружием, эстетикой, помогавшей захватывать власть. Модернизм, в свою очередь, получил не только право доминировать в культуре, но и возможность воплотить свои вполне утопические идеи в реальной жизни. Благодаря этому синтезу искусство и власть смогли совершить в истории России колоссальный поворот, переведя ее из формы традиционной цивилизации в современную (*modernity*).

Что касается диалектических *противоречий искусства и власти*, то их типология имеет более сложный характер. Например, в эпоху Ренессанса и Барокко политический дух чаще, чем когда-либо в истории, оказывался во власти совершенно художественных по духу идей. Главный шедевр этого типа искусства — собор Святого Петра в Риме. Его заказчики — римские папы — не рисковали собственной властью (продажа индульгенций для финансирования строительства собора стала одной из главных причин, вызвавших протестантизм), лишь бы художники, все время перекраивавшие проект, продолжали над ним

работать. Это был ярчайший пример того, как политическая воля мощно вытеснялась (отрицалась) волей художественной.

Обратный пример такого отрицания воплощен в сталинском искусстве. Его происхождение связано с событиями 1932 г., когда власть в административном порядке закрыла все самостоятельные художественные группировки и создала подконтрольные себе творческие союзы, и 1934 г., когда на Первом съезде советских писателей искусству была навязана концепция социалистического реализма. Как известно, эти действия постепенно свели на нет все независимое в теории и практике советского искусства. Та личная творческая свобода, которой раньше могли располагать художники, находясь под защитой тех или иных эстетических программ, или дистанцируясь от них, была уничтожена. Эстетически партийное искусство уступило место политически партийному. Восторжествовал принцип унифицированного, находящегося под строгим политическим контролем, *стиля*, и это был пример того, как художественная воля оказалась буквально раздавлена волей политической.

Явление взаимного отрицания (отрицание отрицания в терминах диалектики) политической воли и художественной можно наблюдать на примере советского андеграунда или диссидентского искусства. Это явление не имело определенных социальных и эстетических границ и включало в себя как радикальных антисоветчиков, так и относительно лояльных вла-

сти авторов. Оно возникло в результате инициированной властью десталинизации общества и превратилось в ту силу, которая затем всё время в той или иной форме противостояла власти. К числу образцов этого искусства относятся и концептуализм И.И. Кабакова и Э.В. Булатова, и соцарт В.А. Комара и А.Д. Меламида, и песни В.С. Высоцкого, и стихи И.А. Бродского, и кино А.А. Тарковского. Власть в самых разных (иногда довольно болезненных) формах преследовала это искусство (запрет на дистрибуцию произведений и их уничтожение, уголовное преследование граждан и их высылка из страны за эстетические убеждения). Конфликт с властью наполняет историю этого искусства, он вплетен в судьбы его художников и смыслы их произведений.

Как было показано, диалектическая типология искусства и власти различает не только простые случаи (русский авангард, соцреализм), но и такие ситуации, когда отношения художественной воли и политической имеют более сложный рисунок. Примером такого «композитного» типа может служить искусство позднего (императорского) Рима. Подчинив себе эллинистическую цивилизацию, Рим превратил ее свободное искусство в послушное орудие собственной власти. С этой точки зрения искусство эпохи империи — это воплощение идеи победы политического духа над художественным. Но с другой стороны, некоторые важнейшие элементы оригинального римского искусства, которые также были включены в канон стиля империи, представляли

собой образцы синтеза искусства и власти. Например, в художественной структуре римского скульптурного портрета — будущей основе культа императора — политические и стилистические признаки не поддаются различению.

Преимуществом данной типологии является также то, что она не только стремится к описанию всех явлений из области «искусство и власть» в их общности, но и позволяет по-новому осмысливать существующие между ними различия. Например, искусство Третьего рейха и социалистический реализм традиционно принято рассматривать как явления одного порядка (тоталитарное искусство). С точки зрения предложенной типологии они относятся к двум принципиально разным типам. В отличие от соцреализма, Третий рейх — это воплощение идеи синтеза искусства и власти. Если в СССР власть подчинила себе искусство, то в гитлеровской Германии она сама носила в себе его гены. На это указывает и художественное прошлое фюрера, и его очень личные отношения с ведущими художниками, и эстетический принцип организации партийных ритуалов, и неогреческая ориентация официального стиля, и чисто эстетические основания расовой теории. Речь идет о том диалектическом различии между советским искусством и искусством Третьего рейха, которое однажды было четко сформулировано Вальтером Беньямином: «Вот что означает эстетизация политики, которую проводит фашизм. Коммунизм отвечает на это политизацией искусства».

Ч.Д. Чотаева

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОВЕЩАНИЕ «ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ВОССТАНИЯ 1916 ГОДА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ»

20–21 мая 2016 г., Бишкек, Кыргызстан

В 2016 г. исполнилось ровно сто лет с тех пор, как произошло восстание 1916 г. в Центральной Азии. Наиболее массовый и жестоко подавленный протест против российского колониального режима, восстание 1916 г. всё еще остается наименее изученным эпизодом в истории Центральной Азии. В связи с этим Президентом Кыргызской Республики А. Атамбаевым было издано два указа: Указ «О 100-летию трагических событий 1916 года» от 27 мая 2015 г. и «О Мемориале памяти погибших в ходе трагических событий 1916 года» от 13 августа 2015 г., целью которых стало определение роли восстания 1916 г. в истории Кыргызстана и его дальнейшее научное изучение.

В соответствии с вышеупомянутыми указами, 20–21 мая 2016 г. в г. Бишкеке (Кыргызстан), было проведено Международное научное совещание «Переосмысление восстания 1916 года в Централь-

ной Азии», в котором приняли участие исследователи более чем из 10 стран мира: Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, России, Франции, Польши, Китая, США, Японии и Австралии. В совещании участвовали как начинающие исследователи, так и ученые с мировым именем, среди которых можно назвать Александра Моррисона, Ксавье Аллэз, Томохико Уяма, Татьяну Котюкову и др.

Организаторами и партнерами Международного научного совещания выступили Американский университет Центральной Азии (АУЦА), Французский институт исследований Центральной Азии, Культурно-исследовательский центр Айгине и Миссия столетия Первой мировой войны, которая предоставила эксклюзивные снимки и коллажи на тему Первой мировой войны.

Международное научное совещание ознаменовало новый этап в изучении восстания 1916 г., этап пересмотра и переосмысления су-

ществовавших и принятых ранее установок относительно причин, характера, хода и последствий восстания, и не в отдельной взятой республике Центральной Азии, а в рамках целого региона.

Необходимо отметить, что данное совещание было не единственным мероприятием, посвященным 100-летию восстания 1916 г. и проведенным в Кыргызстане, других республиках Центральной Азии и России. Однако его особенность заключалась в том, что оно имело целью предоставить более широкую междисциплинарную и международную научную платформу, а также концептуальное видение проблем, связанных с восстанием 1916 г. В приветственных речах организаторов совещания было также подчеркнуто, что данное мероприятие – это прежде всего академическое мероприятие, цель которого – дать научную, неполитизированную, всестороннюю, объективную картину восстания 1916 г.

На совещании рассматривался очень широкий спектр вопросов, таких как историография восстания, причины и ход восстания или восстаний в отдельных областях и в Туркестане в целом, лидерство и новые источники по восстанию 1916 г., последствия и уроки восстания, отображение восстания в литературе и искусстве. Каждый докладчик имел возможность изложить свою точку зрения на исследуемую проблему, поделиться собранным материалом, обобщить и сделать выводы, а также определить возможные перспективы будущих исследований по данной теме. Поэтому многие до-

клады не являлись завершенными научными исследованиями, а скорее представляли собой определенную постановку вопроса на тот или иной аспект восстания 1916 г., требовавшего дальнейшего изучения. В зависимости от тематики доклады были распределены между восемью сессиями совещания.

Доклады старшего научного сотрудника Института востоковедения Российской академии наук, кандидата исторических наук А.Е. Локшина и аспирантки Австралийского национального университета А. Чокобаевой дали подробный анализ советской и российской историографии. Они показали, каким образом менялась советская историография в оценке восстания 1916 г. в зависимости от политической обстановки и идеологических установок. Если в более ранний период советской историографии преобладали «националистические» оценки восстания, то начиная с 30-х гг. распространяются «классовые» и «идеологические» интерпретации¹. Изменившаяся политическая обстановка в стране, «утверждение сталинского режима», по мнению Локшина, «задали тон будущим исследованиям, оценкам и выводам» относительно восстания 1916 г. Чокобаева считает, что «тема классово-борьбы становится общим знаменателем, под который подводятся национальные историографии».

С интересным докладом выступил кандидат исторических наук, до-

¹ Все цитаты приводятся на основании видеозаписи Международного научного совещания, а также опубликованных тезисов «Программа и тезисы статей» и неизданных статей, предоставленных докладчиками.

цент Национального университета Узбекистана О. Махмудов, который назвал свой доклад «“Виртуальная реальность” колониального Туркестана». Он отметил, что изучение восстания 1916 г. проводится с опорой на документы, отражающие восприятие событий 1916 г. российскими колониальными чиновниками. Именно поэтому эти документальные источники являются достаточно субъективными и необходимо относиться к ним с известной степенью скептицизма.

Доцент Калифорнийского государственного университета США Али Игмен пошел дальше и попытался изучать восстание 1916 г. в более широком глобальном историческом контексте. Он считает, что восстание 1916 г. не является уникальным явлением, а наоборот, у него имеется много аналогов по всему миру. В своем докладе он рассматривает восстание 1916 г. в свете других теоретических положений о восстаниях и революциях, в частности с позиций теории французского историка Дэвида Шафера, который утверждал, что «французская революция не была бы успешной без активной поддержки парижан».

Попытки сопоставления и сравнения восстания 1916 г. с другими схожими явлениями, но на этот раз из истории Центральной Азии, были предприняты французскими исследователями. Так, младший научный сотрудник Ксавье Аллэз из Центра турецких, османских, балканских и центрально-азиатских исследований в Париже считает, что имеются четкие параллели между восстанием Кенесары Касы-

мова в 1837–1847 гг. и восстанием 1916 г.: «Сравнение двух восстаний показывает, что роды и родовые подразделения, поддерживающие Кенесары, были те же, которые восстали в 1916 году».

Другая французская исследовательница, Изабель Оайон из Центра изучения России, Кавказа и Восточной Европы в Париже находит определенную преемственность между восстанием 1916 г. и процессом коллективизации в Казахстане. Изабель полагает, что «дискурс 1916 года был использован казахскими повстанцами для мобилизации в 1929 году». Более того, она считает, что «многие харизматические лидеры восстания 1916 года снова вышли на сцену в 1929–1930 годах».

С момента распада Советского Союза отдельными центральноазиатскими государствами и Россией был выпущен ряд сборников документальных архивных материалов по восстанию 1916 г. Как и ожидалось, доклады некоторых участников совещания были посвящены введению в оборот новых, а также изучению уже имеющихся документальных источников по данной теме.

Кандидат исторических наук, доцент Кыргызско-Российского славянского университета П. Дятленко предложил обратиться к наследию известного российского этнографа И.А. Чеканинского, собравшего материалы по восстанию 1916 г. и выпустившего две работы по данной теме. Он считает, что подробное изучение документов и материалов И.А. Чеканинского «позволяет ввести в оборот новые данные и рас-

смотреть восстание 1916 года в широком историческом и региональном аспекте».

Другой источник по восстанию 1916 г. был проанализирован кандидатом исторических наук, доцентом Пятигорского государственного лингвистического университета в России А. Пылевым. Он утверждает, что тема центральноазиатского восстания 1916 г. очень хорошо представлена в «Воспоминаниях» известного башкирского общественного деятеля первой половины XX в. Зеки Велиди Тогана, который стал непосредственным участником восстания. Пылев делает вывод, что «осмысление научного наследия Зеки Велиди Тогана должно, в свою очередь, помочь в понимании нынешней политической эволюции и современного состояния средназиатского региона».

Кандидат исторических наук, доцент Кыргызско-Турецкого университета Манас Р. Абдыкулова предложила ввести в оборот еще один турецкий источник по восстанию 1916 г., автором которого является Адиль Хикмет. Данная работа, впервые опубликованная в турецкой газете «Жумурият», содержит малоизвестную для большинства исследователей информацию по участию кыргызов в восстании 1916 г. и их бегстве в Китай. В числе других представителей Османской империи автор документа прибыл в Центральную Азию и стал свидетелем, а также активным участником событий 1916 г., которые описал, а затем и опубликовал.

Многими исследователями были отмечены проблемы в изучении

восстания 1916 г., в частности связанные с привлечением художественной литературы и источников устного народного творчества по восстанию. С этой целью организаторами совещания была организована отдельная сессия по отражению восстания 1916 г. в литературе и искусстве.

Кандидат филологических наук, доцент Кыргызско-Российского славянского университета Х. Шамбеталиева утверждает, что «трагическое событие 1916 года нашло свое отражение в произведениях ряда кыргызских писателей и поэтов начала XX века». Она отмечает, что «у литературы, в отличие от самой действительности, есть одна уникальная возможность – возможность заново пересмотреть произошедшее, восстановить по крупицам картину события, вернуть “время вспять”. Именно благодаря этим произведениям наши современники могут “почувствовать” то, чему они не могли стать свидетелями».

Исследовательницы из Центра уйгуроведения Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Республики Казахстан: кандидат филологических наук, доцент Г. Молотова и научный сотрудник Э. Молотова предприняли попытку выяснения причин, обусловивших восстание 1916 г. в Центральной Азии, на основе изучения произведений уйгурского устного народного творчества. Докладчицы делают вывод, что «несколько факторов послужили причиной восстания населения Туркестанского края в 1916 года», среди которых колониальная политика царизма. Они

анализируют исторические песни народных певцов, их творческие приемы и средства с тем, чтобы понять и прочувствовать «психологическое состояние народа», его отношение к мобилизации, тяготы и лишения, которые они испытали на чужбине.

Что касается причин восстания, то основными причинами восстания 1916 г. принято считать земельный вопрос и колониальную политику российской администрации в целом. Непосредственным же поводом к восстанию стал Указ царя от 25 июня 1916 г. о призыве мужского населения Центральной Азии в возрасте от 19 до 43 лет на тыловые работы. Данные причины были отмечены в докладах профессоров Кыргызского национального университета им. Баласагына М. Махмутбековой и Т.Б. Шейшеканова.

В то же время выступающие высказали и другие точки зрения относительно причин восстания как в Туркестане, так и в отдельных его областях. Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук Т. Котюкова полагает, что восстание 1916 г. в Центральной Азии — это «ошибка власти», «обусловленная имперской природой отношений к окраинам». Таким образом, непродуманная и недальновидная политика царской России в центрально-азиатском регионе спровоцировала и подготовила почву для восстания 1916 г.

Доктор исторических наук, профессор Академии государственного

управления при Президенте КР в Кыргызстане А. Кочкунов полагает, что причины восстания также являются «следствием столкновения двух социально-культурных систем: скотоводческо-кочевнической и земледельческо-крестьянской. Эти две системы в принципе были хорошо знакомы друг с другом и всегда сосуществовали и взаимодействовали между собой». Однако «положение коренным образом изменилось с присоединением региона в состав Российской империи», — продолжает он.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Национальной академии наук Кыргызской Республики Джамил Маджнун в качестве одной из причин восстания 1916 г. в Семиреченской области Туркестана назвала борьбу за опиум: «опиумный фактор стал одним из существенных слагаемых в общей сумме причин восстания». Она считает, что «события 1916 года в Пржевальском... и Пишпекском уездах приняли особо кровавые формы из-за рекордного урожая опиума в тот год». «Накануне восстания в дунганском селении Мариинском было сосредоточено до 7 тысяч китайских подданных, привлеченных сюда опиумным делом. Многие из них были вооружены и крайне заинтересованы в беспорядках, желая воспользоваться ими, чтобы вывезти опиум в Китай», — утверждает она.

Профессор Славянско-Евразийского исследовательского центра Хоккайдо университета Японии Томофико Уяма полагает, что восстание

1916 г. — продукт Первой мировой войны. В своем докладе он доказывает, что «Центральная Азия отличалась от других регионов», она была «слабо интегрирована в имперскую административную систему, что выражалось в отсутствии учета рождаемости». Поэтому «масштабное восстание началось только тогда, когда трудное военное положение заставило местных предположить, что российская власть ослабла».

Жестокое подавление восстания царскими войсками, массовое бегство кыргызов и казахов в Китай, известное среди кыргызского народа под названием «үркүн», отказ беженцам в возвращении на историческую родину стали наиболее трагическими страницами в центральноазиатском восстании 1916 г. Доклады участников совещания попытались дать свою оценку последствий и уроков восстания, а также определить природу и характер восстания, которая является одним из наиболее спорных моментов в событиях 1916 г.

Доклад профессора Университета Назарбаева в Астане (Казахстан) Александра Моррисона отрицает наличие прямой взаимосвязи между восстанием 1916 г. и последующей Февральской и Октябрьской революциями, признанной в советской историографии. Он считает «важным воссоздать восстание в современном ему контексте, подчеркивая, что различные акторы, вовлеченные в восстание, не знали заранее, что 1917 год станет годом революции в центре и что после Февральской революции 1917 года Временное Правительство будет

скоро свергнуто». Чтобы осуществить это, он предлагает «сделать некоторые первоначальные гипотезы относительно некоторых важных вопросов, на которые нет ответов».

Продолжая тему изучения последствий восстания 1916 г., очень интересным представляется доклад доктора исторических наук, профессора Кыргызского государственного университета Т. Абдрахманова и кандидата исторических наук, доцента того же университета Г. Абдалиевой, который был подготовлен по результатам научной экспедиции в Синьцзянский район Китая в 2016 г. Во время экспедиции, которая проводилась в кыргызских селах Синцзяня, был собран и проанализирован богатый материал: устные истории потомков свидетелей восстания 1916 г. и архивные данные. Докладчики выделили три основные этапа в эмиграции кыргызов в Китай с 1916 по 1932 г.: «большой үркүн», «средний үркүн» и «малый үркүн», и определили места их компактного расселения в Китае, не ограничиваясь только 1916 г. и расширив хронологические рамки исследования до времен басмаческого движения и коллективизации в Центральной Азии.

Характеризуя восстание 1916 г., большинство постсоветских центральноазиатских исследователей, в том числе и докладчики совещания, придерживаются точки зрения, которая сформировалась еще в советский период. Они считают, что восстание 1916 г. имело антиколониальный и национально-освободительный характер: «националь-

ное освободительное движение», «национально-освободительное восстание», «антиколониальная война». Тем не менее на совещании прозвучали и другие мнения.

Ассистент профессора из Университета Адама Мицкевича в Познани (Польша) Мариуш Маршевский попытался дать ответ на волновавший многих присутствующих вопрос о том, является ли восстание 1916 г. геноцидом или нет.

Мариуш считает, что проблема заключается в слишком «произвольном использовании определений геноцида и колониализма». Он полагает, что мы переносим современные нарративы и политический дискурс на события, которые имели место в начале XX в. Восстания в Туркестане начинались в разные моменты и имели разные причины, а современный политический дискурс пытается объединить их в одно. Кроме того, не учитывается и более широкий контекст восстания — Первая мировая война. По мнению польского историка, восстание 1916 г. не являлось геноцидом. Это была крестьянская война за земли, этнический и религиозный конфликт, когда столкнулись два разных общества. Тем не менее в сознании потомков как кыргызов, так и русских переселенцев эти события укладываются в контекст геноцида. Кыргызы считают, что это был геноцид их народа, а русские считают, что это был геноцид русского населения, от которого их спасли царские войска.

Необходимо отметить, что тема нескольких восстаний (а не только од-

ного) в Центральной Азии прозвучала не только в докладе Мариуша Маршевского, но и в докладах других участников совещания, в частности Т. Котюковой, французской исследовательницы Клоэ Дрие.

Подводя итоги международного научного совещания «Переосмысление восстания 1916 года в Центральной Азии», которое прошло 20–21 мая 2016 г. в г. Бишкек, можно сделать следующие выводы и наметить некоторые перспективы относительно будущих исследований по этой теме.

С момента распада Советского Союза и обретения независимости государствами Центральной Азии данное совещание стало первым масштабным международным научным мероприятием в Кыргызстане, а возможно, и в Центральной Азии, на котором собрались исследователи более чем из 10 стран мира.

Впервые за 25-летний период независимости государств Центральной Азии состоялся пересмотр и отход от устаревших и идеологизированных стереотипов и установок относительно причин, характера, хода и последствий восстания, принятых в советский период.

Участниками совещания были предложены новые теоретические подходы и концепции, введены в оборот новые источники по истории восстания 1916 г., в частности художественная литература, произведения устного народного творчества, устные истории потомков участников и свидетелей событий 1916 г., без которых невозможно

воссоздать полную и всестороннюю картину этого восстания в Центральной Азии.

В то же время не удалось избежать политизации истории восстания 1916 г., которая все-таки имела место в докладах отдельных участников совещания.

Несмотря на усилия всех участников совещания, всё еще недостаточно изучены архивные материалы, не введены в оборот многие источники устного народного твор-

чества, не собраны в достаточной мере устные истории свидетелей событий 1916 г.

До сих пор нет целостной картины всего восстания 1916 г. в Центральной Азии, не изучены отдельные его аспекты, среди которых можно назвать демографический аспект, в частности отсутствие достоверной информации по числу жертв восстания, проблема лидерства в восстании в отдельных областях Центральной Азии, и другие «белые пятна».

К.А. Тарасов

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОЛЛОКВИУМ «ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ (1914–1922 гг.)»

9–11 июня Санкт-Петербургский институт истории РАН совместно с Северо-Западным отделением Научного совета РАН «История социальных реформ, движений и революций», Европейским университетом в Санкт-Петербурге и Методистским университетом (Даллас, США) при поддержке ФГУП «Гознак» провели международный colloquium «Эпоха войн и революций (1914–1922)», для того чтобы обсудить эту необъятную проблему.

Это уже десятая такая научная встреча специалистов по российской истории со всего мира. В этом году в ней приняли участие ученые из Украины, Молдовы, Эстонии, Великобритании, Германии, США и Японии. Задачей этого colloquium, как и предшествующих, было создание площадки для общения ведущих исследователей, которые в настоящее время активно работают над теми проблемами, которым посвящена конференция.

Уже ставшая традиционной особенность работы colloquium заклю-

чается в том, что все его участники заранее ознакомлены с текстами сообщений. В связи с этим существенно экономится всегда драгоценное время за счет представления докладов. Выступления комментаторов в этом случае имеют большую научную глубину. Главной частью colloquium является свободная дискуссия, в которой может участвовать любой желающий.

В этот раз в преддверии столетнего юбилея Великой Российской революции 1917 г. организаторы конференции предложили обсудить проблему войн и революций. События, заключенные между февралем и октябрём, получили неожиданное освещение, будучи поставленными в контекст широкого революционного кризиса 1914–1922 гг.

Всего в ходе colloquium выступило 36 ученых со всего мира. Доклады были разделены по тематическим секциям, каждая из которых затрагивала тот или иной аспект Революции 1917 г. Обсуждения проходили в доброжелательной атмосфере, что в очередной раз стало подтверждением возможности открытого

и продуктивного диалога специалистов из разных стран мира.

Со вступительным словом выступили директор СПбИИ РАН профессор Н.Н. Смирнов, первый проректор Европейского университета в Санкт-Петербурге В. Вуячич и профессор Д. Орловски из Методистского университета (Даллас, США).

В первый день выступили специалисты по раннему периоду революции с докладами о том, как стал возможным такой быстрый уход со сцены самодержавия, имевшего многовековую историю. В ходе дискуссии был поднят вопрос о множественности революции в двух аспектах. Правомерно ли выделять Февральскую и Октябрьскую революции или это было два этапа единого процесса? Можно ли говорить о единой Российской революции или она распадается на множество национальных революций, произошедших на окраинах бывшей империи? С комментариями докладов по данным вопросам выступили М. Стейнберг (Иллинойский университет, США) и В.С. Измозик (СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича).

Следующая секция «Революция и право, революция и суд» была посвящена обсуждению вопроса о законности и справедливости в период революции. В докладах отмечалось, насколько относительно были эти понятия, и насколько ситуативным могло быть правосудие в этот период. Острые и полемичные выступления комментаторов В.Ю. Черняева (СПБИИ РАН) и Н. Кетцера (Германский истори-

ческий институт в Москве) задали тон дискуссии.

Второй день коллоквиума открывала секция «Революция и власть». Наибольший интерес собравшихся вызвал доклад одного из крупнейших специалистов по истории Революции 1917 г., Александра Рабиновича из Индианского университета (Блумингтон, США). Во время дискуссии были отмечены глубина разработки темы и неожиданная для современной историографии постановка вопроса о практиках «выживания» большевиков в период Гражданской войны. Основная дискуссия с подачи комментаторов З. Галили (Университет Ратгерс, США) и В.В. Калашникова (СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)) развернулась вокруг понятий «элиты» и «контрэлиты» периода Революции. Выступавшие показали, насколько гибкими могут быть границы этих групп и даже что в некоторых случаях возможны их пересечения.

В ходе секции «Революция и империя. Внешняя политика революции и национальный вопрос» обсуждались различные аспекты взаимоотношений центра и окраин. Были представлены доклады о национальной политике поздней империи и советской власти в отношении Армении, Украины, Белоруссии, Бессарабии и еврейского населения. Комментатор К. Брюгеманн из Таллиннского университета (Эстония) дополнил их и показал поднятые вопросы в сравнительной перспективе благодаря привлечению материалов об эстонском национальном движении в период

Перовой мировой войны и войны за независимость. Второй комментатор А.И. Миллер (ЕУСПб, Центральный Европейский университет, Будапешт) сформулировал основные причины того, почему национальный вопрос стал актуален в Российской империи именно в период Перовой мировой войны, показав его связь с внешнеполитическим фактором.

В третий день коллоквиума докладчики секции «Культура и сознание эпохи революции» обратились к проблеме влияния слухов, мифологем, стереотипов, а также политического языка на сознание в эпоху революций. Было рассмотрено поведение разных слоев общества, основанное не на рациональном, а на чувственном и эмоциональном восприятии действительности. Ярким и запоминающимся оказался комментарий И. Халфина (ЕУСПб, Университет Тель-Авива, Израиль), призвавшего изучать события 1917 г. и взаимоотношения партий и общества сквозь призму дискурс-анализа. Не менее интересным был комментарий Д. Коенкер (Иллинойский университет, США), поставившей доклады в контекст развития изучения политической культуры.

Завершающая коллоквиум секция «Общие проблемы изучения истории революции» во многом подвела итоги трехдневных дискуссий. Доклады таких крупных исследователей Революции 1917 года, как Д. Орловски, У. Розенберг (Мичиганский университет, США), Б.И. Колоницкий (ЕУСПб, СПбИИ) и В.П. Булдаков (Институт российской исто-

рии Российской Академии наук, Москва) отчасти пересекались с теми проблемами, которые уже были подняты. Однако они выводили их на новый теоретический уровень. В своем комментарии Я. Плампер (Голдсмит-колледж, Лондонский университет, Великобритания) обратил внимание, что все доклады секции так или иначе связаны с историей эмоций. Он призвал продолжать поиск подходов, которые приближают нас к пониманию «духа революции». По его мнению, одним из таких подходов может быть внимание к «чувственной» истории, обращение к слуховой и обонятельной, зрительной и вкусовой, а также тактильной памяти участников исторического процесса.

В заключительной дискуссии участники подвели итоги коллоквиума, сконцентрировавшись на том, какие вопросы эпохи войн и революций волнуют современную историографию. В центре обсуждения было понятие власти, его значение и интерпретация. Выступавшие отметили, что вопрос о власти проходит красной нитью через весь коллоквиум. Лора Энгельштейн (Йельский университет, США), суммируя, сказала: «Наши доклады показывают, что власть вообще не просто принимается, не поднимается с улицы. Власть, политический авторитет, государственная легитимность создается. Большевики не захватили власть в октябре. Им пришлось устанавливать свою власть. Эту задачу исполняли лидеры, партийные, народные, на разных уровнях. Им было нужно не просто воспользоваться полуразрушенными учреждениями бывшего государства.

Но и мобилизовать именно тот источник народных эмоций, порывов, который подрывал старый строй. На пересечении этих двух измерений стоит вся загадка революции». Эти слова как нельзя лучше объединяют те суждения и выводы,

которые были высказаны во время коллоквиума.

Традиционно организаторы конференции готовят сборник с докладами и материалами дискуссии, который должен выйти в свет в 2017 г.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ В АРХИВЕ: НОВЫЕ ПРАВИЛА

28 марта 2016 г. Верховный Суд РФ вынес постановление, в соответствии с которым пользователь вправе использовать, передавать, распространять содержащуюся в архивных документах информацию, а также их копии для любых законных целей и любым законным способом. Иными словами, исследователи теперь получили право копировать документы на собственные носители. Апелляционная коллегия, рассматривавшая жалобу Министерства культуры

России, поддержанную Росархивом, оставила решение суда в силе.

Редакция журнала попросила ответить на вопросы Андрея Васильевича Галиничева, который выступал истцом по этому делу и его представителя Дмитрия Сергеевича Пославского. Они любезно согласились разъяснить свою позицию и оценить правовые последствия этого важного судебного решения, которого, думаю, давно ждали исследователи.

А.В. ГАЛИНИЧЕВ: «К АРХИВАМ ПРИМЕНИМ ЗАКОН “О ЗАЩИТЕ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ”»

В.В. Андрей Васильевич, сразу скажу, что в кругах профессиональных историков Ваше имя теперь широко известно благода-

ря нашумевшему судебному процессу. Но насколько я знаю, круг ваших профессиональных интересов — биология и экология — от истории далек. Расскажите, пожалуйста, о себе, о том, почему

Вас заинтересовало законодательство и нормативные акты в сфере архивного дела.

А.Г. Область моих научных интересов — биология. Я окончил магистратуру по кафедре зоологии Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, в 2015 г. защитил диссертацию по биологическому разнообразию насекомых Уральского региона, являюсь кандидатом биологических наук. В настоящее время занимаюсь проблемами сохранения лесов от вредителей и болезней в Нижегородской и Кировской областях.

В 2008 г. я заинтересовался изучением своей родословной. Естественно, пришлось обращаться в архив. В Нижнем Новгороде это Центральный архив Нижегородской области (далее ЦАНО). Условия работы в архиве очень интересные — метрические книги можно было получить через 3 месяца после подачи требования на выдачу дел. Другие документы, не связанные с генеалогией, выдавали в течение 3–7 дней.

В течение нескольких лет вроде бы всё меня устраивало: и выдача метрических книг и, впоследствии, ревизских сказок. Всё бы так и продолжалось и всё бы устраивало, если бы не захотел я в 2013 г. получить копию брачного обыска своего прапрадеда с его личной подписью. Тогда пришлось обратить внимание на прейскурант архива на копирование. Естественно, копирование и фотографирование в ЦАНО строго запрещено. При оформлении заказа на копирование ЦАНО еще приплюсовал к стоимости копии

так называемое «обеспечение сохранности при копировании документа». Это уже у меня начало вызывать удивление, но заведующий читальным залом архива, который принимал заказ на копирование, сообщил, что без обеспечения сохранности просто ничего мне не исполнят. Пришлось платить. Тогда я впервые заглянул в Устав архива, в этом локальном акте был исчерпывающий список услуг, которые архив может выполнять на бесплатной и платной основе, однако обеспечения сохранности при копировании в этом списке не было. Тогда я, после того как получил архивную копию, обратился в Роспотребнадзор с жалобой на архив за навязывание услуги. Роспотребнадзор, рассмотрев мою жалобу, увидел нарушение закона о защите прав потребителей, обнаружил состав правонарушения, признал услугу по обеспечению сохранности навязанной и оштрафовал архив на 10 тыс. р. за нарушение ФЗ «О защите прав потребителей». Параллельно с жалобой в Роспотребнадзор я обжаловал данную навязанную услугу в мировом суде и выиграл. Суд обязал архив выплатить стоимость навязанной услуги по обеспечению сохранности при копировании.

Самое интересное началось после, во время заседания у мирового судьи. У архива ЦАНО нашлись деньги (не знаю какие, сколько и откуда они у них нашлись) на найм и оплату услуг одного из лучших адвокатов Нижнего Новгорода для того, чтобы бороться со мной. Стоит сказать, что адвокат ходил на каждое заседание в суд и Роспотребнадзор с двумя или тремя помощниками,

которым архив дал доверенности на ведение данных дел.

В итоге дело дошло до апелляционных жалоб на решение мирового судьи, его оставил в силе Советский районный суд Нижнего Новгорода. А постановление о наложении штрафа на архив, вынесенное Роспотребнадзором, было обжаловано в Арбитражном суде Нижегородской области. Я был привлечен к участию в деле в качестве третьего лица. В итоге Арбитражный суд Нижегородской области решил, что ФЗ «О защите прав потребителей» на архивы распространяется и узаконил постановление Роспотребнадзора по Нижегородской области, а Первый арбитражный апелляционный суд оставил в силе решение Арбитражного суда Нижегородской области. Естественно, в судебных заседаниях участвовал и я, и адвокат ЦАНО с помощниками. В итоге они подали надзорную жалобу в Высший арбитражный суд РФ (тогда в 2014 г. он доживал последние дни), но и ВАС подтвердил законность решений нижестоящих Арбитражных судов Нижегородской области и первого ААС¹.

Самый главный вывод по итогам данных дел и заседаний судов: к архивам (они стали казенными, бюджетными учреждениями) применим закон «О защите прав потребителей». Значит, можно пользователям жаловаться в областные Управления Роспотребнадзора при

нарушении их прав в процессе оказания платных услуг исследователям архивами.

А права исследователей, запрашивающих архивные копии, действительно нарушаются. Готовясь к заседанию Верховного Суда РФ, я запросил у разных архивов преискуранты. И в них были такие пункты, как «предоставление дел, документов для копирования» (в национальном архиве Карелии, в архиве Курской области, архиве Новгородской области, архиве Астраханской области, архиве республики Тыва), хотя дела в читальный зал выдаются пользователям бесплатно, вне зависимости от цели использования. В качестве услуги фигурировала «проставка штампов на копии документов» (в архиве Камчатского края, архиве Новосибирской области). Такие пункты в преискурантах архивов не соответствуют закону «О защите прав потребителей» и ФЗ «Об архивном деле в РФ», а также приказу Минкультуры № 19 от 18.01.2007 г. «Об утверждении Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук».

В.В. Расскажите, пожалуйста, о первом выигранном Вами процессе, который менее известен (апрель 2014 г.).

А.Г. Первый выигранный мной процесс в Верховном Суде — об оспаривании пункта 3.1.5 «Положения

¹ Подробно с судебными постановлениями можно ознакомиться на сайте картотеки арбитражных дел: <https://kad.arbitr.ru/Card/d3831078-b10d-454b-bb5b-f6ec44b76918> (дата обращения 21.09.2016).

о работе пользователей в читальных залах государственных архивов Российской Федерации», утвержденным приказом Минкультуры РФ № 635 от 03.06.2013 г. в части ограничения на выдачу пользователям архивных дел объемом свыше 1500 листов.

В конце 2013 г., когда Минкультуры утвердило вышеуказанное положение, я уже имел за плечами несколько судебных процессов с Нижегородским архивом и внимательно изучал Положение, а также сравнивал с предыдущим порядком работы пользователей в архивах, утвержденным Росархивом в 1998 г., который утратил силу с принятием Положения. Тогда я обнаружил, что впервые Минкультуры ввело ограничение на выдачу пользователям в читальные залы архивов документов в зависимости от количества листов в делах – не более 1500 листов. Однако из буквального понимания данной нормы получалось, что в читальный зал исследователю на основании пункта 3.1.5 положения будет отказано в выдаче даже одного дела, объем которого более 1500 листов. Для того чтобы доказать свою правоту, в заседание Верховного Суда, куда я обратился с заявлением об оспаривании данного пункта, я предоставил письмо из Государственного архива Нижегородской области в г. Балахна о том, что у них на хранении имеется дело объемом 1680 листов. Таким образом в судебном заседании я доказал, что на хранении в архивах имеются большие дела объемом более 1500 листов. Верховный Суд удовлетворил мое заявление и признал тогда норму об ограничении в выдаче в читаль-

ный зал архивного дела объемом свыше 1500 листов недействующей.

Минкультуры не успокоилось и подало апелляционную жалобу на данное решение, заявляя, что при выдаче в читальный зал документы (в том числе метрические книги и ревизские сказки XVII, XVIII, XIX вв., объем которых более 1500 листов) будут расшивать и выдавать исследователю поэтапно. Представитель Минкультуры в заседании Верховного Суда проявлял потрясающую некомпетентность в сфере архивного дела – так, например, на вопрос прокурора будут ли расшивать при выдаче в читальный зал дело, если в нем 1501 лист, представитель Минкультуры дал утвердительный ответ. При этом не брались во внимание ни сохранность дел, ни возможность их повреждения при расшивании и последующем переплете. При рассмотрении жалобы в Апелляционной коллегии Верховного Суда в сентябре 2014 г. я предоставил еще и письмо о том, что в архиве Вологодской области имеется на хранении дело объемом 2900 листов, сшитых в одну обложку. Апелляционная коллегия Верховного Суда тогда оставила без изменений решение, и делам при выдаче в читальный зал не грозит расшивание.

Теперь, когда указом президента Федеральное архивное агентство изъято из структуры Министерства культуры и полномочия по нормативному регулированию в сфере архивного дела переданы в Росархив, мне кажется, будет немного лучше. Все-таки, думаю, в Росархиве должны работать более компетент-

ные и близкие к архивной сфере специалисты, чем в Минкультуре.

В.В. Что побудило Вас обратиться в суд во второй раз?

А.Г. Второе мое дело в Верховном Суде также касалось ограничения в выдаче в читальный зал архивов документов из архивных фондов личного происхождения. Минкультуры установило, что в читальный зал не могут выдаваться дела из данных фондов объемом более 500 листов. Между тем, в фондах императоров (а они являются фондами личного происхождения), которые хранятся в ГА РФ, есть дела объемом более 1000 листов. Из буквального толкования опять получалось, что данные дела в читальный зал не выдадут из-за оспоренного мной ограничения. Поэтому Верховный Суд во второй раз удовлетворил мои требования и признал норму в части выдачи дел объемом более 500 листов из фондов личного происхождения недействующей. И опять же была апелляция жалоба Минкультуры, и Апелляционная коллегия ВС РФ 20 января 2015 г. оставила в силе решение ВС РФ.

В.В. А с какими обстоятельствами связано третье, кажется, самое известное Ваше обращение в Верховный Суд?

А.Г. Уже анализируя и сопоставляя положения ФЗ «Об архивном деле в РФ» с Положением о работе пользователей в архивах, я понял, что запрет на копирование собственными техническими средствами не соответствует ФЗ «Об архивном деле в РФ» и ФЗ «Об информации,

информационных технологиях и защите информации». Тогда я посоветовался с юристом Дмитрием Пославским, который помогал мне вести дела против ЦАНО и в Верховном Суде, и мы в ходе обсуждения пришли к выводу, что данную норму можно оспорить. В итоге в январе 2016 г. административное исковое заявление о признании запрета копирования документов в архивах недействующим уже находилось в Верховном Суде. Перед подачей заявления я обратился во многие архивы России – от архива Камчатского края до архива Калининградской области – разрешают ли они копировать документы пользователям в читальных залах, если запрещают, то на основании каких положений. Также разъяснение данной нормы я получил от Минкультуры и Росархива. Почти все документы Верховный суд приобщил к материалам дела.

В заседании Верховного Суда 28 марта я выступал сам, мой представитель Д.С. Пославский не смог приехать. Мне удалось доказать в заседании что на основании пункта 3.1.12 Положения в архивах исследователям запрещено использовать собственные технические средства для копирования. При этом ФЗ «Об архивном деле» в части 1 статьи 26 устанавливает, что пользователь архивными документами имеет право «использовать, передавать, распространять информацию, содержащуюся в предоставленных ему архивных документах, а также копии архивных документов для любых законных целей и любым законным способом». Получается, что копирование пользователю в архиве

своими техническими средствами разрешается. В статье 25 ФЗ «Об архивном деле в РФ» дается исчерпывающий список ограничений на использование архивных документов, копирование техническими средствами пользователя в нем не значится. Поэтому Верховный Суд России удовлетворил мое заявление.

При рассмотрении дела в Верховном Суде по моему заявлению было привлечено в качестве административного ответчика Министерство юстиции России, которое заняло в процессе мою сторону и просило удовлетворить мои требования. Также в процессе заключение давал прокурор Генеральной прокуратуры РФ, и он просил тоже удовлетворить мое заявление.

Новый Кодекс административного судопроизводства обязал меня, как не имеющего высшего юридического образования, привлечь к участию в деле представителя с высшим юридическим образованием; Дмитрий Пославский любезно согласился быть моим представителем. Кстати, в заседании Апелляционной коллегии 28 марта был интереснейший юридический прецедент, мой представитель не явился, и Верховный Суд РФ разрешил мне на основании части 5 статьи 45 Кодекса административного судопроизводства на основании ходатайства моего представителя самому участвовать в заседании.

В.В. Означает ли решение суда, что отныне исследователи могут без

боязни копировать документы, используя фотоаппараты, или же какие-то ограничения остаются?

А.Г. Отныне исследователи могут безбоязненно копировать документы, используя фотоаппараты. Однако я противник варварского отношения к документам и прошу всех исследователей бережно и разумно пользоваться средствами для копирования, в том числе фотоаппаратами, а именно без использования вспышки, не использовать сканер-ручки и т. п. Кроме того исследователям в архивах следует помнить что, согласно пункту 3.2.8 Порядка, они должны бережно относиться к делам и документам при работе с ними в читальном зале архива.

Решение суда на данный момент вступило в законную силу. Рассмотрение апелляционной жалобы Министерства культуры РФ прошло в Верховном Суде 28 июня 2016 г. В заседании апелляционной Коллегии Верховного Суда участвовал и я и мой представитель Пославский Д.С. Также любезно согласился представлять мои интересы адвокат и генеалог В.А. Сероухов. В процессе заседания из-за того, что Указом Президента от 22 июня 2016 года полномочия по нормативному регулированию в сфере архивного дела перешли от Минкультуры к Росархиву, Суд заменил административного ответчика Минкультуры на Росархив. В итоге решение оставили без изменений, а апелляционную жалобу Минкультуры без удовлетворения.

Д.С. ПОСЛАВСКИЙ: «ОТКЛИК ОТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА БЫЛ БЫ ОЧЕНЬ ПОЛЕЗЕН»

В.В. Расскажите, пожалуйста, о себе. Почему Вас заинтересовало дело А.В. Галиничева, на каком этапе Вы подключились к процессу?

Д.П. Очень кратко о себе – Пославский Дмитрий Сергеевич, 34 года, в 2004 г. окончил юридический факультет в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения, живу и работаю в Санкт-Петербурге, штатный юрист (не адвокат) крупного предприятия.

С 2011 г. я увлекся генеалогией, в связи с чем непосредственно познакомился с нюансами работы архивов и регулирующей их деятельность нормативно-правовой базой.

В 2013 г. на самом известном интернет-форуме генеалогической тематики («ВГД») появилась информация об Андрее Галиничеве и его начавшейся борьбе с Нижегородским архивом против необоснованно завышенных цен на копии документов. Я не смог оставаться безучастно в стороне и решил помочь в данном нелегком деле, поэтому предложил свою профессиональную помощь. При этом изначально с Андреем Галиничевым было согласовано, что я не смогу выезжать в Нижний Новгород, чтобы непосредственно при-

нимать участие в инициированных им судах, тем не менее я дистанционно (по электронной почте) помогал ему с подготовкой процессуальных документов, консультированием, выработкой правовой позиции для суда, оценкой доказательств и возражений и т. п. Так мы и работали.

Тогда же, в 2013 г., вышел новый приказ Минкультуры РФ №635 от 03.06.2013, утвердивший «Порядок использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах», регулировавший права и обязанности пользователей в читальных залах архивов (далее Порядок). Я провел тщательный анализ данного документа и выявил в нем как неоднозначные и противоречивые нормы (т. е. толкование которых может привести к разногласиям между архивами и посетителями), так и явно нарушающие права пользователей. Нами была начата переписка с Минкультуры касательно получения дополнительных разъяснений по противоречивым пунктам Порядка и возможности внесения Минкультуры изменений в Порядок в части устранения нарушений прав пользователей. К сожалению, позиция Минкультуры была очень консервативной: мы столкнулись

с несогласием Минкультуры на какие-либо изменения в Порядке с мотивировкой, что раз документ прошел все возможные согласования при его принятии, то исправления не требуются. Данный ответ означал только одно: те пункты Порядка, с которыми мы не согласны, и которые, по нашему мнению, противоречат федеральному законодательству (обладающему большей юридической силой, чем приказы Минкультуры), нужно признавать недействительными в судебном порядке.

Как и в случае с судами в Нижнем Новгороде, я не имел возможности отвлечься от своей текущей работы в Петербурге для поездки в суд в Москву, тогда как Андрей Галиничев обозначил свою готовность принять в этом непосредственное участие. Только теперь шла речь о судах не местного или регионального уровня, а о Верховном Суде РФ, где рассматриваются дела, связанные с оспариванием нормативно-правовых актов федерального уровня. Свои силы мы решили попробовать, оспорив первоначальную редакцию п. 3.1.5. Порядка, которая ограничивала объем выдаваемых дел 1500 листами. Здесь содержалось очевидное нарушение, для отмены которого было бы достаточно предоставления документальных доказательств без какого-либо дополнительного анализа терминологической базы. То дело было выиграно. Потом, уже без моей помощи и поддержки Андрей Галиничев еще раз обратился в Верховный Суд РФ по указанному пункту Порядка, окончательно освоившись в суде такого уровня (в котором даже опыт-

ные юристы за всю свою профессиональную карьеру появляются редко).

Следующие два года мое внимание было посвящено отдельным проблемам региональных архивов, например оказались безуспешными попытки исправить ситуацию с Архангельским архивом в части полного закрытия бесплатного доступа к архивной документации генеалогического характера. При этом я понял, что нужно возвращаться к одной из наиболее острых проблем — ценообразования услуг архивов, у которых разброс цен на изготавливаемые архивами копии документов варьируется от двух- до четырехзначных чисел. После анализа различных возможных вариантов я решил поступить радикально — бороться не с конкретными ценами отдельно взятых архивов, а попробовать отстоять право копировать собственными техническими средствами. В это же время со мной связался Андрей Галиничев и обозначил свое желание и возможность продолжить борьбу именно по данному вопросу. Учитывая высокую слаженность совместных действий по предыдущим делам и уже накопившийся у него опыт отстаивания интересов именно в Верховном Суде РФ, конечно же, я его поддержал. Именно так и был нами начат судебный процесс по оспариванию в самой противоречивой части п. 3.1.12 Порядка, которая запрещала исследователям использовать собственные технические средства для копирования.

В.В. Как происходит рассмотрение дела в Верховном Суде?

Д.П. Рассмотрение дел в Верховном Суде РФ, если не затрагивать совсем юридических тонкостей, мало чем отличается от рассмотрения дел в других судах. Единственное, что вызвало любопытство у меня как юриста, это то, что нам пришлось судиться по достаточно новому кодексу – Кодексу административного судопроизводства РФ (далее – КАС), который содержит одну очень серьезную новеллу: при оспаривании нормативно-правовых актов истец обязан либо иметь высшее юридическое образование, либо пользоваться услугами представителя, у которого есть такое образование. То есть получается, что теперь Андрей Галиничев не мог самостоятельно оспаривать Приказ Минкультуры РФ, так как у него высшего юридического образования нет. Мы заявили, что я являюсь официальным представителем Андрея Галиничева и у меня есть диплом о высшем юридическом образовании, что позволило дать ход начатому нами делу. Правда, учитывая складывающиеся обстоятельства, я всё равно не смог приехать непосредственно на заседание суда, поэтому в день рассмотрения нашего иска в суде (28.03.2016) Андрей Галиничев пришел один, но с моим ходатайством о наделении его (непосредственно истца) процессуальными правами (т. е. чтобы он смог сам выступать в суде даже в отсутствие профессионального представителя), которое было удовлетворено.

В.В. Почему в качестве административного ответчика фигурировало не только Министерство культуры, но и Министерство юстиции?

Д.П. Его участие было необязательно, но это является достаточно распространенной практикой, так как Минюст отвечает за государственную регистрацию нормативно-правовых актов и контроль соблюдения предшествующих этому процедур.

В.В. Какие аргументы в ходе судебного разбирательства привели Ваши оппоненты?

Д.П. В рамках рассмотрения дела в обеих инстанциях рассматривались следующие доводы:

– Минкультуры считал, что раз нормативно-правовой акт был принят с соблюдением всех процедур и требований законодательства и прошел всесторонние профессиональные проверки, то оснований его оспаривать нет; *мой комментарий: данный довод был формальным, не доказывал «идеальность» оспоренного нами Порядка, поэтому в рамках судебных заседаний особо не обсуждался;*

– также Минкультуры утверждал, что своим запретом копирования они ничьих прав не нарушили, так как право самостоятельного копирования архивных документов собственными техническими средствами нигде прямо не предусмотрено; *мой комментарий: да, право именно самостоятельного копирования прямо в законодательстве нигде не прописано, но это не означает отсутствие у нас данного права, так как и ч. 4 ст. 29 Конституции и ч. 1 ст. 26 ФЗ «Об архивном деле в РФ» защищают и популяризируют максимально полную свободу пользователей в способе реализации*

своего права на получение информации («любим законным способом»), поэтому мы Минкультуры (а потом Росархиву) предлагали привести обоснование, что выбранный нами способ получения (сохранения) информации из документов (путем самостоятельного копирования) является именно незаконным, но они, конечно же, этого сделать не смогли, что и было зафиксировано в решении суда;

— аналогичным образом Минкультуры утверждал, что от запрета копирования никаких нарушений нет, так как любой пользователь всегда вправе самостоятельно выписать любую необходимую информацию из полученных в читальном зале документов, а при необходимости может заказать копию у самого архива; *мой комментарий*: против этого довода возражать было сложнее всего, так как действительно нам вроде как предоставлялся выбор, якобы подтверждающий наличие возможности получить либо копию изображения документа, либо самому выписать из него информацию. Но, во-первых, мы возвращались к предыдущему нашему доводу, что законодательство нам предоставило возможность самим выбирать, а значит, ограничение именно данного способа копирования, уже свидетельствует об ограничении наших прав. Во-вторых, указанные альтернативы всё равно нельзя было назвать равнозначными, так как выписывание и очень трудоемко, и иногда вообще невозможно (если идет речь о рукописном документе, в котором даже не всякий профессионал разберет содержание), а копирование силами архивов платное (и как мы знаем, очень часто неприемлемо дорогое). В качестве исключения мы еще приводили довод, о том, что ведь

есть множество по стране муниципальных архивов, у которых вообще отсутствуют свои копиры или сканеры, в связи с чем они вообще не готовы оказать услугу по копированию, а значит, пользователи при сохранении в силе запрета вообще останутся без копий;

— предоставление права самостоятельного копирования неприемлемо, так как именно в случае такого копирования неизбежно нанесение вреда самим архивным документам; *мой комментарий*: мы ждали данного довода и ждали каких-то серьезных привлеченных экспертных заключений, но Минкультуры нас разочаровал. Исследований именно по данному вопросу не было вообще, а те, которые они предоставили в Апелляционную коллегию, не выдерживали никакой критики (скорее, доказывали обратное – что копирование своими силами приемлемее, чем силами архивов). К тому же нельзя забывать о фондах пользования (архивных документах, выдаваемых в виде микрофильмов, которые просматриваются через мониторы) – очевидно, что копирование изображения монитора уж точно не нанесет никакого вреда архивному документу.

В.В. Оказывало ли какую-либо помощь профессиональное сообщество историков или отдельные представители профессии?

Д.П. На стадии подготовки к делу, написания иска и т. п. нам поддержка не требовалась, так как вопрос был либо сугубо правовым (надо было доказать, что права пользователей нарушены), либо сугубо техническим (следовало доказать отсутствие физического вреда документам от самостоятельного копи-

рования). Но и после начала процесса, ни я, ни, насколько мне известно, Андрей Галиничев не афишировали начатый нами процесс и не давали по нему комментариев (даже после победы в первой инстанции), пока решение суда не опубликовали на сайте Верховного Суда, и не появилась по этому поводу растиражированная в интернете статья. Я ради любопытства использовал поиск по интернету, чтобы проверить, кто обсуждает или хотя бы упоминает решение суда, но по отдельным взятым форумам и новостным порталам сложно оценить ту целевую аудиторию, которая нашей победой заинтересовалась. Самый большой отклик был со стороны генеалогических кругов (форум «ВГД»), что неудивительно, так как и сами архивы во многих публикуемых статьях сейчас признают, что исследование родословных является сейчас одним из самых популярных оснований для обращения в архивы.

Еще, в качестве примера вдумчивой и профессиональной оценки судебного решения можно привести группу в Фейсбуке «Исторические архивы», они опубликовали оценочные мнения нескольких сторон, как говорится, «по разные стороны баррикад» (включая мое).

В любом случае, именно сейчас, когда решение суда вступило в силу, и теперь стоит вопрос о его потенциальной/реальной пользе для исследователей (посетителей читальных залов архивов), отклик именно от профессионального исторического сообщества действительно был бы очень полезен, так как в моем понимании мы говорим о повы-

шении эффективности самого исследовательского процесса, когда:

— существенно снижается время, затрачиваемое на нахождение в самом архиве, когда быстро сделав для себя копии на цифровой фотоаппарат, можно прийти домой и спокойно исследовать документы, увеличивая изображения и вчитываясь в рукописные элементы;

— существенно снижаются затраты, так как пропадает необходимость лишней раз оплачивать копии, заказывать которые у архива не каждый исследователь (и тем более профессиональный историк) может себе позволить. Теперь на это придется тратиться, только если собственно вручную изготовленные копии явно вас не устроят по качеству;

— люди, увлекающиеся генеалогией, перестанут перегружать читальные залы архивов, так как пользователи будут проводить исследования дома, изучая отснятые самостоятельно материалы, что освободит места для профессиональных исследователей-историков.

Мнение профессионального исторического сообщества очень важно еще и потому, что на данный момент Росархив (с подачи некоторых архивов) может всё это выставить в крайне искаженном виде. К примеру, станет утверждать, что в суде победили отдельно взятые лица, воспользовавшиеся несовершенством законодательства, гонящиеся за халявой, и что это всё нанесет колоссальный вред, в первую очередь самим архивам, так как начнут портиться документы

из-за невежественного с ними обращения, а для профессионального исторического сообщества эта возможность якобы абсолютно не востребована. Так что очень важно было бы именно сейчас, когда и сам Росархив еще до конца не определился с тем, что делать дальше с решением суда, чтобы историки-профессионалы тоже хоть как-то отреагировали, показав свое отношение к данной возможности (самостоятельного копирования), тем самым продемонстрировав уровень востребованности.

Поэтому лично я очень рад, что ваше издание обратило на нашу с Андреем Галиничевым победу и готово донести объективный взгляд до профессионального исторического сообщества.

В.В. Почему в конце процесса сменился административный ответчик, которым стал Росархив и как это повлияло на ход процесса?

Д.П. Это связано с Указом Президента от 04.04.2016 о переподчинении себе Росархива и последовавшим за этим утверждением нового «Положения о Росархиве», в котором прямо прописано полномочие теперь именно Росархива в области нормотворчества в архивной сфере. Данная замена была достаточно формальной и не привела к изменению сути процесса, да и у Росархива не было никаких новых позиций со своей стороны, они повторили доводы апелляционной жалобы Минкультуры. Это привлекло к себе внимание только потому, что данные изменения произошли буквально в период между решением

Верховного Суда РФ от 28.03.2016 и заседанием Апелляционной коллегии от 28.06.2016 — поэтому и получилось, что начинали судиться с Минкультуры, а закончили уже с Росархивом.

В.В. На сайте Верховного Суда РФ можно найти информацию о том, что А.В. Галиничев просил признать недействующим п. 3.2.6 Порядка использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах, но в конечном счете материал оставлен без движения. Почему?

Д.П. Раздел 3.2 Порядка посвящен обязанностям пользователей читальных залов, и конкретно в указанном п. 3.2.6 Порядка прописана обязанность именно пользователей производить проверку получаемых документов на «целостность и сохранность». Но тогда возникают вопросы: что понимается под «целостностью» и «сохранностью», которые пользователь должен проверять «при получении»? Идет ли речь о том, что пользователь несет ответственность за так называемые «скрытые недостатки» и будет нести за них ответственность согласно п. 3.2.17 этого Порядка?

В любом случае, проверка сохранности является непосредственной обязанностью именно работников архива, а не пользователей (п. 2.11.10.5 Правил, утвержденных Приказом Минкультуры № 19 от 18.01.2007), в связи с чем дублирование данной обязанности ничем не обосновано и фактически ограничивает самый ценный при работе в читальном зале ресурс, собственное время, так

как его обычно крайне не хватает для работы с документом.

На основании именно данного дела Андрей Галиничев обращался в Конституционный суд для оспаривания обязанности иметь представителя с высшим юридическим образованием, но так как данные инициативы не привели к успеху, то дело осталось без движения и не было рассмотрено по существу. К его возобновлению мы пока не обращались, так как сейчас на это элементарно не хватает времени, а с архивами в данной части не так много проблем, т. е. вопрос не той степени насущности. К тому же, учитывая приобретение Росархивом полномочий по нормотворчеству, возможно, следует ожидать издания с их стороны абсолютно нового нормативно-правового акта по регулированию прав и обязанностей пользователей в архивах, а значит, наши замечания мы лучше выдадим на стадии общественных обсуждений нового нормативно-правового акта, чем будем бороться со старым.

В.В. Какие реальные возможности открывает решение суда для исследователей? Вправе ли архив отказать в копировании документов? Есть ли какие-либо ограничения в использовании копировальной техники, не создает ли решение суда реальной опасности для сохранности архивных документов?

Д.П. Это на самом деле самый интересный и самый сложный вопрос.

Про открываемые возможности: Решение суда не надо ни переоценивать, ни недооценивать. Как

и любое другое решение любого из судов, оно содержит мотивировочную и резолютивную части. Резолютивная часть является квинт-эссенцией судебного процесса, так как в ней содержится именно само по себе итоговое решение суда. Поскольку в нашем случае оспаривался нормативно-правовой акт, то данное решение суда признает нормативно-правовой акт недействующим в определенной части. Применительно к нашему процессу п. 3.1.12 Порядка признан недействительным «в части ограничения прав пользователя на копирование при работе с делами, документами». Обратите внимание, что мы хотели признать недействительной именно часть формулировки «за исключением копирования», тогда как суд отошел от нашего изначального требования и указал более широкую формулировку в резолютивной части решения, поставив акцент именно на праве копирования при работе с архивными делами. Чтобы понять последствия признания в данной части Порядка недействительным советую самостоятельно перечитать ст. 16 и ч. 1–3 ст. 216 КАС. Исходя из этих норм, можно сделать вывод об ошибочности мнения архивов, что теперь им нужно дожидаться какого-то отдельного внесения изменений в п. 3.1.12 Порядка или отдельных письменных разъяснений Росархива, или что им сперва надо внести аналогичные изменения в свои локальные акты, правила и прецеденты. Нет, ждать каких-то дополнительных изменений уже не надо, так как решение суда уже вступило в силу и обязательно для всех (и для Минкультуры, и для Росархива, и для

всех архивов, независимо от того, внесены ли изменения во все подзаконные акты и локальные правила каждого из архивов).

Самая главная открывающаяся в связи с решением суда возможность — это возможность бесплатно осуществлять самостоятельное копирование архивных документов. Вопрос бесплатности, безусловно, многие постараются поставить под сомнение, так как в решении суда он никак не освещается, а многие архивы и во время существования запрета в п. 3.1.12 Порядка разрешали пользователям копировать документы своими техническими средствами за отдельную плату (под предложением предоставления некоей услуги). Но если раньше борьба против такой платы неминуемо упиралась в запрет, то теперь это ограничение из п. 3.1.12 Порядка мы убрали. Мне уже благодарные пользователи приватно то и дело сообщают о региональных архивах, которые уже стали отменять плату за самостоятельное копирование. Большинство архивов, возможно, ждут разъяснений от Росархива, или просто не торопятся что-либо менять, пока наиболее активные пользователи не потребуют данной возможности. Не удивлюсь, если останутся те архивы, которые всё оставят по-прежнему. И тут понадобится самая малость — это профессиональное оспаривание надуманной услуги, к чему я, конечно же, готовлюсь.

Возвращаясь к вашим вопросам — да, теперь отказ (именно отказ или запрет) копирования архивных документов собственными техническими средствами будет незако-

нен. В социальных сетях интернета, правда, тут же разгорелся спор на предмет идентичности терминов «копирование» и «фотографирование». Некоторые упорно считают, что они абсолютно неидентичны. Но смею вас заверить, что хоть слову «копирование» вы и не найдете разъяснений в самом ФЗ «Об архивном деле в РФ», тем не менее письменное признание фотографирования как частного случая копирования уже есть и от Минкультуры, и от Росархива, но даже без этих признаний нам не составит особого труда предоставить соответствующее обоснование, если потребуется.

Но нельзя забывать, что Росархив, не имея возможности запрещать, сохраняет за собой полномочие регулировать, а значит, он вправе установить порядок реализации права на копирование, в том числе прописать требования к самим техническим средствам и порядку их использования для копирования. Очень надеюсь, что эту мою мысль увидят представители Росархива — нормального регулирования действительно не хватает. Ведь что было раньше — это фраза Минкультуры «за исключением копирования». Что сделал Минкультуры после нашей победы еще 28.03.2016? Его чиновники подготовили проект Приказа об изъятии слов «за исключением копирования» из Порядка, о чем мы узнали незадолго до заседания Апелляционной коллегии 28.06.2016 на интернет-портале с проектами нормативно-правовых актов¹. Но разве такой подход можно назвать «регулиру-

¹ См.: <https://regulation.gov.ru> (дата обращения 21.09.2016).

нием»? Ведь у них же есть в п. 3.1.12 Порядка требования: используемые исследователями технические средства должны быть без звуковых сигналов, «без подключения к локальной сети архива», не мешать работе других пользователей. В рамках искового заявления или возражений на апелляционную жалобу мы неоднократно говорили о необходимости такого простого требования, как снимок «без вспышки»... То есть мы призывали Минкультуры (а потом Росархив), если у них действительно есть опасения и какие-то требования к тому, как должны использоваться собственные технические средства, чтобы они их соответствующе прописали. Если же Росархив, как и Минкультуры, будет игнорировать свою регулятивную функцию, то ее восполнят сами архивы, так как они вправе регулировать любые вопросы у себя на местах. Но если это произойдет, то будучи ничем не ограничены, они могут составить столько разнообразных правил, что потом попросту не хватит юристов, чтобы со всеми судиться. К тому же пропадет единообразие, и те историки/исследователи, которые работают в нескольких архивах, просто не будут заранее знать, каких требований им ждать от каждого нового посещаемого ими архива. Важно не допустить таких необдуманных правил, но с нами вряд ли кто-то будет советоваться, а я, например, данный вопрос изучил очень подробно (в том числе на основании тех исследований, которые представили в суд Минкультуры и Росархив).

В.В. Но всё же, на Ваш взгляд, насколько оправданы опасения, что

использование копировальной техники самими исследователями создаст реальную угрозу сохранности архивных документов?

Д.П. Итак, про ограничения в использовании копировальной техники и реальной опасности для сохранности документов. Здесь есть один очень важный нюанс, который нужно постоянно держать в голове — документы подвержены естественному старению и износу, поэтому даже всеми исследованиями подтверждено, что просто выдача документа из архивохранилища в читальный зал уже является существенным фактором, негативно влияющим на его целостность и сохранность. Хотя читальный зал является, безусловно, максимально приспособленным для долгосрочного исследования архивных документов помещением, всё равно документ оказывается на свету (один из самых губительных факторов), не в той температуре и влажности, которые обеспечиваются документам в архивохранилище. Второй существенный момент — получая на руки документ, как бы мы к нему бережно ни относились, всё равно мы его используем, раскрываем, перелистываем, т. е. осуществляем на него физическое воздействие, что создает риски повреждения листов и переплетов, которые проявятся, вероятнее всего, не при вас, а уже при последующем использовании документа. И чем объемнее документ, чем непонятнее в нем для прочтения текст, тем дольше пользователь сидит с ним в читальном зале и читает его или выписывает из него информацию, а значит, тем дольше архивный документ

подвергается всей совокупности вышеперечисленных негативных факторов.

Таким образом, как вы видите, сам факт получения архивного документа — это уже серьезный вызов к обеспечению его целостности и сохранности. Архивы и их работники, конечно же, для себя первоочередной целью ставят задачу по обеспечению сохранности документов. И я их в этом понимаю. Эта задача тем более важна, что законодательство наряду с принципом обеспечения сохранности постулирует не менее важный принцип обеспечения доступности документа для исследования (иначе сама цель сохранности документов становится ничтожной, когда архивы становятся «собаками на сене»). Единственное исключение из правил — это ограничение доступа к «особо ценным документам» и к «документам Архивного фонда Российской Федерации, признанным <...> находящимися в неудовлетворительном физическом состоянии» (ч. 2 ст. 25 ФЗ «Об архивном деле в РФ») — именно в данных случаях принцип сохранности документа становится выше принципа его доступности.

Встает закономерный вопрос: как обеспечивать сохранность архивных документов, которые всё же обязательны к выдаче в читальный зал для работы / исследования пользователям? И тут есть 2 ответа:

— создание фондов пользования (когда вместо оригиналов обеспечивается доступ к копиям документов). Это тот вариант, за который ратует большинство пользователей

читальных залов, особенно увлекающихся генеалогией, но, конечно же, понятно, что для данного варианта необходимы как большие финансовые ресурсы, так и трудозатраты, поэтому данный вариант, безусловно, худо-бедно реализуется в архивах, но видеть в этом окончательное спасение для документов преждевременно;

— необходимость соблюдения самими пользователями п. 3.2.8 и 3.2.17 Порядка — когда каждый пользователь, допускаемый в читальный зал, должен пройти обязательный инструктаж в части правил обращения с архивными документами. Именно для целей контроля соблюдения пользователями данных правил в читальном зале должен быть штатный сотрудник (заведующий читальным залом и т. п.).

Но это вопросы общей сохранности документов, а анализируемый нами судебный процесс позволил Минкультуры (потом Росархиву) заново поднять данную проблему, но уже на уровне вреда архивным документам именно от процесса самостоятельного копирования собственными техническими средствами. Начиная с первой инстанции, Минкультуры возражало против наших требований, утверждая что «ручная фотосъемка невозможна без вышеуказанных вредных действий в отношении документа». Доказательств данному утверждению так представлено и не было. Но еще до заседания мною было выявлено, что представитель Минкультуры в своих возражениях дословно руководствовался Апелляционным определением Свердловского об-

ластного суда от 18.06.2014 по делу № 33-7612/2014², как видно, будучи уверенным, что если один региональный архив с этими доводами уже один раз выиграл суд, то, значит, и им будет легко это сделать. Когда Минкультуры подало апелляционную жалобу на решение Верховного Суда РФ от 28.03.2016, то к своей жалобе они уже приложили 2 экспертных заключения (ВНИИДАД и лаборатории РГАНТД), но оба указанных экспертных заключения отсылали к сторонним исследованиям, оценивавшим общий вред от использования документов в читальном зале, вред от света и вред от профессиональной копировальной техники (обратите на это особое внимание)³. Ни одного исследования о вреде именно от использования собственных портативных (ручных) технических средств представлено в суд не было. Что еще более важно, фактически указанными исследованиями Минкультуры доказывал, что копирование документов силами архивов вреднее, чем копирование собственным телефоном и фотоаппаратом (конечно же при условии, если у фотоаппарата отключена вспышка, а на сам документ не осуществляется никакого физического воздействия), так как архивы пользуются копировальной техникой, принцип которой как раз заключается в интенсивном световом и тепловом воздействии на документ, а если учесть, что мы говорим не только о хорошо финансируемых федераль-

ных архивах, но и о региональных и муниципальных архивах, то зачастую у них если и есть копировальная техника, то это самые обычные сканеры и ксероксы, а значит, для копирования они кладут документы на стекло («считывающую» поверхность), что также приводит к сильнейшему воздействию на переплет.

Теперь, после вышеприведенных подробных объяснений, возвращаясь к праву копирования собственными техническими средствами, можно сформулировать следующие правила обеспечения сохранности, которые защитят архивные документы от любого возможного вреда от процесса самостоятельного их копирования собственными техническими средствами:

1. Дополнительный вред архивным документам (по сравнению с «естественным износом») будет только от необдуманного и неаккуратного с ними обращения, поэтому первоочередным является запрет осуществлять на документ физические воздействия (усиленное распрямление или разглаживание листов, давление на переплет с целью разглядеть вшитый в него текст и т. п.). Самый идеальный вариант – когда документ лежит на столе, а вы его фотографируете, даже не касаясь руками (и не придавив подручными средствами).

2. Несмотря даже на отсутствие такого указания в п. 3.1.12 Порядка, безусловно, неприемлемо использование фотовспышки (ее надо отключать заранее и заведомо убедиться, что она случайно не сработает). По этой же причине настоятельно

² См.: <http://ourcourt.ru/sverdlovskij-oblastnoj-sud/2014/06/18/34871.htm> (дата обращения 21.09.2016).

³ Вот, например, одно из них: http://niab.by/stat/cop_doc/ (дата обращения 21.09.2016).

не рекомендуется пытаться использовать в архивах портативные сканеры (сканеры-ручки и т. п.), так как это тоже является средством копирования с использованием светового воздействия.

3. Помимо вышеуказанных правил обязательным является соблюдение еще правил самого архива в отношении порядка аккуратного обращения с архивными документами (если, конечно, в этих правилах есть какие-то еще требования, помимо указанных мною выше).

Если вы эти три правила соблюдаете, то неважно, что вы при этом делаете, просто читаете документ, делаете ли из него выписки, или осуществляете его фотографирование. Соблюдая вышеуказанные три правила, вы тем самым соблюдаете требования п. 3.2.8 Порядка. Причем если вместо долгого выписывания вы сфотографируете архивное дело и быстро вернете его обратно архиву (в архивохранилище), то тем самым вы даже снизите вредное воздействие на документ по сравнению с тем пользователем, который придет в архив без фотоаппарата, и будет сидеть над своим документом часами и днями.

Очень надеюсь, что при изменении Росархивом требований к используемым пользователями собственным техническим средствам или правил копирования эти элементарные и очевидные три правила будут учтены.

В.В. Распространяется ли решение суда только на государственные архивы или оно касается также архивов ведомственных?

Д.П. На самом деле так глубоко этот вопрос я пока не изучал, хотя ко мне уже обратился один человек, занимающийся отстаиванием прав на доступ к архивным документам ведомственных архивов. Тем не менее попробую дать общий анализ по поставленному вами вопросу. В соответствии с первым предложением ч. 5 ст. 26 ФЗ «Об архивном деле в РФ» оспоренный Порядок обязателен для применения «государственными и муниципальными архивами». Это же следует из п. 1.1 самого Порядка. Ведомственные архивы, исходя из п. 10, 11 ст. 3 Закона «Об архивном деле в РФ», к государственным и муниципальным архивам не относятся.

В то же время во втором предложении ч. 5 ст. 26 ФЗ «Об архивном деле в РФ» установлено, что «порядок использования архивных документов в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных организациях, государственных и муниципальных музеях, библиотеках, научных организациях, включенных в перечень, который утверждает Правительство Российской Федерации, определяется ими в соответствии с законодательством Российской Федерации, в том числе в соответствии с правилами, установленными специально уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти». В соответствии с данной нормой приказом Минкультуры от 31 марта 2015 г. № 526 были утверждены «Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фон-

да Российской Федерации и других архивных документов в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях», но данные правила хоть запретов на копирование и не содержат, но и отсылки к оспоренному нами Порядку (по аналогии с идентичными правилами для госархивов, утвержденных Приказом Минкультуры № 19 от 18.01.2007) в них тоже нет. Но даже если признать, что Порядок (а значит, и резолютивная часть решения суда) на ведомственные архивы не распространяется, то вот тут нам на помощь приходит мотивировочная часть решения, в которой Верховный Суд РФ защищал право самостоятельного копирования не ссылками на какие-то положения Порядка, а ссылками на ч. 1 ст. 26 ФЗ «Об архивном деле в РФ» и ч. 1 ст. 8 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (а ведь есть еще и ч. 4 ст. 29 Конституции). То есть речь о свободе выбора способа воспроизведения документа (фиксации для себя информации) и возможность ограничения данных прав исключительно федеральным законодательством, а не подзаконными нормативными актами. То есть мотивировочная часть решения суда подтверждает возможность признания незаконными запреты копирования в любых (!) положениях и порядках иных архивов, органов и организаций. Иными словами, если право копирования прямо не запрещено в каком-то отдельно взятом законе для конкретного случая (именно законе, а не подзаконном нормативно-правовом акте), то значит, любые запреты, устные

или в виде объявления на стенах (дверях и т. п.) архивов (пусть даже со ссылкой на собственные внутренние правила) будут незаконны.

Дополнительно следует учесть, что правовой статус ведомственных архивов определен в п. 15 ст. 3 и в ч. 2 ст. 18 ФЗ «Об архивном деле в РФ», т. е. ведомственные архивы осуществляют депозитарное хранение документов Архивного фонда РФ. Перечень органов и организаций, осуществляющих такое депозитарное хранение, четко определен в Постановлении Правительства РФ от 27.12.2006 № 808. В отношении данного типа хранителей архивных документов является очень важной еще одна оговорка: «Сроки и условия депозитарного хранения документов Архивного фонда Российской Федерации и использования указанных документов устанавливаются в договорах», заключаемых между такими органами / организациями и Росархивом. Учитывая, что указанные договоры не находятся в публичном доступе, мне крайне сложно давать полноценный анализ данной нормы, но очевидно, что правовой статус такого договора не дотягивает до уровня федерального законодательства, а значит, наличие в нем ограничений прав самостоятельного копирования архивных документов будет также незаконно.

Говоря о ведомственных архивах, можно еще в качестве частного примера вспомнить Закон РФ от 18 октября 1991 г. № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». Данный закон вообще не пользуется терминологией архивного законодательства («доступ», «использование», «копирование»),

но там есть одна общая оговорка в абз. 3 ст. 11: «Реабилитированные лица, а с их согласия или в случае их смерти — родственники имеют право на ознакомление с материалами прекращенных уголовных и административных дел и получение копий документов. Ознакомление других лиц с указанными материалами производится в порядке, установленном для ознакомления с материалами государственных архивов. Использование полученных сведений в ущерб правам и законным интересам проходящих по делу лиц и их родственников не допускается и преследуется в установленном законом порядке». То есть мы с вами видим явный пример отсылочной нормы к общим правилам доступа и использования архивных документов, а значит, решение Верховного Суда РФ имеет ценность и для ведомственных архивов в данной части.

Учитывая всё вышеперечисленное, самым очевидным видится вывод, что в случае с ведомственными архивами ограничение права самостоятельного копирования также будет незаконно, даже если мы с ним столкнемся в их ведомственных актах. Но очень даже вероятно, что в случае с ведомственными структурами придется судиться повторно, чтобы Верховный суд в аналогичном порядке оценил их ведомственный акт и признал его незаконно ограничивающим право на использование собственных технических средств с целью копирования архивных документов.

Но несмотря на вышеперечисленное, вопросы ведомственных архи-

вов требуют гораздо более глубокого изучения и анализа, особенно учитывая находящиеся на слуху неоднократные (и безуспешные) судебные дела против ведомственных актов касательно порядка доступа к следственным делам, так как с ведомственными архивами чаще всего стоит проблема не копирования (как способа использования документа и информации из него), а проблема изначального доступа к ним (чаще всего по мотивам наличия государственной или иной охраняемой законом тайны, включая сведения о персональных данных).

Дополнительно по данному вопросу хотелось бы обратить внимание еще на один момент — помимо государственных и муниципальных, а также ведомственных архивов, о которых сейчас речь, есть еще архивы (или отдельно сформированные архивные фонды) при музеях и библиотеках, а также при иных государственных органах и организациях, и о применимости выигранного нами судебного дела можно в равной мере рассуждать применительно к ним. Но даже в их случае логика остается прежней, если регулирующие их деятельность законодательство не предусмотрело ограничений на самостоятельное копирование, то любые их подзаконные акты в данной части будут точно так же незаконны. Тут в качестве примера можно привести закон «О библиотечном деле в РФ», в п. 3.1 ст. 13 которого прямо предусмотрено право библиотек «устанавливать ограничения на копирование, экспонирование и выдачу книжных памятников и иных документов, предназначенных для постоянного

хранения, в соответствии с правилами пользования библиотеками».

В.В. Вправе ли архивы вводить ограничение на объем копируемых материалов?

Д.П. Вероятнее всего, данный вопрос у вас возник потому, что на данный момент во многих (а может и во всех, не проверял) архивах есть ограничение на объем копируемых дел, когда услугу по копированию оказывают сами архивы. Иногда архивы так усердствуют с данным ограничением, что изначально в своих правилах прописывают ничем не мотивированный и необъяснимый лимит количества копируемых листов от общего объема архивного дела (неважно, насколько большого и в каком состоянии). Я знаю случай, когда из-за такого ограничения человек не мог получить копию даже 1-й (!) страницы архивного дела (когда в деле было менее 10 страниц, а архив установил ограничение на копирование в 10 % от объема дела).

К сожалению, данный подход архивы считают нормативно обоснованным, так как они уверены, что данная возможность предоставляется им в п. 5.13 ранее упомянутых мною Правил, утвержденных приказом Минкультуры № 19 от 18.01.2007. Если быть точным, в указанной норме прописано следующее: «По-

рядок выполнения заказов на копирование, в том числе объемы копирования архивных документов, неопубликованных описей дел, документов, других архивных справочно-поисковых средств и баз данных, стоимость изготовления копий и порядок расчетов за их изготовление определяются руководством архива».

В нашем случае важнее всего то, что данная норма относится только к случаям «выполнения заказов на копирование» (т. е. силами самих архивов), а значит, право ограничивать объем в данной норме не распространяется на случаи, когда копируешь архивный документ самостоятельно собственными техническими средствами, и с этой точки зрения польза от судебного решения по нашему вопросу также несомненна.

Но даже если не оценивать проблему применительно к самостоятельному копированию, а анализировать саму по себе формулировку об ограничении объема копирования, то законность данного положения крайне сомнительна. Поэтому не исключая, что если именно этим ограничением архивы будут продолжать злоупотреблять и ставить препоны для получения копий архивных документов пользователями, то значит, ее мы тоже будем оспаривать.

М.В. Соколовская**ВЗЯТЫЕ БАРРИКАДЫ**

Девяностые как кульминация движения России к свободе и настоящее как время музейных аффектов получили воплощение в Музее Бориса Ельцина в Екатеринбурге.

Вдохновившись американским опытом, в 2008 г. в России приняли Федеральный закон «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий». 25 ноября 2015 г. в Екатеринбурге открылся Президентский центр Б.Н. Ельцина. Ядром Центра оказались не библиотека и архив, как ожидаешь, читая закон, но Музей первого президента России Б.Н. Ельцина, созданный при участии агентства музейного проектирования *Ralph Appelbaum Associates*. Дисциплинированный посетитель музея должен последовательно посмотреть вводный анимационный фильм «Россия в потоке истории», экспозицию «Лабиринт», в которой семейная и личная история Бориса Николаевича Ельцина разворачивается на фоне истории России в XX столетии, экспозицию «Семь дней, которые изменили Россию», напоминающую о главных образах и событиях 1990-х, конструирующих

«эпоху Ельцина». В завершение пути зритель может сфотографироваться со скульптурой Бориса Николаевича на «Президентской площади», а также на фоне картины Эрика Булатова в «Зале свободы». Путешествие по музею подводит к знакомству с основными статьями российской Конституции, а ее печатное издание можно унести с собой для внимательного штудирования дома.

Центр Ельцина стал популярным местом в Екатеринбурге с первых дней работы, но создан он был не для города и не о городе, но прежде всего для повествования о 1990-х всей стране. Центр Ельцина напоминает не только о девяностых, но и свидетельствует о приостановке процессов регионализации той поры, о мощи централизованного государства первых десятилетий XXI века. Возможно, самый главный вопрос, который задается в связи с открытием Центра (и музея): неужели девяностые публично осмыслены как эпоха всё еще

© Соколовская М.В., 2016.

важных ценностей? Вероятно, этот вопрос можно переиначить: может быть, мы нынешние не очень отличаемся от людей тогдашних, мы действительно наследники тех ценностей, надо только понять, что это за значимые идеи из девяностых. Насколько ясно и сложно в музее показаны конец советской эпохи и рождение новой России? Может быть, сами технологии музейного показа позволяют высветить в том времени только то, с чем мы готовы мириться сейчас, комфортный образ эпохи, составными элементами которого являются даже насилие, обнищание, даже боль, если им найдено правильное место в ячейках музейной экспозиции?

Свердловск, из которого Борис Николаевич Ельцин уехал по зову коммунистической партии в Москву, и нынешний Екатеринбург различаются. Дело не только в том, что в том советском Свердловске не без успеха работали многочисленные заводы, а в нынешнем Екатеринбурге столь же успешны прежде всего торговые центры и металлургические компании, производства которых развернуты за пределами города. Нет, тот Свердловск хоть и был индустриальным, но сохранял и другой хозяйственный уклад. Еще в начале 2000-х в центре города некоторые держали коз и коров. Сейчас на месте частных домов — многоквартирные высотки с магазинами и кафе на первых этажах. Можно сказать, Екатеринбург, несмотря на усилия создать комфортный город, предпринятые в 1950–1970-х гг., только-только урбанизируется и превращается в современный полис с его особыми

впечатлениями и новыми практиками потребления.

С террасы Центра Ельцина открывается прекрасный вид на городской пруд и левый берег Исети со стадионами, храмами, театрами, старинными усадьбами и современными офисными зданиями и жилыми домами. Этот район города очень изменился за последние столетия. Ремесленная Мельковская слобода исчезла, усадебный мир западного склона Вознесенской горки был разрушен. Спортивный комплекс «Динамо» начала 1930-х гг., здание Управления магистральных газопроводов «Бухара–Урал» (ныне «Газпром трансгаз Екатеринбург»), Храм на Крови, дворец игровых видов спорта «Уралочка», где проходит волейбольный турнир на Кубок Ельцина, небоскреб «Высоцкий», один из самых высоких на всем пространстве Урала и Сибири, пока пустое пространство недавно снесенного мукомольного завода — смотрятся как зарубки на теле города, каждая из которых отражает ход времени. Это не только один из самых красивых екатеринбургских видов, но и один из тех пейзажей, в которых масштаб панорамы сочетается с плотностью среды. Терраса — место, с которого одновременно хорошо видны и Вознесенский храм XVIII в., и церковь, построенная в начале 2000-х гг. на месте расстрела семьи Николая II.

За спиной остается набор башен небольшого екатеринбургского «Сити», в котором деловые и жилые здания соседствуют с административными, среди них и здание областного правительства, бывшие

го обкома, построенного по воле Ельцина, единственное сооружение приличной архитектуры в этом районе. Сохранявшаяся здесь и в советское время застройка старого мещанского Екатеринбурга была стерта с лица земли, и эти новые сооружения сегодня свидетельствуют о наличии денег в городе и изменений в России, произошедших благодаря Борису Николаевичу Ельцину.

Само здание Центра Ельцина — плоть от плоти этого нового района, в котором деньги играют основную роль. Оно начинало строиться в 2006 г. по проекту архитектора Сергея Алейникова («Архстройпроект-А») как конгресс-холл бизнес-центра «Демидов-Плаза» (переименованного сегодня в Деловой дом «Демидов» и имеющего иные негласные названия). Центр Ельцина получил остов девятиэтажного здания конгресс-холла в 2009 г. — это позволяло разместить его в значимом месте, в сердце Екатеринбурга — на улице имени Бориса Ельцина, недалеко от зданий областного правительства и Законодательного Собрания, а также вдохнуть смысл и энергию в приостановленное из-за кризиса строительство. Справиться с уродством здания новый архитектор Борис Бернасconi смог благодаря фасадам из перфорированного алюминия. Эти красивые фальшстены, которые многие читают как образ проницаемых границ между властью и обществом, прикрывают отсутствие значимых перемен в библиотечно-музейном строительстве в России. Плохое здание было преображено хорошей декорацией, но швы между традицией и цивилизаторскими усилия-

ми отлично видны. Летом 2016 г. в вечерний час стены превратились в медиаэкраны — теперь Центр Ельцина сверкает в центре Екатеринбурга, как маяк для искателей умных развлечений.

Борис Бернасconi — архитектор, получивший образование в конце ельцинской эпохи. Один из самых известных и интересных российских архитекторов в своем поколении, он проектировал в Свердловской области также Дом новой культуры (ДНК-центр) для Первоуральска. Пока здание в Первоуральске строилось, представления о культуре и новаторстве в России стали слишком размыты, и функции ныне достраиваемого объекта пока неясны. Центр Ельцина также строился долго, сроки открытия переносились, жизнь в стране менялась, и нынешняя архитектура Центра стала компромиссом между собственно эпохой Ельцина и временем новых архитекторов, которые появились в стране несмотря ни на что, но в провинции, как кажется, так и не построили новых музеев, библиотек, архивов. Тому, вызревшему в России 1990-х, новому миру, который упирается ногами не в советские традиции, а в мировые тенденции, досталась задача декорирования настоящего.

Подойти к зданию Центра можно с набережной, но потоки публики устремляются к нему в основном с улицы Бориса Ельцина, мимо открытого в 2011 г. памятника Борису Ельцину по высокой лестнице. Подымаясь по ступеням, люди словно выныривают из некомфортной городской среды на террасу с видом

на город, скамейками и фонтаном. Ранее расположенный на террасе объект московского архитектурного бюро «Новое» — огромная, объемная, как противотанковый еж, светодиодная звезда — перенесен к площадке перед лестницей, ведущей к Центру с набережной. Так, блуждая в Нью-Йорке, можно наткнуться на арт-объект на пустой в субботний день площади у подножия делового небоскреба. Центр Ельцина — это «очень правильное пространство», оно намекает на что-то, что не здесь — не в Екатеринбурге в 2015 или 2016 г., обещая посетителям «правильную перспективу», воплощая их мечты о красивом, комфортном и современном Екатеринбурге.

Сегодня Центр Ельцина — это музей, галерея, книжный магазин «Пиотровский», атриум, в котором проходят концерты, конференц-залы, образовательно-развлекательные комнаты и несколько пока пустующих этажей для офисов и магазинов. В США подобные учреждения хранят архивы бывших президентов. При центре Ельцина архив и библиотека тоже вскоре откроются. Собственно, Центр и начинал свою публичную работу в Екатеринбурге со сбора коллекций архива и музея. Но идея музея оказалась привлекательнее. Библиотека — место, где документы выдаются для самостоятельного изучения, где читающий может быть предоставлен сам себе и должен узнать многое, чтобы вынести суждение. Музей, особенно в том виде, в каком он существует последние десятилетия, место эффектов и аффектации публики. Не зря

сценарист экспозиции «Семь дней, которые изменили Россию», режиссер Павел Лунгин сравнивает путь зрителя через залы с просмотром фильма. В кино мы погружаемся, размышляя над увиденным задним числом. Впрочем, любой музей дает зрителю возможность вырваться из плена кем-то смоделированных образов, покинув помещение. В музее Ельцина сегодня по ходу движения зрителя сотрудники объясняют, куда он должен идти, чтобы правильно прочитать рассказываемую историю, но это не лишает зрителя свободы перемещений, не защищает от непонимания, проецирования собственных ожиданий в экспозицию.

Для меня музей Ельцина не проясняет происходившего, а обнаруживает в прошлом источник реликвий и гордости. Это не связано с оптимистичным образом прошлого, замалчиванием трагических и противоречивых событий — тут этого нет. Но как только множество фактов, действий и воль сплетается в один рассказ, упорядоченность, обнаруживаемое в истории целеполагание, редуцирование разнообразных жизненных опытов к типичным рассказам ставит под вопрос возможность музея свидетельствовать не об общей памяти, но об общей истории. Когда я говорю о некотором раздражении, которое охватывает в музейных залах, редко кто спрашивает, почему. Одни понимающе соглашаются, хотя причины скепсиса у каждого могут быть свои. Другие пытаются противостоят моему самомнению, очерчивая для любых критических позиций территорию личных вкусов,

заблуждений, предвзятого отношения и непонимания. Опыт посещения разных музеев и выставок показывает, что институции выстраивают ясный или путанный, но более или менее «тотальный» нарратив. Публика, напротив, не проводит в музеях сотни часов за изучением музейных предметов и в размышлениях, но извлекает пару уроков из недолгой прогулки. Задуманные уроки могут не совпасть с усвоенными. Музей Бориса Ельцина в силу утверждаемой в нем системы ценностей в любой критике черпает легитимность и энергию, но и для него важно, насколько велик зазор между декларируемыми ценностями и экспозиционными решениями, между музеем и реальностью, с которой он не может не соотносить историю XX в. и 90-х в частности.

Пока другие музеи Екатеринбурга думают, как работать с аудиторией, зарабатывать деньги, какие истории рассказывать и как, отдавать предпочтение постоянным экспозициям или выставочным программам, — новый музей среди новых небоскребов демонстрирует силу нового. Многим кажется, что создатели Музея Ельцина поняли, как сделать историю интересной, нескучной, увлекательной. Рассказываемая здесь история сама по себе актуальна, так как сосредоточена на 90-х, которые являются частью личной истории большинства жителей страны. Музей предьявляет несколько переплетенных друг с другом повествований: о пути России к свободе, об истории страны в XX в., о Б.Н. Ельцине, становлении его личности и его карьере внутри советского мира и его дея-

ниях на посту президента, наконец, собственно об «эпохе перемен». Девяностые понимаются как время от 1987 до 1999 г., от борьбы Бориса Николаевича с косным Политбюро, приведшей к новому типу политической карьеры, ставшей возможной еще в СССР, до завершения карьеры новогодним обращением к народу.

Если понимать историю не только как повествование о прошлом, но как ход времени от прошлого к будущему, Музей Ельцина возвращает в публичное пространство чувство истории. Девяностые представлены в разнообразных артефактах. Приходящие в музей зрители оказываются захвачены записями телевизионных передач, видами баррикад, витринами с бытовой техникой, разворотами газет и прочим, что в духе Пруста вызывает некоторые сильные переживания и позволяет многим вспомнить себя в то время. Но важнее другое: 90-е встроены в музей в ход русской истории от древних времен. Как сообщает установочный анимационный фильм в начале музейной экспозиции, века рабства и несвободы завершаются этой славной эпохой. Если довериться Музею Ельцина, у русской истории нет всемирной миссии, но есть вектор — вписаться в семью цивилизованных народов, знающих вкус свободы. Этот вектор задан даже в тех обстоятельствах, когда сами европейские народы еще не обрели полноты свободы, например при Петре I, который был современником Людовика XIV. «Ему нужны были европейские пушки и не нужны были европейские свободы», — сообщает закадровый

голос о модернизаторских устремлениях Петра, не уточняя, о каких именно свободах и для кого идет речь, и «забывая», что Европа той поры – территория множества политических режимов. Цивилизованность, Европа, свобода предстают образами желаяния, фигурами речи современного рассказчика, позволяющего любые анахронизмы и умолчания. Этот вектор движения к свободе в музее – не воля народа или героев предыдущих веков, но имманентный смысл истории России. В начале фильма зритель узнает, что русская демократия предшествовала русскому самодержавию, точкой отсчета русской политической истории является Новгородское вече. История России разворачивается как утрата и обретение свободы и возвращение гражданам возможности соучастия (Ельцин смог «опереться не на личную власть, а на самостоятельный выбор граждан»). Вероятно, деятели предыдущих веков удивились бы так прочерченной линии русской истории и судьбы. Но мы как зрители имеем дело не только с имманентным импульсом, но и с прекрасным событием: в 90-е ценность свободы была не только осознана, но закреплена законом, Конституцией, превратилась в практический принцип и осенила собой бег времен. В Музее Ельцина рассказывается не только о завершении некоторого этапа русской жизни, необыкновенно длительного и затянувшегося, но и о начале некоторого нового этапа. Первая мировая война, революция, индустриализация, коллективизация, репрессии, победа в войне, полет в космос и перестройка – всё это обозначено

как вехи прошлого и прошедшего. Но свобода является и обретенным словом: нашим предкам не довелось его прочесть и произнести громко и отчетливо без того, чтобы не прослыть бунтовщиками, нарушителями, но мы как наследники 90-х можем это себе позволить. Однако если все предыдущие попытки обретения свободы завершались опричниной, закрепощением, сворачиванием реформ, гражданскими войнами, террором и диктатурой, то что может засвидетельствовать, что обретенная в 90-е свобода всё еще с нами и не является только лозунгом на знамени?

Центральными нарративами исторических музеев в России последние лет сто были Великая Октябрьская социалистическая революция, а позже и Великая Отечественная война. Это также были истории о свободе и освобождении, обретении прав после веков несправедливости, о ценности человека, торжестве гуманизма. Рассказывая о ключевых событиях XX в. в России, Музей Ельцина имеет схожий с советскими музеями ключевой концепт «движения к свободе», но исходит из другой системы ценностей и оценок. Предыдущее понимание свободы ставится под вопрос, так как та свобода с ее первыми декретами советской власти и декларативными советскими конституциями дискредитирована реалиями советской жизни, а борьба декабристов, народников и революционеров рубежа веков – современным скептическим отношением к революциям. Так, Музей Ельцина сообщает, что Николай II наконец утвердил первую русскую конституцию, его

опорами в деле улучшения жизни жителей империи были С.Ю. Витте и П.А. Столыпин: стачки, волнения, баррикады Первой русской революции не получают статуса значимой воли граждан. Свобода оказывается возможной только как итог реформ, поддержанных не только снизу, но и сверху, требует единения народа и государства, так как только в этом случае не оборачивается бунтом, смутой и диктатурой. На этом пути Музей Ельцина романтизирует и публично легализует только баррикады 1991 г., подтверждая лишним раз, что историю пишут победители.

Тем не менее сосредоточенность Музея Ельцина на истории движения к свободе превращает его экспозиции в новое высказывание в музейной жизни страны. Расширение русской истории на территории музеев и в иных публичных областях сегодня происходит за счет интереса к повседневности, к вопросам практик частной жизни, детства, моды и т. п. Связано это не только с новыми методологиями и пониманием истории и музейного дела, когда внимание смещается с ключевых событий и больших нарративов на страдания, переживания, опыт людей из разных социальных групп, но и со значимой для русской публичной истории «деидеологизацией» исторических нарративов. Показательный пример в музейной жизни Екатеринбурга – трансформация задуманной Музеем истории Екатеринбурга выставки о пионерии в выставку по истории детской одежды советской поры «Прекрасное далёко» (2009). Музей Ельцина, используя показ предметов из по-

вседневной жизни, личные письма и документы, возвращает зрителя к вопросам социально-политической истории и делает важный шаг к новым историческим экспозициям, в которых недавнее прошлое, как и настоящее, может мыслиться фрагментом в цепи социально-политических перемен. Окостенение чувства истории хорошо видно в корпоративных, особенно в старых заводских музеях. В них время постепенно замирает по ходу осмотра экспозиции, и интересы истории отходят на второй план перед интересами экономики или владельцев бизнеса: стенды об основании завода и напряженной, ударной работе сменяются стендами с современной продукцией, за временем строительства следует время стабильности, рассказ замещается каталогом. Музей Ельцина, напротив, героическое находит в недавней истории. Но сосредоточиваясь на 90-х, предполагает ли экспозиция Музея Ельцина, что это была точка отсчета новой эры русской истории? Или предполагает, что за музеефицированным финалом «движения к свободе» российская история длится и длится всё в той же рамке поисков свободы?

С первых шагов по музею понимаешь, что это музей, который не может представить историю обретения русским обществом свободы не как дискурс, заявление, желание, а как практику, как новые властные отношения, новые условия реальности. На подступах к музею те, кто приходит в него не через вход в ресторан «1991», а через главный вход, мимо гардероба, идут между двух стен. На одной собраны высказыва-

ния о Борисе Николаевиче Ельцине его современников-политиков. О герое музея говорит не народ России, а президенты и премьер-министры других стран. Наш герой был равен им, а не своим избирателям и согражданам. У музея пока не получается переключиться на голос народа: равные о равном говорят. Простым согражданам слово дадут уже внутри музея, например, показывая письма поддержки Ельцину конца 1980-х, а пока по пути можно прочесть слова Тони Блэра, премьер-министра Великобритании, Анатолия Горбунова, председателя Верховного Совета (позже – Сейма) Латвийской республики, или Александра Лукашенко, президента Белоруссии. Но если Жак Ширак говорит о вкладе президента Ельцина в развитие экономики и демократии в России, то Владимир Путин ценит человеческие качества Ельцина, среди которых главными, по его мнению, были прямота и умение брать ответственность. Эти короткие высказывания разных политиков можно рассмотреть как истории об идеалах, трансформациях, харизме и власти. По другую сторону на стене закреплены таблички донаторов с названиями корпораций и именами миллионеров. Такой коридор похож на аллею звезд, его таблички – как ячейки с золотым запасом страны, который имеет конкретных собственников и закрепляет их право на политическую волю и частную собственность. Подобные таблички – обычная музейная практика, но в Музее Ельцина они приобретают двойственный смысл. Те посетители, кто в книге отзывов вздыхает о трате народных денег, могут узнать, чьи это были деньги.

Наконец зритель оказывается между билетной кассой и входами в музей и ресторан и витриной с подарками Борису Николаевичу Ельцину. Вход в музей – этикетное пространство, символический памятник усилий музейной дипломатии и стремления к объективности. Рядом – дары Бориса Немцова (оранжевый свитер марки Hugo Boss) и Николая Соколова из Кукрыниксов, глав других государств и сограждан. Подарки являются необходимым элементом социальной коммуникации, но их хранение в виде коллекции отсылает к парадоксальному коммуникационному разрыву. Должна ли такая коллекция что-то сообщать тебе о мире или миру о тебе помимо статуса в социальной иерархии? Будучи итогом спонтанного течения жизни, набор даров мог бы выступать как знаком высокого положения, так и метафорой отчуждения между человеком и его социальной ролью. Стоя у входа и зная, что итогом путешествия по музею задуман Зал свободы, не можешь представить, что, помимо протокола, заставляет хранить эти дары? Сентиментальность? Благодарность? Любовь к оружию, халатам, книгам, посуде? Витрина с подарками неизбежно отсылает не столько к обозначенной в экспликации дипломатической практике, сколько к двум значимым в русской социальной истории XX в. конкретным сюжетам – подаркам вождям и подаркам в музей телеигры «Поле чудес». Так, когда оказываешься у пункта досмотра на входе в основную экспозицию, уже кое-что усваиваешь о своем месте в социальной иерархии и отношениях народа с президентом.

Установочный анимационный фильм «Россия в потоке истории» в начале музейной истории Б.Н. Ельцина. Фотография Е. Кондакова. *Источник:* Президентский центр Б.Н. Ельцина: <http://yeltsin.ru/>

Пройдя через зону проверки билетов и досмотра, попадаешь в музей. Он расположен на двух этажах в дугообразных пространствах. Экспозиция первого этажа включает три важных раздела: установочный фильм, экспозицию «Настоящий XX век, или Лабиринт» и продолжающий ее, но акцентированный зал «Рывок в будущее» с письмом Б.Н. Ельцина М.С. Горбачеву от 12 сентября 1987 г. с критикой отношений в партаппарате и заявлением об отставке с должности первого секретаря Московского горкома.

Основная экспозиция открывается вводным анимационным фильмом, сделанным продюсером и режиссером Джаником Файзиевым и студией Main Road Post. Сценарий

был написан журналистом и нынешним заместителем исполнительного директора Президентского центра Б.Н. Ельцина Людмилой Тельень. Научными консультантами выступили историк, академик РАН Юрий Пивоваров и историк, председатель Совета Вольного исторического общества Никита Соколов. Именно через этот фильм обретение свободы в 1990-е обозначено как одна из магистральных, наравне с Конституцией, идей музея в целом. Визуальное решение фильма впечатляет до головокружения: авторы на уровне формы отдают должное традиции места, Уралу как стране самоцветов, но также намекают на потаенность хода русской истории, ее незыблемую предопределенность. Каждая эпоха — как распадающаяся на камни скала,

мозаика, которую правители перебирают по-своему, со своей «живинкой в деле». Есть в этом выборе нечто грустное: магический кристалл русской истории всё новыми и новыми картинками несвободы, как в калейдоскопе, демонстрирует роковую суть материи. Можно ли собрать мозаику иначе? Авторы фильма говорят, что можно — что Ельцину это удалось. Но то, что ему это удалось лучше, чем Александру II или Михаилу Горбачеву, является итогом скорее страстной веры создателей музея, чем хода истории.

В развертывающемся далее «Лабиринте» истории XX в. самой интересной линией становится краткий рассказ о Борисе Ельцине. Истории о Первой мировой войне, Революции, Гражданской войне, вожде Сталине, коллективизации и индустриализации, Великой Отечественной войне, железном занавесе, оттепели, застое и перестройке — всех этих обозначенных музеем главах «настоящего XX в.» — составлены в экспозиции из трех типов свидетельств. Копии и подлинники плакатов, фотографий и других документов эпохи являются осколками, из которых усилием собирается исторический нарратив: в самом деле, что неискушенному зрителю о коллективизации сообщает перечень содержимого колхозной аптечки? Фрагменты художественных фильмов позволяют подтвердить эмоциональные образы времени, сформированные у зрителя предшествующим опытом. Им вторит и отбор документальных свидетельств, среди которых много подтверждающих наши общие представления: например, оттепель — это кукуруза,

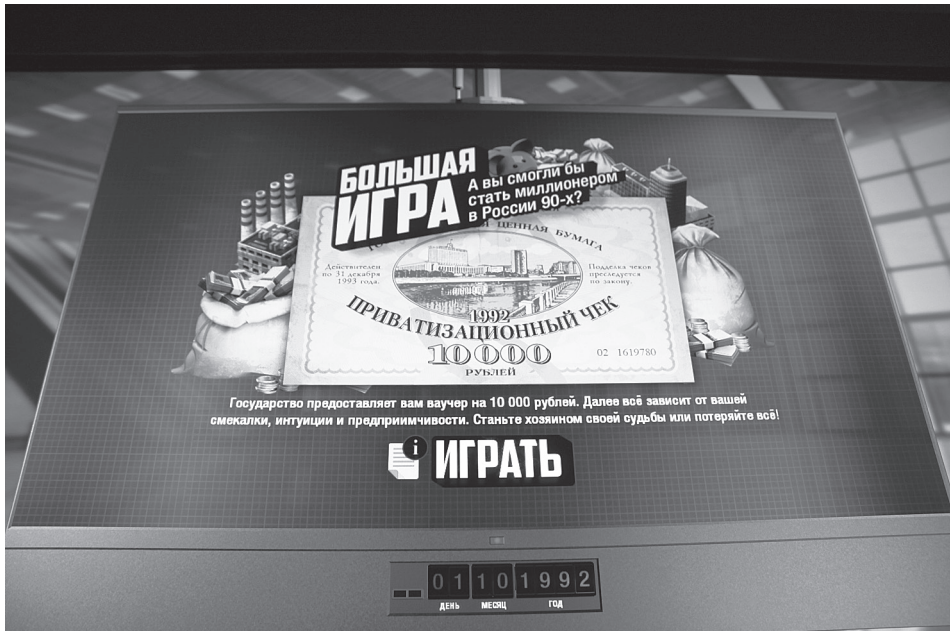
фестивали молодежи, космос (плакаты говорят об этом максимально наглядно) и спорт (волейбольный мяч Б.Н. Ельцина и история его «спортивной карьеры» напоминают о спортивных увлечениях той поры не так явно, но не менее ярко). Наконец, каждый раздел включает экспликацию, в сжатой форме передающую суть той или иной главы. Если посетитель узнает что-то новое из этой экспозиции (конечно, помимо обнаружения новых документов в витринах), это будет лишь свидетельством слабых элементарных исторических знаний. Школьник — главный адресат «Лабиринта» (не случайно сувенирный магазин музея предлагает «Паспорт знатока истории», ориентированный на подростка). Другим адресатом этой экспозиции являются, возможно, и те, кто изучал историю в советской школе, никогда с ней более не сталкивался и по-прежнему считает коллективизацию механизмом развития социалистического сельского хозяйства, а репрессии — выдумкой и клеветой. Экспозиция расставляет акценты и дает ориентиры, вслед за установочным фильмом подготавливая к восприятию истории новой России.

В центре «Лабиринта» располагаются витрины с документами о Борисе Николаевиче и его семье: эта часть экспозиции устроена традиционно, но показывает, как в общем потоке истории рождается герой — например, направленным взглядом на судьбу конкретного человека. Не воевавший в силу возраста и наблюдатель репрессий больше, чем их непосредственная жертва, он оказывается персонажем истории

с другими главами: крестьянский сын, советский школьник, строитель, партийный работник, глава московского горкома. В этот момент лабиринт истории обретает свою конфигурацию как потенциальная возможность множества нарративов, когда на фоне истории страны с ее обобщениями разворачиваются истории жизни разных людей. Поиски баланса между частным документом и личным голосом и итогами, отчетами, учебниками, оценками составляют нерв этой экспозиции, хотя выглядит она традиционно.

Переходом между историей XX в. в той ее части, что прочитывается как пролог к 90-м, и собственно историей эпохи Ельцина является зал с письмом Ельцина Горбачеву. С этого жеста несогласия с эпохой перемен по-советски начинается отсчет новой истории страны. На втором этаже она разворачивается как история символических семи дней, семи глав музейного повествования: «Мы ждем перемен!» (о выступлении Б.Н. Ельцина на пленуме ЦК КПСС 21 октября 1987 г.), *Августовский путч, Непопулярные меры* (об экономических реформах, свободе предпринимательства и преодолении товарного дефицита), *Рождение Конституции, «Голосуй или проиграешь»* (о президентских выборах в 1996 г.), *Президентский марафон* (о втором сроке президентства Ельцина, включая историю операции на сердце Бориса Николаевича, хронику Первой чеченской кампании в экспозиции «Чеченская трагедия», кризис 1998 г., захоронение останков семьи Романовых и строительство Храма на Крови, вид на который

открывается за стеклянной стеной музейного зала), *Прощание с Кремлем* (посетителям рассказывается, как «ядерный чемоданчик» был доверен В.В. Путину, и демонстрируется обстановка кремлевского кабинета времен первого президентского срока). Девяностые рассматриваются как эпоха вроде оттепели, застоя, перестройки, но конструируются вокруг действий Б.Н. Ельцина. Они словно бы захватывают территорию перестройки, которая для них оказывается и прологом, и болезнью, на излечение которой направлены реформаторские усилия. Так, «день третий» начинается с реконструкции советского гастронома, в витринах которого только березовый сок и морская капуста. Зритель вспоминает эти пустые магазины и огромные очереди за продуктами, одеждой, мебелью, все семейные истории, и переходит в пространство, где его ждут обоснование реформ («шоковой терапии») и трюк с несложной экономической игрой. Он касается экрана пальцем, отвечает на вопросы теста на знание базовой экономической терминологии и истории реформ, выбирает, куда бы инвестировать свои акции, что можно было бы сделать с ними во время кризиса 1998 г. — и узнаёт, сколько бы заработал. Проблема в том, что я смогла ответить на все вопросы теста и даже сделать «выгодные» виртуальные вложения, но моя эрудиция и некоторые навыки, о которых сообщает игра в Музее Ельцина, не помогают мне достичь более или менее стабильного финансового положения в реальной жизни. Задним умом я справляюсь с кризисами, которые были тяжелы для тех, кто 90-е пережил не ребен-

Чтобы выиграть в несложной компьютерной игре в зале «Непопулярные меры», надо ответить на вопросы историко-экономического теста и решить, что делать с ваучером. Фотография М. Козлачковой. *Источник:* <http://seaseas.livejournal.com/>

ком. Музей говорит о закрытии производств, безработице, бедности, челноках, но голоса людей звучат приглушенно: гораздо важнее их голоса, когда речь идет о письмах поддержки Ельцину во время перестройки или в дни путча 1991 г. Пустые прилавки и витрины с видеотехникой, сигаретами, жвачкой и прочим «ширпотребом», как называет товары музей, вспоминая язык эпохи, становятся полюсами между дефицитом и изобилием, не оставляя памяти зрителя большого количества материальных зацепок для воспоминаний о цене за изобилие. Огромное количество артефактов, часть которых зрители неизбежно пропускают, не думая выдвинуть ящики в витринах или зайти в иной закуток, интерактивных экспонатов и реликвий собрано в новом

лабиринте. Если повествованию о столетии предпослан ряд ясных идей, как если бы все споры улеглись и акценты были расставлены и общепризнаны, словно бы речь идет об утверждении гелиоцентрической модели мира против геоцентрической, десятилетие перемен скрепляют только фигура Бориса Николаевича, Конституция и образ «новой страны». Речь идет не об обновленной стране, а о новой, выросшей из руин-баррикад и заявленной воли народа. Пустые прилавки и талоны, рок-концерты, стрельба по Белому дому, война в Чечне, захоронение останков царской семьи, выборы, заграничные путешествия и сериалы – репрезентации каждого сюжета в музее можно уделить отдельное внимание. Экспозиция выстроена логично, шаг за шагом ты

идешь от одних баррикад к другим, смотришь по старому телевизору «Лебединое озеро», переступаешь линию-границу «СССР–Россия», находишь пересечения между разными событиями и фактами. Например, в серванте из набора мебели, принадлежавшего семье Ельциных, в пространстве типичного интерьера гостиной той поры (в главе *Августовский путч*) можно найти тетрадь со стихотворениями Ильи Кричевского, погибшего во время путча 1991 г.:

Мне сегодня привиделось небо,
Такое близкое и такое родное;
Оно меня взяло за душу,
Тряхнуло
И поставило с головы на ноги.

Тетрадь раскрыта так, что поэтический текст защитника свободы рифмуется с картиной Эрика Булатова в Зале свободы, о которой речь пойдет дальше. Создатели экспозиции умело выстраивают связи между всеми документами и артефактами и аранжируют идею обретения свободы в рамках Основного закона, установления порядка, когда через жертвы и страдания настраивается верный ход вещей, «с головы на ноги». Но возможности исследовать историю 90-х через разнообразие документальных свидетельств между тем «противостоит» зрелищность экспозиционных решений, включающих троллейбус, интерьеры магазина и квартиры, макет баррикад и воспроизведенный кабинет в Кремле и определяющих восприятие экспозиции.

В зале *Прощание с Кремлем* на столе президента стоит чашка чая, над

которой поднимается пар. Иногда он пропадает, что-то ломается в системе имитации, или зритель забывает нажать нужную кнопку, или кто-то считает, что это излишняя иллюзия. Сама по себе чашка «с чаем» и облачком пара ничего не говорит об историческом событии, почти ничего к нему не добавляет. В зале воссоздан кремлевский кабинет Ельцина в Кремле, но не тот, в котором он произнес свою новогоднюю речь в конце 1999 г., а более ранний. Эти незначительные, вроде даже неважные для хода истории сдвиги, в том числе такая деталь, как существовавшая или не существовавшая чашка с чаем, значимы, если помимо вопросов аутентичности музеефицированных артефактов задаться вопросами подлинности и правдивости истории «прощания с Кремлем». О чем должен сообщить пар над чашкой внимательному посетителю? Является ли он следствием попыток дотошной и ответственной реконструкции прошедшего или аттрактивным приемом? Должен ли он, поразив зрителя реконструкцией мельчайшего, перенаправить его внимание на переживание важности момента: ведь что-то же должна значить любовь к мелочам? Может, имитация пара над чашкой делает ближе к зрителю героя музея и должна создать иллюзию его недавнего присутствия, преобразовав временные и социальные дистанции? Или этот пар, будучи музейным аттракционом, напротив, разрушает важность момента, заставляя усомниться не только в подлинности декораций? Может, это малозначимая деталь, без особой смысловой нагрузки, тот элемент экспозиции,

который несложно изъять, даже если этот жест поставит под сомнение осмысленность некоторых экспозиционных решений. «Мелочь», деталь приобретает значение, так как вновь и вновь вопросы о функции музейных приемов сменяются вопросами ответственности музея и доверия музею. И то, что декор и обстановка кабинета как бы подлинны и одновременно не являются достоверными декорациями именно того события, которое на их фоне репрезентировано, усиливает недоверие.

Изобилие музейных технологий создает образ музея. Значимость показываемой истории подчеркивается количеством потраченных денег и сложностью технологических решений. Стилистически выдержанные, хотя и неаутентичные раритеты и масштаб коллекции делают Музей Ельцина значимым рассказчиком о первом президенте страны и истории России в XX в. для большей части посетителей. Привлекательная экспозиция создает впечатление новаторства и, как следствие, современности музея, но современность используемых в музее автоматизированных систем управления, принципов интерактивности и дизайнерских решений не гарантирует, что все идеологические заявления музея также соответствуют современному порядку вещей. Музей Ельцина похож на музей Ленина не столько даже тем, что это всё музеи прославляемых политиков, в которых их личная история оказывается неотделима от истории страны, сколько привлекаемыми ресурсами и декларируемой общественной ролью. Открытый

в 1980-х гг. в Горках музей Ленина был интерактивным, представлял огромное количество копий документов в своих полутемных залах, заманивал визуальными трюками и включал пространства для общественных ритуалов. Как, впрочем, и музей Свердлова в Свердловске, у электрокостра которого принимали в пионеры. В 1960-х гг. в городе планировалось создать большой музейный комплекс, посвященный Якову Свердлову, функционально и по общей структуре экспозиции похожий на нынешний музей Ельцина. Воспринимаемый как новаторский (музей отлично оснащен), музей Ельцина одновременно является весьма типичным музеем социально-политической проблематики.

Одни критикуют его за излишнюю идеализацию героя, уравниваемого с Богом в лабиринте семи дней творения новой страны, отдыхающим на небесах Зала свободы после ухода из политики. Другие обращают внимание на примечательный факт сходства «Семи дней» с экспозицией музея при Европейском центре Солидарности в Гданьске (по словам сотрудников музея, являющийся случайным совпадением), но подчеркивают, что в польском музее интерактивность работает на идею участия граждан в политической жизни страны, а в музее Ельцина стала развлекательным приемом. Но существеннее для Музея Ельцина оказывается способ чтения экспонатов и то, как утверждает свою власть иллюзорная, желанная реальность. Сложно делать музей истории, если настоящее не совпадает с декларируемым в музейных стенах, а «правильная

Зал свободы в Музее первого президента России Б.Н. Ельцина. Картина Эрика Булатова завершает музейную экспозицию. Фотография А. Кабжана. *Источник:* Президентский центр Б.Н. Ельцина: <http://yeltsin.ru/>

перспектива» с террасы касается не политических свобод, а приятных видов на город.

Иллюзия 90-х во всю мощь разворачивается в Зале свободы. Там крупно перечислены основные свободы (совести и вероисповедания, мысли и слова, собраний и объединений, передвижения, предпринимательства) и можно прослушать, как известные люди — в видеозаписях, превращенных в подобие голографических тел, — рассуждают о свободе (и тщательно выстраивают ее образ не как разгула, воли и анархии, но свободы в рамках закона). Но кульминацией становится картина концептуалиста Эрика Булатова, видимая не только изнутри музея, но и снаружи. Репродукциями картины можно запастись в сувенир-

ном магазине музея. Картину предлагают читать как текст о свободе, визуальную конституцию, и как определяющую ход спектакля декорацию, наподобие нарисованного фона в старинных фотоателье. На огромном полотне изображено ярко-синее небо в просвете клубящихся облаков, и из глубины этого синего пространства как бы вылетает слово «Свобода», как слова на рекламе Ленгиза, созданной Александром Родченко. Эрик Булатов прославился картинами, в которых горизонт советского человека и метафорически, и буквально застили знаки идеологии. Лозунг «Слава КПСС» на одной из его знаменитых картин читался как знак подмены и несвободы. Но и слово «Свобода» может быть прочитано не как символ свободы, но как крик эпохи, идеоло-

гическая конструкция, рекламная речевка, весомость которой ничем не подкреплена, кроме наших желаний. Можно заметить, что свобода как идея и есть предшествующее реальности желание. Но можно честно признаться: нарратив о движении к свободе в музее оказывается столь же дискредитирован самой реальностью, как и любой советский нарратив о братстве, свободе, равенстве, победе революции, опровергавшийся самим политическим режимом. Исторический музей строится из настоящего, и хотя Музей Ельцина привлекает множе-

ство посетителей, ценным в музее оказывается само внимание к 90-м как альтернатива привычным и шаблонным музейным нарративам о XX в. и архив как инструмент генерации множества историй о 1990-х в России, которые пока не удается собрать в единую историю. Образ распадается, не поддается, отзывается болью, сожалениями, ностальгией, злостью, воодушевлением или насмешкой не только по отношению к прошедшему, но и к настоящему, но неизбежно становится прошлым и материалом не только для манифестов, но и для развлечений.

С.В. МИРОНЕНКО: «ПУСТЬ ТЕ, КТО ПОДВЕРГАЮТ МЕНЯ КРИТИКЕ ЗА “АНТИПАТРИОТИЧНЫЙ ПОСТУПОК” ПУБЛИКАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ, ЗАДУМАЮТСЯ НАД ТЕМ, ЧТО ТАКОЕ НАСТОЯЩИЙ ПАТРИОТИЗМ»

Сергей Владимирович Мироненко, доктор исторических наук, профессор, с марта 2016 г. — научный руководитель Государственного архива РФ. Беседовал С.Е. Эрлих.

С.Э. Расскажите о Вашей научной карьере.

С.М. Скажу коротко. Я учился на историческом факультете Московского университета. После окончания учился в аспирантуре. Закончил аспирантуру, поступил на работу в институт истории СССР Академии наук СССР, где проработал около 15 лет. Когда в августе 1991 произошли всем известные события в жизни нашей страны, мне предложили перейти на работу в архив. В 1991 я перешел в архивную отрасль, и с 1992 г. стал директором вновь образованного Государственного архива Российской Федерации. Несколько дней назад я (интервью записывалось 15.03.2016. — *Прим. ред.*) при-

нял решение покинуть этот пост и перешел на должность научного руководителя ГА РФ.

С.Э. Кто были Ваши учителя?

С.М. В Московском университете мне очень повезло. Моим учителем был известный историк Петр Андреевич Зайончковский. С Петром Андреевичем меня связывают чудные годы нашей совместной деятельности, если можно так сказать. Он был выдающийся историк и настолько же выдающийся человек. Я, как и другие ученики его научной школы, с огромным пиететом отношусь к его памяти. Уже прошло 30 с лишним лет после его смерти, но каждый год в день его рождения ученики Зайончковского собираются в его квартире и отмечают день рождения

© «Историческая экспертиза», 2016.

нашего учителя. Мы провели две международные научные конференции его памяти, по итогам которых были выпущены сборники работ.

Когда я поступил работать в Институт истории СССР, мне довелось работать с выдающимся историком Милицей Васильевной Нечкиной. Нечкина и Зайончковский были антиподы в свих исторических взглядах, но Милица Васильевна с большим уважением относилась к Петру Андреевичу. Меня тогда многие спрашивали, как тебя Милица Васильевна взяла? У нее же подобных вопросов не было. Она сказала, что очень уважает Петра Андреевича, ценит его школу и очень рада, что я стал работать в Институте истории. Милица Васильевна была потрясающе образованным человеком. Я готовил биографический справочник декабристов, и раз в неделю мы с ней встречались. Только через много лет я понял, что Милица Васильевна на исходе своей жизни собиралась писать мемуары. После того как мы заканчивали обсуждать очередного декабриста, она вспоминала эпизоды из своей жизни. Эти воспоминания остались незаписанным. Может сейчас, немножко освободившись от административной суеты, я за это возьмусь... Ее рассказы о становлении исторической науки, о ее отношениях с Покровским, о ее работе в РАНИОНе, о Николае Михайловиче Дружинине, о Борисе Евгеньевиче Сыроечковском и многих других людях чрезвычайно важны для истории науки.

С.Э. Над какими научными проблемами Вы сейчас работаете?

С.М. Я специалист по русской истории XIX и теперь, уж так судьба сложилась, и XX в. Но мои интересы лежат все-таки в основном в области дореволюционной истории России. Я — человек несуетливый и могу рассказать, что одним из побудительных мотивов уйти с поста директора ГА РФ было и то, что я никак не могу закончить книгу «Александр I и декабристы». Теперь, я надеюсь, у меня будет время для того, чтобы завершить ее. Мне кажется, это очень благодатная тема, чтобы понять, чем в реальности было движение дворянских революционеров. В новой книге я постараюсь дать ответ (не знаю, насколько это мне удастся) на вопрос, почему, стремясь к одному и тому же (ограничению государственной власти представительными институтами и освобождению крестьян), ни Александр I, ни декабристы не достигли цели.

Так сложилось, что я с начала 90-х гг. принимал участие в работе правительственной комиссии по Николаю II. До того никогда не думал, что я буду заниматься историей последнего российского императора. Но эта тема меня тоже волнует. Я не одну статью написал об этом. А недавно я сделал доклад в Петербурге во дворце Юсуповых на Мойке «Россия, Первая мировая война, революция и Романовы». В истории событий предреволюционного времени есть не очень существенный на первый взгляд сюжет — так называемый «великокняжеский заговор». Очень важно понять, что тогда произошло, существовал ли он в действительности? Если существовал, то что было в этом заговоре?

Побудительным мотивом вернуться еще раз к этому вопросу было то, что мы получили, благодаря помощи В.Ф. Вексельберга, архив Феликса Юсупова, который продавался на одном из парижских аукционов. Там оказались потрясающе интересные два отрывка из письма великого князя Александра Михайловича своему зятю Феликсу. В них содержатся потрясающе интересные факты, не оставляющие сомнения, что «великокняжеский заговор» существовал, а это важное свидетельство того глубокого политического кризиса, в котором находилась Россия. Семья Романовых, некогда дружная и единая, к 1917 г. раскололась на две части. В одной был император и его жена, в другой — вся остальная семья. Великий князь Николай Михайлович — известный историк — в одном из писем писал, что династия еще крепка, но трон под «Ники» качается. Великие князья не имели опыта политической борьбы. Им казалось, что если они убьют Распутина, удалят императрицу и, может быть, добьются отречения Николая, то таким путем спасут страну и монархию. Они не рассчитывали, что эти события могут запустить катастрофические процессы. Жизнь показала ошибочность их расчетов. Николай, отрекаясь, не думал, что это конец монархии. Когда читаешь переписку с командующими фронтами, иногда ждешь, что сейчас они скажут: «Ваше императорское величество, оставайтесь, ради Христа!» В действительности ни один из командующих царя не поддержал... Они были уверены, что Ники окончательно скомпрометирован Распутиным и распутищиной (это феномен, который далеко оторвался

от этого персонажа нашей истории и стал действовать самостоятельно). Что режим прогнал — это было ясно даже ближайшим родственникам последнего российского императора. Как я понял, они даже обсуждали возможность основания новой династии и избрания Феликса Юсупова на царство. Феликс в своих воспоминаниях пишет об этом. Можно было бы считать, что в воспоминаниях он всё это выдумал. Но письма его тестя показывают, что такие мысли были. Были ли согласны с этим другие Романовы, это вопрос. В воспоминаниях Юсупов пишет, что когда он приехал в Москву после убийства Распутина, многие богатые промышленники с ним об этом говорили. Но заговор не вошел в какое-то организованное русло. Всё это были в основном разговоры. Великий князь Николай Михайлович в яхт-клубе позволял себе неллицеприятные отзывы об императрице, за что его выслали из Санкт-Петербурга. Вся семья писала Николаю, в том числе мать-императрица Мария Федоровна, что не надо наказывать Феликса, тем более великого князя Дмитрия Павловича. Все члены императорской семьи были возмущены тем, что императрица посмела отдать приказ петербургскому обер-полицеймейстеру Максимовичу, чтобы он арестовал Дмитрия Павловича. Это было лишнее доказательство, что Александра Федоровна вертит своим супругом как хочет, если она может отдать приказ об аресте великого князя, любимого племянника Николая. Николай Михайлович писал тогда: «Убит гипнотизер. Теперь настала очередь загипнотизированной, она должна исчезнуть». Потом он смягчил формулировки — может

быть, заключить ее в монастырь, или поместить в «санаторию», т. е. в желтый дом. Но это были только разговоры. Организованного ядра в этом заговоре не было. Но факт остается фактом: семья раскололась на две части. В одной, как я сказал, были император и императрица. В другой – все остальные Романовы. На письме семьи по поводу ареста Дмитрия Павловича Николай написал удивительную резолюцию: «Удивлен, что вы ко мне с этим обратились. Никому не позволено убивать». Тем не менее Дмитрий Павлович был только выслан из Петрограда.

В упомянутой коллекции переписки Юсупова много и другой интересной информации. В Пажеском корпусе у Феликса Юсупова был воспитатель, который после убийства Распутина поехал с ним в ссылку в Курскую губернию в имение Ракитное. Потом воспитатель вернулся в Петроград и в 20-х числах февраля 1917 г. писал Феликсу письма. Они показывают ужасную обстановку в снабжении столицы. Продовольствие в стране было, но нарастающий кризис железнодорожных перевозок не позволял подвезти его в крупные города. Николай и Александра в своей переписке обсуждали эту проблему. Александра наивно передавала мужу слова Распутина: «Он говорит о том, чтобы ты приказал прицеплять к каждому поезду, который идет на фронт, по два-три вагона с продовольствием». Вот на таком уровне они решали проблемы страны.

Сейчас мы ведем несколько крупных издательских проектов. К августу выйдет в свет первый том

трехтомника «Польское военно-политическое подполье и Советский Союз». Это документальное издание будет состоять из пяти, а может быть, даже и шести книг. Другой проект – Туркестанское восстание 1916 г.

С.Э. В связи с шумом в прессе не могу не задать вопрос о 28 панфиловцах.

С.М. Справка главного военного прокурора Афанасьева, в которой излагались результаты проведенного в 1947–1948 гг. расследования кончается словами: «Подвига 28 панфиловцев не было. Это миф, придуманный корреспондентами “Красной звезды”». В конце 1980-х гг., когда хотели реабилитировать одного из выживших панфиловцев Добробабина, которому дали 10 лет лагерей за то, что он дважды побывал в плену и служил полицаем, было второе следствие. Оно подтвердило все выводы, к которым пришло первое следствие. Никто не говорит и не говорил, что не было подвига панфиловцев. Но не было подвигов именно этих 28. Невозможно представить, чтобы солдаты, вооруженные винтовками и гранатами, могли уничтожить 18 танков. Но дивизия Панфилова сыграла выдающуюся роль в обороне Москвы. Она же почти вся полегла. Мы должны воздать должное не мифическим героям, а героям настоящим. В истории о 28 панфиловцах воплощена суть советского строя. Сталинскому режиму было наплевать на настоящих героев, про них никто ничего не говорил. Красивые выдумки заменяли реальную историю. До сих пор на учете Министерства обороны

состоят сотни тысяч солдат, чья судьба неизвестна. Пусть те, кто подвергают меня критике за «антипатриотичный поступок» публикации архивных документов, задумаются над тем, что такое настоящий патриотизм.

С.Э. Вы готовили последний на сегодняшний день библиографический указатель по истории декабристов. Он вышел в 1994 г. С тех пор накопился большой объем публикаций. Нет ли планов продолжить эту работу?

С.М. Сегодня декабристов вновь, как и во времена Николая I, некоторые называют преступниками, которые расшатывали государственный строй. Получить финансирование на этот дорогостоящий проект весьма затруднительно. В советское время были кадры высокопрофессиональных библиографов, которые замечательно делали знаменитые декабристские указатели: и Николай Михайлович Ченцов, который, кстати, погиб в ополчении под Москвой в декабре 1941, и Регина Генриховна Эймонтова. Сейчас у библиографов уже иные приоритеты. Новый библиографический указатель по декабристам, конечно, нужен. Когда я начал писать книгу «Александр I и декабристы» и стал изучать историографию, то увидел, что выходит много работ, тема не умерла. Она продолжает волновать и публицистов, и профессиональных историков.

Павел Ильин всё время «подбивает» меня на подготовку декабристской энциклопедии. Но как собрать людей, как получить грант на это?

Милица Васильевна Нечкина с ее огромным авторитетом могла организовать подобные проекты. Но всё же ГА РФ возобновил серию «Восстание декабристов». Мы издали три тома. И Институт российской истории РАН издал том, подготовленный за 20 лет до этого. Скоро опубликуем очень интересный том «Восстания декабристов», куда вошли документы об их имущественном положении. Персональные следственные дела опубликованы все. Остались неопубликованными материалы следствия по польским тайным обществам. Нужно решить вопрос: включать их в серию или не включать? Я убежден, нужен справочный том, который завершит эту серию, где будет именной, географический и другие указатели. Нужен надежный навигатор по всему этому массиву исторических источников. Надеюсь, что и это дело мы закончим. Сейчас вышел том писем Пестеля, подготовленный Ольгой Эдельман. Очень интересный. Полностью разрушено расхожее представление о том, что отец Пестеля был казнокрад. После отставки Иван Борисович Пестель жил в нищете. Родители Пестеля были вынуждены уехать в свое смоленское имение. И там не благоденствовали. Мать пишет Павлу Ивановичу, что дом весь в щелях и нет денег его отремонтировать. Вот о таком казнокраде мы узнаем благодаря публикации ГА РФ. У нас в архиве еще много важных неопубликованных материалов. Так что есть чем заняться.

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза».

З.И. ПЕРЕГУДОВА: «СТАЛИН НЕ БЫ АГЕНТОМ ОХРАНКИ. ЛЕНИН НЕ ПРИКАЗЫВАЛ РАССТРЕЛЯТЬ ЦАРСКУЮ СЕМЬЮ»

Зинаида Ивановна Перегудова, доктор исторических наук, главный специалист ГА РФ.
Беседовал С.Е. Эрлих.

С.Э. Расскажите о вашем научном пути.

З.П. ГАРФ — мое единственное место работы. После окончания Московского государственного университета я получила распределение в РОНО Костромской области. Но, Костромская область не нуждалась в историках, их было перепроизводство. Пришлось самостоятельно заниматься поисками работы, но увы... Мест нигде не было. Конечно, не было и речи, чтобы найти место по специальности, так как я окончила кафедру южных и западных славян и специализировалась по Болгарии и Сербии. И тут мне неожиданно позвонила подруга по группе Ксения Хвостова и сообщила, что есть место в историческом архиве. Ее отец, в то время начальник Архивного управления МИД СССР, крупный ученый-международник Владимир Михайлович Хвостов, выяснил, что в Архивном управлении МВД СССР намечается вакансия. Через несколько дней меня вызвали на собеседование. А еще через несколько дней

я стала младшим научным сотрудником Центрального государственного исторического архива СССР в Москве. В то время в стране было два государственных исторических архива: в Москве и Ленинграде. После ряда реорганизаций этот архив слился с ГА РФ. Так я стала архивистом на всю жизнь. Прошла все этапы работы от младшего научного сотрудника до руководителя отдела фондов по истории революционного движения XIX — начала XX в. Потом в связи с возрастом оставила свою должность и в настоящее время являюсь главным специалистом ГА РФ.

Мне повезло еще и в том плане, что, интересуясь более всего XIX в., попала в архив, где хранятся документы этого периода. Это — Верховный уголовный суд и Следственная комиссия по делу декабристов, Третье отделение собственной его императорского величества Канцелярии, пришедший ему на смену Департамент полиции МВД, Штаб Отдельного корпуса жандармов, различные следственные комиссии, т. е. вся политическая история России сосредоточена в этом архиве. Все

фонды невозможно перечислить. Здесь же огромный интереснейший комплекс личных фондов. Это общественные и государственные деятели России: П.А. Кропоткин, А.М. Горчаков, В.Ф. Джунковский и др. В этом же архиве хранится большой комплекс документов семьи Романовых.

За время работы в архиве более всего приходилось работать с материалами Департамент полиции. Фонд в то время был достаточно сложным для использования. Приходилось много консультировать исследователей, и я видела, что для облегчения их работы стоило бы написать какие-то памятки, пособия, которые вводили исследователей в тайны «охранки» и облегчали бы им работу в Читальном зале. Большая группа сотрудников, в которую включили и меня, составляли тематические каталоги к материалам первой и третьей экспедиций Третьего отделения. В эти же годы проводилась каталогизация материалов Департамента полиции. Занимаясь настоящей исследовательской работой, читали дела целиком, все факты брали на учет. В результате вырисовывалась системная картина работы этих учреждений. По почерку, по знакомым подписям уже видишь и понимаешь, как распределялись руководители учреждений, как они шли на повышение и т. д. Мои кандидатская и докторская диссертации были связаны с Департаментом полиции. Они как пособия для тех, кто работает с фондами политического розыска царской России. Много времени я уделяла и личным фондам.

Но первоначально мне поручили справочную работу. Был период реабилитации тех лиц, которые пострадали во времена сталинских репрессий, и было очень много запросов, связанных с проверкой этих лиц на предмет их революционной деятельности, а некоторые проверялись на предмет сотрудничества с царской полицией. Когда работала с этими письмами и запросами, поняла, каков был размах репрессий. Из одного маленького населенного пункта порой приходили запросы со списками на сто и более человек...

Потом меня перевели в отдел использования. Здесь пришлось заниматься выставками, подготовкой встреч с общественностью. Мы готовили выездные выставки к юбилеям революции 1905 и 1917 гг. Нужно было показать людей, которые принимали участие в революционном движении.

В первые годы моей работы были еще остатки необработанных фондов. Мы все брали социалистические обязательства и проводили дополнительно к плану описание документов. В необработанном состоянии к нам попал такой важный комплекс документов, как «Вещественные доказательства» — это документы, которые были изъяты при обысках и арестах редакций легальных и нелегальных изданий, частных лиц. Среди них — огромное число рукописных трудов: публицистика, философия, социология, беллетристика и т. д.

При проведении справочной работы мы отвечали на письма, прихо-

дившие в архив как от учреждений, так и от частных лиц. Некоторые из них были чрезвычайно интересные. Так, в архив поступило необычное письмо от Натальи Николаевны Чистяковой из Ленинграда, которая сообщала, что ее мать Александра Григорьевна, революционерка, была осуждена к ссылке в Сибирь, где умерла в 1910 г., а ранее жила в Костроме. А она маленькой девочкой вместе с матерью была в тюрьме, в ссылке, после смерти матери была воспитана семьей революционеров. Наталья Николаевна просила подтвердить сведения о матери, сообщить, какие у нее были еще родственники, которых она ищет много лет, но безуспешно. Когда мы стали искать ее мать в картотеке Департамента полиции, то были потрясены судьбой этой большой семьи. Александра Григорьевна вместе со своими сестрами Анной и Еликонидой работала в подпольных типографиях в Костроме и в Москве. Им помогал отец, Григорий Степанович Чистяков. В Москве Александра работала нелегально под чужой фамилией и при аресте не раскрыла себя. Вместе с ребенком двух лет она содержалась в Бутырской тюрьме. И вот, именно эта девочка уже в 1960-е гг. написала письмо с просьбой разыскать ее родственников. Выявленные документы по этому письму были чрезвычайно интересны. Мы сообщили все сведения, что были обнаружены в нашем архиве. Но я никак не могла успокоиться и вечерами смотрела материалы Московской судебной палаты, Бутырской тюрьмы, нашла дополнительные данные о маленькой девочке, о том, как к ней относились заключенные,

как передавали ей с воли кукол, о сестрах Александры, нашла родственников. Из всего этого вышла небольшая книжечка — «Строго за-конспирированы» (М., 1985). Это был мой первый опус. Уже после публикации книжечки мы нашли тетушку Натальи Николаевны, Еликониду Григорьевну. К сожалению, я встретилась с тетушкой за несколько дней до ее смерти в больнице, и многого она рассказать уже не могла. Откликнулась ее двоюродная сестра, которая сообщила, что они много лет искали девочку Наташу и не могли найти. Это был очень интересный поиск.

Несколько слов о методике работы с письмами. Каждый получаемый запрос мы в первую очередь проверяли по двум картотекам на секретных сотрудников: картотеке Департамента полиции, созданной ее чиновниками и картотеке секретных сотрудников, которая была создана в 1920–1940-х гг. и по материалам нашего архива, и на базе сведений, находившихся на местах, в областных архивах. В результате я пришла к выводу, что многие лица внесены в последнюю картотеку безосновательно. Это были священники, напутствующие лиц, приговоренных к смертной казни, врачи, констатировавшие смерть. Но самое страшное было то, что в эту картотеку по ошибке архивистов, не знавших и не понявших терминологию жандармской переписки, попали лица, не имевшие никакого отношения к полиции.

В свое время к нам в архив было обращение Нателлы Михайловны, Золотаревой, в прошлом ученицы

Нины Фердинандовны Агаджановой, профессиональной революционерки, а в советское время — кинематографиста, автора целого ряда сценариев первых советских фильмов, в том числе и «Броненосца Потемкина». Золотарева предполагала писать сценарий фильма уже об Агаджановой. Наше руководство ей не посоветовало. Причиной было то, что она упоминалась в картотеке секретных сотрудников, и карточка на нее была составлена на основании материалов Вологодского областного архива. В картотеке Департамента полиции ее фамилии не было.

Так была она или не была секретным сотрудником? Были запрошены документы из Вологодского архива, которые показали, что Агаджанову занесли в эту картотеку безо всяких на то оснований. Когда она была в ссылке в Вологодской губернии, ее вызвал на допрос один из чинов Губернского жандармского управления и предложил давать сведения по ссылке. После этого она написала письмо своей приятельнице об этом разговоре и предложении, а местные архивисты посчитали, что это является достаточным основанием, чтобы включить ее в список секретных сотрудников. Впоследствии я познакомилась с Ниной Фердинандовной, записывала ее воспоминания, собирала документы о ней, изучала наши документы, сравнивала с тем, что она рассказывала. Она прекрасно помнила всё, что было в то далекое дореволюционное время. В 1974 г. в соавторстве с Г.А. Арутюновым в Ереване я издала небольшую книгу «Нунэ». А почти через десять лет

с другим соавтором, Игорем Павловичем Лейберовым, мне удалось опубликовать книгу «Подвиг Нунэ» (Л., 1985). Так постепенно я стала не только изучать материалы, но и писать о своих находках.

Что же касается указанной картотеки, то я стала более внимательно работать с ней, критически относясь к ее данным.

Могу привести еще один пример безосновательного обвинения. Был такой крестьянский писатель, член партии эсеров Иван Егорович Вольнов. За революционную деятельность его сослали в Сибирь, откуда он бежал к Горькому на остров Капри. Они даже стали друзьями. Там же Вольнов встретил свою любовь и решил жениться. Поскольку документов у него не было, то для оформления брака он написал письмо своим родственникам, чтобы они прислали ему свидетельство о рождении и подписался: Иван Вольный. Это письмо перлюстрировали, и между Департаментом полиции и Орловским ГЖУ началась переписка, кто такой Иван Вольный? Перлюстрация обозначалась буквами «сс» (совершенно секретно). Письмо с этой пометкой в полицейской переписке было названо агентурным, потому что было получено агентурным путем. Но на этом основании местные архивисты включили Вольнова в список секретных сотрудников. Только благодаря нашему архиву удалось восстановить честное имя писателя.

Но в то же время стоит сказать, что к нам за справками о революционной деятельности два или три раза

обращались люди, действительно причастные к сотрудничеству с охранкой. Примерно в 1970 г. пришло письмо с просьбой прислать справку о революционной деятельности отправителя. Его автор сообщал, что при Сталине был осужден, сейчас он реабилитирован и хочет пенсию союзного значения. Он просил выдать ему справку о революционной деятельности. Готовя справку, наш сотрудник Александр Голодко обнаружил, что были два человека из одного села с одним и тем же именем и отчеством, с одной и той же фамилией. Один секретный сотрудник, другой – нет. В делах сохранились анкеты на этих лиц, где имелись сведения о родителях, их имя-отчество, девичья фамилия матери. Из архива написали: для работы над вашим запросом просим сообщить имя-отчество матери и отца, желательно девичью фамилию матери. Тот присылает эти данные. И оказывается, что это – секретный сотрудник.

Еще один человек, назовем его первой буквой его фамилии «Д.», с которым я сама встречалась, не был секретным сотрудником, но он, будучи арестован, стал давать информацию о своих сокамерниках. В одном письме он сообщает, что сокамерники начали его подозревать, ему грозит опасность, и он просит перевести его в лазарет. Когда перевели его в лазарет, он стал информировать о том, что там происходит, какие ведутся разговоры и что медсестра передает записки от арестантов на волю. В период репрессий его арестовали именно за это дело. Когда пошел процесс

реабилитации, он попытался получить повышенную пенсию за свою революционную деятельность и написал запрос в архив.

Существовала инструкция по составлению справок, согласно которой архив выдавал полную справку со всеми имеющимися на данного человека сведениями. Перед нами встал вопрос, есть ли смысл ему выдавать справку, но на письмо мы должны были дать ответ. Правда, у автора письма было право отказаться от справки. И тогда документация передавалась в делопроизводство. Руководитель нашего отдела позвонила заявителю и пригласила его прийти для беседы в приемную архивного управления, куда мы принесли его дело.

Пришел человек достаточно благополучной внешности: очки в золотой оправе, шапочка каракулевая пирожком, каракулевой воротник, красивое пальто. Говорил с достоинством. Мы дали ему прочитать справку, он посмотрел ее и сказал, что ничего подобного он не делал. Разговор был долгий и тяжелый. Нам пришлось показать всё дело, где было пять его писем достаточно серьезного содержания, он долго и внимательно его читал. Потом мы трижды встречались с ним. Последний раз он сообщил, что еще раз хочет посмотреть документы. Пришел совершенно изменившийся человек. Видно эти дни дались ему очень тяжело. Мы принесли дело. Он прочитал. Говорит: я вас умоляю справку никуда не посылать, потому что это может отразиться на моих детях, они занимают высокие посты.

С.Э. Вы с 1957 г. работали в архиве, а диссертацию начали писать гораздо позже. Почему Вы сразу не взялись за научную работу?

З.П. Во-первых, хотя архив и считался научным учреждением, но, как правило, написание статей и диссертаций как-то не очень приветствовалось — это та работа, которую называли в шутку, между собой, работой «в лично корыстных целях». Главное было — выполнение плановых заданий. Хотя несколько остепененных сотрудников всё же работало в архиве. Легче было в этом плане в функциональных отделах, например, в публикаторском, где готовили тематические сборники, у них были библиотечные дни и более спокойный режим работы. Но в первые годы работы я не ставила перед собой такой задачи.

В университете у меня были преподаватели старой еще дореволюционной школы, такие как В.И. Авдиев, М.О. Косвен, С.Д. Сказкин и представители следующего, более молодого поколения — П.А. Зайончковский, С.А. Никитин, И.М. Белявская, Г.А. Федоров-Давыдов и др. Я на них молилась и считала, что незачем пополнять армию историков среднего уровня. Думала, что лучше я буду хорошим архивистом.

Моему становлению как ученого много помогло общение с Петром Андреевичем Зайончковским. Он был членом нашего Ученого совета. Много работал в архиве, сидел, как правило, в рабочей комнате архива. Он, как истинный педагог, не раз обращался ко мне с «прось-

бами»: «Зинаида Ивановна, я что-то не пойму, как было устроено то-то и то-то в Третьем отделении, или в Департаменте полиции. Не подскажите?» Это заставляло меня систематически изучать структуру тех учреждений, которые мы хранили. Сейчас я думаю, что, конечно, это была и своего рода тактика, чтобы я стала заниматься наукой. Большое влияние оказали ученик Зайончковского и мой научный руководитель — Николай Петрович Ерошкин и уже его ученик, Александр Давидович Степанский. Хорошей научной школой было мое общение с Институтом истории, сектором В.И. Бовыкина, где я несколько раз выступала с обзором материалов нашего отдела. Были обсуждения, были вопросы и опять были пожелания изучать состав материалов архива, историю государственных учреждений дореволюционной России.

Петр Андреевич Зайончковский, Ирина Михайловна Пушкарева, Наталья Михайловна Пирумова настаивали, чтобы я села писать диссертацию. И когда я написала вариант диссертации, Пушкарева не только прочла, но и сделала массу полезных замечаний. Я защищала кандидатскую диссертацию довольно поздно, в 1989 г. Честно говоря, в более раннее время мне бы и не дали защищать тему по Департаменту полиции. Когда была моя защита — в зале Историко-архивного института были заполнены все места, примерно 200, и сидели в большинстве — незнакомые люди. Обычно так не бывает, приходят на защиту родственники, знакомые, друзья — не более двух десятков че-

ловек. Когда защита закончилась, эти неизвестные как по команде встали и вышли чуть ли не строем, стало ясно, из какого учреждения были эти историки в штатском.

Одним из оппонентов моей кандидатской диссертации был Валентин Валентинович Шелохаев, моя работа ему понравилась. Тема политической полиции к этому времени практически не была разработана, и он очень советовал написать книгу о Департаменте, взяв за основу кандидатскую диссертацию. Честно говоря, эта мысль мне показалась интересной. Документов уже накопилось много и хотелось выплеснуться и рассказать, что же такое Департамент полиции и его сотрудники.

Я подала заявку на конкурс в РГНФ и в течение трех лет написала книгу «Политический сыск России, 1880–1917 гг.», которую защитила в качестве докторской диссертации. Потом многие наши исследователи Читального зала приходили и благодарили меня за эту работу, так как она им очень помогла разобраться во всех сложностях этого учреждения и в поиске необходимых документов.

Структура секретной полиции была очень запутанной. Департамент полиции руководил губернскими жандармскими управлениями. В то же время был Штаб корпуса жандармов, которому подчиняется личный состав жандармерии. Департамент полиции дает распоряжение начальникам ГЖУ. Те отчитываются по политической части Департаменту полиции, а по военной линии

они подчиняются Штабу корпуса жандармов. Также есть охранные отделения, которые создаются Департаментом полиции. Эти учреждения непосредственно подчиняются Департаменту полиции. В то же время сотрудники охранных отделений – военные, т. е. они также относятся к Штабу корпуса жандармов. Здесь есть масса всяких сложностей, разобраться в которых помогла моя книга. В 2013 вышло ее второе издание.

Недавно я составляла список опубликованных работ. В общей сложности список включает около 230 наименований статей, заметок, публикаций, книг. Удалось подготовить несколько интересных публикаций – это двухтомное издание «“Охранка”. Воспоминания руководителей политического сыска» (М., 2004); *Глобачев К.И.* «Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения» (М., 2009); *Блок А.А.* «Последние дни Императорской власти» (М., 2012). Последние работы, в которых принимала участие, – «Дневники императора Николая II за 1894–1918 гг.», вышедшие в двух томах и трех книгах. Первый том вышел в 2011 г, последние – в 2013.

С.Э. В Вашей книге затронут и сакраментальный вопрос о сотрудничестве Сталина с охранкой.

З.П. Еще до начала перестройки один из моих знакомых рассказал, что в спецхране он видел журнал «Лайф», в котором был опубликован документ, свидетельствующий о сотрудничестве Сталина с поли-

цией, и назвал мне номер исходящего документа и его дату. Зная делопроизводство Департамента полиции и систему распределения исходящих номеров по структурам, я поняла, что это какая-то не очень важная переписка по 1-му делопроизводству. А так как журналы исходящих бумаг у нас в архиве сохранились, то я убедилась в этом. Документ за таким исходящим номером не имел никакого отношения к Сталину.

Уже в перестройку Юлиан Семенов показал мне эту публикацию из журнала «Лайф» за 1956 г. Он предполагал сделать большую статью и просил меня как специалиста по дореволюционным фондам дать экспертную оценку этому документу. Поскольку я уже слышала об этом документе, а теперь увидела его фотокопию и увидела ряд несоответствий, была уверена, что это — фальшивка, о чем сразу сказала Юлиану Семеновичу: не может быть входящих документов с таким номером в Особом отделе, где содержалась вся информация о секретных агентах; в документе указан номер 1-го делопроизводства, который не имеет отношения к Сталину; подпись под документом не принадлежит заведующему Особым отделом Департамента полиции А.М. Еремину, она подделана.

И все-таки этот документ был опубликован в газете «Московская правда» д. и. н. Г.А. Арутюновым (в то время профессором Высшей школы профсоюзного движения) и профессором Института международных отношений Ф.Д. Волковым со ссылкой, что подлинник нахо-

дится в нашем архиве. Это, конечно, был большой прокол публикаторов. После публикации меня вызывают к начальнику главка Федору Михайловичу Ваганову. Он говорит: «Зинаида Ивановна, у вас хранится такой документ, и вы молчите». Я отвечаю, что у нас его нет, он был опубликован в журнале «Лайф», и я считаю его фальшивкой. Он говорит: «Позвоните в редакцию, выясните, почему Арутюнов пишет, что он видел у нас этот документ, выясните шифр дела, дело мне на стол». Я позвонила в газету. Мне сказали номер дела, на которое ссылался Арутюнов. Я достала это дело с этим номером. На мое счастье, там была еще дореволюционная нумерация. Ни одной страницы не вырвано. Я написала докладную записку, изложив всё, что я знала. За подписью Ваганова пошло опровержение в газету, а мне дано было задание изучить этот вопрос. Директором тогда был Борис Иванович Коптелов. Он достал журнал «Лайф», откуда скопировали «письмо Еремина». Мы решили досконально изучить документ и написать статью. Я сразу увидела, что штамп был устаревшим, входящий и исходящий номера написаны одной рукой. Кроме того, И.В. Джугашвили к этому времени — июль 1913 — не был известен как Сталин. В письме написано Иосиф Виссарионович, но в официальной переписке могло быть написано только Иосиф Висарионов Джугашвили. Почерковедческую экспертизу провела Д.П. Поташник, крупный специалист в этой области, доцент кафедры криминалистики юридического факультета МГУ. Она однозначно доказала, что это подпись не Еремина. Письмо было

адресовано в Енисейское охрaнное отделение, но в то время не было Енисейского охрaнного отделения, а существовал розыскной пункт. Историк Александр Владимирович Островский подсчитал, что я обнаружила в этом документе 13 или 14 неточностей. Мне удалось доказать, что фальшивку изобрел Руссиянов, который был последним начальником енисейского розыскного пункта, под наблюдением которого был Сталин. Руссиянов возглавил особый отдел у Колчака, а потом оказался в эмиграции. Вначале — в Китае, а потом он жил в Америке. Его архив сохранился. Некоторые материалы мне прислали. Изготовить фальшивку В.Н. Руссиянову помогал царский дипломат М.П. Головачов.

Когда я была в 2013 г. в Нью-Йорке, я обнаружила в фонде Головачова еще одну фальшивку, согласно которой Сталин и в ссылке продолжал работать как секретный сотрудник и давал сведения приставу под кличкой Давид. Этот материал еще не опубликован. Вместе с Арутюновой идею о сотрудничестве Сталина с охрaнкой поддерживала историк Зоря Серебрякова — дочь писательницы Галины Серебряковой. Обе были репрессированы при Сталине. Зоря Серебрякова по телефону мне как-то сказала, что даже если Сталин не был секретным сотрудником, его надо секретным сотрудником сделать. Я понимаю ее личное отношение к вождю. Но, на мой взгляд, нельзя со Сталиным бороться сталинскими же методами.

С.Э. Какими научными проблемами Вы занимаетесь в настоящее время?

З.П. Меня много лет волнуют два сюжета, связанные с последними днями жизни царской семьи. Это перевозка Николая II, императрицы Александры Федоровны и великой княжны Марии из Тобольска в Екатеринбург. Это мероприятие было поручено выполнить В.В. Яковлеву (настоящее имя — Константин Мячин). И второе — кто принял решение о расстреле царской семьи. Этими вопросами интересуются многие российские и зарубежные историки. Об этом много написано, практически пользуясь одними источниками, ученые выдвигают кардинально противоположные точки зрения. И мне очень хочется самой в этом разобраться.

Сейчас очень внимательно изучаю все документы, которые сохранились в архиве о пути царской семьи из Тобольска в Екатеринбург, изучаю литературу, точки зрения историков, материалы дискуссий по этим вопросам.

Кто же принял решение о расстреле царской семьи: Я.М. Свердлов, В.И. Ленин или екатеринбургские большевики? Я прихожу к выводу, что местные екатеринбургские власти несут полную ответственность за этот расстрел. Сохранились телеграммы, которыми обменивались Москва, Кремль и Екатеринбург, текст телеграфных переговоров. Кроме того остались воспоминания участников расстрела.

Свердлов послал Яковлева в Тобольск, чтобы перевезти царскую семью в Екатеринбург. Причем план был таков: из Екатеринбурга привезти царскую семью в Москву

и предать суду. Это была позиция Ленина. Троцкий тоже мечтал об этом. И, очевидно, такое указание было дано Яковлеву. В данном вопросе большевики, как и во многих других случаях, подражали деятелям Великой французской революции, их суду над Людовиком XVI. И надо признать, что с пропагандистской точки зрения суд был намного выигрышнее бессудного расстрела. Приехав в Тобольск, Яковлев столкнулся с противодействием отрядов, приехавших из Екатеринбурга и Омска. После сложных переговоров Яковлеву удалось договориться с охраной еще Временного правительства об организации поездки, но ему передавали, что едва ли он довезет семью живой до Екатеринбурга. На дороге между Тобольском и Тюменью уральцы устроили засаду и даже предупреждали Яковлева не садиться в одни сани с царем, это опасно. Но Яковлеву удалось обойти засаду, изменить маршрут движения и доставить царя в Омск. Почему же туда? События и обстановка в Тобольске, те разговоры, которые там велись, указывали на то, что уже существует мнение в руководящих кругах Екатеринбурга, что надо уничтожить императора. Из Омска Яковлев посылал Свердлову телеграммы, что не ручается за жизнь царя, если он попадет на Урал. Он предлагал спрятать царя в одном из округов, откуда его всегда можно будет доставить в Москву, а из Екатеринбурга едва ли. Дальше идут переговоры между Москвой и Екатеринбургом. Екатеринбургцы откровенно игнорировали все требования Ленина и Свердлова, однако делали вид, что подчиняются всем

требованиям Кремля, а московское правительство в реальности не контролировало действия местных властей и часто задним числом одобряло их действия, чтобы сохранить видимость наличия «вертикали власти». Из Омска Яковлев был вынужден повернуть на Екатеринбург.

С.Э. Прямых указаний расстрелять ни от Ленина, ни от Свердлова не поступало?

З.П. Нет. Это решение было утверждено в Москве постфактум. Это была такая игра. В Екатеринбурге делали вид, что подчиняются. На самом деле не выполняют распоряжений. Они вынудили Яковлева уехать, не закончив своих обязательств. Сохранилась записка, подписанная Яковлевым, но написанная рукой Белобородова, в которой он сообщал, что отказывается дальше проводить работу по перевозке царской семьи, что свои полномочия передает местным товарищам. А на телеграммы Москвы из Екатеринбурга отвечают, что не могут Яковлева найти. Решение о расстреле они приняли за три дня до его исполнения. После этого написали в Москву, что суд был невозможен в связи с наступлением белых. Но сами успели выехать в Москву и привезли туда материалы царской семьи, в том числе дневники Николая.

С.Э. Спасибо я думаю, у этого интервью будет много читателей.

Полный текст интервью размещен на сайте журнала «Историческая экспертиза»

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышников Владимир Николаевич — доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории Нового и Новейшего времени СПбГУ (Санкт-Петербург)

Белинцева Ирина Викторовна — кандидат искусствоведения, доцент, ведущий научный сотрудник филиала ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства (НИИТИАГ) (Москва)

Ведерников Владимир Викторович — кандидат исторических наук, научный редактор издательства «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Верняев Игорь Иванович — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, приглашенный исследователь Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

Власов Владимир Игоревич — аспирант, Российский институт истории искусств (Санкт-Петербург)

Галиничев Андрей Васильевич — кандидат биологических наук, лесопатолог, филиал ФБУ «Рослесозащита» — «ЦЗЛ Нижегородской области» (Нижний Новгород)

Дамье Вадим Валерьевич — доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Высшей школы экономики (Москва)

Друзин Михаил Викторович — кандидат исторических наук, Санкт-Петербург

Клунт Михаил Александрович — доктор экономических наук, профессор, декан гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург)

Коренько Владимир Александрович (1952–2016) — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Государственного музея искусства народов Востока (Москва)

Корнекова Светлана Юрьевна — кандидат географических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург)

Королев Александр Валерьевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Российского института истории искусств (Санкт-Петербург).

Копица Михаил Николаевич — учитель истории, МБОУ Общеобразовательная гимназия № 3 им. К.П. Гемп (Архангельск)

Куликов Сергей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН (Санкт-Петербург)

Маслов Виталий Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, заместитель директо-

ра Института гуманитарных наук по образовательной деятельности (Калининград)

Медоваров Максим Викторович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Мироненко Сергей Владимирович — доктор исторических наук, профессор, научный руководитель Государственного архива РФ (Москва)

Мионов Борис Николаевич — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник СПбИИ РАН (Санкт-Петербург)

Пахалюк Константин Александрович — аспирант кафедры политической теории МГИМО (У) МИД России, ведущий специалист научного сектора исполнительной дирекции Российского военно-исторического общества (Москва)

Пашкова Татьяна Ильинична — кандидат исторических наук, доцент, кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Перегудова Зинаида Ивановна — доктор исторических наук, главный специалист ГА РФ (Москва)

Пославский Дмитрий Сергеевич — начальник юридического отдела ООО «Силловые машины — Тошиба. Высокочастотные трансформаторы» (Санкт-Петербург)

Прайсман Леонид Григорьевич — историк, специалист по истории еврейства в России, истории российского революционного движения и Гражданской войны (Израиль)

Расулова Малика Бобмуродовна — студентка 1-го курса факультета социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Рунасов Александр Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПбИИ РАН (Санкт-Петербург)

Рышков Вадим Маркович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории СО РАН (Новосибирск)

Рыбалка Андрей Александрович — начальник управления внедрения систем и средств обеспечения информационной безопасности, Научно-производственная фирма "Кристалл" (г. Пенза)

Соколовская Марина Валентиновна — главный библиотекарь Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Беллинского, старший научный сотрудник Музея истории Екатеринбурга, ассистент кафедры истории искусств Уральского федерального университета (Екатеринбург)

Солонarf Владимир Анатольевич — кандидат исторических наук, профессор Университета Центральной Флориды (Орlando, США)

Степанов Юрий Геннадиевич — кандидат исторических наук (Саратов)

Степанова Анжела Владимировна, кандидат исторических наук, преподаватель Индустриально-педагогического колледжа СГТУ им. Ю.А. Гагарина (Саратов)

Стыкалин Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва)

Суслов Алексей Юрьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры «Гуманитарных дисциплин» Казанского национального исследовательского технологического университета (Казань)

Тарасов Константин Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского

института истории РАН (Санкт-Петербург)

Файбусович Эрнест Львович – доктор географических наук, доцент, профессор кафедры Региональной экономики и природопользования, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург)

Чотаева Чолпон Дженишбековна – доктор исторических наук, профессор, руководитель программы антропологии в Американском университете Центральной Азии (Бишкек)

Эрлих Сергей Ефреимович – доктор исторических наук, директор издательства «Нестор-История» (Москва–Санкт-Петербург)

ABOUT THE AUTHORS

Baryshnikov Vladimir N. – Doctor of Sciences (History), head of the chair of the modern and contemporary history, St. Petersburg State University (St.-Petersburg)

Belintseva Irina V. – PhD, associate Professor, leading researcher of the branch of FSBI "CRADI of the Ministry of construction of Russia" Research Institute of theory and history of architecture and urban planning (RITHAUP) (Moscow)

Chotaeva Cholpon D. – Doctor of Sciences (History), Professor, head of the program of anthropology at the American University of Central Asia (Bishkek)

Damier Vadim V. – Doctor of Sciences (History), Professor, senior researcher of the Institute of General history, RAS, Professor at the Higher school of Economics (Moscow)

Druzin Mikhail V. – candidate of Historical Sciences, St.-Petersburg

Ehrlich Sergey E. – Doctor of Sciences (History), Director of the Publishing House "Nestor-Historia" (Moscow–St.-Petersburg)

Faybusovich Ernest L. – doctor of Geographical Sciences, associate Professor, Professor, Department of Regional Economics and environmental management, St. Petersburg State economic University (St. Petersburg)

Galimichev Andrey V. – candidate of Biological Sciences, dendropato-

log, FBI "Roslesozashchita" -"CFP of the Novgorod region" (Nizhniy Novgorod)

Klupt Michael A. – doctor of Economic Sciences, Professor, Dean of the humanitarian faculty, St. Petersburg State University of Economics (St.-Petersburg)

Kopitsa Mikhail N. – the teacher of history, MBEI Secondary K. P. Gemp School No. 3 (Arkhangelsk)

Korenyako Vladimir A. (1952–2016) – candidate of Historical Sciences, senior researcher in the State Art Museum of the peoples of the East (Moscow)

Kornekova Svetlana Yu. – candidate of Geographical Sciences, associate Professor, St.-Petersburg State University of Economics (St.-Petersburg)

Korolev Alexander V. – candidate of Philosophical Sciences, senior researcher, the Russian Institute of history of Arts (St. Petersburg).

Kulikov Sergey V. – candidate of Historical Sciences, senior researcher, St. Petersburg Institute of history, RAS (St.-Petersburg)

Maslov Vitaly N. – candidate of Historical Sciences, associate Professor, Baltic Federal I. Kant University, the Deputy Director of the Institute of humanitarian sciences in educational activities (Kaliningrad)

Medovarov Maxim V. – candidate of Historical Sciences, senior lecturer, Department of information technologies in the Humanity research, Nizhny Novgorod State N. I. Lobachevsky University (Nizhny Novgorod)

Mironenko Sergey V. – Doctor of Sciences (History), Professor, scientific Director of the State Archive of the Russian Federation (Moscow)

Mironov Boris N. – Doctor of Sciences (History), Professor of the St. Petersburg State University, chief scientific researcher, St. Petersburg Institute of history, RAS (St.-Petersburg)

Pakhaliuk Konstantin A. – PhD Student of the Department of political science, MGIMO (University) of the MFA of Russia, leading specialist of the scientific sector Executive Directorate of the Russian military-historical society (Moscow)

Pashkova Tatiana I. – candidate of Historical Sciences, associate Professor, Department of Russian history of the A. I. Herzen RSPU (St.-Petersburg)

Peregudova Zinaida I. – Doctor of Sciences (History), the chief specialist of the State Archive of the Russian Federation (Moscow)

Poslawski Dmitry S. – head of the legal Department, LTD “Silovye mashiny – Toshiba. Vysokovol'tnye transformatory” (St.-Petersburg)

Praisman, Leonid G. – historian, an expert on the history of the Jews in Russia, history of Russian revolutionary movement and the Civil war (Israel)

Rasulova Malika B. – 1-st year student of the faculty of Social Sciences of the A. I. Herzen RSPU (St.-Petersburg)

Rupasov Aleksandr I. – Doctor of Sciences (History), leading researcher, St. Petersburg Institute of history, RAS (St.-Petersburg)

Rybalka Andrey A. – head of Department of implementation of systems and means of information security, Scientific and production company "Kristall" (Penza)

Rynkov Vadim M. – candidate of Historical Sciences, senior researcher of the section of agrarian history, Institute of history of the SB, RAS (Novosibirsk)

Sokolovskaya Marina V. – chief librarian of the Sverdlovsk regional universal scientific V. G. Belinsky library, senior researcher of the Museum of history of Yekaterinburg, assistant Professor of art history at the Ural Federal University (Yekaterinburg)

Solonari Vladimir A. – PhD, Professor of the University of Central Florida (Orlando, USA)

Stepanov Yury G. – candidate of Historical Sciences (Saratov)

Stepanova Angela V. – candidate of Historical Sciences, lecturer of the industrial-pedagogical College, SSTU Y.A. Gagarin (Saratov)

Stykalin Aleksandr S. – candidate of Historical Sciences, leading researcher of the Department of history of Slavic peoples of the period of the world wars

About the authors

of the Institute of Slavic studies, RAS (Moscow)

Suslov Aleksei Yu. – doctor of historical Sciences, associate Professor of the Department of the "Humanities". Kazan national research technological University (Kazan)

Tarasov Konstantin A. – candidate of Historical Sciences, researcher , St. Petersburg Institute of history, RAS (St.-Petersburg)

Vedernikov Vladimir V. – Ph. D., scientific editor of the Publishing House “Nestor-Historia” (St.-Petersburg)

Vernyaev Igor I. – candidate of Historical Sciences, associate Professor, Saint Petersburg State University, visiting researcher, St. Petersburg Institute of history, RAS (St.-Petersburg)

Vlassov Vladimir I. – PhD Student, the Russian Institute of the History of Arts (St. Petersburg)